

**К вам мое слово любви, вразумления и
утешения. Проповеди, слова, поучения.**

Том 2

**священномученик Владимир
(Богоявленский)**

Том 1 * Том 2 * Том 3

Издание регионального общественного фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», осуществляющего свою деятельность по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

В год 90-летия успения священномученика Владимира в память об этом выдающемся иерархе выпускается сборник, включающий в себя его труды, опубликованные до революции.

Живое слово митрополита Владимира о Христе и Святой Церкви размышления о будущем Родины, увещания бороться с нашими и общественными грехами и пороками, глубокие и вместе с тем доступные размышления о едином на потребу звучат не только по-прежнему современно, питая душу человека, ищущего Бога, но и воссоздают в его сознании яркий образ самого священномученика, красоту и благородство его личности и показывают ужасающую действительность расцерковления российского общества, приведшего к революции, братоубийственной войне и гонениям на Церковь.

Пусть семя слова Божия, посеянное святителем, принесет сторичный плод в душах читателей.

Статьи догматического, экзегетического, канонического и апологетического характера¹.

**Соглашение некоторых, по-видимому,
противоречащих друг другу мест
Священного Писания**

Предисловие

Нет в мире книги, которая послужила бы предметом стольких пререканий и споров как Библия – книга Бога. При множестве сторонников она имеет очень много и противников. Стараясь низвести ее на степень обыкновенного человеческого произведения, эти последние делают против нее много возражений, нападая на нее с различных сторон. К числу таких возражений принадлежит, между прочим, и обвинение ее в том, что она содержит в себе много невероятного и странного и вдобавок полна противоречий. В настоящем труде мы предлагаем объяснение некоторых из тех преимущественно мест Священного Писания, на которые чаще всего нападают неверующие. Целью этой нашей работы было показать с одной стороны смысл каждого из взятых мест, а с другой – дать ответ на возражения против этих мест неверующим и доказать, что их предвзятые мнения неверны и безосновательны, и что все воображаемые ими противоречия в Библии представляют совершенное согласие между собой и говорят скорее за божественность Библии, чем против нее.

При этом не считаем лишним заметить, что отдельные трактаты наши по поводу того или другого места не ученые критические исследования, но простые объяснения, причем все старание наше направлено было к тому, чтобы добытое наукой передать по возможности проще и удобопонятнее. Отсюда, при объяснении отдельных мест мы старались, по возможности, избегать приведения мнений различных толковников и выдержек из различных комментариев, так как эти выдержки скорее усложняли и запутывали бы дело, чем объясняли его.

Раздел 1

Я ожесточу сердце фараоново, и явлю множество знамений Моих и чудес Моих в земле Египетской...

Исх.7:3

В искушении никто не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого...

Иак.1:13

Преступным желанием неверующих было всегда подыскивать что-либо странное ошибочное и противоречивое не только в Библии Бога, но находить нечто предосудительное и в Нем Самом, в Его существе и Его мироуправлении. Самые ясные примеры этого мы видим в жизни Иисуса Христа на земле. Неверы ненавидели Его, говорили о Нем все дурное, обвиняли и клеветали на Него самым наглым образом и без всякой причины.

Точно так же они указывают, например, и на приведенное нами место Исх.7:8, как на такое, которое, по их мнению, набрасывает мрачную тень на Бога и подвергает сомнению Его святость и право судить. Два нечестивых заключения выводят из этих слов люди неверия: 1) что человек не должен подлежать ответственности за свои поступки; и 2) что Бог несправедливо поступает, когда наказывает грешников, так как Он Сам ведет их ко греху, как это сделал Он по отношению к фараону. Трудно сказать, что больше в этих выводах – неразумия или богохульства. По нашему мнению, в них довольно и того, и другого; и правильность нашего мнения видна будет из ближайшего рассмотрения этого столь неправильно понимаемого неверующими места Библии.

Каждый знает, как несправедливо поступил фараон с израильтянами и какое сопротивление обнаружил он Богу Израильскому при освобождении Им евреев от египетского рабства. Он не хотел сделать того, чего хотел Бог, и это сопротивление воле Божией разве могло происходить от Самого же Бога. Ужели Бог мог сопротивляться Себе Самому, действовать против Себя Самого. Этого принять, конечно,

невозможно – в противном же случае мы допустили бы нечто противное нашему чувству и здравому смыслу и приписали бы Богу нечто такое, чего нельзя сказать и в чем нельзя обвинить даже ни одного человека.

Библия всегда служит самой лучшей толковательницей и пищей для себя самой, поэтому прочитаем другие места, в которых говорится об ожесточении и закоснелости сердца фараонова; и тогда мы ясно увидим, от кого зависело это ожесточение и кто виноват в нем. В Исх.8:18–32 и Исх.9:34 прямо говорится, что фараон «*ожесточил (отягчил) сердце свое*» – следовательно, он сделал это сам и сделал преднамеренно. Так понимаем, и так учит нас об этом и другой священный писатель, который, во всяком случае, лучше мог сказать нам об этом, чем какой-нибудь мудрец нашего времени, именно Самуил. Он говорил: «*для чего вам ожесточать сердце ваше, как ожесточили сердце свое Египтяне и фараон?*» (1Цар.6:6). Эти выражения Священного Писания достаточно ясны и выразительны, и вполне гармонируют со святостью и правосудием Бога. Они заставляют людей признать свою греховность и ответственность за нее пред Богом. Они доказывают, что фараон сам ожесточил сердце, а, следовательно, сам и виновен был в своей нравственной испорченности.

Против этого возражают, указывая на то, что не в одном только вышеприведенном месте Священного Писания (Исх.7:3), но и в некоторых других местах говорится, что Бог ожесточил фараона. Так, у апостола Павла в послании к римлянам говорится о фараоне: «*Для того самого Я и поставил тебя, чтобы показать над тобою силу Мою и чтобы проповедано было имя Мое по всей земле*». И в пояснении этих слов апостол прибавляет далее: «*Итак, кого хочет, милует, а кого хочет, ожесточает*» (Рим.9:17–18). Но отсюда опять далеко не вытекает того, что будто Бог сотворил фараона для несения и нравственной гибели, к чему Он Сам и вел его, как думают люди неверия. Бог вовсе не вел фараона к нечестию и гибели, но Он только предоставил ему полную свободу действий, чтобы фараон истощил всю свою силу против Иеговы, и чтобы люди

веры, видя безуспешность фараона, еще более убедились в том, что Иегова несравненно могущественнее человека, что при самом энергичном и усиленном сопротивлении фараона Он все-таки возмог освободить народ Свой от египетского рабства.

Нет спора, что грешников, которые самым дерзким образом противятся воле Божией и злонамеренно коснеют в своих грехах, Бог предаёт, наконец, суду ожесточения, но это делает Он по требованию Своего правосудия и бесконечной правды. Невинно же и незаслуженно Он никого не ожесточает и ко злу никого не вынуждает, ибо Он ни в каком случае и никаким образом не может быть виновником зла – напротив, Он скорее ставит преграды злу, удерживает от зла, чем побуждает к нему. Если же Бог ожесточает грешников, то ожесточает их как грешников, ожесточает потому, что они заслужили этого; и Он имеет на то не только полное право, но и все причины. Это ожесточение грешников есть не что иное, как действие правосудия Божия. Фараон исполнен был вражды против Бога отпустить народ израильский, он отвечал в высшей степени насмешливо и гордо: *«Кто такой Господь, чтобы я послушался голоса Его и отпустил сынов Израиля? я не знаю Господа и Израиля не отпущу»* (Исх.5:2). Эта вражда человека и его сопротивление против Бога лежит в природе во грехах рожденного человека, она присуща ему, унаследована им. Все, что фараон делал в этой вражде, делал он именно вследствие своего греха и в силу прирожденного ему злого начала, и вполне самостоятельно, поэтому никто не может сказать, что Сам Бог был причиной злых его действий. Бог только попустил ему обнаружить всю силу его вражды против себя, что послужило затем для Бога побуждением умножить все *«знамения и чудеса»* Свои в земле Египетской. Таким образом, фараон, как и всякий грешник, сам был виноват; и, следовательно, сам он должен подлежать и ответственности за свои дела и поступки перед Судом Божиим. Пусть поэтому никто не сваливает на Бога своих грехов и не утешает себя мыслью о невменяемости их. Напротив, ожесточение фараона должно служить важным предостережением для всех противников и врагов Бога, ибо фараон погубил себя через свое

сопротивление Богу; а Бог не только остался победителем, но как через это упорство фараона, так и через всякую злобу и неистовство врагов Его все более и более прославляется между людьми.

Далее замечательно еще, что глагол, переведенный здесь словом «ожесточает» по еврейскому подлиннику значит собственно отягощать, затруднять. Такой смысл имеет это слово и в других местах, где оно употребляется, как например: 3Цар.12:4, Притч.28:14, Ис.8:21. Таким образом, смысл рассматриваемого нами места Исх.7:3, по первоначальному тексту такой: Я сделаю более трудным для фараона сопротивление Богу и Его воле, или: Я положу в этом преграду, препятствие. Это выразил Бог и в том, что для достижения Своей цели освобождения Израиля считал нужным умножить Свои знамения и чудеса. Совершенно такое же значение имеет этот глагол и в еврейской пословице, которая переведена по-славянски словами: *«жестоко ти есть противу рожну прати»* (Деян.9:5).

Из всего сказанного следует, что рассматриваемое нами место, правильно понятое, не только не набрасывает тени на Бога, но, напротив, выставляет Его в самых светлых чертах. По Своей святости и милосердию Он полагает препятствия и трудности на пути нечестивых, не допускает их до грехов и различным образом предотвращает их. Он есть Тот, Который, по выражению Псалмопевца, прекратил *«брани до края земли, сокрушил лук и переломил копье, колесницы сжег огнем»* (Пс.45:10). Так поступает Бог со всем миром, и последний сделался бы гораздо грешнее, если бы Бог не противодействовал развитию в нем зла. Мы не знаем и не можем знать, как много бывает ежедневно случаев предохранения людей от неправды и греха. Не в том чудо, что ежедневно совершаются разного рода несчастия, но чудо в том, что не происходит их гораздо более. Не то же ли говорит нам и наша собственная жизнь, наше собственное наблюдение. Мы несравненно более грешили бы, если бы Сам Бог не предохранял нас от грехов и не полагал к тому никаких препятствий.

Итак, мы видим, что высказанное Иаковом в 1:13–15 совершенно справедливо и что между взятыми нами местами Священного Писания (Исх.7:3 и Иак.1:13–15) нет ни малейшего противоречия. Слово *«искушать»* имеет вообще двоякое значение, именно – испытывать и склонять ко злу. В первом смысле его нужно понимать тогда, когда оно употребляется в речи Бога. Так, например, говорится: *«Бог искушал Авраама»* (Быт.22:1). А в последнем – когда оно употребляется по отношению к дьяволу, змию и вообще ко всему, что враждебно человеку.

«Бог не искушается злом», Он не есть источник греха – и по Своему существу, и по Своим делам и мироправлению Он совершенно противоположного свойства. Он есть Тот, Который в лице Иисуса Христа более всех пострадал за грехи мира, Которого они более всех обременяли и Который ценой собственной Крови заплатил за них. Он никого не ведет путем греха, но поставляет всякого, говорит Давид, *«на стези правды имени ради Своего»* (Пс.22:3). Он никого не ведет в ад, но кто отдается Ему и Его водительству, того ведет Он к вечной Своей славе.

За правильность сделанного нами изъяснения взятых мест говорит и искреннее и неоднократно повторенное увещание Бога к людям не ожесточать сердца своих *«ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердца ваших»* (Евр.3:15, 4:7). Значит, израильтяне, к которым относится непосредственно это увещание, сами ожесточали сердца своим неверием и непослушанием, и Бог просит их не делать этого. Равным образом и все те, которые со словом Божиим, как в нашем тексте Исх.7:3, поступают так, что через ложное толкование его обвиняют Пресвятого и оправдывают грешников, делают этим не что другое, как ожесточают сердца свои, впадают в одинаковый грех, равно как и в одинаковую опасность с фараоном, а потому и к ним вполне приложимо увещание Господа: *«не ожесточите сердца ваших»*.

Раздел 2

Моисей и Аарон пришли к фараону и к рабам его и сделали так, как повелел им Господь. И бросил Аарон жезл свой пред фараоном и пред рабами его, и он сделался змеем.

И призвал фараон мудрецов Египетских и чародеев; и эти волхвы Египетские сделали то же своими чарами...

Исх.7:10–11

Между фарисеями был некто, именем Никодим, один из начальников Иудейских.

Он пришел к Иисусу ночью и сказал Ему: Равви! мы знаем, что Ты Учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог.

Ин.3:1–2

Сопоставлением этих, как думают некоторые, противоречащих друг другу мест Библии, обыкновенно предполагают следующие вопросы: если чудеса Иисуса Христа были доказательством Его Божественного посланничества, то не должны ли мы в таком случае признавать и все чудеса за доказательства Божественного посланничества тех, которыми они совершаются. И если так, то на каком основании чудесам Моисея и Аарона приписывается больше значения, чем чудесам египетских мудрецов.

Для правильного решения этих вопросов, мы необходимо должны наперед выяснить сущность и характер действительного чуда. Чудо в собственном смысле этого слова есть чрезвычайное откровение силы и могущества Божия, откровение, совершаемое с какой-нибудь важной целью. Творение, равно как премудрое промысление Бога о мире, суть обыкновенные откровения силы и могущества Бога; а чудо, напротив, есть чрезвычайное откровение. Отсюда каждое событие, не имеющее этого качества, как бы оно ни было таинственно и необычайно, не может быть названо действительным чудом. Действительное чудо может происходить только от Бога и есть необычайное, непостижимое

для нас дело Бога, служащее к прославлению Его Самого и ко благу чад Его.

Все эти чудеса могут быть разделены на два класса – оригинальные или непосредственные, совершаемые Самим Богом без всякого орудия или посредничества, и на чудеса вторичные или посредственные, при которых Бог не Сам обнаруживает Свою силу, а посредством другого какого-нибудь лица. Чудеса Иисуса Христа принадлежат поэтому к первому классу, так как они совершаемы были силою, в Нем Самом живущей; а чудеса Моисея или Илии, напротив, принадлежат ко второму классу, так как они совершены были ими силою, данной им от Бога. Но все эти чудеса были чрезвычайными доказательствами силы Божией и свидетельствами Бога за истинность того, что говорили Его посланники. Божественный авторитет этих последних становится уже вне всякого сомнения, коль скоро они совершали такие чудеса; а сами дела их, как чрезвычайные проявления всемогущества Божия – действительными чудесами.

Чудеса Иисуса Христа были не только свидетельством за Его Божественное посланничество, но доказательством Его Божественного существа, то есть Его Божества. В этом свете и значении понимал их и Никодим. Такое же значение придавал им и Сам Иисус Христос, когда Он сказал: *«Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего»* (Ин.15:24). Когда ученики Иоанна пришли к Иисусу Христу и спросили Его: *«Ты ли Тот, Которому должно прийти, или ожидать нам другого?»* – Он отвечал им указанием на те дела и чудеса Свои, которые Он совершил перед их глазами, так как *«в это время Он многих исцелил от болезни и недугов и от злых духов, и многим слепым даровал зрение»* (Лк.7:20–21). Вместе с тем Иисус Христос указал этим ученикам на слова пророка, который по чудесам Его изобразил Его как Мессию, и эти слова исполнились теперь на Нем (Ис.35:4–6). Вера Никодима возбуждена была чудесами, сотворенными Иисусом Христом, и укреплена через ближайшее знакомство с Ним и Его характером. Неопределенность своей

веры Никодим доказал защитением Иисуса и участием в Его погребении. И он поступил очень благоразумно, когда от чудес Иисуса заключил к Его Божественному посланничеству и сказал: *«таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог»*.

Между чудесами Моисея и Аарона и тем, что сделали египетские волхвы, есть существенная разница. Первые были явными доказательствами силы Божией, направленными к тому, чтобы подтвердить Божественное посланничество, равно как и истинность слов Моисея; последние все, напротив, были не чем иным как *чарованием*, то есть тайным искусством или фокусничеством, рассчитанным на обман, в котором (так же, как и тогда) упражняются иногда и в наше время.

Указывают и более частную разницу между чудесами Моисея и волхованием египетских мудрецов.

Моисей и Аарон были рабами Иеговы, они действовали по Божественному повелению и совершали свои чудеса силою Бога, а волхвы упражнялись в своем искусстве только по профессии, и своими делами они только морочили, обманывали людей. В рассматриваемом нами тексте прямо говорится: *«Моисей и Аарон сделали, так как повелел им Господь, а волхвы Египетские сделали то же своими чарами»*. Употребленное здесь в еврейском подлиннике слово означает нечто такое, что совершено украдкой, тайком и рассчитано на обман.

Чудеса Моисея представляли собой нечто оригинальное, небывалое и совершаемы были вопреки желанию могущественного царя и его приближенных – напротив, действия волхвов были слабым подражанием тому, что совершено было Божественной силой и выходили из того своекорыстного побуждения, чтобы не уронить себя в глазах фараона и его свиты. Первые совершены силой Бога и во славу Божию, а последние – по повелению деспотичного царя и из боязни подвергнуться его немилости.

Почти все чудеса Моисея производились публично, открыто, они касались почти всего египетского народа, так что каждый не только знал, но на самом себе испытывал эти чудесные дела

Бога; но действия египетских магов совершаемы были только в присутствии «некоторых» – фараона и его рабов, и о них никто более не узнал бы, если бы не упомянула о них сама Библия, по свойственной ей откровенности. И достаточно, наконец, доказано, что сделанное египетскими мудрецами могло быть совершено очень легко и без всякой сверхчеловеческой силы. Искусство, посредством которого волхвы подражали Моисею и Аарону, очень скоро отказало им; они не в состоянии были воспроизвести всех чудес Моисея и Аарона, но должны были признать, что они – дела Бога. *«И сказали волхвы фараону: это перст Божий»* (Исх.8:19). Затем, если мы читаем, что *«жезл Ааронов поглотил их жезлы»* (Исх.7:12), то и это было нечто такое, чему египетские волхвы только удивились, но не могли сделать ничего подобного.

Некоторые из чудес Моисея были спасительного и благодетельного свойства, как например: освобождение от жаб (Исх.8:8–15), но так называемые чудеса волхвов все без исключения были вредного свойства.

Таким образом, ясно, что действия египетских магов, которые некоторые неправильно называют чудесами, не были чудесами Бога или чудесами в собственном смысле этого слова, но только кажущимися, между тем как действия Моисея и Аарона, в которых необычайным образом открылась сила Божия, по всей справедливости должны быть названы истинными чудесами. Они совершены с высокой и благородной целью освобождения бедного угнетенного народа и для доказательства силы и могущества Истинного Бога в языческой, погруженной в идолопоклонство стране, тогда как действия мудрецов египетских совершались с нечестивыми целями.

Каждый подлог свидетельствует о существовании подлинной вещи, каждая фальшивая монета есть руководство за существование настоящей подлинной монеты; равным образом и подложные чудеса говорят за то, что есть и были действительные чудеса. И почти во все времена были мнимые чудеса – или для распространения своих заблуждений в простом народе, или из-за гнусной прибыли. Но стоит подивиться и пожалеть о том, что еще и сейчас есть такие

люди, которые верят в подобные мнимые чудеса и вводят себя ими в обман и заблуждение.

Впрочем, нельзя отвергать и того, что Бог попускает иногда духу лжи совершать изумительные вещи, которые ставят в тупик и самых образованных людей, что делает Он или тем, чтобы испытать веру Своих почитателей (Втор.13:3; 1Кор.11:19), или же с другой какой-нибудь премудрой и святой целью. В этом мы можем убедиться частью из истории Аэндорской волшебницы (1Цар.28), частью же из того обстоятельства, что и ложные пророки пророчествовали и творили чудеса. Господь Иисус говорит: *«восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных»* (Мф.24:24).

Совершенно то же говорится об антихристе и в других местах Священного Писания, каковы 2Фес.2:9, Откр.13:13. Но все эти *«великие знамения и чудеса»* (Мф.24:24), которые могут быть совершаемы темными силами и которыми будет обольщать людей антихрист, не суть чудеса в собственном и истинном смысле этого слова, потому что дьявол не может изменить природу вещей, не может творить из ничего, а, следовательно, он не может и произвести истинного чуда – это возможно только для всемогущей силы Творца. Пусть эти *«великие знамения и чудеса»* и на самом деле чудесны, поразительны и неизъяснимы, но так как они совершаются все-таки естественными, хотя и сокроуенными силами природы и притом с нечестивыми целями, то они не истинные чудеса, а чудеса, по выражению апостола Павла, *«ложны»* (2Фес.2:9), а потому мы и не должны ими вводить себя в заблуждение.

Отсюда пусть и то, что сделали египетские волхвы Ианний и Иамврий, рассматривают не как обман и фокусничество, а как нечто действительно необычайное, совершенное под влиянием князя тьмы, посредством тайных сил природы; все же их дела не суть действительные чудеса, они были не откровениями силы Божией, а скорее доказательствами силы дьявола и совершенно нечестивого свойства, так как они совершаемы были вопреки цели Моисея и Аарона, а, следовательно, и Бога. Бог хотел через Моисея фараону и всему египетскому народу

доказать Свое всемогущество, но волхвы старались опровергнуть это посредством своего магического искусства – они «*противляются*» Ему (2Тим.3:8). А потому, в чем бы ни состояло подражание магов чудесам Моисея, в простом ли оптическом обмане или, как думают другие, в каком-нибудь физическом или химическом опыте – но только, во всяком случае, оно не может быть поставлено наравне с чудесами Моисея и Аарона.

Раздел 3

И спросили его: что же? ты Илия? Он сказал: нет. Пророк? Он отвечал: нет.

Ин.1:21

И если хотите принять, он есть Илия, которому должно прийти.

Мф.11:14

Здесь, говорят, прямое, но (однако прибавим мы) только кажущееся противоречие Иоанна Предтечи; на прямой вопрос: «Илия ли он?» – отвечает ясно и определенно: *«нет»*, то есть я не Илия. Но Господь Иисус говорит в Своей проповеди об Иоанне: *«Если хотите принять, он есть Илия, которому должно прийти»*. Совершенно так же говорит Он о нем и в другом месте: *«говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели»* (Мф.17:12).

Во времена Иоанна Предтечи между иудеями распространены были разного рода суеверные идеи и лжеучения. Так, например, многие верили в учение о переселении душ; они думали, что души пророков переходили после их смерти в другие какие-нибудь тела, живущие в других мирах. Что по прошествии некоторого времени они снова являлись на земле в человеческом образе, так что тело было уже другое, но душа оставалась та же самая. Под влиянием такого предрассудка и заблуждения приходили они, между прочим, к разного рода неправильным понятиям и о лице Иисуса Христа, так что ученики Его на вопрос Его: *«за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?»* – ответили: *«одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков»* (Мф.16:13–14).

Другой пример этого всеобщего заблуждения находим мы в Лк.9:7–8, где рассказывается, что Ирод, когда услышал о деятельности Иисуса, пришел в недоумение; так как одни выдавали Его за Иоанна, воскресшего из мертвых, другие за Илию, а некоторые вообще за одного из древних воскресших пророков. И сам Ирод почитал его не за кого-нибудь другого, как

за Иоанна Крестителя, которому он отсек голову и который теперь снова явился в другом человеческом образе (Мк.6:14–16). Под влиянием этих же ложных идей о переселении душ произошло и то, что ученики однажды спросили Господа: *«кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?»* (Ин.9:2). Вопрос в данном случае, очевидно, основывался на том предположении, что человек этот прежде уже был на свете и что он родился слепым в наказание за прежде соделанные грехи.

Иоанн Креститель хорошо, конечно, знал, что иудеи спрашивали его, Илия ли он, вследствие и в смысле этого всеобщего заблуждения – и он совершенно справедливо ответил им, когда сказал: *«нет»*. Они хотели знать, есть ли Иоанн прежний пророк Илия, который теперь пришел с неба; так как в этом смысле ожидали они исполнения обетования: *«Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного»* (Мал.4:5), на котором они и основывали свое ложное мнение. Таким образом, на вопрос иудеев, основанный на неправильном понимании Священного Писания и ложном ожидании, Иоанн не мог лучше ответить как отрицательно, как он и поступил. Его ответ вместе с тем был и разоблачением иудеев в их заблуждении относительно перехода душ пророческих из одного тела в другое, перешедшим к ним от языческих философов, равно как и в превратном понимании важного пророчества.

Из сказанного нами можно видеть как справедливо то и другое, то есть и то, что сказал о себе Иоанн Предтеча (Ин.1:21), и то, что сказал о нем Господь Иисус (Мф.11:14); ибо если Иоанн Креститель не был Илией, жившим во времена Ахава, то был он, однако же, тем Илией, о котором предвозвестил пророк Малахия, был он тем великим человеком Божиим, который, по словам евангелиста Луки, должен был предшествовать пред Господом *«в духе и силе Илии, чтобы возвратить сердца отцов детям, и непокоривым образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ приготовленный»* (Лк.1:17). Эти слова, высказанные Ангелом Захарии при благовествовании о зачатии Иоанна и относящиеся

к этому последнему, ясно и определенно говорят за то, что Иоанн Креститель есть обетованный пророком Малахией Илия. Поэтому, если Иоанн Предтеча говорит, что он не есть Илия, которого ожидали и за которого почитали его иудеи, т. е. не есть тот Илия, который сошел, по их мнению, с неба, то он совершенно прав. Равным образом, если и Господь Иисус – это вернейший свидетель и лучший истолкователь Священного Писания вообще и слов Малахии 4:5–6 в частности – говорит, что эти слова исполнились на Иоанне Крестителе и он есть обещанный в данном месте Илия, то и Он высказал этим такую же самую правду, как и Иоанн Креститель.

Таким образом, и здесь мы опять видим, что противоречие в изъясняемых нами местах Библии существует только для тех, которые или не знают слова Божия, или же неправильно понимают его.

Раздел 4

И не скажет неправды и не раскается Верный Израилев; ибо не человек Он, чтобы раскаяться Ему.

1Цар.15:29

И более не видался Самуил с Саулом до дня смерти своей; но печалился Самуил о Сауле, потому что Господь раскаялся, что воцарил Саула над Израилем.

1Цар.15:35

Здесь опять, по-видимому, прямое противоречие, к которому мы должны отнестись тем с большим вниманием, что выражение *«раскаялся Бог»* и тому подобные обороты речи в Священном Писании повторяются довольно часто, как например Быт.6:6–7, Иер.18:8–10, Иез.24:14, Иоил.2:13, Ион.3:9–10 и 4:2.

Вся трудность заключается здесь единственно в том, что для двоякого рода предметов и понятий употреблено одно и то же слово; и гармония или согласие обоих мест вытекает из того обстоятельства, что слово *«раскаяние»* или *«раскаяться»* имеет двоякий смысл, именно – прямой (буквальный) и не прямой (образный).

В первом приведенном выше месте 1Цар.15:29 слово *«раскается»* употреблено в своем собственном прямом и буквальном смысле, неизменяемость Бога противопоставляется там непостоянству и изменчивости человека, как это прямо подтверждается словами: *«ибо не человек Он чтобы раскаяться Ему»*. Точно так же и в другом месте говорится: *«Бог не человек, чтобы Ему лгать, и не сын человеческий, чтобы Ему изменяться. Он ли скажет и не сделает? будет говорить и не исполнит?»* (Числ.23:19). Люди, так как они не всеведущи и не могут провидеть будущего, нередко вынуждаемы бывают изменять свои планы и предприятия или раскаиваться в своих поступках – но у Бога этого быть не может. Как Существо бесконечно Премудрое и Всеведущее, Он так же хорошо знает будущее, как и прошедшее. Он видит мысли людей *«издалеча»* (Пс.138:2), *«ведомы Богу от вечности все*

дела Его» (Деян.15:18). И история всегда подтверждает то, что говорит здесь Священное Писание.

Далее истина неизменяемости Бога в Его существе, Его планах и действиях, во всей ее полноте содержится и излагается в следующих местах Священного Писания: Пс.101:26, Мал.3:6, Притч.8:22, Иак.1:17, Евр.13:8.

Нет лучше правила при изъяснении Священного Писания, как светом ясных и определенных изречений освещать и другие темные места его для правильного уразумения этих последних. Если и мы в настоящем случае последуем этому правилу и сопоставим все отмеченные выше места Священного Писания, содержащие в себе краткое учение о неизменяемости Бога с 1Цар.15:29 и другими подобными изречениями, то убедимся, что выражение «*раскаялся*» в 11-м и 35 стихах не может иметь того значения, какое имеет оно в 29-м стихе, но это слово употреблено здесь в образном смысле. Это совсем не редкий, но очень обыкновенный способ выражения. Мы часто говорим образным языком, особенно о Боге, когда, например, ведем речь о Его глазах, руках, ногах и т. п., или как в настоящем случае – о Его раскаянии. Бог по Своей великой милости и снисхождению к нам говорит часто о Себе с нами по-человечески, чтобы сделать доступными нашему пониманию те или другие высокие истины – и слово «*раскаялся*» обыкновенно выражает или Его неблаговоление ко греху, отвращение от него, или Его теплую любовь к человеку в отмене наказания (Ион.4:2).

При ближайшем рассмотрении истории Саула, в которой два раза повторяется выражение: «*Господь раскаялся, что воцарил Саула над Израилем*» – мы находим здесь прекрасное доказательство неизменяемости Бога в Его намерениях.

Мы видим здесь, что в призвании Саула на царство Бог на самом деле не мог раскаяться; именно Он определил, чтобы на место непослушного Саула был царем Давид, сын Иессея из колена Иудова (1Цар.16:1). И все это так и случилось, и необходимо должно было так случиться по собственным вечным планам Божиим. Ибо с призванием Саула царское достоинство пало на колено Вениаминово, с избранием же Давида эта честь

перенесена была на колено Иудово, а что этому-то колену и должно было принадлежать царское достоинство, это давно уже было определено и высказано Богом в пророческом благословении Иакова: *«Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиристель, и Ему покорность народов»* (Быт.49:10). Таким образом, мы находим здесь только кажущееся раскаяние Бога в избрании Саула на царство, который за свое непослушание, по-видимому, должен был снова свергнут с престола, но Бог не мог раскаиваться в избрании Саула на царство в буквальном и собственном смысле этого слова, так как это избрание входило в Его премудрые и неизменяемые планы. Таким образом, и здесь, где неверие видит указание на непостоянство и непоследовательность Бога, мы находим, наоборот, прекрасное доказательство Его постоянства и неизменяемости, и противоречие между взятыми местами слова Божия оказывается только кажущимся.

Раздел 5

Если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно.

Ин.5:31

Иисус сказал им в ответ: если Я Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Мое истинно; потому что Я знаю, откуда пришел и куда иду; а вы не знаете, откуда Я и куда иду.

Ин.8:14

Эти два места некоторые относят также к числу взаимно противоположных и прямо противоречивых мест Священного Писания. И причиной такого заблуждения служит то обстоятельство, что слово «*истинно*», употребленное в данных местах в различных значениях, принимают в одном и том же смысле. Нередко случается, что слова, встречающиеся в судебной области, имеют здесь совсем другое значение, чем в каком они употребляются в обычной семейной жизни. Священное Писание немало представляет нам таких примеров, как в Ветхом, так и в Новом Завете.

Один из таких примеров представляет нам во взятых нами местах слово «*истинно*». В первом месте (Ин.5:31) оно употреблено в том значении, какое оно имеет обыкновенно при судопроизводстве и означает действительный, достаточный, удовлетворительный, имеющий силу, вес и значение. С юридической точки зрения всегда можно сказать, например, что свидетельство одного человека о себе или его показание вообще не есть истинно, хотя бы по обыкновенному обыденному значению этого слова оно вполне было сообразно с истиной. Это потому, что перед судом, по закону относительно свидетельских показаний («*при словах двух свидетелей или при словах трех свидетелей состоится всякое дело*» – Втор.19:15), показание одного свидетеля не имеет веса и значения; оно, как собственное показание и свидетельство о себе самом, не может иметь решающего значения, не может

быть принято за достаточное и отвергается, как не действительное, неистинное.

Такое объяснение вполне приложимо и к словам Господа. Он говорит: *«Если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно»* , то есть: Мое собственное свидетельство о Себе, если у Меня нет других свидетелей и свидетельств, не имеет силы, по закону свидетельских показаний оно не может быть принято и должно быть отвергнуто. В обоих местах Ин.5:31 и Ин.8:14, Господь Иисус Христос держит речь перед иудеями вполне согласно с их законами о свидетельских показаниях и ничего не хочет доказать им кроме того только, что они должны поступить по этим Божественным законам и относительно Его лица. В 5-й главе Иоанна Он показывает им, что они совсем несправедливо и противозаконно поступают, когда вопреки всем доказательствам не признают Его за Мессию. Они обнаруживали свое неверие в виду самых ясных и осязательных доказательств Его Божественного посланничества. Хотя высказанное Им о Себе было совершенно верно и справедливо и вполне отвечало истине, но Он вместе с тем присоединял, что это еще не есть вполне достаточное и удовлетворительное свидетельство для принятия Его утверждения и требует еще других. И в этих других достоверных свидетельствах и доказательствах не было недостатка. Господь Иисус указывает на них иудеям, когда говорит им далее: *«Есть другой, свидетельствующий о Мне; и Я знаю, что истинно то свидетельство, которым он свидетельствует о Мне»* (Ин.5:32). Это был Его Небесный Отец, Который двукратно ясным и внятным голосом с неба свидетельствовал о Нем, как о Своем Сыне (Мф.3:17 и Ин.12:28). Он приводит затем и свидетельство Иоанна Крестителя, который проповедывал об Иисусе, как об обетованном Мессии и говорил: *«Вы посылали к Иоанну, и он засвидетельствовал об истине»* (Ин.5:33).

Наконец, указывает Он еще на Свои дела и чудеса, которые Он совершал: *«дела, которые Отец дал Мне совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня»* (Ин.5:36).

Указав на все эти свидетельства и свидетелей за Свое Божественное посланничество, Иисус Христос доказывает иудеям и всем неверующим, что хотя Его собственное свидетельство о Себе не было истинно, то есть не было действительно по людскому суду, однако ж, у них нет извинения, так как они имели о Нем другие совершенно достаточные и законные свидетельства, непринятие которых было величайшей несправедливостью.

В 8-й главе, 14-м стихе Иоанна, Господь Иисус говорит о Своей истинности и достоверности Своих слов и объясняет, что хотя Его свидетельство по законной практике и должно быть рассматриваемо, как недействительное, тем не менее, однако ж, само по себе, оно истинно, так как Он есть истина (Ин.14:6), к тому же оно находится в полнейшем согласии и с другими действительными и законными свидетельствами. В Ин.5:31 Иисус говорит о Себе, как о человеке и как считали Его иудеи, как о лице, отделенном от Своего Отца и посланном от Него, как это вытекает из связи речи. Но здесь (Ин.8:14) Он говорит о Себе, как о Божественном Лице, Единосущном с Отцом, свидетельство Которого должно быть истинно, *«потому что Я знаю, – говорит Он, – откуда пришел и куда иду, а вы не знаете, откуда Я и куда иду»*.

Раздел 6

Бога не видел никто и никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил.

Ин.1:18

Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца...

Ин.14:9

Эти два места скорее подтверждают друг друга, чем, как думают некоторые, противоречат себе. Первое из них (Ин.1:18) говорит о невидимости Божественного Существа, никто и нигде не видел Бога. Он слишком Свят и слишком Славен, чтобы можно было видеть Его человеческими грешными и недостойными очами. Люди скорее могут взирать на ясный свет солнца, чем лицом к лицу рассматривать Того, перед Которым самые даже высшие ангельские чины (Серафимы) закрывают свои лица крыльями (Ис.6:2). Он *«обитает в непреступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может»* (1Тим.6:16). Этой истине иудеи научаемы были всем устройством их богослужения, особенно же явственно выражало ее Святое Святых, отделявшееся от святилища завесою.

Из факта невидимости Бога для нас особенно ясно становится, сколь великое значение имеет для людей откровение Бога во Христе Иисусе и через Христа Иисуса. Он есть Единородный Сын, сущий в лоне Отца, составляющий одно с Ним и от Него пришедший с тем, чтобы возвестить нам Самого Бога, Его Существо, Его совет и волю. Вместе с тем, из вышеприведенных слов мы познаем Иисуса в Его Божестве, познаем Его как Истинного Бога, взявшего только на Себя человечество, через которое мы, как через покрывало, можем видеть существо Бога, чего иначе мы никак не могли бы сделать.

Со словами, содержащимися в Ин.1:18, совершенно согласны слова Самого Иисуса Христа у Ин.14:9, где Он говорит: «Филипп! кто видит Меня, тот видит и Отца Моего». Филипп просил Иисуса Христа показать ему Отца, на что

Господь Иисус дал ему такой ответ, который двоякое содержал в себе: во-первых, упрек, а во-вторых, наставление; упрек – потому что Филипп давал своей просьбой знать, что чудеса, совершаемые Иисусом Христом, а также истины, проповедуемые Им, равно как различные доказательства Его Божества не имели желаемого успеха и не приводили к совершенному знанию Иисуса. Но вместе с тем, ответ Иисуса Христа содержит в себе и надлежащее наставление, так как он самым ясным и недвусмысленным образом указывает на Свое Божество и единосущие с Отцом, так что, кто видел Сына – тот видел и Отца. Из этих слов видно, что в Иисусе Христе нельзя мыслить только сродственное с Богом, каковое сродство есть и в каждом, хотя бы и несовершенным и греховном человеке. Но Он в Его словах и делах, во всей Его жизни и в откровении Его Вечного Существа – отображение невидимого Бога, сияние славы и образ ипостаси Отчей (Евр.1:3). Он есть посланник Отца и Его сущность и воля, Его слова и дела; суть сущность, воля, слова и дела Отца. Таким образом, слова Иисуса: «кто видит Меня, тот видит и Отца Моего», – нисколько не противоречат выражению евангелиста Иоанна: «*Бога не видел никто никогда*» – выражению, которое находит себе оправдание и в некоторых других местах Священного Писания, каковы например Исх.33:20, 1Тим.6:16 и т. п.

Впрочем, яснее все сказанное можно представить в таких коротких словах: так как в лице Господа Иисуса мы имеем Самого Истинного Бога, то в Нем, следовательно, видели Бога; и так как Иисус Христос совершенно одно с Отцом Своим, то Он по справедливости мог сказать: «*Видевший Меня видел Отца*». Но, так как с другой стороны, Иисус Христос, будучи Богом, был вместе с тем человеком, и это принятое Им человечество прикрывало Его собственное Божественное существо и Его полное величие, то, следовательно, сущность Бога, которую мы видели в Его человеческом лице, была все-таки несовершенная, прикровенная сущность; она видима была все-таки не так, как могут видеть ее святые небожители, так что можно сказать, что в Иисусе Христе люди видели Бога – и в то же время не видели. Видели, потому что Он был одного

существа с Богом, и не видели, потому что это Божественное существо, так сказать, прикрыто было в Нем человечеством, и потому Его можно было видеть только не в полной, несовершенной славе.

Совершенно согласно с этим говорит поэтому и Иоанн: *«Слово, Которое не только было в начале у Бога, но и Самим Богом, стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины, и мы видели славу Его, как Единородного от Отца»* (Ин.1:1, 2, 14).

Раздел 7

И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное...

Ин.19:17

И заставили проходящего некоего Киринаянина Симона, отца Александра и Руфова, идущего с поля, нести крест Его.

Мк.15:21

В истории Иисуса Христа все частности имеют большую важность, особенно это нужно сказать о тех частностях, которые относятся к страданиям и смерти Иисуса Христа. Каждое из четырех Евангелий представляет нам жизнь Иисуса Христа в несколько отличном от других свете, что объясняется разностью стиля и характера отдельных евангелистов; так что в различных Евангелиях мы видим только интересную разносторонность, но отнюдь не противоречия, разности, но не разногласия. Так, мы не редко замечаем здесь, что при рассказе, например, об известном событии, один евангелист ограничивается более общими чертами, не вдаваясь ни в какие частности и подробности, между тем как другой подробнее говорит о нем, обстоятельнее описывает его, не упуская из виду и частных черт, и побочных второстепенных обстоятельств. Таким образом, они взаимно пополняют друг друга, а потому, чтобы составить полную историю страданий и смерти Иисуса Христа, для этого необходимо прочитать всех евангелистов совместно.

Сказанное как нельзя более приложимо и к обоим взятым нами местам, в которых слова одного евангелиста суть не что другое, как пополнение слов другого, в которых Марк несколько подробнее говорит о том, о чем Иоанн заметил, так сказать, мимоходом.

Марк говорит о том, как вели Иисуса на Лобное место. Слова, которые он употребляет при этом: *«и повели Его, чтобы распять Его»*(Мк.15:20) – были тогда у римлян весьма обыкновенным выражением, под которым разумели отправление приговоренного к смерти на казнь, причем он всегда сам должен был нести свой крест, на котором ему

надлежало умереть, так как это несение креста относилось к наказанию осужденного.

Евангелист Иоанн рассказывает несколько иначе, чем Марк. Правда, и он упоминает о несении креста, о котором читаем мы у Марка; но он ничего не упоминает о том, что происходило на пути к Голгофе. Он говорит: *«И взяли Иисуса и повели»*. Иисус оставил судилище, *«неся крест Свой»* (Ин.19:16–17). Он нес этот крест во весь страстный путь, то есть через весь город, до самых ворот его. А на дальнейшем пути отсюда, то есть от ворот города до Голгофы случилось и то, что обстоятельнее описывает Марк, когда говорит: *«И заставили проходящего некоего Кириеянина Симона, идущего с поля, нести крест Его»*. Грубым воинам было видно, что Иисус, изнемогший под тяжестью креста, не в состоянии был идти далее; а потому они при встрече с Симоном Кириеянином, возвращавшимся с полевой работы, и заставили его нести крест Иисуса до самого места казни.

Таким образом, разногласия в рассмотренных нами местах между Марком и Иоанном нет никакого. И тот и другой согласно утверждают факт несения Иисусом Христом креста Своего, и разница в повествовании их об этом факте заключается единственно в том, что Иоанн, говоря о несении креста, не упоминает об обстоятельстве, случившемся на пути из судилища к Голгофе, а Марк сообщает и об этом обстоятельстве, восполняя, таким образом, то, чего недостает у Иоанна. Это дополнение находит для себя оправдание еще в Евангелиях Матфея и Луки, из которых последний говорит: *«И когда повели Его, то захватив некоего Симона Кириеянина, шедшего с поля, возложили на него крест, чтобы нес за Иисусом»* (Лк.23:26).

Раздел 8

Ибо как Иона был в чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи.

Мф.12:40

В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба.

Ин.20:1

При том обыкновенном и вполне справедливом убеждении, что Иисус Христос умер в шестой день недели (в пятницу) и снова воскрес в первый день следующей за тем недели (то есть в воскресенье), некоторые находят в приведенных местах их совершенное разногласие. Если, говорят, из евангельских повествований о смерти и погребении, и воскресении Иисуса Христа видно, что Он был в гробе собственно один день (суббота), то насколько гармонирует предсказание Спасителя о Своей трехдневной (*«три дня и три ночи»*) смерти с исполнением этого предсказания? Вопрос этот не лишен некоторого значения и важности, так как Иисус Христос до девяти раз предвозвещал ученикам Своим Свою смерть и Свое воскресение, при шести различных обстоятельствах высказывал им, что Он *«через три дня»* или *«в третий день воскреснет»* (Мф.17:23, 20:19, Мк.8:31, 9:31, Лк.18:33, Ин.2:19). Но дело становится достаточно ясным, и мнимое противоречие между предсказанием Спасителя о Своем воскресении и осуществлением его совершенно исчезает, если мы в счет времени, в продолжение которого Господь находился во гробе, включим день распятия Его и день воскресения – а на это мы имеем не только полное право, но и все причины. Значение слов Спасителя в данном случае мы должны определять не иначе, как поставляя их в ближайшую связь с обычным в то время способом выражения, потому что если Иисус Христос говорил о трех днях и трех ночах или предсказывал о Своем воскресении словами *«и в третий день воскресну»*, то говорил Он это совершенно сообразно с обыкновенным принятым в то

время у иудеев способом выражения. Робинсон говорит, и все толковники Священного Писания согласно подтверждают, что у иудеев, по принятому у них обыкновению, словами: «три дня и три ночи» – не всегда указывается на полные три дня и три ночи, но иногда только на части дней и ночей. Так, например, у Ин.20:26 неделя называется восьмью днями (*«после восьми дней опять были в доме ученики Его, и Фома с ними»*), тогда как она содержит в себе семь только дней. Этот последний обычай, говорим, есть и у нас самих, так что он нам хорошо известен и понятен; и никто не сказал бы, что выражение «через восемь дней», непременно должно заключать в себе полных восемь дней и ночей. Точно так же мы должны смотреть и на выражение «три дня и три ночи» (Мф.12:40), им вовсе не предполагается, что Спаситель должен был пробыть во гробе полных три дня и полных три ночи.

Но мы, быть может, придем к более удовлетворительному решению нашего вопроса, если обратим внимание на различные, употреблявшиеся у евреев способы и виды времяисчисления или времяразделения. У евреев существовало три вида времяразделения: Божественное, гражданское и естественное времяразделение. Первое было заимствовано ими из Священного Писания, оно определяло праздники и субботы иудейские, и начиналось всегда с сумерек или с появлением первой звезды. Второе времяразделение заимствовано было ими у римлян и состояло в четырех стражах. Первая стража начиналась с шести часов вечера и продолжалась до девяти часов, вторая стража начиналась с девяти часов и продолжалась до двенадцати, третья – с двенадцати до трех, а четвертая – с трех до шести часов утра. Их называли обыкновенно ночными стражами, так как они обнимали собой время ночи. Потом, из известий Геродота, мы знаем, что халдеи впервые принесли деление времени на часы, и это был третий вид времяразделения у иудеев, по которому сам день они определяли часами от шести часов утра до шести часов вечера.

По этому последнему времяразделению Иисус Христос был распят в промежуток времени от девяти до одиннадцати часов

утра, и Его страдания продолжались до трех часов пополудни (Мф.27:45).

По строго наблюдавшимся у иудеев законам относительно погребения умерших, Господь Иисус Христос еще до захода солнца положен был в пещеру Иосифа Аримафейского и, таким образом, на первый день уже был во гробе. Во гробе Он оставался потом в продолжение всего следующего дня – субботы, но эта суббота (или седьмой день) окончилась вечером, с которого начался затем первый день новой недели (восьмой день), на который Иисус Христос также еще оставался во гробе до утренней зари; и вот мы, таким образом, имеем *«три дня»*, которые по обыкновенному у иудеев словоупотреблению обозначаемы были выражением *«три дня и три ночи»*. Таким образом, выражение Господа у Мф.12:40 совершенно справедливо, и между ним и первым стихом 20-й главы Иоанна, равно как между предсказанием Спасителя о Своей тридневной смерти и исполнением этого предсказания, нет ни малейшего противоречия.

При этом полнейшего нашего внимания заслуживает здесь еще то обстоятельство, говорящее в пользу нашего изъяснения, что ожесточенные против Иисуса Христа иудеи никогда не высказывались о разногласии слов Иисуса с фактом или временем Его воскресения; тогда как в других случаях они говорили против Него все, что только возможно было придумать. Отсюда неоспоримо следует, что сами иудеи, которые, несомненно, лучше всего понимали выражение Иисуса Христа, под словами *«был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи»* (Ион.2:1), разумели то же самое, что высказал Иисус (Мф.12:40) и что подтвердил святой Иоанн (Ин.20:1). В противном же случае они, и особенно фарисеи, не упустили бы случая обвинить Христа во лжи, так как они знали пророчество Его о Своем воскресении и неоднократно ссылались на него (Ин.2:19).

Раздел 9

И, войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду; и ужаснулись.

Мк.16:5

И видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисуса.

Ин.20:12

При ближайшем сличении всех евангельских повествований о воскресении Иисуса Христа оказывается, что Марк и Лука бывших при гробе воскресшего Спасителя небесных вестников представляют в человеческом образе и называют юношами, а Матфей и Иоанн называют их *Ангелами*. Говорят, что евангелисты на этот раз расходятся и противоречат друг другу. Но уже из Ветхого Завета нам хорошо известно, что небесные духи, чтобы быть доступными человеку, естественно принимали и должны были принимать какой-нибудь чувственный телесный образ. И так как они нередко являлись на землю в образе людей, то поэтому в Священном Писании Ветхого Завета о них и говорится нередко как о людях, чем указывалось на их временное, моментальное явление, но иногда они являлись на землю и в виде Ангелов, и тогда они и назывались прямо Ангелами, чем обозначалось их собственное существо (Быт.18:2, 19:1 и Быт.32:24).

Совершенно согласно с этим способом изображения Ангелов в Ветхом Завете поступают теперь и евангелисты при описании небесных вестников и посетителей гроба Господня. Два из них, сообразно внешнему чувственному явлению этих вестников представляют как людей, как юношей; а два других, указывая на их собственное существо, называют их прямо Ангелами, чем они были на самом деле. Резонно ли после этого указывать на данное обстоятельство, как на нечто странное и противоречивое?

Указывают здесь и на другое якобы разногласие, касающееся *числа* этих Ангелов. Матфей и Марк говорят об

одном только Ангеле, евангелисты же Лука и Иоанн упоминают, напротив, о двух.

Но при ближайшем и более внимательном рассмотрении дела и это разногласие оказывается скорее кажущимся, чем действительным. Прежде всего нужно заметить, что те два евангелиста, которые упоминают об одном Ангеле, совершенно ничего не говорят такого, что могло бы исключать вопрос о возможности присутствия там другого Ангела.

Они упоминают, собственно, о говорящем только Ангеле, но при этом весьма естественно, мог быть и второй Ангел, который молчанием давал знать о своем согласии со словами первого. Что же касается того обстоятельства, что Мария, двукратно приходившая ко гробу, в первый раз видела одного, а во второй – двух Ангелов (Ин.20:1–12), так это очень легко объясняется тем, вероятно, положением, что во время первого ее посещения гроба было еще темно (Ин.20:1), почему вместо двух она могла рассмотреть только одного, чему немало мог способствовать, конечно, и ужас, столь естественный в данном случае.

Рассматриваемые беспристрастно эти и подобные кажущиеся разногласия в Евангелиях говорят скорее за божественность их, чем, как думают неверующие, против нее. Если бы евангелисты рассчитывали на обман своих читателей, тогда для устранения всякого подозрения в этом обмане, они употребили бы все свои средства и меры к тому, чтобы быть совершенно согласными между собой не только в общем, но и в частности, не только в главных и существенных чертах каждого предмета, но и во второстепенных. Но при составлении отдельных книг Библии, каждый отдельный писатель был самостоятелен, писал в своем собственном стиле, не сносясь и не сговариваясь с другими, а иногда даже и не зная другого. Каждый писал по внушению Святого Духа, но вместе с тем и из собственного убеждения и в глубокой уверенности, что все выходящее из-под пера его есть Божественная истина.

И если, таким образом, отдельные части Библии написаны были различными мужами, в различные времена и в различных местах, то тем более мы должны удивляться, что все они, находясь в полном согласии, и представляют одно

гармоническое целое, что объясняется не чем другим, как влиянием на различных священных писателей одного и того же Святого Духа. Вот почему очень часто случается, что под так называемыми противоречиями Библии скрывается полнейшее согласие, и что выражения Библии, на которые нападают противники ее, служат скорее прямыми или косвенными, но самыми сильными доказательствами ее божественности, которые так щедро награждают усердных исследователей ее, убеждают неверующих и подкрепляют верующих.

Раздел 10

Каждая женщина выпросит у соседки своей и у живущей в доме ее вещей серебряных и вещей золотых, и одежд, и вы нарядите ими и сыновей ваших и дочерей ваших, и оберете Египтян.

Исх.3:22, 12:36

Не кради.

Исх.20:15

В первом из этих двух мест с особенной силой налегают обыкновенно на выражение: «*оберете Египтян*», которому придают недоброе значение воровства, грабежа и говорят, что здесь Сам Бог, запрещающий в другом месте (Исх.20:15) кражу, позволяет воровать, и не только позволяет, но даже заповедует это делать израильтянам. Но это опять есть только доказательство враждебного отношения таких людей к Богу и Его словам, и показывает, как сильно предубеждены они против Бога и Его вечной истины.

Если это было так, что Сам Бог повелел израильтянам взять с собой серебряные и золотые сосуды и одежды, то взятие это, следовательно, никак уже не могло быть воровством, так как оно было исполнением воли и повеления Божия. А Бог разве не имеет права, не в пример прочим, по Своему благоусмотрению, распоряжаться добром и имуществом каждого человека, когда все это принадлежит Ему и составляет Его собственность? Он один есть Господин всех благ в собственном смысле этого слова, а люди – это только временные приставники, опекуны над ними, и кто назовет кражей или похищением то, когда Сам Бог берет что-нибудь у человека?

К тому же, повелев евреям взять некоторые из вещей у египтян, Бог вовсе не употреблял, как думают некоторые, насильственных мер. В предыдущем нашем тексте стихе Бог говорит: «*И дам народу сему милость в глазах Египтян; и когда пойдете, то пойдете не с пустыми руками*» (Исх.3:21). Этими словами Бог дает обещание израильтянам так настроить египтян, что они сами готовы будут отдавать им требуемые

вещи, дабы они не ушли от них «с пустыми руками». И действительно, вещи, которые израильтяне забрали с собой при уходе из Египта, отдаваемы были им египтянами совершенно добровольно и без всякого насилия, так как они были предрасположены к этому Самим Богом. А если так, то есть ли хоть малейшее основание находить здесь противоречие заповеди «не кради» и обвинять Бога в том, что Он рекомендует кражу?

Далее в приведенном нами стихе заслуживает нашего внимания еще слово «*да испросит*», которым Бог заповедует израильтянам потребовать себе от египтян разного рода сокровищ, что подтверждается и другими местами (Исх.11:2, 12:35). Следовательно, эти сокровища должны были по праву и справедливости принадлежать евреям, если Сам Бог уполномочивает на это требование. И действительно, евреи не были пленниками египтян, а только пришельцами египетскими, поэтому они имели полнейшее право на награду за те многолетние и изнурительные труды и работы, которые несли они для египтян и которыми, вопреки всякой справедливости, так долго мучили их египетские фараоны. Сверх того, евреи не с пустыми руками вошли в Египет, но перенесли с собой при своем переходе сюда и все свои сокровища и богатства. «*И отправился Израиль со всем, что у него было, – читаем мы у бытописателя, – и взяли они скот свой и имущество свое, которое приобрели в земле Ханаанской, и пришли в Египет, – Иаков и весь род его с ним*» (Быт.46:1–6). А если они не с пустыми руками пришли в Египет, то справедливость требовала, чтобы они и вышли оттуда также не с пустыми руками, а захватили с собой все, что принадлежало им по праву и справедливости.

Затем из дальнейшей истории видно, что израильтяне распоряжались египетскими сокровищами как своей собственностью и вполне заслуженною ими наградой. Так, при своем исходе, равно как и во время своих праздников, они употребляли эти сокровища частью на жертвоприношения, частью на собственные украшения и наряды. Сокровища, взятые ими у египтян, состояли не только из одежды,

серебряной и золотой домашней утвари, но из разного рода дорогих вещей, составлявших предметы роскоши, как например: серьги, браслеты и т.п., как это можно заключать из слов «и вы нарядите ими и сыновей ваших и дочерей ваших» (Исх.3:22); значит, они должны были носить эти вещи как украшения, носить свободно и открыто. Может ли поэтому быть здесь речь о воровстве, тайном похищении?

Итак, рассмотренное нами обстоятельство, в котором неверующие находят основание для своего возражения против святости и божественности Библии, отнюдь не должно ослаблять нашей веры в Бога и в авторитет Его славы, но, напротив, укреплять ее. Из него мы узнаем скорее, как Свят и Правосуден Бог вообще и как велика была любовь и заботливость Его о благосостоянии Своего народа.

Раздел 11

И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим...

Исх.33:11

И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых.

Исх.33:20

Должность Моисея была должностью посредника между Богом и Его израильским народом, через него говорил Бог со Своим народом и открывал ему Свою волю. Это обращение Бога с Моисеем всегда было прямое и непосредственное, что придавало особенное значение и авторитет, как должности, так и словам и распоряжениям Моисея.

Мысль первого из приведенных нами мест с большой полнотой и ясностью выражена в Числ.12:8, где говорится: *«устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях, и образ Господа он видит; как же вы не убоялись упрекать раба Моего, Моисея?»* Бог удостоивал Моисея особенного благоволения, и смысл слов 11-го стиха тот, что Бог говорил с Моисеем так свободно и открыто, как может говорить друг со своим другом, говорил не через образы и видения, не через Ангелов или посредничество третьего, но непосредственно. Поэтому, выражением: *«говорил Господь с Моисеем лицом к лицу»*, – еще не высказывается того, что Моисей видел Бога, но оно означает только, что Иегова говорил с ним непосредственно.

Напротив, слова в 20-м стихе Исх.33 суть ответ на молитву Моисея, выраженную им в 18-м стихе той же главы: *«Моисей сказал: покажи мне славу Твою»*. Это была краткая, но тем не менее великая молитва. Моисей просил этим еще большего откровения, чем какое он имел, и получил со стороны Бога отрицательный ответ. Отсюда мы легко можем видеть то полное согласие, в каком находятся взятые нами, по-видимому, противоречивые места. Моисей хотел видеть нечто такое, чего он еще никогда не видел – хотел видеть славу Бога или, как

говорится в 20-м стихе, лице Бога, и получил в ответ: «*не можно тебе увидеть*». Таким образом, если в 11-м стихе мы читаем, что Господь лицом к лицу говорил к Моисею, то это не значит, что Моисей видел лице Бога, но только хотел увидеть его, но не увидал.

В 20-м стихе речь о духовном существе Бога («*Бог есть дух*» (Ин.4:24), – говорит Писание), равно как о невозможности видеть Его человеческими, чувственными и греховными очами. В полной славе и прямо в лицо могут видеть Его только святые и прославленные на Небе, где Он живет в недоступном для человека «*свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может*» (1Тим.6:16). Под лицом Бога мы должны разуметь этот славный и чудесный свет, который от Него исходит, который освещает Небо, радуется святых небожителей и перед которым даже Херувимы и Серафимы закрывают крыльями свои лица. Вот этого-то лица Божия не мог видеть и Моисей, хотя он удостоен был теснейшего общения с Богом, подобно тому, как и христианин, имея теснейшее общение с Богом, не видит лица Его. Только духи могут видеть духов, «*Бог есть дух*», и ни один человек не может видеть Его, оставаясь живым. Если глаза наши не выносят и солнечного света, то не должен ли поразить нас слепотой и смертью тот свет, который есть Сам Бог, в сравнении с которым и свет солнца есть не более как тень и мрак? То же самое выражает и евангелист Иоанн, когда говорит: «*Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил*» (Ин.1:18).

Раздел 12

Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки.

Еккл.1:4

Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят.

2Пет.3:10

Поставляя слово первого текста «*во веки*» – «вечно» в контраст со вторым 2Пет.3:10, некоторые видят здесь прямое и очевидное противоречие. Так как причиной такого заблуждения служит неправильное понимание слова «*во веки*», то не считаем излишним подвергнуть его ближайшему изъяснению, тем более что это изъяснение может пролить свет и на некоторые другие места слова Божия.

Слово «*во веки*» или «вечный» в Священном Писании употребляется в различных значениях. В первом и теснейшем смысле оно обозначает нечто такое, что не имеет ни начала, ни конца, что стоит вне всякого времени и условий его. В этом смысле мы должны понимать его там, где речь идет о Боге и где слово это относится к Нему. Он есть Существо Несотворенное, Которое всегда есть, всегда было и всегда будет: «*Господи, прибежище был еси нам в род и род. Прежде даже горам не быти и создатися земли и вселенней, и от века и до века Ты еси*» (Пс.89:2–3; Быт.21:33; Втор.32:40; Пс.103:31).

Но очень нередко этим словом обозначается и такое, что хотя имеет начало, но не имеет конца в своем существовании. В этом смысле оно употребляется об Ангелах, как существах хотя и сотворенных, но бессмертных и вечных, далее о душе человека, а также о блаженстве праведных и осуждении нечестивых. «*И пойдут сии(нечестивые) в муку вечную, а праведники в жизнь вечную*» (Мф.25:46). Здесь слово «вечный» имеет значение бесконечный, нескончаемый. Что и то и другое, то есть и блаженство праведников, и мучение грешников, не будет иметь конца, в этом убеждают нас многие другие места Священного Писания, особенно же те, в которых

продолжительность мучений высказывается отрицательным образом. Так, Господь Иисус, говоря о геенне – месте мучения грешников, три раза употребляет выражение: *«где червь их не умирает и огонь не угасает»* (Мк.9:44,46,48). Это отрицательное выражение о продолжительности мучений столь положительно указывает на их вечность, что она становится выше всякого сомнения. Пока продолжается любовь и правосудие Божие, до тех пор будет продолжаться блаженство праведников и муки грешников.

Но очень часто, и именно в Ветхом Завете, слово «вечный» обозначает только известное, определенное, более или менее продолжительное время, когда, например, речь идет о самом Ветхом Завете, о жертвах, различных праздниках, обрядах и обычаях еврейского народа, или как у Екклезиаста 1:4, о продолжительности существования земли. Границы времени, обозначаемого словом «вечно», очень неодинаковы. Иногда под ним понимается все время существования Ветхого Завета, иудейских праздников и обрядового закона вообще, что продолжалось до пришествия Христа и Его *«совершилось!»* (Ин.19:30). *«И празднуйте в оный праздник Господу во все роды ваши; как установление вечное празднуйте его»* (Исх.12:14. Слич. Исх.12:17,24; Числ.10:8 и др.). Иногда им обозначается время существования мира (Соф.2:9), а также какое-нибудь более или менее продолжительное время.

«И дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владение вечное» (Быт.17:8), или: *«и будет завет Мой на теле вашем заветом вечным»* (Быт.17:13. Слич. Иер.18:16,20:11 и Иез.35:5 и т.д.). Далее обозначается словом «вечный» иногда и время, обнимающее период жизни (Пс.118,119), а также пятидесятилетний промежуток времени у евреев от одного юбилейного года до другого – *«но если раб скажет: люблю господина моего, жену мою и детей моих, не пойду на волю, – то пусть господин его приведет его пред богов (то есть перед судьей) и поставит его к двери, или к косяку, и проколет ему господин его ухо шилом, и он останется рабом его вечно»*

(Исх.21:5–6). Что слово «вечно» имеет здесь такое ограниченное значение, в этом мы вполне убедимся, если сопоставим его с Лев.25:40–41, где говорится, что в юбилейный, то есть, пятидесятый, год такого рода рабы выпускались на свободу. Наконец, у того же Екклезиаста в другом месте этим словом обозначается время, в продолжение которого человек лежит во гробе (Еккл.12:5).

Из этого последнего места, где сам Екклезиаст (и в той же самой книге) слово «вечный» употребил в приложении только к известному, определенному, более или менее продолжительному времени, ясно видно, что слово это и в нашем тексте вовсе не обозначает бесконечного существования земли, но указывает только на очень большую продолжительность его.

В этой истине мы еще более убедимся, если примем в соображение ту цель, которую преследовал в своей книге Екклезиаст, так как цель и задача автора какой бы то ни было книги всегда служит прекрасным средством к правильному пониманию отдельных ее слов и предложений. Этой целью у Екклезиаста было не другое что-нибудь, как изобразить суетность, то есть скоротечность и ничтожность человеческой жизни; и он делает это очень метко, когда сравнивает жизнь человека с продолжением существования мира. Ибо в сравнении – жизнь человека представляется слишком короткой, а существование мира – слишком долгим, почти вечным.

Понимаемое таким образом первое из рассматриваемых нами мест (Еккл.1:4) не оставляет никакого разногласия со вторым (2Пет.3:10) и не препятствует последнему – оставаться при той засвидетельствованной и многими другими местами Священного Писания истине, что земля будет иметь конец, что скажем словами апостола Павла: *«земля и все дела на ней сгорят»*, и это будет в последний день второго пришествия Иисуса Христа. Читай предшествующие этому тексту слова апостола (ст. 3–9) – они лучше всего выявляют приведенное нами выражение и дают ему самое удовлетворительное толкование.

Раздел 13

Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов.

Гал.6:2

Ибо каждый понесет свое бремя.

Гал.6:5

Одно из самых лучших и вернейших правил для толкования Священного Писания состоит в том, чтобы при изъяснении того или другого места и выражения священной книги имелась всегда в виду идея и задача ее, и сообразно с этим определяем был смысл данного выражения. Соблюдение этого правила проливает всегда необходимый свет и способствует правильному пониманию слова Божия, тогда как уклонение от него служит причиной многих заблуждений и ошибок. Идея писателя по большей части видна бывает из связи его речи; тем не менее, однако ж, не всегда бывает возможно выяснить смысл известного места из связи речи, ибо случаются иногда переходы от одного предмета к другому внезапные, быстрые; и читателю в таком случае нужно строго следить за тем, чтобы не перенести смысла одного места на другое или не смешать с другим. Сказанное отчасти приложимо и к обоим приведенным местам, которые находятся в одной и той же главе, отделены друг от друга двумя только стихами, а между тем цель и идея их очень различна.

Предмет первого из взятых нами мест: «*носите бремена друг друга*» составляет обязанность верующих питать, оказывать друг другу любовь. Находясь в ближайшей связи с содержанием первого стиха, это место научает нас иметь снисходительность и терпение к поведению других, переносить их слабости и недостатки, которые и составляют собственно бремя (Евр.12:1), равно как соразделять их нужды и бедствия. Если вы, «*таким образом, будете поступать*, – прибавляет далее апостол, – то вы *исполните закон Христов*». Напротив, содержанием другого места: «*каждый понесет свое бремя*», – служит совсем другая истина – это именно собственная, личная

ответственность каждого из нас в своих поступках перед Судом Бога. Такой смысл данных слов явствует из предыдущего 4-го стиха, где говорится: *«Каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом»*. По этому стиху мы должны, первее всего, испытывать самих себя, на себя обращать внимание и себя самих предохранять от грехов; мы должны надлежащим образом вести себя, не обращая внимания на то, как ведут себя другие или что они могут сказать о нас, потому что *«каждый понесет свое бремя»*; то есть, каждый должен будет некогда дать отчет в своих действиях, и никто не может ни извинять себя недостатками других, ни отвечать за других.

Таким образом, истинный смысл каждого из двух рассматриваемых нами мест, становится понятным не через объяснение одного другим, но из предшествующих каждому из них слов. Одно место совершенно независимо от другого, каждое имеет свое собственное значение, каждое содержит и выражает совершенно особую истину.

Во втором стихе говорится, что каждый из христиан должен снисходительно переносить недостатки других, а в пятом речь идет о той ответственности, которой подлежит каждый за свои собственные недостатки и пороки. Но в то же время – и здесь-то познается гармония в слове Божиим – между обоими выражениями есть и связь, которая показывает, как одно истекает из другого; ибо если мы сознаем свои собственные грехи и тяжкую ответственность за них, то тем скорее мы можем переносить и слабости других.

У сочленов Галатийской Церкви было много разного рода нужд, бедствий и нестроений, которые они переносили общими силами, помогая и поддерживая один другого. Но некоторые из них, уступая силе искушений, впадали *«в некия прегрешения»*. Апостол не ломает палки о таковых падших, не рекомендует каких-либо строгих мер к исправлению, но советует всем другим поддерживать и, в духе кротости, исправлять их; и, предложив этот совет, он заканчивает его прекрасными словами: *«носите бремена друг друга»*. Это должно быть их правилом и их практикой. При этом он вместе указывает им, а в лице их и всем

христианам, и прекраснейшую побудительную причину, когда говорит, что такова воля и заповедь Христа: *«И таким образом исполните закон Христов»*. Этот закон Христов есть не другой какой-нибудь, как закон братской любви: *«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга»* – сказал Спаситель (Ин.13:34). Так как Господь полнее и лучше всех выполнил эту заповедь и чаще всего напоминал о ней ученикам Своим, то она и называется, по преимуществу, «законом Христа». Иисус Христос показал нам пример величайшей любви. Любовью проникнуты были все Его дела и все Его учение, по любви Он сошел с Неба и знак раба принял по любви. Он пострадал за нас и умер. *«Я дал вам пример, – говорит Он Сам, – чтобы и вы сделали то же, что Я сделал вам»* (Ин.13:15). Об этой-то взаимной братской любви напоминает и апостол в словах: *«носите бремена друг друга»*.

Другое же его изречение: *«ибо каждый понесет свое бремя»* указывает не столько на отношение наше к людям, сколько на наше отношение к Богу и ответственность перед Ним; оно говорит нам, что каждый неизбежно должен будет дать ответ Богу за свои греховные дела, слова и мысли, и этим предостерегает нас от того нравственного падения и тех пороков, которыми, как читаем мы в этом стихе, дьявол пролагает путь посредством напора своих искушений. Такое предостережение от грехов не оставляет места никаким извинениям. Оно учит нас вместе с тем, что и братская любовь, и снисхождение к нам других не может оправдать нас перед Богом. С какой бы кротостью и незлобием мы ни переносили порока других, и другие – наших, но через это самих грехов мы не уничтожаем и ответственности за них с себя не слагаем. *«Брат не избавит, избавит ли человек? Не даст Богу измены за ся, и цену избавления души своя: и утрудился в век»* (Пс.48:8–9).

Таким образом, второй стих указывает нам взаимные обязанности, имеет своей целью расположить нас к деятельной сердечной любви. А стих пятый указывает на наше отношение к Богу, проповедует нам о нашей собственной, личной ответственности перед Ним. А потому если бремя, о несении

которого говорит второй стих, мы будем, таким образом, отличать от бремени, упоминаемого в пятом стихе, тогда мысли о противоречии этих мест не будет и места.

Раздел 14

Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя.

Деян.9:7

Бывшие же со мною свет видели, и пришли в страх; но голоса Говорившего мне не слышали.

Деян.22:9

Обращение Савла Тарсянина служит одним из убедительнейших доказательств божественности христианства. Об этом чудесном событии мы читаем не в одном месте Священного Писания. О нем рассказывает дееписатель Лука (Деян. 9 гл.), его не раз сообщает нам и сам апостол Павел, при различных обстоятельствах своей апостольской деятельности (Деян.22:1–10, 26:12–17; 1Кор.15:8). При этом он рассказывает о себе, что он прежде, до обращения своего ко Христу, был человеком совершенно противоположного характера, что он был ожесточенным врагом христианства, и что сила благодати Христовой чудесно переродила его, сделав другим человеком – другом Христа и Его Церкви.

Ничего нет странного и непонятного в том, если мы в рассказе различных лиц об одном и том же предмете замечаем некоторые разности. Эти разности служат большей частью, как нередко видим мы в различных Евангелиях, только взаимными пополнениями. Если же они некоторым и кажутся разногласием и противоречием, то это вследствие их поверхностного и недостаточного знания слова Божия, ближайшее же рассмотрение дела представляет нам все в ясном свете и полной гармонии. Таково разногласие и в приведенных нами местах из истории обращения Савла, рассказываемой сначала Лукой, а потом самим Павлом.

В первом месте (Деян.9:7), Лука говорит о великом удивлении сообщников Павла, так как они слышали голос Говорившего, но никого при этом не видели. Другими словами, они слышали звук голоса, не разбирая отдельных слов и не понимая того, что в них говорилось, равно как никого не видя.

Напротив, во втором месте (Деян.22:9), сам апостол говорит о различных впечатлениях, произведенных явлением на него самого и на его провожатых. Последние *«свет видели и пришли в страх; но голоса Говорившего мне не слышали»*, – замечает Павел, то есть, они не понимали именно того, что говорил голос – Господь Иисус, тогда как сам Павел ясно и отчетливо понимал это, так что он в ответ сказал Ему: *«Господи! что мне делать?»* (Деян.22:10). Апостол Павел не только слышал голос, но и то, что он высказывал; и он очень хорошо знал, Кто был Говоривший с ним. Сопровождавшие же его, напротив, слышали только звуки этого голоса, без отдельных слов его; они хорошо знали, что кто-то говорил, но не знали того, что именно было при этом говорено, таким образом, они слышали и в то же время не слышали. Они были подобны тем людям, о которых Спаситель говорит, что *«они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют»* (Мф.13:13, см. Дан.10:7).

Другой подобный пример слышания и неслышания, то есть непонимания находим мы у Иоанна 12:28–29, где говорится: *«Тогда пришел с неба глас: и прославил, и еще прослаблю. Народ, стоявший и слышавший то, говорил: это гром; а другие говорили: Ангел говорил Ему»*. Этот голос с неба не был гром, шум или звук, но это было словесное объяснение, ответ Небесного Отца, который совершенно ясно понимал Иисус Христос и евангелист Иоанн: *«и прославил, и еще прослаблю»*. Но народ, стоявший при этом, хотя и слышал этот голос, но слов его не понимал. Таким образом, и об этом народе можно сказать, что он слышал голос Божий и не слышал, потому что он слышал только звуки голоса, но не понимал смысла отдельных слов его. Слово *«слышание»* в Священном Писании употребляется не в одном и том же значении, иногда под ним понимается одно только внешнее чувственное восприятие, а иногда оно значит разумение, понимание, принятие к сердцу, как например у Мф.18:15: *«если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего»*. А в приведенном уже месте Мф.13:13, это слово употреблено в обоих значениях. Равным образом, в обоих этих значениях, употреблено это слово и в рассматриваемых нами местах (Деян.9:7, 22:9). При таком изъяснении данного

слова оба эти места книги Деяний Апостольских, становятся в полнейшее и очевидное согласие. В справедливости такого объяснения каждый может убедиться из своей обыденной жизни, так как очень часто случается, когда слышим издали какой-нибудь голос, но не разбираем и не понимаем слов его.

Раздел 15

Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя.

Деян.9:7

Все мы упали на землю, и я услышал голос, говоривший мне на еврейском на языке: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна.

Деян.26:14

В повествовании об обращении Савла есть еще одна разность, на которую указывают нам как на противоречие и которую поэтому не лишне объяснить здесь. В 7-м стихе 9-й главы Деяний Апостолов говорится, что спутники Павла «стояли в оцепенении», между тем как в 14-м стихе 26-й главы той же книги сказано, что все путешествующие – и сам апостол Павел, и спутники его – «упали на землю».

Но между рассказами деписателя и рассказом самого апостола и в данном случае нет ни малейшего разногласия. Дело в том, что они берут здесь два различных момента, которые скорее друг друга пополняют, чем разногласят. Положение дела нужно представлять так: лишь только внезапный свет осиял Савла и всех сопутствовавших ему, и раздался голос Иисуса; все они, естественно, испугались, и от испуга упали. Но, оправившись от первого своего испуга, спутники Павла тотчас же встали; между тем как сам Павел, которому в этом свете явился гонимый им Иисус и говорил с ним, продолжал лежать на земле. В этот момент, то есть когда Павел, не вставая еще с земли, беседовал с Явившимся и с трепетом спрашивал Его: «Господи! что повелишь мне сделать?» (Деян.9:6) – спутники его уже «стояли», и притом стояли, как оцепенелые, от всего происходящего. Сам же Павел встал с земли только по окончании всего видения (ст. 8). Таким образом, то, что говорится в Деян.26:14, произошло в самый первый момент явления, а о чем сообщает Лука в Деян.9:7 – это случилось уже после, когда Господь Иисус вел беседу с Савлом. Такое примирение кажущегося противоречия между

взятыми местами будет иметь еще более естественности и правдоподобия, если мы обратим внимание на то, что степень впечатления, произведенного чудом на Павла и спутников его, была не одинакова. На Павла, которому, собственно, одному было данное откровение, и который при этом один только все и видел, и слышал, оно должно было, без сомнения, произвести более сильное впечатление, чем на его спутников, видевших и слышавших только, так сказать, отблеск и отголосок этого откровения. Вследствие меньшей степени впечатления от этого видения, спутники Павла скорее должны были оправиться от страха и подняться с земли, чем сам Павел, который в трепете продолжал лежать на земле во все время видения.

Раздел 16

И Аз вам глаголю: сотворите себе други от мамоны неправды, да, егда оскудеете, примут вы в вечныя кровы (рус.: И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители).

Лк.16:9

Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие.

Мф.19:23–24

Первое из этих мест, которое или совсем не понимается, или же ложно понимается некоторыми, предписывает нам правильное употребление земных благ; оно объясняется лучше всего из предшествующей ему притчи о неверном домоправителе. Из этой притчи ученики Иисуса Христа должны были извлечь для себя прекрасный урок, который Он преподает в заключительных словах; именно: они должны отсюда научиться мудрому и благоразумному употреблению вверенных им благ и даров, но только в лучшем, более правильном направлении, чем в каком действовал управитель. *«Сотворите себе други от мамоны неправды, то есть, приобретайте себе друзей неправедным богатством»*, – говорит Он. Это не значит, что мы всеми силами должны стремиться к приобретению богатства, любить это последнее и привязываться к нему, не в самом богатстве мы должны искать своих выгод и своего друга, но мы должны его употреблять только как средство к приобретению известных, более верных друзей и к получению более необходимой, существенной пользы. Выражение: *«сотворите себе други от мамоны неправды»* – нужно поэтому переводить: приобретайте себе друзей посредством неправедной мамоны. Мамона – это, собственно, название сирского божества, которое почитали как бога, покровительствующего земным сокровищам и благам или

вообще богатству. Иудеи пользовались этим именем для обозначения богатства вообще. В этом же значении употребляет его и Спаситель. Земные блага делаются для нас мамонаю или идолом не тогда только, когда мы имеем их во множестве, но таковыми они могут быть для нас и при обладании самой незначительной частью их, если мы больше будем любить их, чем Бога. Все земные блага и дарования, как например, здоровье, умственные способности, власть, честь и уважение, смотря по тому, как употребляем их, могут служить или к нашей пользе, или ко вреду. То же бывает и с теми благами этого мира, которые Христос обозначает здесь словом – мамона.

Господь называет здесь богатство (мамону) вообще – неправедным, и называет его так в том же смысле, в каком выше управитель называется – неверным. Нет сомнения, что Господь Иисус, как Святой во Израиле, иначе и не мог называть богатство, как именно – неправедным, так как оно доставляет и побуждения, и средства к несправедливому и недобросовестному образу действий, как это видим из примера приточного управителя. Но здесь слово «неправедный» взято в противоположность богатству истинному, подлинному, действительному, вечному и нетленному и означает – обманчивый, ложный и скоропреходящий, каковое значение это слово имеет и во многих других местах Священного Писания (например: [1Тим.6:17](#); [Лк.12:23](#); [Мф.6:19, 19:21](#)). Таким образом, этим еще не высказывается того, чтобы ученики Иисуса неправильным путем приобретали себе богатство, но что всякое богатство само в себе есть нечто неверное и ненадежное.

Господь Иисус предвидел, что ученики Его всех времен будут иметь в своей собственности нечто из скоропреходящего богатства, и дает им поэтому благой совет делать из него лучшее употребление, то есть, не копить его, подобно скупцам, и не расточать его без пользы, но приобретать на него таких друзей, которые могли бы в будущем принести им истинную, существенную пользу.

Какого же рода друзей понимает здесь Спаситель? Он понимает, как видно из слов: *«приняли вас в вечные обители»* – таких друзей, у которых есть столь желаемые для истинного

христианина вечные обители. И здесь, прежде всего, мы должны назвать Самого Бога, как Господина Неба и вечных обителей – Его-то дружбы и должны мы домогаться первее всего, этой дружбы мы не можем ни купить на деньги, ни заслужить своими жертвами и дарами, но она достигается только через живую веру и кровавую заслугу Иисуса Христа. Истинные ученики или верующие, к которым здесь говорит Господь, имеют уже эту дружбу; а потому они должны все свои блага и дары употреблять на служение Богу, на распространение Его Царства. Если они таким образом будут обнаруживать свою любовь и преданность Богу, то и Он будет поступать с ними, как друг их. Если они будут содействовать успеху Его дела, то Он будет покровительствовать их делам. Если они будут готовить Ему, например, через проповедание Его слова место в сердцах людей, то и Он примет их в Свои вечные обители. Таким образом, через употребление своих средств на распространение и проповедание слова Божия, мы приобретаем себе и много других друзей в лице тех своих собратий, которые через эту проповедь Евангелия обращаются к Богу, делаются истинными христианами и избавляются от ада. Они всегда будут благословлять тех, благодаря которым они пришли к познанию истины. Но этого мало, содействуя обращению ко Христу грешников, мы делаем вместе с тем своими друзьями и Ангелов Божиих, у которых бывает великая радость о каждом кающемся грешнике.

Наконец, Спаситель не исключает в данном случае и тех несчастных, бедных, нищих и больных братий наших, которые требуют здесь на земле помощи и пособия. Если мы с живейшим участием будем относиться к тяжелому положению этих несчастных, будем облегчать их нужды и оказывать вообще посильную помощь, то они доставят нам вечные обители на небесах, потому что такое употребление богатства есть добродетель, за которую последует награда в Царстве Небесном.

«Когда обнищаете» – что значит это? Не что иное, как когда вы умрете, когда оставите временное пристанище этого

мира, а с ним и все свои сокровища, что наступает для каждого со смертью. Греческое слово, переведенное здесь словом – оскудеете, обнищаете, некоторые переводят – придете к концу, что выражает то же самое, именно: когда придете вы к концу с вашими сокровищами и богатством или с вашей жизнью. Буквально оно значит – быть уволенным, оставленным, и употреблено здесь, как это вытекает из связи речи, в соответствии с отставкой от должности приточного домоуправителя, для которого с этого момента должно было бы начаться время обнищания, если бы он прежде не позаботился о себе и не приобрел себе друзей. Со смертью и мы оставлены будем от должности управителей земными благами, причем и от нас Господин этих благ потребует отчета, и тогда для многих настанет время нескончаемого обнищания. Поэтому Господь и сказал: будьте мудры и благоразумны, *«приобретайте себе друзей богатством праведным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители»*.

Эти слова Господа суть прекрасное увещание к щедролюбию и к правильному употреблению всех земных благ. Они содержат то же самое, что заповедует нам и во многих других местах Священного Писания, как например: *«Давайте, и дастся вам»* (Лк.6:38); *«чти Господа от имени твоего и от начатков всех прибытков твоих»*(Притч.3:9); *«только чтобы мы помнили нищих»* (Гал.2:10); *«не забывайте также благотворения и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу»*(Евр.13:16).

Наконец, под вечными обителями Спаситель понимает не иное что, как небесные жилища – место блаженства праведников. Это не подлежит ни малейшему сомнению, так как за это говорит весь контекст речи. И мы нигде не видим примеров, чтобы это слово употребляемо было для обозначения места неправедных – напротив, в Священном Писании с ним всегда соединяется понятие о чем-то приятном, отрадном, как например: Пс.26:5, 30:21, 60:5; Ис.4:6; Мф.11:4 и др.

При таком изъяснении изречение Спасителя у Мф.19:23–24: *«истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство*

*Небесное» и т. д. является не более, как предостережением против несоблюдения заповеди, данной Им в словах: «приобретайте себе друзей богатством неправедным» (Лк.16:9). Первыми словами (Мф.19:22–24) Господь Иисус указывает на опасности богатства и служения ему или – что то же – на те последствия, к каким приходит богатый, если он привязывает свое сердце к богатству и замыкает его для Бога и своих бедствующих собраний. В этом случае богатство становится для него идолом, убивает его дух, окаменяет сердце, лишает его всякой сострадательности и делает для него трудным, если не невозможным, вход в Царство Небесное. Богатство само по себе не вредило бы человеку, если бы он следовал благому совету Господа у Лк.16:9, но оно вредит ему, когда он не соблюдает этого совета, пристращается к нему и делает из него неправильное употребление. Таким образом, оба места весьма близко сходятся между собой, когда мы рассматриваем выражение в Евангелии Луки, как увещание к правильному употреблению земных благ, а другое – в Евангелии Матфея, как предостережение от опасностей при неправильном употреблении его, при рабском служении ему. Последнее место отнюдь не противоречит первому, а только предупреждает тот ложный вывод из него, что само богатство должно делать своим другом. Почему и апостол говорит: *«желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу»* (1Тим.6:9).*

Раздел 17

Два различных события

Лк.7:36–50: Некто из фарисеев просил Его вкусить с ним пищи; и Он, войдя в дом фарисея, возлег. И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром. Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница. Обратившись к нему, Иисус сказал: Симон! Я имею нечто сказать тебе. Он говорит: скажи, Учитель. Иисус сказал: у одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят, но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его? Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил. И, обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи. И возлежавшие с Ним начали говорить про себя: кто это, что и грехи прощает? Он же сказал женщине: вера твоя спасла тебя, иди с миром.

Мф. 26:6–13: Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову. Увидев это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? Ибо можно было бы продать за большую цену и дать нищим. Но Иисус,

уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня: ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете; возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению; истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала.

Мк.14:3–9: И когда был Он в Вифании, в доме Симона прокаженного, и возлежал, – пришла женщина с алавастровым сосудом мира из нарда чистого, драгоценного и, разбив сосуд, возлила Ему на голову. Некоторые же вознегодовали и говорили между собою: к чему сия трата мира? Ибо можно было бы продать его более нежели за триста динариев и раздать нищим. И роптали на нее. Но Иисус сказал: оставьте ее; что ее смущает? Она доброе дело сделала для Меня. Ибо нищих всегда имеете с собою и, когда захотите, можете им благотворить; а Меня не всегда имеете. Она сделала, что могла: предварила помазать тело Мое к погребению. Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет, в память ее, и о том, что она сделала.

Ин.12:1–8: За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых. Там приготовили Ему вечерю, и Марфа служила, и Лазарь был одним из возлежавших с Ним. Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира. Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искарот, который хотел предать Его, сказал: Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор. Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали. Иисус же сказал: оставьте ее; она сберегла этот день погребения Моего. Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда.

Во всех процитированных здесь отделах из четырех Евангелий рассказывается о двух различных событиях. Но на основании некоторого сходства, которое имеют между собой эти события, их нередко смешивают или считают за одну и ту же

историю. Евангелист Лука в 7:36–50 рассказывает нам о грешнице, которая пришла ко Иисусу, когда Он возлежал за столом в доме фарисея Симона, и в знак своего глубокого раскаяния плакала, обливая слезами ноги Иисуса, отирала их своими волосами, целовала и мазала миром. Событие же, о котором повествуют другие три евангелиста: Матфей, Марк и Иоанн, есть, хотя сходное, но совсем другое событие, случившееся и в другом месте, и в другое, более позднее, время. Они рассказывают нам, как Мария (сестра Марфы и Лазаря) мазала миром ноги Иисуса, отирала их своими волосами и, по словам Самого Иисуса, как бы приготовила Его, прообразовательно, к погребению.

Мы не имеем в виду входить здесь в обстоятельное рассмотрение обоих этих очень назидательных событий, но хотим только обратить внимание на разность их. Ибо мы видим здесь особенно наглядный пример того, как часто люди находят противоречия в Священном Писании единственно по причине собственного незнания или вследствие того, что смешивают разнородные предметы и различные факты принимают за одни и те же события. Короче, как часто люди сами запутывают себя в противоречиях и потом навязывают их слову Божию. Некоторые же из противников истины даже умышленно поступают так с обоими этими евангельскими фактами, чтобы только достигнуть злой своей цели – набросить тень на слово Божие и христианство. Они говорят: история женщины, помазавшей миром Господа, рассказывается во всех четырех Евангелиях, но при этом рассказе евангелисты более или менее расходятся между собою. Таким образом, они представляют, что все четыре евангелиста в данном случае говорят об одном и том же событии. Но известие Луки, за исключением только самого помазания миром, почти совершенно отличается от того, что рассказывают другие три евангелиста. Событие, сообщаемое Лукой, совершилось в Галилее, между тем как описываемое другими евангелистами происшествие было в Вифании, в Иудее. Различаясь, таким образом, по месту, они различаются и по времени, в которое они совершались. Помазание Иисуса Христа в Вифании было незадолго до

смерти. Его помазание же, сообщаемое Лукой, случилось ранее. Между тем как евангелисты точно обозначают время и место первого помазания, никто не может определенно сказать: когда и где случилось второе. Евангелист Лука говорит об этом обстоятельстве неопределенно, и мы не знаем поэтому точно ни времени, когда случилось данное событие, ни города, в котором оно было, а знаем только, что оно было в Галилее и задолго до смерти Иисуса Христа. Равным образом не говорит Лука и о том, как звали эту женщину. Обыкновенно думают, что это была Мария Магдалина, из которой, по замечанию евангелистов, Иисус Христос изгнал семь бесов ([Лк.8:2](#) и [Мк.16:9](#)). Но это только предположение, которое не может быть доказано, равно как никогда нельзя доказать и того, что это была сестра Марфы – Мария.

Но евангелисты определенно говорят при этом о разного рода других обстоятельствах, которые дают нам основание признавать эти два события за различные. В одном случае женщина, помазавшая Иисуса, была великая грешница ([Лк.7:37](#)), а в другом это была Мария – сестра Марфы и Лазаря, находившаяся в числе гостей ([Ин.12:3](#)). В одном случае победительной причиной помазания служило искреннее раскаяние во грехах и благодарность за отпущение этих грехов, а в другом этим побуждением была великая преданность и благодарность за воскресение брата. Различны были далее в том и другом случае и лица, упрекавшие женщину за непроизводительную, по их мнению, трату драгоценного мира – в одном случае это был гордый фарисей, а в другом лицемерный Иуда. Неодинаков, наконец, был при этом и ответ Господа, равно как и обетование, которое Он дал в том и другом случае. И сами заключительные слова Господа: *«вера твоя спасла тебя, иди с миром»* ([Лк.7:50](#)), показывают, что эта особа была чуждой данному обществу, и не могли быть обращены к Марии, находившейся в дружбе с Иисусом и принадлежавшей к числу членов возлежавшего за столом общества.

Таким образом, в отмеченных нами отдельных четырех Евангелий речь идет не об одном и том же факте, как думают

некоторые, но о двух различных событиях, совершившихся в различные времена. А если так, то не справедливо указывать на них, как на такие места, где евангелисты расходятся между собой и противоречат друг другу, как делают это противники истины.

О страхе Божиим и уповании на Бога

Не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать; но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геену: ей, говорю вам, того бойтесь.

Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога. А у вас и волосы на голове все сочтены. Итак не бойтесь: вы дороже многих малых птиц.

Лк.12:4–7

Благословение Господне да почиет на вас, возлюбленные братья, в наступающем году! Вот мое первое к вам слово в настоящий день – день нового года! Первое слово в день нового года – может ли оно быть каким-либо другим, как не словом благожелания? Если уже при наступлении обыкновенных дней есть у нас благочестивый обычай приветствовать друг друга с добрым утром, так как мы знаем как много доброго и худого может принести и один день, то тем уместнее это наше благожелание в день нового года. *Год!* – как много он скрывает в своих недрах! Радости и печали, барыши и убытки, жизнь и смерть, судьбы отдельных лиц, судьбы родов и семейств, судьбы целых государств и народов. Естественна поэтому сейчас мысль о том, что принесет он каждому из нас, собравшихся в этом храме. Если бы мы могли взглянуть на все течение года, как на одну большую дорогу, по которой идут люди, то, что увидели бы мы? Мы увидели бы здесь: одних – легко и бодро идущими впереди, а других – утомленными под тяжестью своей ноши и отстающими позади. Мы увидели бы здесь, как одни другим или преграждают путь, или дают свободный ход, или взаимно избегают сближения. Мы увидели одних веселыми, а других печальными, одних ликующими с арфами в руках, а других, подобно пленным евреям, «*на вербных*» повесившими арфы свои и безутешно плачущими (Пс.136:2). Все эти путники земли представились бы нашему взору в одной пестрой давке и толкотне, но каждый со своим особым жребием, смотря по тому, какой кому определен Богом. И только то все они имеют общего, что никто из них не уверен в

постоянстве и неизменности своего жребия. Вот, например, тот, которому так приветливо улыбается сейчас счастье. Уверен ли он, что в ближайшем будущем он не очутится в рядах несчастных и не будет пить горькой чаши страданий? А этот, что в надменном сомнении смеется сейчас над угрожающим перстом Божиим, почему он знает, что в сию же минуту не схватит его мощная десница Всевышнего и не поставит пред престолом вечного Суда? Но к чему, братия, рисовать вам картину того, что, быть может, гораздо лучше меня рисует каждый из вас своим собственным воображением? Но кто это делает, тот, наверное, вместе со мной задается вопросом: что принесет наступающий год каждому из нас, собравшихся в этом храме? И смущенно, с затаенным страхом, останавливается он перед завесой неизвестного будущего, не имея возможности приподнять ее. Но ужели, братия, мы, в самом деле, так беспомощны в этой неизвестности судьбы своей? Ужели нет у нас одного луча света, который освещал бы нам эту непроглядную тьму будущего, исполнял бы наше сердце утешительной уверенностью. О, религиозное чувство знает, что у нас есть такой светильник. Религия, вера, основанная на слове Божиим – вот что дает нам этот свет, если не в отношении отдельной судьбы, постигающего каждого из нас, то, по крайней мере, в отношении направления, которого мы должны держаться на пути нашей жизни, чтобы верно и безопасно идти к счастливой цели. Вот почему Церковь радуется сегодня за того, кто переступает порог нового года под руководством этой религии – но скорбит о том, кто не знает и не хочет знать этого руководства, но на всех призывает благословение Господне; ибо как для верующего, так и для неверующего она имеет одно и то же желание – для того, чтобы он оставался при прежнем руководстве, а для этого – чтобы он отдался этому единственно верному вожатаю на пути нашей жизни.

Какие же средства дает нам религия на этом пути?

Как мореплавателю для безопасного совершения пути необходимо нужны, главным образом, две вещи – компас и якорь, так и нам на нашем житейском море, как это вытекает из

приведенного нами текста, религия предлагает два средства – это *«страх Божий и упование на Бога»*. Страх Божий – это компас, который показывает, какого направления мы должны держаться в нашем плавании, чтобы приплыть к своей пристани, а упование на Бога – это якорь, который мы должны иметь в своих руках на тот случай, если нашей лодке будет угрожать опасность сесть на мель или быть выброшенной на берег.

Итак, страх Божий должен быть компасом нашей жизни.

Христианин! Я не знаю, наверное, руководишься ли ты в своей жизни этим страхом, но хорошо знаю, что если нет у тебя страха Божия, то есть другой страх, именно человеческий, который руководит твоей жизнью в ее существенных целях. В самом деле, какое чувство является у тебя всякий раз, когда ты, задавшись какой-нибудь благой целью, избираешь путь для ее достижения? Это чувство боязни перед теми случайностями, которые могут повстречаться на этом пути, и перед теми препятствиями, которые могут разрушить твои планы и намерения. Эта боязнь не только оказывает большую или меньшую долю влияния на твое решение, но и всецело подчиняет его себе. Если дело, задуманное тобою, есть дело особенной важности, то, конечно, не стоит браться за него, не приняв в расчет те враждебные силы, с которыми тебе придется вести борьбу, и, не взвесив своих собственных сил – но чем оканчивается в большинстве случаев это взвешивание? Тем, что ты поговоришь о своем деле, да и только. И это бывает даже и тогда, когда враждебные тебе силы вовсе не такого свойства, чтобы их можно было бояться. И сколько благих и в высшей степени полезных начинаний остается без осуществления по причине этого малодушного страха! Деятели, призванные Богом для осуществления великих мировых задач, также мало свободны от этого, как и те, которые поставлены для выполнения небольших поручений и в небольших кружках. Дальнозоркие государственные мужи, ясно сознающие нужды и потребности времени, глубоко убежденные в высоте своих идей, и те часто не бывают способны к выполнению своих задач, потому что человеческий страх отсекает у них всякий

смелый шаг. Страх потерять благорасположение общества и друзей, страх здесь толкнуть, а там – наткнуться, здесь раздражить и оскорбить, а там – потерпеть неудачу, страх во всех его видах мелочного житейского, своекорыстного расчета овладевает нерешительной душой и делает ее неспособной ни к какому серьезному предприятию. И это бывает как в великих сферах, так и в небольших кружках. Во всяком звании и во всякой должности есть нечто в своем роде великое, и было бы вполне достойно человека энергично браться за это великое и смело идти к его осуществлению. Но вот проникают в нерешительную душу запугивающие мысли и разрушают все. Перед твоим умом ясно встают высшие задачи жизни, ты видишь, как прекрасно мог бы совместить их с твоими обыденными занятиями, и как много добра могло бы принести осуществление этих задач – но лишь только помыкнулся ты приступить к делу, минутный пыл твоего воодушевления успел уже остыть и опять-таки под влиянием человеческого страха и самолюбивого человеческого расчета. Ты скорее предпочитаешь остаться при обыденных твоих занятиях, где ничто тебя не тревожит, чем задаваться высшими целями, где борьба обещает тебе немало бессонных ночей.

О, как малодушно и робко человеческое сердце! Оно всегда думает прежде об опасностях, угрожающих ему, чем об истинном благе, которого оно могло бы достигнуть. А между тем это имеет глубокое нравственное значение. Перед Небесным Судьей ты строгий ответ должен будешь дать за то, что, имея возможность сделать много доброго, ты не сделал этого по причине человеческого страха. Но еще большей ответственности подвергается тот, кто из-за этого страха сделал даже много злого. Против этого-то греха и вооружается Господь в приведенном нами тексте, когда говорит: *«Не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать; но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геену»* (Лк.12:4–5).

Великий страх производит на человека ослепляющее действие. Мы видим, как иногда человек в страхе совершает такие вещи, каких не делает ни один разумный человек. Но

всего нагляднее это ослепление сказывается в нравственной области, где человек нередко становится в противоречие с тем, что рассудок его признает за верное. Конечно, человеку естественно в начале своего предприятия иметь в виду исход и успех его, и если он предвидит для себя сильное противодействие и даже опасность для своего блага и жизни, то благоразумие требует от него еще раз подвергнуть строжайшему обсуждению свое намерение, а не сразу решаться на его осуществление. Но если, с другой стороны, ему грозит более серьезная опасность сбиться с пути правды и истины и подпасть таким образом суду Всемогущего Бога, то должен ли он колебаться в своем решении? Человек пугается грозного взгляда своего земного властелина, а разве для него легче переносить разгневанный взгляд своего Небесного Господа? Человек трепещет перед сильными мира сего, а рука Всемогущего Бога разве недостаточно сильна, чтобы изладить его из книги жизни? Человек боится угроз толпы, суда общественного мнения, он позволяет себе нарушать закон, поступать вопреки совести, долгу, чести, потому что от этого зависит его спокойствие и жизнь – а Праведный Судья мира разве слишком далеко, чтобы убить его и, *«по убиении, ввергнуть в гиену?»* О, если бы мы всегда взвешивали это в своей боязни, если бы мы имели в виду всегда не столько удобства временной жизни, сколько вечную свою участь, то при отчете в своем поведении за минувший год нам менее всего пришлось бы плакать слезами раскаяния и менее вопить к Богу о прощении нас за наше низкое, характерное человекоугодничество. Вот почему, вступая в новый год, дадим, братия, от души обет – *«повиноваться больше Богу, нежели человекам»* (Деян.5:29).

Но кроме страха Божия религия предлагает нам, как мы сказали, второе необходимое на нашем жизненном пути средство – *«упование на Бога»*. Не нова эта мысль, но я уверен, что, говоря об уповании на Бога, я попадаю, так сказать, в самую суть мыслей, возникающих у большинства из нас в день нового года. Ибо как бы далеко ни расходились они в частности, однако все они сходятся в том, что без веры и

надежды на Бога неизвестность будущего производит на человека какое-то тяжелое, подавляющее действие. Я не сделаю, кажется, ошибки, если скажу, что большую часть из нас собрала сюда это именно надежда на Бога, в силу которой более счастливые из нас пришли помолиться, чтобы Бог продлил их счастье и в наступающем году, а несчастные – чтобы Он, хоть в этом году положил конец их бедствиям. Да, как счастливым, так и не счастливым одинаково нужно это упование. Но сообразно приведенному тексту я останавливаюсь сейчас своей мыслью преимущественно на последних, то есть на тех бедствующих наших братьях, которые вечером еще не знают, чем они по утру утолят свой голод, или прикрывают наготу, или на тех семействах, которые внешне-то еще прикрывают свою нищету, но сердце отца которых давно уже снедается скорбью и заботой, потому что не знает, где взять средства, чтобы предотвратить от себя и детей своих явную нищету. О, вы бедные! Еще нет необходимости и вам предаваться отчаянию. Послушайте, что говорит в утешение ваше Спаситель: *«Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога. А у вас и волосы на голове все сочтены. Итак, не бойтесь, вы дороже многих малых птиц»* (Лк.12:6–7).

Я размышляю далее о тех из наших собратий, для которых жизненный путь в течение минувшего года делается все менее и менее благоприятным, надвигались грозные тучи, и небо становилось все мрачнее и мрачнее, уже ночь бросила на них тень свою, и исчез последний луч надежды на благополучный исход. Но не бойся и ты, странник этой юдоли земной. Не забывай, что над ней царит Тот, Который дает направление облакам, ветрам и воздуху, – Он и для тебя найдет путь, по которому пойдет нога твоя.

Но если уже несчастье постигло тебя, то и в этом случае не теряй надежды. Знаю, что этим я не возвращу понесенных тобою убытков, не исцелю постигшей тебя болезни, не устраню смерти, похитившей у тебя самое дорогое в жизни, и однако прошу тебя – не жалуйся, не ропщи, ты не знаешь мудрых путей любящего тебя Бога; а если бы ты знал их, то сказал бы: все,

что делает Бог, дается к лучшему. Что причиняет скорбь плотскому человеку, то может заключать в себе истинное благодеяние для человека духовного. Вникни в себя, не получил ли и ты такое благодеяние в твоей скорби? И если в дни своих несчастий ты научился не привязываться своим сердцем к земным предметам, от непорочности и скоротечности их обращать свой взор к постоянному, вечному, при смерти близких думать о том, что будет по смерти – то ты поистине получил это благодеяние. Каждый, кто хочет быть учеником Христа, должен, конечно, и учиться в Его школе. А эта школа есть школа страданий, крестная школа, которая учит смотреть на бедствия, как на испытание нашей духовной способности. Если ты считаешь себя слишком обиженным твоим низким положением и изнываешь от зависти, смотря на других, выше тебя поставленных собратий, то помни, что чем выше поставлен человек, тем тяжелее бывают для него испытания. Но *«блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни»* (Иак.1:12).

Братия! Мы не знаем, что принесет каждому из нас новый год, но священная обязанность наша – быть готовыми на все, что он может принести. Ничего, конечно, не будет предосудительного и противного религии в том, если мы будем просить у Отца своего Небесного лучшей доли, но это мы должны делать с тем, однако, ограничением, чтобы в то же время быть готовыми к безропотному перенесению и худшего жребия, если Богу угодно будет послать нам таковой. Все что снисходит свыше от Отца светов, есть *«дар совершенный»* (Иак.1:17). Отец не может отречься от Своего отцовского сердца, хотя Он отвращает иногда Свое лицо, но никогда не отвращает Своего сердца. Отдадимся же поэтому Его воле. И если затем поднимутся бури жизни, и наша лодка сделается игрою ветра и волн, то что из того? Сбросим якорь христианской веры и надежды, положимся всецело на Бога – Он может спасти. Он спасет нас! Аминь.

Против отрицающих почитание святых

Мы собрались здесь, братия, почтить память святого благоверного князя Даниила, по случаю исполнившегося 250-летия со времени открытия честных мощей его. Замечательно, что торжество это совпало с праздником в честь отца святого Даниила – святого благоверного великого князя Александра Невского. Итак, несколько веков прошло уже с тех пор, как эти два великих мужа отошли в вечность, но святая память их чтится и доселе в Святой Церкви Христовой. И счастливы мы, братия, что принадлежим к этой Церкви и имеем возможность принимать участие в чествовании святых ее! В этом чествовании выражается наше с ними общение, а через них и с самим Царством Христа, членами которого состоят они. Если немалым счастьем считаем мы для себя общение с высокими людьми мира сего, если и при их содействии мы достигаем иногда немалых благ для себя, то тем большим счастьем для нас должно быть общение со святыми небожителями, ибо, стоя близко к престолу Всевышнего, каких милостей и благ не могут исходатайствовать они для нас по нашим молитвам! Но, ах, зачем же расторгается эта связь, это плодотворное общение со святыми у последователей новых, «отъинуду» пришедших к нам учителей? Зачем попирают они эту истину веры, которая так много говорит уму и сердцу человека и так наглядно изображает нам величие и славу Царства Христова? Думаю, что вы хорошо знаете, кого разумею я, говоря это – знаете, у кого является предметом не только спора, но и насмешек и издевательства, учение нашей Церкви о почитании святых. Я разумею наших пашковцев, молокан, штундистов, толстовцев и других сектантов-рационалистов, которые, к несчастью, начинают появляться и у нас в Москве. Чтобы уметь нам дать отпор им и ответ всякому вопрошающему о нашей вере, я нахожу благопотребным разобрать сейчас перед вами некоторые из тех возражений, которые делают нам сектанты против догмата нашей Церкви о почитании святых.

В первом из таких возражений они обвиняли нашу Церковь в нехристианском многобожии и идолопоклонстве. Почитая святых и призывая их в своих молитвах – говорят они нам – вы ставите их наравне с Богом, молитесь и поклоняетесь им как богам, тогда как Сам Бог сказал: *«Я Господь, Бог твой... да не будет у тебя других богов пред лицом Моим»* (Исх.20:2–3).

Слушатели православные! Вы справедливо удивляетесь такому возражению, и я должен сознаться, что и мне не без грусти и нравственной туги приходится высказывать эти дерзкие речения. Чтобы ослабить такого рода нападки, напрасно ссылаемся мы на давность учения, которое Церковь так же громко исповедала всюду и за тысячу лет, как и сейчас, напрасно указываем на то, что упрек ей в идолопоклонстве неоднократно и самым торжественным образом отражаем был и голосом отдельных учителей нашей Церкви, и целыми Соборами, напрасно указываем мы на Божественное откровение и на наши богословские книги и сочинения, в которых так ясно изобличается ложь и неправота такого учения – упрек этот повторяется все чаще и чаще, раздается все громче и громче.

Но наша Православная Церковь слишком далека от многобожия и идолопоклонничества. Одному только Троиединому Богу она поклоняется, а святых только почитает. А между поклонением Богу и почитанием святых – громадное расстояние – такое же расстояние, какое между Творцом и тварью. Богу поклоняться – значит исповедовать, что Он – виновник и причина всех вещей, что Его величию подчинено всё и от Его воли и власти зависит всё, как на небе, так и на земле. Святые же суть творения, и мы никогда не ставим их наравне с Творцом. Мы хорошо знаем, что они были такие же люди, как и мы, и потому никогда не смешиваем их с Высочайшим Существом. Но мы оказываем им ту честь, любовь и уважение, которое они заслужили своими нравственными подвигами и величайшими добродетелями. Ведь оказывают же и в мире почести тем людям, которые прославились какими-либо великими деяниями и которые стяжали себе известность в области науки, искусства и т. п., ведь прославляют же их

заслуги, празднуют же дни их рождения, ставят же им великолепные памятники и монументы. Ужели же одной Церкви не должно быть позволительно делать это в отношении к тем, которые прославились своей святостью? Если талант, наука, отвага и храбрость достойны уважения, и если тот сам бесчестит себя, кто отказывает им в этом, то тем более права на уважение и почитание имеет без сомнения добродетель и святость, в которых и состоит истинное величие пред Богом. При этом необходимо принять еще во внимание и то, что мы Бога чтим ради Его Самого, а святых – ради Бога и Христа. Ибо Бог ни от кого ничего не получает, а святые всё – и жизнь, и благодать получили от Него. Эти изумительные нравственные подвиги, соединенные с полным самоотвержением, эта чистота и святость их жизни – все это было делом не их собственной силы, а благодати Иисуса Христа. Мы почитаем в них слуг Бога и живых членов Христа, а потому в лице их почитается нами и Сам Бог. Как в видимом творении это солнце, эта луна и звезды, эти горы и океаны, растения и животные возвещают всемогущество и святости Бога: *«Дивен Бог во святых Своих»* (Пс.67:36). Почитая и прославляя святых, мы еще более прославляем Того, из полноты Которого все они черпали благодать.

Но мы, однако, *«призываем»* святых в наших молитвах? Да, мы призываем их, но иное дело призывать Бога и иное – призывать святых Его. К Богу обращаемся мы с молитвою, как к Единому Всемогущему Существу, от Которого исходит *«всякое даяние благо и всяк дар совершен»* (Иак.1:17). Святых же мы просим только ходатайствовать за нас пред Богом и Христом. Как друзей Бога, которые суть и наши друзья, мы просим их соединить свои молитвы с нашими и вместе с нами предстать пред престолом Всевышнего. Они сами по себе не могут дать нам просимые блага, но они могут помочь нам в получении оных от Бога своими молитвами. Вот почему к Богу мы обращаемся со словами: *«Господи помилуй нас»*, а к святым: *«молите Бога о нас»*. В этом нашем призывании святых ничего нет нехристианского и безбожного. Ужели можно назвать идолопоклонством то, например, если живущие на земле

просят друг у друга помощи, молитв и ходатайства, если больной или несчастный говорит своему собрату: помоги мне твоими молитвами пред Богом?

Далее сектанты говорят: Бог хочет, чтобы мы всю свою надежду и упование возлагали на Него, Ему только открывали свои нужды, и Он Сам силен удовлетворить нас. Но рядом и наравне с Ним возлагать надежду на святых и к ним обращаться, как к Его помощникам – это уже недостаток надежды на Бога, недоверие к Его всемогуществу, унижение Его величия.

Но вы только что слышали, братия, что в Боге мы признаем виновника всех как телесных, так и духовных благ. Мы никого не считаем равным Ему, кто мог бы даровать нам спасение, благодать и блаженство. Если мы просим святых ходатайствовать за нас пред Богом, то через это не умоляется ни любовь наша к Нему, ни власть Его над нами. На Нем одном сосредотачивается наше упование, хотя в то же время мы веруем, что наши святые братия на небесах могут подкреплять наши слабые молитвы пред Богом. И через это мы нисколько не оскорбляем Бога. Когда мы желаем от царя какой-нибудь милости и обращаемся к его другу, к его матери или даже к верному и близкому к нему слуге, чтобы они соединили свои просьбы с нашей, то через это царь ведь ничего не теряет и не перестает быть царем, от которого всецело зависит испрашиваемая милость. Его величие этим не только не унижается, а, напротив, возвышается высотой тех, которые его просят. Причина, почему мы обращаемся к помощи святых, заключается не в недостатке нашей надежды на самих себя. Мы знаем, что Бог может дать нам все, что нужно для нас, но не знаем, достойны ли мы того, чтобы Он услышал нас. Мы стоим перед Ним, как грешники, с сознанием, что мы не раз злоупотребляли Его благостью, не раз оскорбляли Его величие; а потому, не надеясь на себя, мы прибегаем к помощи тех, которые ближе к Нему, которые *«всегда видят лице Отца Небесного»* (Мф.18:10), которые любезнее для Него и святее, чем мы. А чем святее, чем праведнее молящийся, тем действительнее и успешнее молитва. *«Много может, – говорит*

апостол Иаков, – *усиленная молитва праведного*» (Иак.5:16). Если мы молим святых подкрепить нашу молитву, то в этом сказывается не недостаток веры и упование на Бога, а скорее благоговение к Нему, сознание нашей греховности, наше смирение, которое служит основанием истинного упования.

Но святые не имеют никакого общения с людьми на земле. Они не могут знать, что происходит на земле – или им нужно приписать всеведение, следовательно, сделать их богами, или нужно признать за истину, что обращение к ним бесполезно.

Но кто утверждает, что между святыми и нами нет никакого общения, тому вправе мы сказать то же, что сказал некогда Спаситель саддукеям: *«Заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией... Бог не есть Бог мертвых, но живых»* (Мф.22:29, 32). Узы, которыми соединил верующих Спаситель, настолько крепки, что их не разорвать и самой смерти. Все они, учит Священное Писание, члены одного тела, глава которого Христос (Рим.12:5, 1Кор.12:12, Еф.1:10). Если верно, что они и по ту сторону гроба в соединении с Христом, то верно и то, что они стоят в связи с нами, живущими на земле. Наши святые не суть мертвые существа, но живые. А если они продолжают жить, то продолжают и любить нас. Загляните, братья, в душу того или другого святого! Велика была любовь их к своим братьям, и чем святее они были, тем более они молились и подвизались за них. А теперь, когда Господь отозвал их к Себе, ужели эта любовь навсегда должна погаснуть в душах их. Ужели они могут забыть Церковь Спасителя, из недр которой вышли сами? – Нет! Они скорее перестанут жить, чем прекратят участие в судьбе нашей. С переходом на Небо любовь их не ослабела, а еще более усилилась, так как они всецело проникнуты теперь беспредельной любовью Бога.

Но знают ли святые о нас? Слышат ли, могут ли слышать они наши молитвы? – Православная Церковь никогда не приписывала святым своим ни вездеприсутствия, ни всеведения. Эти свойства принадлежат только Богу, и приписывать их святым было бы богохульством. Но таким же богохульством было бы и сказать, что Бог не в состоянии сообщить им знание того, что происходит на земле. Какое

чудесное изумительное знание сообщал Он им, когда находились еще на земле! Так, например, пророков просвещал Он настолько, что они предвидели и знали будущее. Апостолу Петру открыл Он сердце Анании и Сапфиры (Деян.5:3–9), апостола Павла восхитил до третьего неба, где он слышал неизреченные глаголы (2Кор.12:2). Если же Он такое знание сообщал им, когда они были еще на земле, то несравненно большее знание Он может сообщить им на Небе. Обращение грешника к Богу есть действие невидимое, внутреннее; но Сам Спаситель свидетельствует, что между Ангелами на Небе бывает великая радость и «о едином грешнике кающемся» (Лк.15:7). Если же такое ведение дает Господь Ангелам, которые также не всеведущи, то без сомнения Он может сообщить и святым знание наших душевных расположений и наших молитв к ним.

Таким образом, учение нашей Церкви о почитании святых оправдывается со всех сторон. Будем же, братия, крепче любить их и чаще обращаться к ним в своих молитвах, и это будет наилучшим нашим ответом тем, которые нападают на нас. Воззовем из глубины душ наших и к ныне чествуемому нами святому: святой благоверный княже Данииле! К тебе припадаем с усердной нашей молитвой и поклонением! Веруем, что ты слышишь в Боге твоём, как мы ублажаем и величаем тебя, видишь, как стекаемся к раке твоей торжествовать твою память. Знаем, что нам своими величаниями не увеличить твоего небесного величия и блаженства, и что единственное приращение, какое мы можем доставить твоему блаженству, есть то, чтобы доставить любви твоей радость нашего спасения. Веруем также, что молитва твоя, как молитва праведного, много может пред Благосердным Владыкою. Умоли же Господа Бога, дивного во святых Своих, да ниспошлет Он нам благодать Свою от святых мощей твоих и да соделает нас способными понимать наставников, глаголавших нам слово Божие, и не нас только, но да вразумит и тех несчастных отщепенцев-сектантов, которые и сами не веруют в них, и других отвращают от этой веры. Аминь.

Беседы на семь слов Спасителя со Креста

Во имя Отца и Сына и Святого Духа

Когда приходится нам слышать какие-нибудь слова из уст умирающих родных и близких сердцу нашему, то с каким напряженным вниманием выслушиваем мы их! Мы все тогда превращаемся как бы в слух, стараясь не проронить ни одного слова. И эти дорогие предсмертные слова производят на нас столь глубокое впечатление, что остаются уроком на целую жизнь. Не с гораздо ли большим вниманием должны относиться мы к предсмертным словам нашего Господа? Не гораздо ли более обильным источником утешения и назидания должны служить для нас как слова Богочеловека, Искупителя нашего! Вот почему, избрав предметом настоящих бесед своих с вами, возлюбленные братья, семь слов Спасителя со Креста, я льщу себя надеждой, что вы не останетесь глухи к этим беседам и не откажете им в благочестивом вашем внимании.

1. Отче! отпусти им, не ведут бо, что творят

Я Отче! отпусти им: не ведут бо, что творят.

Лк.23:34

Вот первое из этих слов.

Настала страшная ночь и еще более страшный час дня с того момента, когда Спаситель со Своими учениками с Тайной Вечери отправился в Гефсиманию на Свои страдания. Оставленный Своими, коварно преданный одним из двенадцати учеников Своих, потерпевший измену со стороны Петра, Он, связанный и поруганный, приводится к первосвященнику и старейшинам на суд за то, что Он исповедал Себя Христом – Сыном Божиим. Будучи предан затем в руки язычников, Он подвергается поруганию, оплеванию, заушению, насмешкам, увенчивается терновым венцом и с пощечинами приветствуется царем иудейским. Как борется гордый римлянин с этими независимыми иудеями из-за жизни Обвиняемого, в Котором он не находит никакой вины! Но напрасно! Да кто может и требовать, чтобы он пожертвовал благоволением своего императора из-за того только, чтобы спасти жизнь какого-то, почти до смерти замученного иудея? – Он предает Его на распятие. Вот ведут они Его к месту казни. Он изнемогает под бременем Креста, нести который помогает Ему некий Симон Киринеянин. Не плачьте вы, дочери Иерусалима, о Нем! Плачьте о себе самих и о чадах ваших! Ах, если бы кровь этого Агнца, взявшего на Себя грехи всего мира и чад его, послужила не к осуждению вашему, а к отпущению грехов ваших!

Вот достигли они Голгофы – места распятия и приступают к страшному делу, кровавому делу. Грубые воины раздевают Его донага, только терновый венец украшает еще эту израненную и окровавленную голову. Вот натягивают они Его тело с распростертыми членами на Крест, железными гвоздями прибивают к нему Его руки и ноги, и Он висит между небом и землей. А по правую и левую сторону от Него два разбойника. С жадностью набрасываются грубые воины на Его одежды, они делят свою добычу и своими окровавленными руками бросают

жребий из-за этой одежды, а между тем народ и старейшины толпятся вокруг Креста, со злорадством глазеют на Его мучения и с язвительной насмешкой говорят: *«Других спасал, а Себя Самого не может спасти; если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него; уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын»* (Мф.27:42–43). Вот момент, в который Распятый отверз уста Свои для этого первого Своего слова со Креста – слова первосвященнического ходатайства за Своих убийц.

«Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Ис.53:7). Как предсказал пророк об Агнце Божиим, взявшем на Себя грехи мира, так именно и случилось здесь, во время Его мучения на Кресте. Он не открывал уст Своих против тех, которые Его мучили и вели на заклание. *«Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному»* (1Пет.2:23). Но когда Он увидел то варварское злодеяние, которое совершали они над Ним, когда представил Он Себе всю великость их вины и всю глубину бедствия, которое они навлекали на себя своим грехом, тогда не мог Он более молчать. Тогда отверз Он уста Свои для слова. Не о Своих собственных муках, не о том позоре, который терзал Его сердце, думает Он – Он возводит молитвенный взор Свой горе, к Богу и просит Его о помиловании тех, которые так безжалостно мучили Его: *«Отче! отпусти им: не ведут бо, что творят!»*

Прославлять имя Отца Своего на земле был Он послан, творить волю Отца Своего и совершать Его дело было задачей Его жизни. Вот почему Он готов был исполнить и всякую правду, и выпить до дна ту чашу, которую Ему дал Отец и был *«послушным даже до смерти, и смерти крестной»* (Флп.2:8). А потому-то Он и в этот час Своих тяжких страданий устремляет взор Свой только к Отцу. В Нем одном было все Его утешение, в Нем одном заключался весь мир Его души. Отвергнутый миром, оставленный Своими, Он имеет дерзновенный доступ к

Отцу, волю Которого Он исполняет и по воле Которого Он страдает, и благоволение Которого почивает на послушании Сына! Вот почему имя Отца является первым словом, которое слышится с Креста из уст Сына.

«Отче! отпусти им!» Вот содержание Его молитвы, она относится к тяжелой вине тех, которые были причиной Его страданий, Его святая душа в ужас приходит перед великостью их вины. Там в небесных высотах, Он видит руку Праведного Судии, простертую для отмщения злодеям, и спешит обратиться к Нему со Своим ходатайством. Он молится о помиловании врагов Своих, молится, чтобы они обратили сердца свои к покаянию и подумали бы о том, что служит к их миру; дабы они в крови, пролитой ими, могли найти себе милость и отпущение грехов.

«Отче! отпусти им!» За кого же, собственно, молится так Спаситель? Только ли за грубых воинов, совершивших дело Его казни – за этих почти невольных орудий в руках старейшин и начальников. Или за тех, во имя которых совершено было таковое? За этого гордого римлянина – Пилата, для которого благоволение его императора было дороже, чем мир его совести? За этих иудеев, которые предали Его в руки язычников и о которых Господь Сам говорит Пилату: *«посему более греха на том, кто предал Меня тебе»* (Ин.19:11)? За этот народ, который в неистовом исступлении кричал: *«кровь Его на нас и на детях наших»* (Мф.27:25), равно как за этих начальников и старейшин его, которые и теперь, в самых страданиях Его, находят для себя удовольствие? Да, конечно, за всех, за весь мир грешников, грехи которых Спаситель вознес с собой на Крест. Да, она всех обвиняет, эта невинная Кровь, так жестоко пролитая здесь над всеми. Он видит поднятую для суда руку Божию, и за всех них молится Он, Милосердный Первосвященник со Креста Своего: *«Отче! отпусти им: не ведут бо, что творят!»*

«Не ведут бо, что творят!» Не то значит это, чтобы они не знали, что совершаемое ими дело есть грех – этого нельзя сказать даже и о невежественных воинах, еще менее это можно сказать о Пилате, которому его совесть подсказывала, что Тот,

Которого он предал на смерть, невиновен, или об этих иудеях и их начальниках, для которых сам Иуда сделался обвинителем своими словами: *«согрешил я, предав кровь невинную»* (Мф.27:4). Затем, с каким воодушевлением ранее говорили они о Том, Которого они предали теперь в руки язычников для осуждения на смерть: *«великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой»* (Лк.7:16). *«Мы знаем, – говорил Ему некогда один из начальников, – что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог»* (Ин.3:2).

Не то, следовательно, значит это, чтобы они не знали, что дело, совершаемое ими, есть тяжкий грех, но и не то, чтобы они знали, что Распинаемый ими есть Христос, Сын Божий. Какого труда стоило Пилату освободиться от впечатления, которое произвел на него Обвиняемый! И эти старейшины, израильские мудрецы и книжники, и эта вся толпа народа – почему не знали и не уразумели они того, что исповедовал Пётр и что открыто младенцам? Они *«не хотели»* знать, а потому и не знали. В исполнении Божественных обетований, как оно совершилось перед их глазами, ничего не было такого, что могло бы благоприятствовать их гордости и честолобию, их низменным, плотским стремлениям и интересам. Что им было до такого Христа, как этот? Какая польза могла быть им из такого Царства, в которое они, как грешники, должны были входить наравне с мытарями и грешниками? Вот почему глаза их были закрыты для истины. И, однако, они *«не ведут... что творят»*; и апостол Пётр прав, если он в день Пятидесятницы говорит своему народу: *«вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению»* (Деян.3:17). Сущую правду говорит и апостол Павел, когда свидетельствует, что *премудрость Божию, тайную, сокровенную... никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы»* (1Кор.2:7–8). Они *«не ведут, что творят»*. Если бы они знали это, если бы они сознавали и с полной ясностью представляли себе всю великость своего греха, то они, может быть, и не сделали бы сего! Вот почему Господь просит о их помиловании, дабы они могли это сознавать, раскаяться и

испросить прощения грехов своих во имя Того, Которого они распяли.

Ах, они *«не ведут еще и сейчас, что творят»* – враги Христа и Его Креста, когда они, обольщенные призраком суетного и ложного просвещения, почитают за глупость в тайне сокровенную премудрость Божию – или они, соблазняемые похотью своей плоти и заботами мира сего, снова распинают Христа своими грехами! Они *«не ведут, что творят»* – те бедные, обманом своих жрецов и идолослужением своих предков вводимые в заблуждение и ослепляемые язычники, когда они снова преследуют Христа в лице Его благовестников и миссионеров и со служителями Церкви Христовой делают то же, что делали иудеи со своим Учителем. Да знаем ли и все-то мы, что делаем мы нашими грехами! Ведь мы были бы не лучше сатаны, если бы мы ясно представляли себе всю мерзость и отвратительность пред Богом грехов наших и все-таки продолжали совершать их! Но этим я не хочу сказать, братия, что мы в нашем неведении достойны только сожаления, а не обвинения. Ибо почему же не знаем мы того, что мы делаем? Почему мы даем так много свободы и простора своей гордости и себялюбию, своим страстям и мирским заботам, что они служат преградой к познанию единого на потребу? Почему Дух Божий не имеет над собой столько силы, чтобы снять покрывало с очей наших?

О, она всех нас обвиняет пред Богом – вина бесчисленных грехов наших, хотя бы мы и не знали, что мы делаем. И то, что мы еще не совершенно погибаем в грехах своих, что мера Божественного долготерпения в отношении нашего растленного поколения не совсем еще исчерпана – это есть плод первосвященнического ходатайства нашего Господа Иисуса, с которым Он еще и сейчас выходит за нас к Праведному Судии всех, Богу, предотвращает Его карающую руку, взывая за нас, грешников: *«Отче! отпусти им, не ведут бо, что творят!»*

Итак, придите вы, грешники, и спешите спасти ваши души, пока еще не поздно. Кайтесь и ищите прощения ваших грехов во имя Того, Которого вы так долго отвергали в вашем неверии, распинали вашими грехами, дабы благословение Его

первосвященнической молитвы изливалось и на вас, как излилось оно некогда на три тысячи душ, которые после проповеди апостола Петра в день Пятидесятницы принесли покаяние и крестились во имя Господа Иисуса Христа во оставление грехов.

«Отче! отпусти им, не ведают бо, что творят!» В этой молитве мы узнаем нашего Спасителя, Который не учит, но и поступает по слову Своего учения: *«Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»* (Мф.5:44). Так поступать учитесь у Него и вы, когда знаете, что брат ваш имеет нечто на вас, или, наоборот, когда вы, понесши от других обиду, питаете в сердце своем злобу. Не говорите в ожесточении сердца: «Бог простит, а я не могу», но говорите: «Отче, отпусти, прости, остави, якоже и аз оставляю должником моим». Смотрите на тех учеников Его и мучеников, которые, следуя примеру своего Учителя, и в предсмертных агониях молились за своих мучителей. Смотрите, например, на первомученника Стефана, как он под камнями своих убийц говорил: *«Господи! не вмени им греха сего»* (Деян.7:60). Смотрите на Иакова, одного из числа двенадцати, который как в мученической смерти, так и в предсмертной молитве подражал Христу. *«Господи, – говорил он, – отпусти им, не ведают бо, что творят»*.

2. Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мной в Раю

Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мной в Раю.

Лк.23:39–43

Это второе, братие мои, крестное слово Господа нашего Иисуса Христа! Слово царского изъявления милости раскаявшемуся грешнику.

Как в праздник очищения евреи окружали своего первосвященника, так и здесь они окружают Истинного Первосвященника дома Израилева. Но какое при этом ужасное зрелище представляется нашему взору! Вот висит Он на Своем Кресте, а над ним красуется надпись на греческом, латинском и еврейском языках – *«Иисус Назорей, Царь Иудейский»* (Ин.19:19). С правой и левой сторон от Него висят два разбойника. Одни безучастно стоят и глазеют в толпе, а другие весело забавляются плачевным видом Распятого. Чтобы рассмешить толпу, они подсакивают к Нему с различными остротами и насмешками. Смех обнимает всех, смеется чернь, смеются распявшие Его воины, смеются старейшины и князья. Таким образом, в точности исполнились на Нем в этот момент слова Писания: *«Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе. Все, видящие меня, ругаются надо мной, говорят устами, кивая головою: “он уповал на Господа; пусть избавит его, пусть спасет, если он угоден Ему”»* (Пс.21:7–9).

Больно было Спасителю нашему от гвоздевых язв на руках и ногах, но еще больнее было Ему, когда один из висевших близ Него разбойников, ввиду собственной смерти презирая последний призыв благодати и милости, примкнул к числу

насмешников и в язвительную остроту сказал: «если Ты Сын Божий Христос, то спаси Себя и нас» (Лк.23:39).

Но вот среди насмешек долетает до Его слуха слова совершенно другого характера: *«Или ты не боишься Бога, – слышится Ему, – когда и сам осужден на то же? и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал»*. Кто такой этот герой веры, который отважился так открыто высказаться за этого жалкого Страдальца и исповедать Его Царем Иудейским в то время, когда молчат Его последователи, когда сам Петр отрекся от Него, когда самые близкие ученики Его разбежались по домам своим? Поистине здесь случилось по слову Господа: *«будут первые последними, и последние первыми»* (Мф.19:30)!

Это было поистине бальзамом для больной души Спасителя, когда Он услышал эти слова благоразумного разбойника, которыми последний выразил горький упрек своему сотоварищу, не удержавшемуся и ввиду собственной смерти от насмешки: *«или ты не боишься Бога, – говорит он ему, – когда и сам осужден на то же?»*

Благоразумный разбойник упрекает своего товарища такими словами не в заносчивом самовозвышении, но в испуге от такой степени зла. Ибо он сознает при этом свою виновность и справедливость наказания, к которому он присужден. *«И мы осуждены справедливо, – говорит он, – достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал»*, то есть: а в Этом, с ними Распятом, ничего нет такого, за что можно бы подвергнуть Его такой казни, ничего, что не согласно было бы с Его собственным о Себе свидетельством, что Он есть Христос, Сын Божий.

Вот почему он обращается теперь к Нему и со смирением просит: *«Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!»* «Господи» – говорит он, своим Господом и Царем называет он Того, в Котором внешний глаз в этот час ничего не мог усматривать величественного и царского. *«Помяни меня, – молит он Его, – когда приидешь в Царствие Твое!»*

Может быть, он еще прежде слышал слова о Царстве, когда Иисус начал проповедовать в Галилее, *«что исполнилось*

время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк.1:15), но тогда его сердце было слишком извращено и привязано к миру, чтобы внять этому призыву и пробудить к покаянию и к вере в Евангелие. Может быть, он был вместе со Спасителем при допросе последнего у римского судьи и слышал утвердительный ответ Его на вопрос Пилата, что он действительно Царь, хотя Царство Его не от мира сего (Ин.18:36), и эти слова еще тогда глубоко запали в его душу и пробудили в ней серьезное размышление. Во всяком случае, он мог знать причину, по которой иудеи предали Иисуса язычникам, так как об этом свидетельствовала и надпись над Крестом Его и громкий смех окружающей толпы. К тому же он сам был свидетелем той необычайной кротости и терпения, того благородства души и душевного спокойствия, которые обнаруживал Распятый во время Своих страданий – своими собственными ушами слышал ту молитву за убийц, с которой Иисус обращался к Отцу Своему: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк.23:34). Так не умирает ни один преступник, ни один богохул – так может умирать только Тот, Который «на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине» (Ин.18:37). Он есть спасение и чаяние своего народа, обетованный Царь Иудейский. Он есть Христос, Сын Божий, Которого Отец воскресил из мертвых и Которого, по слову Его, узрят некогда в облаках небесных, со славою грядущего судить живых и мертвых. Блажен тот, кого Он тогда признает Своим, кто принят тогда будет в число слуг Его. О, если бы этот Распятый Царь Иудейский в дни Своей славы вспомнил и о нем и его вместе с Собой ввел в Свое Царство! «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!»

Христианин! Когда современные враги Христа и Его Креста ругаются над Ним и поносят Его святое имя, то кому уподобляешься ты? Ученикам ли, которые, боясь выдать себя за учеников своего Господа, разбежались по домам? Петру ли, который трижды отрекся от Его Имени? Или этому разбойнику, который, невзирая на явное публичное поругание Христа со стороны людей, исповедал Его как единственное основание своего упования и своего спасения? Кто исповедует Его пред

человеки, того исповедует и Он пред Отцом Своим; кто же отвергнется Его пред людьми, того и Он отвергнется пред Отцом Своим Небесным (ср. Лк.12:8–9). Ах, как часто, друзья мои, это исповедническое мужество бедного разбойника приводит нас в стыд и обвиняет в том, что мы слишком дорожим миром и слишком мало думаем о Господе и Его благодати, которая и для нас в минуты смерти составляет единственное утешение и надежду спасения! Ибо мы, хотя и не принадлежим к числу разбойников и публичных преступников, которые подобно евангельскому разбойнику в осуждении на смерть получают должное, по делам своим – но менее ли мы достойны осуждения пред Тем, Который испытует сердца и помышления, знает сокровеннейшие мысли и желания нашего сердца? Горе поэтому тому, кто при виде этого разбойника, захотел бы сказать: благодарю Тя, Господи, что я не таков, как этот злодей. Но благо тому, который при Кресте Господа с глубоким смирением ударяет себя в грудь и говорит: *«Боже! милостив буди мне, грешному!»* (Лк.18:13). Благо тому, который в полном сознании собственной вины и заслуженности наказания Божия, со словами: *«помяни меня, Господи»*, прибегает к Тому, в деснице Которого *«ключи ада»* (Откр.1:18) и Неба, и верует, что Господь Славы некогда примет его, как Своего последователя, в Свое Царство.

На насмешки Своих врагов, на поругание другого разбойника Иисус Христос молчал. Но на исповедание и полную веры молитву благоразумного разбойника Он обратил к нему Свою изъязвленную и окровавленную голову и сказал: *«Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мной в Раю»*.

«Господи!» – молился разбойник; Господь отвечает со Своего Креста. Господь и Царь говорит Свое царское слово: *«истинно говорю тебе!»* – Разбойник просит Его о даровании ему части в будущем Его Царстве, и Господь обещает ему это *«ныне же»*, в день Его смерти. *«Ныне же будешь со Мною в Раю!»*

«В Раю!» Имя это указывает на эдемский сад, где не было греха, где чада Божии были счастливы и ходили в свете лица Его. Сегодня же в день Своей смерти, Он вступает в царство

мертвых, к душам, которые с верою Авраама в грядущего Мессию отошли в вечность и вместе с Авраамом с нетерпением ожидали исполнения обетования о спасении. Место это Спаситель в Своей притче называет недром Авраамовым. Днесь будет Он в Раю, ибо Он идет возвестить отошедшим из этого мира душам об исполнении обетования Божия, об Икупителе. Туда, в этот Рай Божий, хочет Он собрать сегодня всех, которые скончались с верою в Него. Там они будут свободны от всякой скорби и печали, там не будет их мучить грех, там не будут они терпеть никаких нападений со стороны злых врагов, не будут бояться смерти. Там они будут покоиться до того дня, когда все *«тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие»* (1Кор.15:54), там будет *«скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло»* (Откр.21:3–4). Туда, в этот Рай обещает Господь ввести этого разбойника, как первую добычу Своей смерти. Вот то спасение, которое он нашел сегодня – так как и он есть сын Авраама. После столь порочной и преступной жизни, после столь глубокого самообвинения он сегодня же, свободный от всякой вины, от всякого возмездия, входит со Спасителем в Рай совершенно святым, вечно блаженным.

«Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в Раю». Какое это властное, царское слово в устах Распятого! Здесь Крест делается престолом Судии. Мы видим здесь нашего Спасителя таким, каким увидим Его, когда Он придет на землю во славе Своей, и все святые Ангелы с Ним. Горе тем, которые похожи на разбойника с левой стороны и которым Он скажет: *«идите от Меня, проклятые, в огонь вечный»* (Мф.25:41). Но благо тем, которых Он назовет благословенными Отца Своего и введет в Царство, уготованное им от сложения мира (Мф.25:34).

«Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в Раю!» О, как много отрады и утешительной надежды вселяет это дорогое слово в души тех, которые подобно блудному сыну,

проведя жизнь свою беззаконно, на распутьях мира, напоследок пробуждаются к вере и покаянию и, хотя под конец жизни своей, простирают свои руки к Спасителю грешников! Как много облегчает оно наше сердце при мысли о тех почивших братьях наших, которых мы любили в продолжение всей их жизни, всеми силами старались привести их к Богу и Спасителю, но все наши труды и усилия остались, насколько это можно видеть человеку, бесплодны! Кто знает, может быть, и не так бесплодны, как это нам кажется. Может быть, те, которым мы в продолжение их жизни безуспешно старались указывать на Бога, нашли Его в час смерти – семя, которое мы, казалось, напрасно сеяли, все-таки возшло? В самом деле, такие мысли могут оживать в душе человеческой в тот момент, когда перед взором умирающего выступает вся прошедшая жизнь, освещаемая светом вечности! Какие глубокие вздохи покаяния и молитвы о помиловании! И кто скажет, не произошло ли при последнем конце между душою, о спасении которой мы так заботились, и ее Спасителем такое объяснение: *«помяни меня, Господи»* – и *«истинно говорю тебе!»*

И, однако, возлюбленные братья, этот пример не дает еще нам повода и основания к ослаблению наших забот о спасении наших душ. Рядом с этим помилованным разбойником, в самый момент смерти его, мы видим здесь другого, который умер в своих грехах; а сколько тысяч можно насчитать других, которые умирают без покаяния и веры в Спасителя! Как знать и тебе, возлюбленный собрат, когда откажутся служить тебе мысли и чувства, когда при взгляде на прошедшую жизнь овладеет тобою ужас ада, смерти и суда – не слишком ли поздно будет тогда, в эту последнюю минуту, хвататься за руку Спасителя грешников и уверовать в благодать, уготованную кающемуся грешнику?

«Будем опасаться, чтобы, когда еще остается обетование войти в покой Его, не оказался кто из вас опоздавшим» (Евр.4:1). Сегодня еще зовет тебя глас Божий к покаянию и вере: *«ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших»* (Евр.3:7–8). Блажен, кто неотступно следует за своим Господом Спасителем, кто и в час

смерти спокойно может отдать себя в Его руки. Он безопасно проведет его через все ужасы смерти и ада в Рай Божий!

Итак, помяни же, Господи! Помяни мя и сегодня, когда я с верою и глубоким сознанием своей греховности преклоняюсь пред Крестом Твоим! Помяни мя и в последнюю минуту моей жизни! Проведи безопасно и меня тогда через ужасы смерти и ада, скажи и мне это чудное, возжеленное слово: *«Ныне же будешь со Мною в Раю!»*

3. Жено! се, сын Твой! – Се, Матерь твоя!

При Кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его,

Мария Клеопова и Мария Магдалина.

Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе.

Ин.19:25–27

Есть нечто особенно нежное и человечески трогательное в этом третьем крестном слове Иисуса, возлюбленные братие! После слова Его первосвященнической молитвы за Своих распинателей, после слова Его царского изъявления помилования раскаявшемуся разбойнику, Он еще раз отверзает уста Свои для слова любви, в котором сказывается сердце сына и друга, но это слово есть в то же время и слово Спасителя, которым Он всех собравшихся вокруг Креста Его привлекает к Себе и соединяет в Своей любви.

Таким образом, при Кресте Спасителя находились не одни только насмешники и враги Его. Нет, среди громадной толпы этих врагов была незначительная часть и преданных Ему, опечаленных душ. Хотя ученики оставили Его и разбежались по домам своим и только один из них Иоанн, *«которого любил Иисус»* (Ин.13:23), следовал за Ним до Креста, но женщин, которые сопровождали Его из Галилеи и служили Ему, было там, как прямо говорит евангелист Матфей, много (Мф.27:55). Они стояли вдали и в безмолвной скорби смотрели на печальное зрелище. Некоторые из них, которых евангелист называет по имени, подошли к самому Кресту. Пламенная любовь победила в них всякий страх. О, поистине геройская душа живет в женщине, когда воодушевляет и укрепляет ее любовь. Они не обещали Спасителю, подобно ученикам Его, что они никогда не оставят Его. Они не заверяли Его, как Петр: *«хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя»* (Мф.26:35) – но они сделали то, что те на словах только

обещали сделать – они не оставили Его и в момент самой смерти.

Впереди других мы видим погруженную в глубокую скорбь Марию, Матерь Иисуса. Кто сумеет сказать, что чувствовала Она в этот час душевной туги? Где теперь все Ее надежды и чаяния, которые присущи были Ей с того момента, когда Ангел приветствовал Ее благословенною в женах (Лк.1:28)? Теперь через Ее душу, как некогда пророчески предвозвестил праведный Симеон, проходит оружие (Лк.2:35). С невыразимой скорбью, бессильная для помощи, стоит несчастная Женщина при Кресте Сына, свидетельницей Его позора и Его страданий. И какая с этого часа ожидает Его участь? Теперь Она на глазах людей – Мать богохула, который, как проклятие мира, как изверг рода человеческого, умер на Кресте. Она изныла бы в Своей скорби, если бы в душе Ее не осталось воспоминания о великих Божественных обетованиях и вере в непреложность слова Божия, которую Она лелеяла в Своем сердце и которая служила поддержкой и опорой для ее надежды. Но, как поколеблена была эта опора под тяжестью ужасных событий! Одна только едва мерцавшая искорка этой веры осталась в Ней. Вот слышит Она, как изрекает Он слово первосвященнической молитвы за Своих мучителей: *«Отче! отпусти им: не ведут бо, что творят»* (Лк.23:34)! Вот слышит Она, как Он утешает Своим царственно властным голосом: *«истинно говорю тебе»*, – благоразумного разбойника (Лк.23:43). Такое утешительное обещание Его сильно подействовало на Ее душу и пробудило в Ней неотразимое желание, ах, если бы и Она сегодня из этого моря скорби могла войти вместе с Ним в Рай Бога!

Так стоит исполненная скорби Мать при Кресте Своего Сына. Она протискивается сквозь толпу как можно ближе к Нему, доходит до самой стражи, которая окружила Крест, смотрит Ему прямо в глаза, проникнутая святой пламенной материнской самоотверженной к Нему любовью. Ужели Тот, Который на Кресте Своем не лишил Своей любви и сострадания и врагов Своих, Который изрек слова помилования разбойнику, не имеет слова любви для самых ближних Своих,

для Своей Матери? О нет! Он никогда не лишал Своей любви даже в минуту Своих страданий. Он никогда не обходил Своей любовью никого, кто нуждается в ней. Вот открывает Он уста Свои и, обратившись к Матери, указывает Ей на ученика, которого Он особенно любит, и говорит: *«Жено! се, сын Твой!»*

«Женщина», – говорит Он, а не «Мать». Почему же Он не называет Ее Матерью, даже в этот последний час – час разлуки? Не боялся ли Он предупредить, чтобы этим названием не вызвать в отношении Ее еще более насмешек и издевательств? Или имя – Женщина, должно было и в этот час напомнить Матери, что Ее отношение к этому Сыну было не таково, какое бывает у матерей к сыновьям своим по плоти, что этот Сын Матери не был рожден для того только, чтобы иметь заботу и попечение о Матери, но чтобы быть Искупителем мира, почему Она и не должна теперь плакать о Нем так, как плачет мать о сыне. Семя Жены, для спасения всех рожденных женою, идет раздавить змия. Посланный Отцом Своим в мир для искупления его Своей Кровью и смертью, Он, совершив дело Отца, идет теперь к Нему для принятия славы, которую Он имел у Него прежде, чем стал существовать мир (Ин.17:5). Как же могла Она препятствовать Ему или удерживать Его, или ожидать от Него сыновнего попечения?

Но чем не мог быть для Нее Сам Он, тем назначил Он для Нее того, который ближе всех был Его сердцу, то есть одного из двенадцати учеников Своих – Иоанна Богослова, который сам говорит о себе, как об ученике, *«которого любил Иисус»* (Ин.13:23). *«Жено!»* – сказал Он, обратившись к Матери, – *се, сын Твой»*.

Спрашивают, почему же Иисус в этом случае указал Матери Своей именно на Иоанна, а не на братьев Своих по плоти, то есть детей Иосифа Обручника. Только потому, что семейство Иоанна, как кажется, пользовалось лучшим благосостоянием и большим достатком, и Мать Его могла найти у него более верное обеспечение? Мария в это время нуждалась более всего не во внешнем материальном обеспечении. Последнее Она, всего менее, находила до сих пор и у Своего Сына; такое небогатое содержание Она, может быть, нашла бы и у братьев

Иисуса. Но что было всего более дорого и нужно для Нее именно – любовь, утешение в скорби, поддержка и подкрепление в Ее оскудевшей вере и надежде, этого Она решительно не могла найти у Своих пасынков – братьев Иисуса по плоти, ибо последние еще не веровали в Иисуса (Ин.7:5). Он и в их глазах был теперь еще нечестивым богохулом, который умер на древе клятвы, опозорив род свой. Вот почему Спаситель и указал приют Своей Матери не у братьев, а у этого ученика, которого Он любил и который, один только из всех двенадцати учеников, следовал за Ним до самого Креста. *«Вот, – сказал Он ему, – Мать твоя!»*

Как печально, когда те, которые живут в одном доме как члены одной и той же семьи, остаются чужими и даже враждебными друг другу по своим грубейшим и внутренним потребностям человеческого сердца! Истинная связь членов семьи, истинное благородство всякой человеческой дружбы и любви состоит в том, когда соединенные узами крови и родства собираются к Кресту Господню и соединяются в любви Того, Который нас прежде возлюбил, и в блаженном общении единой веры и единого вечного упования.

Может быть, Иоанн не оставил бы Матери Иисуса и без поручения Последнего, но теперь, в силу слова Учителя, попечение о Ней являлось для него как дорогой залог Его любви. Вот почему он тотчас же исполнил завещание Учителя и немедленно взял Мать Его в дом свой. С этого времени, в продолжение пятнадцати лет, Иоанн содержал в своем доме Мать Иисуса, окружая Ее с сыновьей преданностью и любовью своими заботами, пока Она не скончалась на его руках, на шестьдесят третьем году Своей жизни.

Итак, несомненно, братие христиане, что есть нечто необыкновенно нежное и человечески трогательное в этом третьем крестном слове Господа. Здесь раскрывается перед нами любвеобильное сердце Того, Который в двух других словах Своих на Кресте, является как Господь и Судия мира. Отсюда научаемся мы, как христиане не имеют надобности и не должны стыдиться чувства человеческой любви и дружбы, мы не имеем нужды и не должны переставать быть людьми, чтобы

сделаться христианами. Здесь становится для нас понятным, что значит для нас то обстоятельство, что Спаситель не захотел однажды оставить Своих занятий из-за желания Своей Матери Его видеть. Отсюда, становится ясным для нас и то, почему Он с некоторой укоризной говорил тому ученику, который прежде чем последовать за Ним, хотел погребсти своего отца, *«предоставь мертвым погребать своих мертвецов»* (Лк.9:60). Так это, без сомнения, и есть; так и должно быть. Ради Господа и Его Царства, необходимо отказывать себе в самой любимой склонности, которая может мешать нам в нашем собственном спасении или в деле нашего верного служения Господу. Кто любит отца или мать, брата или сестру, сына или дочь более Его, тот не достоин Его (Мф.10:37). Но ты вернее, лучше и более по-христиански, исполнишь твоё христианское призвание, когда ты стараешься служить Богу в тех условиях и границах жизни, которые указаны тебе Самим же Богом, воздавая Божие Богу, а кесарево кесареви (Мф.22:21). Не по-христиански поступил бы тот, кто ради какой-либо, хотя бы и высокой, но самопроизвольно избранной цели, будь это в Церкви или государстве, в искусстве или науке, или в области благотворения и дел любви – отказался бы от своих прямых (например, семейных или начальственных) обязанностей и сложил бы с себя попечительскую заботу о тех, которые вручены ему Самим Богом. *«Если же кто о своих, – пишет апостол Павел, – «и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного»* (1Тим.5:8).

Лучшей любви и заботы о вверенных нашему попечению, конечно, мы не можем оказать, как если приведем их к Господу, то есть дадим им доброе нравственно-религиозное воспитание и направление и затем предоставим их любви и попечению Самого Господа. Он не отказал в Своей любви и благопопечительности никому из собравшихся вокруг Креста Его. Он не откажет в этом и твоим присным. Он знает глубочайшую потребность человеческого сердца и всегда готов идти к ней навстречу со Своей верной, нежной заботой и любовью. Молитесь только, братие, Ему в этой любви о том, чтобы не остались после вашей смерти вверенные вашему

попечению необеспеченными и сырыми, и Он найдет вашим детям отцов и матерей, вашим матерям и вдовам сыновей и опекунов, как нашел Своей Матери сына и попечителя, а своему другу – любящую и заботливую Мать.

Но это слово любви не есть только слово сына и друга, и относится не к одной Матери и ученику, *«которого любил Иисус»* (Ин.13:23). Это слово Спасителя имеет отношение ко всем Его последователям, собравшимся вокруг Креста. Он говорил всем им: *«Любите друг друга... как Я возлюбил вас! Любите друг друга, как кровные родственники, каковыми вы сделали во Мне через Кровь Мою, которую пролил Я за вас».*

Друже! Ты завидуешь Иоанну, что Господь удостоил его чести быть попечителем и сыном Его Матери. Так не забывай, что сказал Он, когда Мать и братья Его желали Его видеть, указывая на Своих учеников – *«вот мать Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать»* (Мф.12:49–50). Возьми же к себе всех, на которых Господь указал тебе этими словами, и окружи их всяческой заботой и попечением! Иди и корми во имя Его алчущих, одевай нагих, утешай печальных, поддерживай слабых, посещай вдов и сирот в их скорби!

До сих пор мы выслушали, возлюбленные братие и сестры, три слова любви, изреченные Спасителем на Кресте – это слово Его первосвященнической молитвы за Своих распинателей: *«Отче! отпусти им: не ведут бо, что творят»* (Лк.23:34); слово Его царской милости и обещания раскаявшемуся разбойнику: *«истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в Раю»* (Лк.23:43); и нежное, человеческое, трогательное слово Сына и Друга, которым Он и нас всех, последователей Своих под Крестом Своим, соединяет в Своей любви: *«Жено! се, сын Твой! – Се Мать твою!»*

Таким образом, Спаситель наш и в самом разгаре Своих крестных страданий забывал о Себе Самом, и по любви Своей к людям думал о тех, которые имели нужду в Его любви. Так прошло три часа Его страданий на Кресте, но самое тяжелое и самое невыносимое мучение было еще впереди. Священное

Писание сообщает нам еще четыре слова, сказанные Иисусом Христом на Кресте. Это – слова Агнца Божия, понесшего грехи всего мира (Ин.1:29). Два слова борьбы и два слова победы сказал Он еще прежде, чем замолкли уста Его и Он, склонив голову, испустил дух Свой.

4. Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?

От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?

Мф.27:45–46

Ужас овладел нами, возлюбленные братие, когда слышим мы это крестное слово нашего Спасителя. Какая тяжесть страдания должна была заключаться в душе Его, чтобы исторгнуть из груди Его этот страшный вопль! Он указывает нам на такую таинственную глубину скорби, которой не измерить никакой человеческой мысли и в отношении которой всякое слово человеческого языка останется пустым. Вот почему Сам Всемогущий Бог выступает теперь на средину и говорит немую, но сильно потрясающую проповедь о страданиях Своего Возлюбленного Сына. *«От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого».*

Некогда, когда Спаситель родился на земле, ночь сделалась днем и слава Господня среди ночи осияла вифлеемских пастухов. Сегодня же, когда Он умирает на Кресте, наоборот, солнце среди дня теряет свой свет, день делается ночью. Это не есть обыкновенное солнечное затмение, потому что праздник пасхи иудейской не мог падать на время полнолуния – это язык Всемоущего Бога проповедует с небесной высоты Своей. Вот почему всеми, которые находились на Голгофе, при Кресте, овладевает страх; сразу умолкли и насмешки врагов Христа, один за другим разошлись они оттуда по домам своим, тихо и пусто стало на Голгофе.

Но этот мрак, распространившийся по земле, не есть только отражение состояния мира, Спаситель которого умирает на Кресте – он, как в зеркале, отражает состояние и Его собственной души, ибо в Нем Самом, в Его внутреннем мире, стало совсем не то, что было прежде. Как солнце там вверху, на небе, потеряло свой свет, так и в Нем, в душе Его стало темно. Что чувствовала святая душа нашего Спасителя в продолжение

трех часов Его невыносимой борьбы – это сокрыл Он в нежной любви к Своей Матери и ученику, которого любил Он, и только вечность может вполне открыть это нам. Молча в тихой, но сильной борьбе Своей души, висел Он там, на Кресте Своем, до тех пор, пока в девятом часу ужас, овладевший Им, не исторг из уст Его страшного вопля: *«Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»* Вople этот произвел неизгладимо сильное впечатление на учеников Его. Поэтому они воспроизводят эти слова Его на том самом языке, на котором Иисус произнес их: *«Или, Или! лама савахфани»*.

Это вступительные слова 21-го псалма, в котором Давид изливал скорбь свою пред Богом, когда в прообразе пришли в его душу страдания, всю тяжесть которых чувствует здесь Тот, прообразом Которого был Давид. Слова этого псалма изображают крестные страдания Господа Иисуса, так наглядно и с такими мельчайшими подробностями (например: прободение рук и ног, дележ одежды, метание из-за нее жребия, насмешки и издевательства врагов), что можно подумать, что псалом этот составлен каким-нибудь христианином после того, как все это осуществилось уже на Христе. Спаситель восклицает здесь только вступительными словами псалма не потому, что будто скорбь и изнеможение сделали Его не способным говорить более, но потому, что именно в этих только словах находила полное для себя выражение та мука, которая тяготила Его душу: *«Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»*

Спаситель жалуется в этих словах, что Бог оставил, забыл, покинул Его. Что это значит, друзья мои? – Значит то, что Он оставлен был Его помощью, лишен проявления силы и Божественного могущества, которыми Он пользовался до сих пор со стороны Отца Своего. Изнуренный, беззащитный и беспомощный, Он предоставлен был власти врагов Своих. Вот состояние, в каком находился наш Спаситель в этот час. Сын Человеческий, как Сам Он засвидетельствовал, предается в руки грешников. И, ах, что стало из Него в этих руках человеческих? Избитый, оплеванный, терновым венцом увенчанный, висит Он там, на древе клятвы, презреннейший и уничиженный, исполненный скорби и болезни, посмеяние людей

и поношение народа. *«Уповал на Бога, пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему (слав.: аще хочет Ему)». Ибо Он сказал: Я Божий Сын» (Мф.27:43).* Но Бог не хочет Его, Он не идет к Нему на помощь. Он не спешит спасти Его. Он оставляет Его в Его страдании, не оказывая Ему никакой помощи и поддержки. Да, поистине, Спаситель в этот час был совершенно оставлен Богом. Беззащитный, предоставленный Своим собственным силам, Он всецело находится теперь во власти врагов. Но теперь ли только Он оказался в таком положении? Не с того ли момента началась Его беспомощность, как Он в Гефсиманском саду Сам Себя предал в руки врагов? Не в таком ли положении был Он в продолжение всех этих долгих мучительных часов, то есть, когда Он при насмешках Своих мучителей, молился за них, говоря: *«Отче! прости им»*; когда Своим властным: *«истинно говорю тебе»* отверз разбойнику Рай Божий; или когда с любовью Сына и Друга указал Матери Своей – сына, а другу – Мать? Внешней помощью Отца, конечно, Он оставлен был уже и тогда – но тогда Он не жаловался на Свою беспомощность. Какая же перемена произошла с того часа, когда мрак покрыл всю землю и когда из груди Его вырвался этот раздирающий душу вопль: *«Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»*

Преданный в руки врагов, оставленный Своим Отцом без всякой внешней помощи, беззащитно отданный в распоряжение грешников, Спаситель до сего времени не был оставлен благоволением Божиим. Он видел небо отверстым. Он видел Отца, исполнять волю Которого Он был послан на землю, готовым прославить Его славою, которую Он имел у Него прежде, чем стал существовать мир. Его душа находила для себя успокоение и утешение в благоволении Отца, в сознании Его близости и общения. Но совсем не то стало теперь. Взор Его на Рай Божий, врата которого он только что отверз разбойнику, помутился и померк. Он поднимает очи Свои к небу – но они там не встречают Отческого взора. Его душа в невыносимой тоске вопиет к Богу – но она не слышит ответа. Бог отвратил от Него милостивый взор Свой. Страх смерти без Бога, ужас ада и суда охватил Его душу.

Это было то крещение, которым Он должен еще креститься и перед которым Ему было так жутко. Это было то страдание, в предчувствии которого в саду Гефсиманском с лица Его падал на землю пот, как капли крови. Это была та чаша, которую ему необходимо было выпить до конца и перед которою так трепетала душа Его. *«Отче, Мой! – молился Он, – если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф.26:39)*. И Ангел Божий сошел тогда с неба и подкреплял Его. Но теперь небо остается для Него закрытым, и ни один Ангел не сходит оттуда, чтобы подкрепить Его. Три часа безмолвно переносит Он страшную муку, пока невыносимая, вышедшая из пределов тоска не исторгла этого вопля: *«Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»*

Братие, когда приходилось кому-либо из вас подвергаться в своей жизни какому-нибудь тяжкому испытанию, переживать такую невыносимую скорбь, при которой вам казалось, что будто Сам Бог отвернул от вас лицо Свое и предал адскому мучению; о, скажите, как тяжело было тогда вам, как мрачно было тогда на душе вашей! И, однако, вам только казалось, что вы оставлены, забыты Богом. Одна минута, пока смирились вы под мощную руку Его, пока сознали, как слабы и ничтожны мы пред Богом – и вот снова из-за облаков выглянуло солнце, и вы убедились, что Он не лишал вас Своей милости. Но здесь не так: когда Спаситель говорит: *«для чего Ты Меня оставил?»*, – то здесь нет ни ропота, ни притворства и преувеличения. Этими словами Он выражает то, что было в действительности! Он не казался только оставленным, но на самом деле был оставлен Богом. Бог действительно отвернул от Него на этот раз милостивое лицо Свое и предал Его всем ужасам ада и суда. *«Яко вода излихся, и разсыпашася вся кости моя: бысть сердце мое яко воск таяй посреде чрева моего. Изсше яко скудель (рус.: «как черепок») крепость Моя, и язык Мой прильпе гортани Моему, и в персть смерти свел Мя еси» (Пс.21:15–16)*. Вот слова, которые пророческий дух влагает в уста страждущего Христа в том самом псалме, начальными словами которого воскликнул Спаситель. Похожи ли они на слова человека, перед которым солнце благодати скрылось

только по-видимому, и в малой степени? Не есть ли это скорее вопль души, которая действительно предана всем ужасам ада и суда и которая несет гнев Божий, клятву греха?

«*Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?*» Так взывал Спаситель не в чувстве упрека или ропота. Его вопль есть страдальческий вопль души, которая в борьбе против ада и дьявола крепко, однако, держится Бога, которой сатана говорит: отрекись от Бога и умри, но она отвечает: «*Боже Мой, Боже Мой!*» Оставленный Богом, Он не оставляет Своего Бога. Хотя Ты, Боже Мой – как бы так говорит Он – и закрыл от Меня Твое небо и низринул Меня в ад, но Я нигде не оставляю Тебя. И в аду Ты, Бог Мой, и Я не хочу быть ничьим другим, как вечно Твоим, Боже Мой!

Благоговейно преклоняюсь я пред Крестом Господним и с недоумением смотрю на тайну этих слов, которую не может постигнуть никакой ум и выразить никакой язык человека. Быть оставленному Богом – кто может понять эти слова? – восклицал некогда один из христианских богословов, когда он долгое время углублялся своей мыслью, желая уяснить себе это крестное слово. Но это непостижимое таинство, друзья мои, есть, несомненно, великое таинство нашего блаженства. Ибо, почему Тебя, о, Иисусе мой, оставил на Кресте Твоем, Бог Твой, когда Ты не сделал ни одного греха, когда никакой лести, никакого обмана не было на устах Твоих, как не потому, чтобы через Тебя искуплены были от клятвы греха мы – грешники? «*Наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились... Господь возложил на Него грехи всех нас*» (Ис.53:5–6). «*Потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения. Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом*» (2Кор.5:19, 21). Итак, возлюбленные о Господе, потому Он, Господь наш, сделался клятвою на древе клятвы, чтобы нас спасти от клятвы греха, потому что Бог заключил Его на Кресте Своем, дабы для нас никогда не было закрытого неба, потому Он оставлен был Богом, дабы мы никогда не были оставляемы от Бога!

О, придите вы, бедные, томящиеся о Боге сердца! Теперь вы не должны страшиться, хотя бы враг и искушал ваши души. Теперь благодатное солнце, хотя бы и скрылось на минуту от вас за облаками, но оно необходимо должно взойти для вас снова. Теперь знаю я то, что говорит Псалмопевец. *«Исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во век»* (Пс.72:26). То есть, если бы сокрушены были и тело, и душа моя; то и тогда, и во всякое время Ты останешься Богом моего сердца, моим уделом и утешением. Все, что нужно мне для утешения и мира моей души, для помощи и успокоения в часы испытаний при виде смерти и суда, все это дают мне эти Твои предсмертные страдания, это уничтожение и отриновение Богом. И только те остаются без утешения и не имеют никакой части в Тебе, которые и теперь, в виду Твоих страшных мучений и душевной борьбы, все еще предаются греху и замыкают сердца свои для веры в Тебя. О, Господи, научи их, хоть в этот день, день посещения их подумать о том, что служит к их миру. Научи их под Крестом Твоим, ударяя себя в грудь, обратиться к Богу и принести истинные и достойные плоды покаяния, дабы они не умерли в грехах своих без утешения, без веры и надежды, оставленные своим Богом! Помоги нам Господи, с верою и покаянием преклоняющим колена душ и телес наших пред Крестом Твоим, чтобы мы не теряли этой веры на всех путях и во всех превратностях своей жизни и, когда обнимут нас ужасы смерти, крепко держались за Тебя, Агнец Божий, взявший грехи мира и искупивший нас от клятвы греховной.

5. Жажду

После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду. Тут стоял сосуд, полный уксуса. Воины, напоив уксусом губку и наложивши на иссоп, поднесли к устам Его.

Ин.19:28–29

Возлюбленные о Господе братие! Это слово, самое краткое и, по-видимому, самое маловажное из всех крестных слов Господа Иисуса, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что оно так же многозначительно, как и другие, и, несмотря на всю кажущуюся маловажность, равносильно им по своему содержанию.

Душевная борьба Спасителя окончилась. Внутренние страдания Его со словами: *«Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»*(Мф.27:46) – достигли крайнего своего предела. Снова засияло солнце. Душа Его снова успокоилась на благоволение Отца; и утешительное сознание, что все, для чего послал Его Отец, теперь сделано, исполнило Его духовного мира. Но тем ощутительнее чувствует Он теперь боль в пронзенных, израненных членах Своего тела. В жестокой борьбе, в томлении и тоске Своей жаждущей души Он забыл о всякой жажде Своего тела – но теперь эта телесная жажда вызывает в нем болезненный вопль: «жажду».

До сих пор, как Он в последний раз ел со Своими учениками пасхального агнца и пил от вина лозного, прошло уже двадцать часов, в продолжение которых Он не принимал ни пищи, ни питья. Хотя воины перед началом казни, по обычаю давать приговоренным к смерти преступникам перед казнью опьяняющий напиток, чтобы оуманить их чувства, предлагали и Спасителю таковой напиток, но Он отказался принимать его, так как хотел с ясным умом и полным сознанием выпить до дна ту чашу, которую дал Ему Отец.

Окиньте при этом еще раз вашим взором все то, что перенес Господь Иисус с того часа, когда Он в последний раз, на Тайной Вечере, находился в обществе учеников Своих! – Эту

потрясающую разлуку со Своими учениками, эту душевную борьбу в саду Гефсиманском, это предательство Иуды и арест, это бегство учеников и отречение Петра. Вот таскают они, враги Его, от одного допроса к другому, всячески оскорбляют, смеются и издеваются над Ним, плюют на Него, нанося Ему удары, пощечины и заушения, заключают в оковы тело Его, терновый венец надевают на Его голову. Какая длинная цепь мучений тянется до тех пор, пока римский правитель не предал Его, наконец, на распятие и не возложили на рамена Его тяжелого Креста, под бременем которого подламывались Его ноги! Вот в продолжение шести часов уже висит Он между небом и землей, истекая кровью, под невыносимо знойными лучами южного солнца, беззащитный против столь мучительных на востоке насекомых, под насмешками и издевательствами врагов, крайне изнуренный столь продолжительным ужасным мучением душевной борьбы. Поистине, *«Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни, а мы думали, что Он был поражен, наказуем и уничижен Богом»* (Ис.53:4). Исполняются и в таких телесных страданиях слова Писания: *«Изсше яко скудель крепость моя, и язык мой прильпе гортани моему»* (Пс.21:16) – Друзе! Если когда-нибудь приходилось тебе самому лежать на одре тяжкой болезни или стоять у одра умирающего, то ты, наверное, знаешь, что едва ли какое-нибудь другое мучение бывает так невыносимо для страждущего и умирающего, как именно жажда его пламенной гортани. Что же удивительного, если в том лихорадочном жару, в котором находилось тело Спасителя, пригвожденного к Кресту, мучение Его томительной жажды превзошло всякие пределы терпения?

Но подобно герою, который в пылу битвы забывает о своих ранах и не обращает внимания на струящуюся из ран его кровь, и Спаситель наш, в разгаре Своей борьбы, не обращал внимания на Свои телесные мучения и на жажду Своей гортани. Но вот одержана победа, и все совершилось. Он победил теперь все ужасы ада и суда, и для Него настал вечный отдых. Но зато тем сильнее чувствует Он теперь жгучую, нестерпимую боль в Своих ранах и уже не может удержаться от болезненного

вопля. *«После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду».*

«Да сбудется Писание!» Чтобы и в этом отношении исполнилось то, что гораздо ранее было о Нем предсказано духом пророческим, чтобы исполнились следующие слова Писания: *«И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом»* (Пс.68:22). Так было о Нем написано прежде пророком. Поэтому Он должен был претерпеть и это страдание и через обнаружение Своей жажды доказать, что и это слово Священного Писания исполнилось на Нем.

«Жажду!» – вызывает наш Спаситель с Креста Своего. Мы, конечно, и без этой жалобы могли бы знать, насколько велико было Его телесное мучение на Кресте. Но Он Своим воззванием придает этому Своему мучению еще большую силу, и вина наша тем более увеличивается, если и такой жалобный вопль Божественного Страдальца не трогает наши сердца.

«Жажду!» – вопиет наш Спаситель с Креста Своего. Как внушителен и трогателен этот вопль Спасителя мира среди шумного веселья, с которым чада мира и доселе переходят от одного удовольствия к другому! О, прислушайтесь к этому воплю вы, несчастные сластолюбцы, при ваших роскошных обедах, при ваших неумеренных пиршествах и кутежах, среди ваших нескромных шуток и карикатурных маскарадов, которыми вы оскорбляете святость дней, назначенных для воспоминаний страданий и смерти нашего Спасителя.

«Жажду!» – восклицает Он в пылу Своих крестных страданий. Когда мир и плоть соблазняют вас пить и упиваться из опьяняющей чаши удовольствий, когда для вашего суетного чувства недостаточно обильно текут источники наслаждений, когда для изнеженного и избалованного вашего вкуса, обед кажется недостаточно изысканным и вкусным, а стол недостаточно богатым и обильным кушаньями и питьем – тогда устремляйте чаще и пристальнее взор свой на Него, нашего Спасителя, в Его крестных страданиях, в лихорадочном жару и муках Его жажды, тогда пусть это вопль Его: *«жажду»* – служит для вас спасительным предостережением. Как возмог Ты, о, Иисусе, Спаситель наш победить в Себе всякое чувство боли и

нестерпимых мук Твоего тела и не прежде вспомнил об этих муках и заявил о них в жалобном вопле, как тогда, когда все уже совершилось! Я именуюсь Твоим учеником – но, ах как часто побеждают меня страдания моего тела, вызывают во мне чувство ропота и делают меня медлительным и ленивым в исполнении моих обязанностей! – Идите и скажите вашим больным и всем страждущим и бедным, что делаете вы, предаваясь ропоту и жалобам на тяжесть вашего положения, и почему вам так трудно бывает спокойно и терпеливо переносить ваши страдания? О, смотрите чаще на образ вашего Распятого Спасителя, как Он во время Своих страданий, подобно тому богатому в евангельской притче, томится об одной капельке воды для утоления невыносимой жажды! (Лк.16:24). Пусть это крестное слово Спасителя: «жажду» – обличает ваше нетерпение, пробуждает в вас чувство благодарности за каждое облегчение в ваших страданиях и помогает вам безропотно, с терпением переносить их и смиряться под крепкую руку Божию.

«Жажду!» – взывает наш Спаситель с Креста Своего. Казалось бы, что все источники и водоемы мира должны были открыться и поспешить для утоления Его жажды. Но случилось не так. Тот, Который в Кане Галилейской претворил воду в вино, чтобы показать славу Свою ученикам и возбудить в них веру в Себя, Который наплат в пустыне тысячи людей немногими хлебами и рыбами – Он, конечно, мог бы и теперь упросить Отца Своего, чтобы Он послал Ему Ангела утолить Его жажду. Но каким образом тогда исполнилось бы Писание? Вот почему ни один Ангел не сходит теперь с неба. Только воины, составляющие стражу при Кресте, проникаются чувством сострадания к мучению Распятого. Здесь, подле Креста, стоял сосуд, наполненный «оцетом» (кислым вином, уксусом), который служил обыкновенным напитком у людей низшего, бедного класса. Они взяли губку, наплатили ее этим напитком и, вонзив ее на палку, поднесли к устам Спасителя. И Он принял это питье и не отвратил уст Своих от пропитанной уксусом губки, которую они поднесли Ему.

Друже, ты охотно предложил бы Ему лучшее питье, чем этот кислый напиток. То же, конечно, сделали бы и те из

учеников Его, которые остались еще при Кресте Его или снова возвратились сюда из домов своих. С каким удовольствием они принесли бы Ему лучший напиток для утоления жажды, если бы римская стража не отгоняла их от Креста и не заставляла оставаться бездейственными свидетелями Его страданий!

Но тебя, друг, никто не принуждает к этому, тебе теперь никто не препятствует пойти и утолить Его жажду лучшим напитком. Ибо еще и сейчас взывает наш Спаситель – эта Глава в Своих членах: *«жажду!»* Что сделаете вы одному из меньших братьев Его, то сделаете, как он Сам заверяет, Ему Самому (Мф.25:40). Так идите же, утоляйте Его жажду и не отказывайте Ему в глотке холодной воды, о котором Он просит вас в лице меньших братьев. Горе тем, которым Он некогда скажет: *«алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня»* (Мф.25:42–43). *«Раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся»* (Ис. 58:7).

Но у Него есть другая, еще большая жажда, чем жажда телесная. Когда повстречался Он там, у источника близ города Сихаря, с женой-самарянянкой, сказал ей: *«дай Мне пить»*, – то сделал это с той целью, чтобы в ней самой возбудить жажду живой воды, которую Он для нее приготовил. *«Если бы ты знала дар Божий, – сказал Он ей, – и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую»* (Ин.4:7–10). «Он жаждет нашей жажды», – говорит поэтому один из отцов Церкви. Что другое могло заставить Его из небесной Своей славы, которую Он имел у Отца *«прежде бытия мира»*(Ин.17:5), снизойти в этот мир греха и смерти, в эту юдоль бед и скорбей, голода и жажды, поругания и унижения, как не жажда Его души нашей жажды и блаженного утоления ее живой водой? О, не будь так жесток! Дай Ему то, чего Он так страстно желает, и на что Он имеет полное право, так дорого стоившее Ему. Дай Ему твое сердце, дабы Он наполнил его всей полнотой Своего мира и благодати. Для чего так часто становишься ты на дороге самому себе и вечному

спасению души своей, для чего пренебрегаешь призывом жаждущей души твоего Спасителя? Горе тому, кто вместо хорошего напитка подает Ему уксус. Горе тебе, если Он ищет у тебя винограда, а находит терние. И что будет, если бесплодно пройдет для тебя время Его ищущей любви и не окажется там никакого Лазаря, который омочив конец перста своего в воде, охладил бы твой язык и облегчил твою жажду?

Но еще есть время, еще продолжает Он жаждать спасения твоей души, еще просит Он с Креста Своего: *«примиришь с Богом»* (2Кор.5:20). *«Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром»* (Откр.22:17). *«Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную»* (Ин.4:14).

О, привлекай же, Христе Боже, к Себе всех, которые еще далеко от Тебя, Источника живой воды, блуждают в пустыне мира, дабы жаждущая любовь Твоя пробудила жажду и их душ, и дабы они нашли в Тебе жизнь и полное удовлетворение! Помоги нам, верующим в Тебя, чтобы мы всегда приходили черпать из Твоей полноты, пока мы некогда не придем к Тебе для вечного созерцания, когда не будем мы уже более ни алкать, ни жаждать, когда Ты Сам будешь пасти нас и водить к источнику живой воды.

6. Совершилось!

Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось!

Ин.19:30

Тот уксусный напиток, который воины подали Господу Иисусу на Его воззвание: «жажду», был последней горечью, которую Он должен был вкусить во время Своих крестных страданий. Крещение, которым Он должен был креститься и перед которым так смущалась душа Его, совершилось. Чаша, которую дал Ему Отец, выпита до дна. *«Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось!»*

«Совершилось!» Что же, возлюбленные братие, хочет сказать Господь Иисус, когда восклицает: *«совершилось»*? – Что закончились Его страдания, достигли своей цели все эти мучения, которые перенес Он с того тяжелого часа в Гефсимании, все эти оскорбления, заушения и бичевания, что Он не будет уже более висеть между небом и землей на древе клятвы, с распростертыми членами, с пригвожденными руками и ногами, под насмешками мучителей, томимый нестерпимой жаждой, что пришли теперь к концу и те невыносимые страдания Его истерзанной души, которые исторгли у Него этот жалобный вопль: *«Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»* (Мф.27:46). И в самом деле, не естественно ли было душе Его вздохнуть свободнее в сознании того, что все это, наконец, совершилось? Не должны ли и мы почувствовать облегчение и возрадоваться при мысли, что настал, наконец, предел Его труду и долготерпению, и Ему ничего более не остается, как предать душу Свою в руки Отца и, склонив Свою голову, испустить дух?

Все это, конечно, так, возлюбленные слушатели! И, однако, мы не совсем правильно поняли бы и далеко не вполне исчерпали бы содержание этого крестного слова Спасителя: *«совершилось»*, если бы этим только ограничились смысл и значение его. То есть, если бы мы поняли его, как голос работника, утомленного под тяжестью дневного труда, который свободнее начинает дышать, когда закончил свою работу и

предался вечному покою, или же, как вздох больного, который на одре своей болезни чувствует, что страдания его клонятся к концу и недалеко исцеление! Нет, как вообще Он пришел на землю не для того, чтобы искать Своего, но задачей Его земной жизни было исполнить волю и совершать дело Того, Который послал Его, так и в этом крестном слове Он думает не о Себе и не о Своих страданиях. Он устремляет взор Свой на тех, для спасения которых Он пришел на землю, на то дело, для совершения которого послал Его Отец, и восклицает при этом: «совершилось!»

«Совершилось!» – то есть, совершилось дело искупления мира, для которого Он был послан Отцом Своим, исполнен закон в этом Его послушании *«до смерти, и смерти крестной»* (Флп.2:8). Принесена жертва за грехи мира, утолен гнев Божий на грешный мир, разодрано рукописание, которое свидетельствовало против него, уничтожено средостение между Богом и человеком, открыт последнему вход к Отцу, побеждены мир, грех, ад, дьявол и настала жизнь и непрестающее бытие. Вот, что понимает Иисус, когда восклицает с Креста Своего: «совершилось!» Это торжественный клик победителя, утренняя заря нового дня, который начинается сегодня для мира.

Это был день, в который осуществилось, наконец, то, чего так томительно ждал род человеческий в продолжение тысячелетий и о чем предвозвещали в Раю. В прахе, у ног этого Распятого лежал теперь тот древний змий, которому Он – «семя жены» – раздавил голову. Это был тот день Господень, когда некогда увидел праотец Авраама и возрадовался, ибо пред его духовным взором восстали все племена земные, которые должны были быть благословлены через это семя. Это был день открытия для падшего человечества тех истинных благ, которые прообразовала жертва Ветхого Завета с его храмом и священством. Теперь стоял Он там, на Голгофе, алтаре Завета – Нового Вечного Завета, на котором Истинный Первосвященник принес Самого Себя, как вечно действительную жертву за грехи всего мира. Он окидывал Своим взором все поколения, какие только существовали доселе на земле, и заглядывал в даль отдаленного будущего до последнего рода, имеющего

произойти от этого семени – и там и здесь не было никого, для которого не был открыт сегодня источник спасения, но все было сделано, и вечное спасение приобретено. Теперь смело могут выйти они, вестники Царства Христова, ко всем грешникам с этим милостивым приглашением: придите, все готово! Теперь вправе они предложить им: *«примиритесь с Богом»* (2Кор.5:20)! *«Не ожесточите сердец ваших»* (Евр.3:8)! *«Совершилось!»* Вот сладкое утешительное Евангелие, которое возвещается теперь грешному миру. Они придут, заключает 21-й псалом, начальными словами которого восклицал Распятый: *«Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты оставил меня?»* – они *«придут и будут возвещать правду Его людям, которые родятся, что сотворил Господь»* (Пс.21:32); то есть, возвестят о том, что Он совершил, исполнил, осуществил дело искупления падшего человека и примирения мира с Богом и открыл вечное спасение.

«Совершилось!» Так вызывает наш Спаситель к Отцу, Который послал Его, и дело Которого Он совершил; теперь так вызывает Он к Небу, ангельский хор которого при Его рождении в Вифлееме пел над Его яслями: *«слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!»* (Лк.2:14). Так вызывает Он к искупленной земле, которую Он примирил с Богом и чада которой сделались теперь людьми Божия благоволения.

«Совершилось!» О, прислушайтесь вы, чада мира и земли, к этому слову умирающего на Кресте Спасителя и примите к сердцу то, что Он хочет сказать вам. *«Совершилось!»* Не в делах героев и великих, и мудрых мира сего совершилось это, как бы ни были велики их сила, мудрость и искусство, и с каким бы удивлением ни останавливались мы перед произведениями их. В итоге всякой деятельности этих мудрецов, всяких стремлений и домогательств дохристианского мира, было только сознание собственной немощи и бессилия, неутолимая жажда по Богу, по живому Богу! *«Называя тогда себя мудрыми, обезумели»*, – говорит апостол Павел (Рим.1:22). Во всех делах людей дохристианского мира не было ни спасения, ни мира с Богом, ни ответа на вопрос, что мне делать, чтобы быть счастливым? Это можно было находить, и находили в вере в

Того, Который имел совершить наше искупление на Голгофе. О, не верьте, братие, миру, если он веру отцов наших попирает, как суеверие минувших веков, и, расшатывая вашу веру в Спасителя, указывает на свои дела, на книги своих мудрецов, на успехи человеческого ума, на дела грядущих поколений. Принимайте с чистым сердцем все благородное, высокое и великое, все полезные начинания и стремления нашего века и не чуждайтесь ничего человеческого, но не ждите от человека и человеческой деятельности и мудрости того, чего они никогда не могут даже и достигнуть. Свет спасения и вечная жизнь, мир для уязвленной совести, исцеление измученного сердца, удовлетворение его глубочайших потребностей и восстановление грехом нарушенного общения с Богом, избавление от смерти ада и суда – они никогда не придут к миру из области того, что могут совершить и совершают люди на земле. Не придут они ни из изумительных успехов человеческого развития, ни из геройских подвигов завоевателей, ни из научных исследований, открытий и изобретений, но только от Голгофы, от Креста Агнца Божия, взявшего на Себя грехи мира, от Него – Вечного Первосвященника, Примирителя мира с Богом, который все это совершил для нас Своим послушанием до крестной смерти.

«Совершилось!» О, какое это сладкое, утешительное для нас слово, когда пробуждается наша совесть, когда охватывает нас чувство собственной вины и бессилия, когда смерть и ад пугают нашу душу.

Христианин! Когда глубокая скорбь о грехах твоих снедает твою душу, когда, углубляясь внутрь себя, ты более и более убеждаешься, какая непроходимая пропасть лежит между твоим желанием добра и осуществлением его и как слабы твои силы в борьбе со злым началом, лежащим в твоей испорченной грехом природе, тогда ищи подкрепления своей надежды на спасение не в себе самом и не в своих делах, но в Нем, во Христе Иисусе, и в деле Его искупления, которое Он совершил для тебя на Голгофе. Совершив это дело для тебя, Он силен и готов совершить его и в тебе. Ибо сила Его совершается и в немощи (2Кор.12:9). Не делай только из искупительных заслуг твоего

Спасителя мягкого возглавия для твоей совести. Возлагая надежду на благодатную помощь Икупителя, не опускай и своих собственных рук, не предавайся беспечности в деле своего спасения и сам. Помни, что Бог, сотворивший нас без нашего усилия, не захотел нас искупить без нашего содействия. Напротив, мы можем достигать спасения, только под условием нашего собственного старания, наших собственных усилий. *«Царство небесное силой берется, – говорит слово Божие, – и употребляющие усилия восхищают его»* (Мф.11:12).

7. Отче! в руки Твои предаю дух Мой

Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух.

Лк.23:46

Это седьмое и последнее слово нашего Спасителя на Кресте. «Совершилось!» Единородный Сын Божий исполнил дело, которое назначил Ему Отец. Послушный «до смерти, и смерти крестной» (Флп.2:8), Он все перенес, все препобедил и установил Новый Вечный Завет благодати и примирения человека с Богом. Все было сделано, и только одно теперь оставалось для Него – вкусить телесную смерть разлучения тела и души. «Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой».

Из всех семи крестных слов, два только слова, по свидетельству евангелистов, произнес Спаситель громким голосом. Это скорбный вопль Его жестокой душевной борьбы: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф.27:46), и это последнее слово победителя: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой». Свидетели Его тяжелой борьбы должны были быть свидетелями и Его победы.

Как тот скорбный вопль нашего Спасителя и это последнее крестное слово есть слово псалмопевца Давида: «В руце Твои, – читаем мы в 30-м псалме Давида, – предложу дух мой: избавил мя еси, Господи, Боже истины» (Пс.30:6). Вообще, слово Божие было в сердце и на устах Спасителя постоянно, в продолжение всей Его жизни, от начала до конца ее, но в особенности Он любил употреблять его, как оружие, в тяжелые часы борьбы и искушений. Таким словом Божиим отразил Он в начале Своего общественного служения сатану-искусителя, сказав ему: «отойди от Меня... ибо написано... не искушай Господа Бога твоего» (Мф.4:10, 7). Слово Божие было на устах Его, когда Он в минуту глубочайшей душевной тоски Своей воскликнул: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты оставил меня?» (Пс.21:2). Со словом Божиим на устах и умирает Он теперь на Кресте Своем. «Отче! в руки Твои предаю дух Мой».

Благо тем, которые точно так же постоянно носят в своем сердце слово Божие и настолько напитали и укрепили им свои души, что могут употреблять его не только, как оружие, как меч духовный в борьбе с искушениями, но и как утешение и одобрение в скорби и отчаянии. Напротив, как жалки и беспомощны бывают в дни бедствий и испытаний, особенно же в предсмертные часы, те из нас, кои в добрые и благополучные дни не заботились сделать запаса из слова Божия! Им нужно утешение, одобрение, подкрепление, но где взять их. В душе их пустота, ни одной молитвы, ни одного священного песнопения, ни одного изречения слова Божия, которое могло бы одобрить, подкрепить удрученную душу и пролить в нее светлый луч надежды. Вот почему весьма уместно здесь припомнить слова Премудрого: *«Помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: “нет мне удовольствия в них!”»* (Еккл.12:1). Внушайте же вы, добрые родители, наставники и воспитатели, вверенному вам подрастающему поколению, чтобы оно с самых ранних пор, как можно больше обогащало себя запасом различных примеров из священной истории, изречений Библии и чудных песнопений нашей Церкви. Поверьте, что это не будет напрасным трудом, и такой запас религиозных знаний не будет излишним балластом, обременяющим только память ваших питомцев. Нет, это поистине будет для них драгоценным, незаменимым сокровищем, хотя бы они теперь не знали и не могли оценить его по достоинству. Если не сейчас, то со временем они будут глубоко благодарны вам за то, что вы заставили их с детства делать этот дорогой запас; когда, например, в душе юноши или мужа оживет со своим предостережением какое-нибудь, хотя бы против воли заученное в детстве, священное слово и отведет заблудшего от бездны гибели. Или когда эти примеры из священной истории, эти изречения из слова Божия предстанут, как Ангелы Хранители пред одром больного, успокоят его душу своими утешениями и проведут через мрачную долину смерти! О, даруй, Господи, чтобы с наступлением и нашего страшного часа смерти, последний вздох и каждого из нас был

заимствован из слова Божия, как вздох умирающего Спасителя: *«Отче! в руки Твои предаю дух Мой»*.

Это суть молитвы, которую Спаситель заимствовал из псалма Давида. Таким образом, молясь, умирает Спаситель, как, молясь, и жил Он. Да и что за жизнь, что за смерть без молитвы! Но, друже! Как можешь ты умереть с молитвою, если ты жил без молитвы и в продолжение всей своей жизни не научился молиться?

«Отче! в руки Твои предаю дух Мой». Вот слова, которыми молится Спаситель в момент смерти, к которой Он Сам вышел навстречу. Он добровольно предал Себя в руки врагов Своих, которые пред Его мощным: *«это Я»*, – *«отступили назад и пали на землю»* (Ин.18:5–6), и никакая сила не могла бы связать Его, если бы он Сам не захотел этого; так же добровольно предает Он Себя в узы смерти. Он пришел к смерти, а не смерть к Нему, – говорили поэтому отцы Церкви. В доказательство этого Он и предает дух Свой в руки Отца, возгласив громким голосом: *«Никто не отнимает ее (жизнь) у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее»* (Ин.10:18).

Он умер добровольно, но умер действительно и претерпел за нас все мучения смерти. И затем Он передал душу Свою на попечение и сохранение (Сам Собой Он не мог уже этого сделать) Отцу Своему. Из рук врагов Своих, которые после различных издевательств и мучений повесили Его на древе клятвы, передал Он Себя в руки Бога. *«Отче!»* – молится Он, как в первом Своем крестном слове, слове Своего первого священнического ходатайства за убийц. Отцом называет Он снова Того, Которого в тот ужасный час Своего оставления от Отца называл Богом. В этот час Своей смерти, Он снова становится в такое же отношение к Отцу Своему, в каком был ранее, до Своих страданий.

Что означает эта молитва нашего Спасителя, это мы видим из слов 15-го псалма, которые, по свидетельству апостола Петра (речь его в день Пятидесятницы), исполнились на Иисусе Христе (Деян.2:27) *«Сохрани мя, Господи, яко на Тя уповах. Яко*

не оставиши душу мою во аде, ниже даси преподобному Твоему видети истления» (Пс.15:1, 10).

Он предает Свою душу в руки Отца в той уверенности, что она будет невредимой и в целости сохранена до того дня, когда Он снова возьмет ее из Его рук для воскрешения тела.

Свободный от всяких страданий, безопасный от ярости и козней дьявола, Иисус входит в покой Божий; тотчас открылись ему двери Рая, в который Он обещал сегодня же ввести с Собою разбойника, куда ведет Он души и всех Своих последователей, которые вместе с Собою, в этом последнем Своем вздохе, как Милосердный Первосвященник, передает в руки Своего Отца. *«И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей. Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех; и никто не может похитить их из руки Отца Моего» (Ин.10:28–29).*

Вот почему христиане знают, на чем основывается их утешительная уверенность и в чьи руки они отдают при наступлении смерти свои души на сохранение до дня воскресения. Вот почему первомученик Стефан, умирая под камнями своих убийц, молился: *«Господи Иисусе! прими дух мой» (Деян.7:59)*. Вот почему и многие другие из мучеников христианских, умирая, говорили: *«О, Господи Христе, Ты мой Спаситель, в Твои руки предаю я дух мой»*. Или: *«Отче, в руке Твои предаю я дух мой, Ты избавил мя, Господи Боже истины»*.

Христианин! Будет ли этот вздох и твоим предсмертным вздохом? О, старайся, чтобы ты мог отдать твою душу на хранение до дня воскресения в такие надежные руки. Блажен, кто при последнем конце своей жизни, когда исчезают и мысли, и чувства, бывает достоин того, чтобы передать свою душу в руки Всемогущего Отца с уверенностью, что никто не вырвет ее из этих рук. Таковой утешительной уверенности вполне достаточно для того, чтобы умереть в мире. Имеющий такую веру знает, что душа его и среди бушующих волн смерти безопасна и остается невредимой. Я в руках моего Отца, я знаю это, и больше мне ничего не нужно знать, для меня совершенно довольно знать о месте покоя. А что будет от момента моей смерти до того часа, когда все умершие услышат

глас Сына Божия и откроются их гробы, это я представляю Ему и Его благой воле. При последнем конце своем я молюсь: *«Отче, в руки Твои предаю дух мой»*, и, всецело возложив на Него свою надежду, умираю с миром.

Да сподобит нас Отец наш Небесный такой мирной кончины! Но, о мои возлюбленные братие! Кто не знал на Небе никакого Отца в продолжение своей жизни, тот может ли вручить Ему дух свой при смерти? Кто отвергает Сына, у того нет и Отца (1Ин.2:23). *«Никто не приходит, – говорит Он Сам, – к Отцу, как только через Меня»* (Ин.14:6). Вот почему и проповедуется теперь Его имя, дабы вы уверовали в Него и по этой вере сделались чадами Божиими. Блажен, кто может при последнем своем вздохе передать свой дух в руки Отца, но страшно попасть в руки Живого Бога, Который никогда *«поругаем не бывает»* (Гал.6:7) и из рук Которого никто не может спасти. Да защитит и сохранит нас от сего Отец наш Небесный!

«Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух». Уста Его сомкнулись и умолкли, глаза Его закрылись, лицо помертвело, душа отлетела и тело Царя жизни, как труп, повисло на Кресте.

Когда склонил Свою голову и умер Спаситель, поколебалась земля, распались камни, раскрылись гробы умерших, и завеса во Святая Святых разорвалась на две половины от верхнего края до нижнего. Сотник же, который держал стражу при Кресте, когда увидел все совершившееся, прославил Бога и сказал: *«воистину Он был Сын Божий»* (Мф.27:54). И весь народ, бывший при этом и видевший все это, ударяя себя в перси, разошелся по домам.

Братие христиане! Будем и мы, с благоволением преклоняя колена душ и телес наших пред Крестом Его, ударять себя в перси, каяться и молиться, говоря: *«Боже милостив буди нам, грешным»*, – нам, которые распяли и убили Бога, Единородного Сына, Единственного Праведника в нечестивом роде человеческом, убили Того, Которого теперь никакая смерть уже не умертвит, убили Царя жизни, Который умерши за грехи наши и воскресши за оправдание наше, взшел теперь на Небо, в

вечный чертог Отца Своего, чтобы открыть свободный вход туда и нам, и всем, которые вместе с нами преклоняются пред Крестом Его и, ударяя себя в перси свои, сокрушаются о грехах своих.

О, Господи Иисусе Христе! Ты Вечный Первосвященник, Сын Божий, Агнец Божий, взявший грехи мира, понесший и наши грехи. Прими эту жертву нашего благодарения, с которою мы сегодня, с благодарственной мольбою, преклоняемся пред Тобою! Пусть образ Твоего святого и пречистого, за наши грехи распятого на древе клятвы тела ежедневно побуждает нас умирать греху и оживать для Бога! Признай нас Ты, Верный Пастырь, Своими и помоги нам быть и на всю жизнь свою оставаться Твоими, дабы мы при наступлении страшного часа смерти могли с дерзновением передать наши души на попечение Отца Небесного и во имя Твое сказать: *«Отче, в руки Твою предаю дух мой!»* Аминь.

Молитва Господня в девяти беседах

Беседа первая. О призывании

Молитва есть воздух для душ, она служит как бы биением пульса духовной жизни. Где есть духовная жизнь, там она необходимо должна появляться в молитве к Богу. Где нет истинной молитвы, там не может быть вполне здоровой духовно-нравственной жизни. И наоборот. Где совершается молитва, и чем чаще совершается она, тем более крепнет и развивается эта духовная жизнь. Как много значит для человека, если он может искренне молиться и более и более совершенствоваться в этой молитве!

Вот почему и Господь наш Иисус Христос не только убеждал учеников Своих молиться, и молиться непрестанно, но вложил в уста их и самые слова молитвы *«Отче наш»*, которая поэтому и называется Молитвой Господней. Два раза Он учил их этой молитве. В первый раз, когда, по сказанию евангелиста Луки (Лк.11:1), они просили Его: *«Господи! научи нас молиться»*, а потом в Нагорной беседе (Мф.6:9–13), когда предостерегал их от ложной, фарисейской молитвы, молитвы неискренней, напыщенной, многословной, совершаемой только напоказ. *«Молитесь же так»*, – сказал Он им при этом (Мф.6:9), то есть молитесь кратко, просто, без лишних слов и напыщенности, с указанием только сущности дела – словом, так как Я научу вас.

О, возлюбленные братие и сестры! Если бы Господь Иисус Христос ничему более не научил нас, кроме этой молитвы, то и тогда мы не были бы в состоянии достойно отблагодарить Его. Молитва эта так коротка, так сжата, так немногословна, что ее даже дитя может прочесть в одну минуту, и, однако, она столь глубока по своему содержанию, столь богата по своим мыслям, что и муж зрелого ума не может исчерпать ее содержания во всей его глубине и полноте. «Откровенно говорю, – сказал один из ученнейших мужей богословского мира – что я не вполне еще уразумел молитву *«Отче наш»*, хотя и имею ученую степень доктора». Кто же такие мы с вами, чтобы нам воображать себя вполне и совершенно исчерпавшими смысл и содержание этой

молитвы? Мы не более, как дети припавшие, так сказать, к глубокому и широкому текущему источнику, чтобы руками черпать из него воду и подносить к устам своим.

Всемогущий, Премудрый и Неисследимый Боже! Презри с небесной высоты Своей и даруй нам, как сегодня, так и впредь, когда мы будем собираться здесь, для изъяснения сей Молитвы Господней, столько почерпать из этого обильного источника, сколько нам нужно будет для того, чтобы утолить жажду душ наших о Тебе, Живом Боге!

Молитесь же так: *«Отче наш, Иже еси на небесех!»*(Мф.6:9).

Все мы, братия, с детства знаем, что Бог есть Отец нам. Вот почему нам кажется слишком простым и удобопонятным то, что мы называем Его в нашей молитве Отцом. Но некогда это было совсем новое отношение молящихся к Богу, в какое Господь поставил учеников Своих. И не только для язычников, но и для ветхозаветных праведников чужда была мысль о том, что они могут обращаться к Богу с такой детской смелостью и дерзновением.

В Священном Писании Ветхого Завета очень немного можно найти мест, где Бог называется Отцом, и для ветхозаветного человека, даже самого благочестивого, с этим именем очень мало соединялось понятия об отеческих свойствах Бога. Так, у пророка Малахии Бог требует от Своего народа чести, которая приличествует Отцу (Мал.1:6). В другом месте, упрекая народ Свой в вероломных поступках и в неверности друг другу, Он говорит: *«Не один ли у всех нас Отец? Не один ли Бог сотворил нас?»* (Мал.2:10). И Давид, зная, что Бог есть защита сирых и беспомощных, называет Его Отцом сирот (Пс.67:6). Но этому Отцу, по предоставлению ветхозаветных праведников, не достает той души, той любви, которая соединяет отца с детьми и которая сердце дитяти в чувстве благодарности и преданности повергает в объятия отца. Таким образом, Давид, который лучше других знал, что значит молитва, и который умел молиться так, как ни один из ветхозаветных праведников, и тот, однако ж, нигде не дерзает обращаться к Богу, как к Отцу и говорить с Ним с полной детской смелостью и

непринужденностью. Имя Отца, которым называем мы невидимого Бога, принадлежит собственно нам христианам, потому что мы впервые узнали через откровение Сына Его, что Он есть любовь и что все Его дела имеют свое основание в его отеческой любви. Только через любовь Бога, которую Он явил миру в лице Христа, мы впервые научились сему и теперь знаем, что Бог есть любовь (1Ин.4:8–16), что Отец Господа нашего Иисуса Христа есть и наш Отец, Который удостоил нас называться детьми Его. Смотрите, какую любовь дал нам Отец, *«чтобы нам называться и быть детьми Божиими»* (1Ин.3:1). Потом *«никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть»* (Мф.11:27). *«А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими»* (Ин.1:12).

Поэтому никогда ты, христианин, не должен молиться молитвою *«Отче наш»*, не испытав себя самого, имеешь ли ты в своем сердце хоть сколько-нибудь, хоть самую незначительную долю этих детских свойств и имеешь ли право с таким детским дерзновением обращаться к Всемогущему Вечному Святому Богу, Творцу неба и земли и призывать Его, как Отца своего. Счастлив ты и благо тебе, если Его Дух дает свидетельство твоему духу, что ты действительно дитя Бога и можешь просить Его с детским настроением души! Дитя может у отца просить всего, оно ожидает от него всего, оно открывает и поверяет ему все, оно надеется и полагается на него во всем. Если ты действительно дитя Бога, а Он – Отец твой, тогда нет надобности излишне спрашивать, молишься ли ты Ему и почему молишься. Спрашивает ли кто у цветка, почему он цветет или почему он издает запах, благоухание? Он необходимо должен цвести и благоухать, это лежит в его природе, которая требует, чтобы он цвел и благоухал. Иначе невозможно. Точно так же не спрашиваешь ты у светила, у звезды, почему она светит – она необходимо должна светить и блистать, такова ее природа. А христианина, чадо Бога, ты хочешь спросить, почему он молится. Иначе он не может поступать, он необходимо должен молиться. Молитвой он питается, в молитве он отдыхает, в молитве изливает пред Богом свое сердце, в молитве, молении

и благодарении выражает свои мысли, чувства, намерения и желания. Как же он не будет молиться, когда его натура требует, чтобы он молился!

Потому-то Господь Иисус Христос и ставит Своих учеников в это надлежащее отношение их к Богу – отношение детей к Отцу. Этим Он хочет привлечь нас к Богу, приблизить к Нему, дабы мы уверовали, что Он – наш истинный Отец, а мы – Его истинные дети, и дабы мы, одобренные такой близостью к Богу, со всяким доверием и дерзновением, просили Его, как просят любящие дети своего любящего отца.

Если же Господь словом «Отче», которое Он влагает в уста учеников Своих, ставит их в истинное отношение к Богу, указывая им на их детские права и на их детские обязанности, то слово «наш», прибавляемое Им при сем, напоминает нам об отношении нашем к людям, о наших взаимных братских правах и обязанностях.

Не ты только один нуждаешься в Его отеческой любви и имеешь право называть Его Отцом своим. Есть целая огромная семья чад Божиих. Миллионы людей называют Его, вместе с тобою, Отцом своим, вместе с тобой молятся Ему и вместе с тобою нуждаются в Его отеческом призрении, в Его ежедневном руководстве и попечении. Они не чужды тебе. Они близкие тебе, они твои братья. Какое же право имеешь ты забывать их в своей молитве? – Высокая счастливая мысль! Не здесь только, не в этом только многочисленном нашем собрании, но и в уединенной комнате, и всюду, где только я преклоняю пред Ним свои колена, вместе со мною молятся миллионы людей, которые подобно мне призваны быть чадами Божиими и подобно мне преклоняют колена пред Иисусом и во имя Его называют Бога своим Отцом. И эти общие молитвы и песнопения несутся горé, к Небу, к престолу Славы Вышнего и сливаются там с хвалебною песнью тех небожителей, которые в своем высшем хоре еще достойнее славословят Его, чем все наши плотские уста здесь на земле.

С таким широким сердцем молится христианин, он молится со всеми и за всех, да и за всех тех, которые еще не признают Его как своего Бога и своего Отца, но нуждаются однако в Нем,

которые так же, как и мы, призваны познавать Его как своего Отца и поклоняться Ему как своему Богу.

Но почему Спаситель наш учит нас к словам *«Отче наш»* присоединять еще *«Иже еси на небесех»*? Ведь нам известно, что Бог наш Вездесущ и нет места во всем Его необъятном мире, где не было бы Его и куда не достигала бы Его рука. По крайней мере, Давид молится Ему такими словами: *«Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, – и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя»* (Пс.138:7–10). Почему же Господь Иисус заставляет нас искать в своей молитве Отца на Небе? А по той же причине, по которой и Давид молится: *«Из глубины возвах к Тебе, Господи»* (Пс.129:1), то есть, *«из глубины бедствия взываю к Тебе»*. Этим словом указывается на наши ежедневные бедствия и нужды. Мы в бездне ежедневных зол и бедствий земли, а Бог стоит выше всего этого, во славе и величии Небесном. И счастливы мы тем, что среди наших нужд, скорбей и бедствий можем возлагать упование свое на Бога, что можем находить защиту и покровительство у Отца, Который выше всяких нужд земных и от Которого нисходит *«всяко даяние благо и всяк дар совершен»* (Иак.1:17). Насколько небо выше земли, настолько Его мысли выше наших мыслей и Его пути выше наших путей. Насколько Его могущество и мудрость выше мудрости земной, настолько же и Его любовь выше любви человеческой. По крайней мере, самая глубокая и самая самоотверженная любовь земных родителей, есть только слабое отражение любви нашего Отца Небесного. Да, было бы чем-то невероятным и неестественным, если бы отцовская или материнская любовь изменила своей природе. Еще менее может подлежать сомнению, чтобы сердце Отца нашего Небесного изменило в любви к Своим чадам. *«Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, То Я не забуду тебя»*, – говорит Господь (Ис.49:15).

К Нему поэтому возносись, друг, и своими мыслями, своими чувствами и желаниями. Не привязывайся своим сердцем ни к чему земному, как бы это земное не обольщало тебя, устремляй свой взор и сердце к Отцу Твоему, Который живет на Небе в блеске величия и славы. Там твое настоящее место, там твоя родина, которой ты лишен за грех, там дом Отца твоего, к которому принадлежишь ты, куда можно возвратиться не иначе как скорбным и тесным путем, путем той плачевной юдоли, в которую низверг тебя Отец твой, чтобы на чужбине дать тебе понять, чего лишился ты с удалением из отцовского дома. Туда, где Господь славы, твой Спаситель, приготовил у Отца Своего обитель тебе, туда устремляйся своими желаниями и вожденными надеждами. Не забывай на чужбине твоего высокого происхождения и твоего отчего дома. Возведи взор свой от пути к цели, направляй твое сердце к достижению наследия чад Божиих, живущих на Небе, к святым Божиим, которые там, у Престола воспевают Ему *«Свят, Свят, Свят»* к совершенному блаженству Неба, к которому некогда будешь призван и ты.

А посему молись так: *«Отче наш, Иже еси на небесех!»* О, если бы мы как должно умели произносить слова эти и с действительно детским сердцем обращались к Нему, Всемогущему, Всеведущему, Милосердному Богу! Чем искреннее и истовее было бы это обращение к Нему, чем с большей верой и благоговением делалось бы оно, тем сильнее и действеннее было бы оно и тем с большим успехом и дерзновением мы могли бы произносить все эти слова этой молитвы, которой научил нас Сам Господь наш.

Итак, Отец наш, если мы таким образом молимся Тебе, то благоволи по отеческой Твоей милости принять нас и силою Святого Духа Своего управлять нашими сердцами, дабы мы достойно могли называться детьми Твоими и с полной верою и дерзновением просить Тебя, как любящие дети просят своего любимого отца: *«Отче наш, Иже еси на небесех!»* Аминь.

Беседа вторая. О первом прошении Молитвы Господней

Да святится имя Твое...

Мф.6:9

Когда Спаситель наш, братия, учит молиться учеников Своих, то, прежде всего, Он ставит их в надлежащее положение, в детское отношение к Богу и говорит: *«Сице... молитесь: Отче наш, Иже еси на небесех»* (Мф.6:9). Чем более молящийся оправдывает слова этого призвания, чем более мы являемся действительными по своему настроению детьми Бога, тем более молитва наша делается достойной и угодной Богу. Это обнаруживается сейчас же, при первых словах, которыми мы начинаем свою молитву: *«Да святится имя Твое!»* Кто не питает к Богу истинно детских чувств, кто не почитает Его выше и дороже всего, кто ради Отца не может забыть себя самого и все свое, тот хотя и будет произносить слова: *«Да святится имя Твое»*, сердце его не будет участвовать в этой молитве. Он начинает молиться только с четвертого прошения: *«хлеб наш насущный даждь нам днесь»* или *«избави нас от лукавого»*. Только тот, кто имеет истинно детское сердце, для кого честь и слава Божия действительно выше всего, кто действительно любит Бога больше всего, тот только и может обращаться к Богу со словами: *«Отче наш»*, – и искренно просить у Бога как самого главного, чтобы свяtilось (прославлялось) Его имя или, что то же, чтобы прославлялся Он Сам.

Святое имя Свое Бог открыл, без сомнения, всюду, во всем Своем творении: *«Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь»* (Пс.18:2). Он написал Свое имя на каждом прутике, на каждой травке, на каждом червячке земляном. Его поет солнце, Его славит луна. Его проповедует песок морской. Но сколько людей остаются глухи к этой проповеди и, взирая на красоту и величие природы, не замечают Того, Кто все это сотворил и так чудно устроил! В продолжение тысячелетий язычники шли своими путями, вели

войны и завладевали царствами и землями, делали разного рода открытия и изобретения, признавали все сокровища человеческой мудрости – но Самого Бога они в Его делах не усмотрели, ничего не прочитали о Его имени в Его творении.

Бог открывается тебе в твоей совести – тут написано Его святое имя, тут является Он к тебе, как Святое и Правосудное Существо. Ты можешь слышать Его голос в каждом призыве, предостерегающем тебя в наказаниях, в несчастьях, в угрызении совести за содеянный грех. Но сколько между нами таких, которые не слышат этих Его призывов, которые глухи и бесчувственны к голосу совести! Или хотя ты и слышишь призыв Его, хотя и доносится до тебя голос Святого и Правосудного Бога, Который не позволяет над Собой ругаться, но не чувствуешь Его Отческого голоса. Для тебя остается замкнутым внутреннейшее сердце твоего Бога. Это сердце открыл Он только в Своем слове. Там находишь ты его – находишь и в Его величии, и в Его милосердной любви. Почему и ветхозаветный праведник уже молится так: *«Поклоняюсь пред святым храмом Твоим и славлю имя Твое за милость Твою и за истину Твою, ибо Ты возвеличил слово Твое превыше всякого имени Твоего»* (Пс.137:2). Как же не сливаться в этой молитве нам, всем христианам, для которых Он сделал Свое имя еще более славным через Своего Единородного Сына, через то *«Слово, Которое стало плотию и жило между нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца»* (Ин.1:14). Задача и цель пришествия на землю нашего Спасителя в том и состояли, чтобы прославить имя Отца, чтобы Отец был поклоняем в Сыне. Вот почему Он молится: *«Отче праведный! и мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня. И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которой Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них»* (Ин.17:25–26). Спаситель, влагая в это первое прошение всю Свою душу, хочет чтобы так делали и ученики Его, то есть первее всего и больше всего желали бы и молились бы о том, чтобы святилось имя Бога – их Отца.

Конечно, своими славословиями, поклонением и почитанием, мы не можем имя Божие сделать более святым, чем оно есть само в себе; с другой стороны, и всеми нашими грехами, хулою, непочтением и оскорблениями не можем осквернить Его и сделать менее святым. Теряет ли что солнце от того, если туманные облака затемняют свет его. Мы только чувствуем при этом недостаток света и теплоты, но оно само остается неизменным и неослабно испускает свои лучи и за облаками. Или какой вред получает драгоценный камень оттого, что ты точишь его кремнем или бросаешь его в грязь и пыль? Если и происходит отсюда какой-нибудь вред и убыток, то только для тебя самого; но самый камень остается тем же, чем и был, сохраняя и при этом свое драгоценное качество. Так и здесь. Имя Божие от наших грехов само по себе не теряет ничего и сохраняет свою светлость и при них, но мы просим Его, чтобы оно и у нас сохраняло свою святость, чтобы и между нами и в нашей святой жизни оно прославляемо было в Его величии и могуществе, в Его мудрости и благодати, в Его правде и любви.

Теперь подумай, в каком, собственно, смысле мы должны употреблять эти слова Молитвы Господней: *«Отче наш, Иже еси на небесех! да святится имя Твое»*. Это суть слова хвалы, славословия и поклонения перед величием и благодатью нашего Бога. Из этой земной юдоли бед и скорбей, из бездны греха и порока я возвожу свои очи к Небесному Отцу Своему, к Богу, Который возвестил через Свое слово имя Свое во всей Вселенной. Глубокое чувство любви, благоговения, благодарения и поклонения наполняет и движет мою душу. Боже, о Творче мой и Господи, взываю я! Что такое пред Тобою тварь Твоя, о Неизмеримый и Неисследимый Боже? Кто такой я пред Тобою? Не более как червь земляной, как самое ничтожное насекомое. Ты скажешь слово – и явятся миры, отымешь дух Твой – и эти миры исчезнут и в персть свою обратятся (Пс.103:29)! И, однако, Ты так близок, о Боже, так ощутительно близок к нам, во всякой нашей немощи Твоею силою и во всяком нашем грехе Твоей благодатью, что мы дерзаем приближаться к Тебе, обращаться к Твоему сердцу с

нашими молитвами и просим Тебя, как любящие дети просят своего любимого отца: «*Отче наш!*» Можем ли мы достаточно возблагодарить Тебя за то, что Ты удостоил нас такой отеческой любви, что мы дерзаем наш детский лепет присоединять к пению хора небожителей, с которыми они поклоняются Тебе у Престола Твоей славы! Итак, пусть не устанет ни душа наша прославлять Твое имя, ни уста наши возвещать хвалу Твою, Боже, до тех пор, пока мы существуем, пусть всегда святится имя Твое и между нами!

Таковы, братие, должны быть у нас мысли и чувства при произнесении слов Господней молитвы. Так, несомненно, думал и наш Спаситель, когда учил молиться такими словами. Само собой понятно, что у кого сердце не будет проникнуто при произнесении этой молитвы такими мыслями и чувствами, у того она не будет истинной молитвой Господней.

Но когда посмотришь на нравственное состояние человеческого мира, то какая тяжелая картина представляется нашему взору! Как далеко не соответствует она той чести, которая подобает нашему Богу и той славе, какой Он желает от Своего создания! Миллионы людей еще не знают Его, не знают имени Отца Своего, и через их уста не проходит еще ни одного слова хвалы благодарения и поклонения своему Богу. Да и в среде христианского мира, которому Он открыл Свое отеческое имя и который призван к Его прославлению, к чему направлена вся эта напряженная, лихорадочная погоня за мудростью, счастьем и благами этой земли? Из каких побуждений делаются эти быстрые успехи во всех отраслях наук и искусств, в устройении внешнего благосостояния и удобств жизни? К чести и во славу кого все это совершается? Делается ли это в честь и во славу Того, Которому одному только принадлежит эта честь и от Которого происходит *«всяко даяние благо и всяк дар совершен»* (Иак.1:17). Для того ли это совершается, чтобы прославлять «*Отца светов*», Его отеческую любовь, святить Его имя? Или же это делается человеком для собственной чести, для своего собственного имени? И не говорят ли современные люди, как некогда говорили вавилоняне: *«построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем*

себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли» (Быт.11:4)?

От внешнего мира обратись теперь, друг, к своему внутреннему миру, загляни в свое собственное сердце и посмотри, насколько и твоя собственная жизнь направлена к прославлению Твоего Бога и Его святого имени. Все, что ты говоришь и делаешь, во имя ли Господа Иисуса делаешь и с благодарностью ли к Богу Отцу. Через всю твою жизнь проходит ли, звучит ли один только тон: *«Не нам Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу» (Пс.113:9)*. Или же жизнь твоя строится на других началах, и все действия и поступки твои имеют другие цели и побуждения? После столь многих и поучительных проявлений в твоей жизни могущества, премудрости и благодати Твоего Бога в душе твоей все еще находят себе место маловерие, неверие и ропот. После столь многих и неопровержимых обнаружений твоего бессилия и грехопадений в ней все еще есть место для самоправедности и упорной гордости? После столь дорогих минут блаженного общения с Богом в Таинствах Церкви и святой решимости жить только для Него и для Его славы и свято сохранять Его имя, у тебя, однако, так много еще себялюбия и потворства плоти, и так мало сыновней преданности Богу и братской любви к ближним? Не должен ли Он в таком случае и нам, когда мы обращаемся к Нему со словами: *«Отче наш, Иже еси на небесех»*, отвечать так же, как некогда Он говорил Своему народу израильскому: *«Сын чтит отца и раб – господина своего; если Я Отец, то где почтение ко Мне? и если Я Господь, то где благоговение предо Мною?.. Ибо... велико будет имя Мое между народами... А вы хулите его» (Мал.1:6, 11–12)*.

Таким образом, слова *«да святится имя Твое»* – не суть только выражение нашего прославления Отца нашего Небесного, но в то же время и выражение искренней и смиренной молитвы, в которой с сокрушением сердца исповедуя пред Отцом Небесным, что имя Его на земле далеко еще не славится так, как бы это подобало Ему, просим Его, чтобы Он Сам благоволил положить конец этому нашему

нечестию и оскорблению Его имени, Сам Своей благодатью содействовал тому, чтобы всеми была признана и по достоинству оценена Его отеческая любовь к нам и прославляема нашей благочестивой, полной сыновней преданности Ему жизнью.

Да благословит же нас на это Господь и да просветит Он нас Своим светом, дабы и наш свет светился *«пред людьми, чтобы видели наши добрые дела и прославляли Отца нашего Небесного»* (Мф.5:16)! Аминь.

Беседа третья. О втором прошении Молитвы Господней

Да приидет Царствие Твое...

Мф.6:10

Возлюбленные братья! Тот, кто действительно питает к Богу сыновние чувства, для кого Бог действительно Отец, Которого он любит больше всего, почитает выше всего, кто все делает во славу Отца, тот не может при начале молитвы, сказав слова: *«Отче наш, Иже еси на небесех»*, – сейчас же не прибавить: *«да святится имя Твое»*. *«Не нам, не нам... но имени Твоему»* да будет слава (Пс.113:9), честь и поклонение, которое Тебе одному только подобает, Всемогущий, Вечный, Милосердный Отец наш! О, прииди и прими то, что Твое и принадлежит Тебе! Сохрани нас от всего, что препятствует нам прославлять Твое имя. Помоги, чтобы слово Твое распространялось между нами во всех концах земли, дабы все люди познали Твое святое имя и мы, как истинные дети, прославляли Тебя святой своей жизнью!

Если же, таким образом, главным и единственным предметом наших желаний забот и стремлений служит прославление имени Бога, нашего Отца Небесного, то мы имеем все причины и побуждения к словам первого прошения: *«да святится имя Твое»* – тотчас же присоединить слова и второго: *«да приидет Царствие Твое»*.

Святые отцы наши трояко различают Царство Божие, а именно Царство силы или власти, Царство Благодати и Царство славы.

Царство власти Бога со дня творения простирается на все, что сотворено Им. Он все содержит в Своей власти, и никакая тварь не может ослабить и отнять Его крепкой руки. Перед Его величием трепещут и демоны и, вопреки своему желанию, служат Ему, являются орудием в исполнении Его Божественного Совета и, таким образом, утверждают славу и неприложность Его Божественной воли и Его закона.

Царство Бога проникает всюду, простирается на все. В мире ничего нет, что не было бы подчинено Ему всемогущему управлению. Это выше всякого сомнения. В этом смысле Царство Божие нельзя называть только приходящим в мире или имеющим прийти в будущем. Оно уже существует здесь, и нам нет нужды говорить: *«да приидет Царствие Твое»* именно в этом смысле.

Но цель, для которой Творец неба и земли создал мир, и слава, которой Он желает и ожидает Себе от Своих созданий, состоит не в том, чтобы они служили Ему против своей воли и почитали Его, как сосуды Его гнева. Он сотворил нас для того – и это есть та слава, которой Он ищет в нас – чтобы мы служили Ему добровольно и в свободной, благодарной любви почитали и славили Его имя, исполняли Его волю и наслаждались Его благими дарами. Вот почему Он не уничтожает грешного человека в его грехопадении и не оставляет его без помощи в состоянии его гибели, которую он сам причинил себе своим своеволием. Вечный Совет Божественный определил учредить среди грешного мира Царство Его благодати. Цель Его управления миром состоит в том, чтобы осуществить этот Предвечный Совет любви Божией, чтобы через Иисуса Христа все, что есть на небе и на земле, соединено было в одно Царство, в котором исполнялась бы Его воля и господствовали бы правда, мир и радость. Пришествие и достижение этого Царства есть цель всех путей Бога. Об этом *«Бог многократно и многообразно»* говорил *«издревле отцам в пророках»* (Евр.1:1). Для этого Он по исполнению времени *«послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены»* (Гал.4:4), и дал закон. Для этого Единородный Сын Отца умалил и уничижил Себя, приняв знак раба, и сделался *«послушным, даже до смерти, и смерти крестной»* (Флп.2:8). Для этого Он – Этот Сын Человеческий – после того, как дана была Ему *«всякая власть на небе и на земле»* (Мф.28:18), посылает теперь Своих апостолов, благовестников Своего Царства с проповедью Евангелия, дабы все рассеянные по земле чада Божии, за которых он умер, собирались к Нему от утра и вечера,

от полудня и полуночи, чтобы жить в Его Царстве и служить в вечной правде невинности и блаженства.

Вот то Царство, о котором говорит Спаситель, когда благовествует Он Евангелие о Царствии, о пришествии этого-то Царствия и учит Он нас молиться словами: «*Отче, да приидет Царствие Твое*». Да, Он учит молиться, чтобы оно, это Царство благодати, пришло и к нам и вселилось в нас с правдою и миром и радостью о Духе Святе (Рим.14:17), а также, чтобы пришло оно и в своей славе, чтобы открылся тот день, в который исполнится все то, что определено в Его Предвечном Совете.

Вот о каком Царстве просим мы, когда говорим: «*Отче, да приидет Царствие Твое!*» И оно, конечно, придет – Царство Божие придет даже без нашей молитвы, само собой. Из одной свободной любви Своей принял Он решение о спасении мира, не дожидаясь, чтобы кто-нибудь просил Его об этом; по свободной же любви Он приводит это решение в исполнение, хотя бы никто из нас не просил Его о сем, приводит в исполнение, даже несмотря на все грехи и равнодушие мира и на все козни и противодействия его князя. Десница Господня всегда побеждает, как бы сильно против нее ни восставали человеческая злоба и неправда. Ирод и Пилат вместе с язычниками и иудеями восстают на Бога и Христа Его, а делают, однако, только то, что должно было совершиться по предвечному предопределению Бога. Савл дышит угрозами и убийством против учеников Господа и хочет вконец разрушить Царство Бога и Христа Его, но ему оказывается не под силу «*идти против рожна*» (Деян.9:5). Рука Сильного привлекла его к Себе и сделала Своим избранным орудием в прославлении Его имени между язычниками и царями и сынами Израиля.

Итак, Царствие Божие придет само собой без нашей молитвы. Что же воображаешь ты, червяк земляной, что Всемогущий Бог нуждается в твоей помощи? Он не нуждается в нашей помощи, но мы нуждаемся в Его содействии, чтобы Царствие Божие пришло и к нам. Хотя Царствие Божие придет и без нашей молитвы, но мы просим, чтобы оно пришло и к нам лично. Что пользы для меня, если оно придет со своим

спасением и со своей благодатью, а я не буду иметь в этом никакого участия? Какая польза мне от того, если придет жених взять невесту и соберутся на брачный пир его гости, а я не буду готов войти в чертог жениха и, оказавшись без светлой брачной одежды, извержен буду из чертога?

Вот почему мы просим в этой молитве, чтобы Царствие Божие пришло и к нам, христианам, которых Господь научил так молиться, и ко всем тем, которые не знают еще Христа и сидят во тьме язычества. Ах, если бы Небесный Отец удалил из их сердец все, что препятствует пришествию туда Его Царства, и Сам проложил бы ему путь в каждое сердце, в каждую семью, в каждый город и каждую страну к христианам и язычникам, к верующим и неверующим, к тем, которые еще не научены молиться так, как молимся мы, то есть словами: *«Отче, да приидет Царствие Твое!»*

Эти слова второго прошения поистине суть молитва праздника Пятидесятницы. Когда наступил этот день Пятидесятницы, тогда пришло оно – это Царствие Божие, и Господь излил благодать Святого Духа в сердца Своих верующих, чтобы они поведали миру великие дела Божии и приготовили Господу людей к прославлению Его имени. Если теперь мы молимся: *«да приидет Царствие Твое»*, то выражаем этим такое желание: *«Царю Небесный, Душе Истины! Прииде и вселися в ны»* – исполни сердца наши и зажги в них огонь Твоей Божественной любви! Таким образом, мы просим здесь Небесного Отца, чтобы Он, по бесконечной Своей милости, сжалился над нашей немощью и бессилием, и Сам дал нам Своего Духа Святого, чтобы Евангелие Его Царствия нашло путь в сердца наши, преодолев всякое сопротивление со стороны страстей наших, чтобы мы, познав свою слабость в борьбе с грехом, пробудили себя к вере в Его слово и спасительную силу Его благодати и, таким образом, сделались истинными чадами и наследниками Его Царствия и своей благочестивой жизнью прославляли Его имя.

Если с такими мыслями и чувствами произносишь ты, христианин, эти слова: *«да приидет Царствие Твое»*, то смело можешь надеяться, что молитва Твоя истинная, что она дойдет

до слуха Отца Небесного и что Царство Его придет, наверное. Смотри только, чтобы тебе самому не оказаться лжецом в твоей молитве. Старайся больше оставлять места Святому Духу в твоём сердце, чтобы Он беспрепятственно мог сделать в нём своё дело и, не прилепляясь к миру, ищи *«прежде Царства Божия и правды Его»* (Мф.6:33). Затем помни, что не ты один нуждаешься в Царствии Божиём и утешительном пришествии Его Святого Духа и не о себе только молишься ты, когда говоришь *«да приидет Царствие Твое»* к нам. В нём нуждаются и другие, ты просишь его и для других. Отверзай двери твоего сердца для всех: и для тех, которые живут близ тебя, и для тех, которые ещё далеко от Царства Божия блуждают во всех странах мира. Не забывай, что христианская миссия для тебя не постороннее дело, и что ты должен содействовать тому, чтобы имя Божие сделалось известным и язычникам и во всех концах мира проповедуемо было Его слово, *«исполнилось время и приблизилось Царствие Божие, покайтесь и веруйте в Евангелие»* (Мк.1:15). Нет сомнения, что оно, это Царствие Божие, как мы сказали уже, придет и без нашей молитвы, но оно должно приближаться и через нас, через нашу молитву, через нашу любовь. Горе нам, если придет оно, это Царство славы, если Он Сам, Сын Человеческий явится во славе Своей принять Свое Царство, а мы оказались бы лжецами, не оправдавшими нашей жизнью то, что так часто произносили устами! В таком случае сама эта молитва, которую мы так часто читаем, и все те души, к которым могло бы прийти Царствие Божие, но не пришло по нашей вине, выступили бы свидетелями против нас и тяжко бы обвинили бы нас перед Престолом Судии.

О, сохрани нас от сего, Милосердный Отец наш Небесный! Удали от нас все, что мешает нам принять Тебя и Святого Твоего Духа в сердца наши! Сотвори нас орудием Твоей благодати, дабы Царство Твое приближалось и распространялось по всей земле, и через нашу жизнь и служение излей Пресвятого Твоего Духа на всяку плоть, дабы наступило Твое Царство, открылся день Твоей славы, дабы и мы сподобились примкнуть к многочисленному хору

небожителей и воспеть: «Аллилуиа!», – ибо воцарился Господь Бог Вседержитель. «Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу; ибо наступил брак Агнца, и жена Его приготовила себя» (Откр.19:6–7). «Царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков» (Откр.11:15). Аминь.

Беседа четвертая. О третьем прошении Молитвы Господней

Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли...

Мф.6:10

Что воспели Ангелы Божии во святую ночь Рождества Христова? *«Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!»*(Лк.2:14). Это отвечает трем первым прошениям Молитвы Господней. Ибо слава, приличествующая Вышнему Богу, состоит именно в благоговейном прославлении Его имени; и мир на земле настает тогда, когда приходит Его Царство и люди делаются человеками благоволения не иначе и не прежде, как по исполнении того, о чем просим в третьем прошении.

О чем же просим в этом прошении? Хотя благая и милостивая воля Божия совершается вообще и без нас, без нашей молитвы, но в третьем прошении мы просим, чтобы она исполнялась так же и у нас на земле, как она исполняется на Небе.

Волю Бога мы называем здесь благою волею, и это совершенно верно, воля благая есть только Божия воля. Мы называем ее еще милостивой, и это опять совершенно верно, ибо она есть воля такого Бога, Который по Своей милости и нас хочет сделать снова добрыми, Который *«всем человекам хочет спастися и в разум истины прийти»*. Таково решение Его Божественной любви, которое принял Он перед сотворением мира и которое сможет осуществиться Им по исполнению времени. Этого Он желает нам и к этому направляет Он Свою промыслительную деятельность, хотя бы мы об этом Его и не просили. Почему же мы должны просить Его и просить неотступно, чтобы эта Его добрая, милостивая воля исполнялась нами и в нас, во славу Его и во спасение наше?

Разве что-нибудь мешает исполнению этой благой и милостивой воли Божией? – На Небе ничто не мешает. Там все совершается по одной только благой и милосердной воле Божией. Там множество воинств небесных вечно ликуют,

торжественно воспевая пред Престолом Его славы: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!» (Ис.6:3). Там ничто не препятствует безусловному, неограниченному господству Божественной воли. Там радость Ангелов, этих служебных духов, когда они исполняют Его повеления и посылаются «на служение для тех, которые имеют наследовать спасение» (Евр.1:14). Там – радость о каждом кающемся грешнике, в котором благая, милостивая воля Божия достигает здесь, на земле, своей победы; и он из слуг сатаны делается рабом Бога, наследником Его Царства, человеком благоволения Божия. Вот почему мы просим, чтобы воля Божия и насельниками земли осуществлялась так же, как и насельниками Неба, так же полно и беспрекословно, так же непрестанно и добровольно, с таким же преданным детским сердцем, которое исполняет волю Бога, не спрашивая, почему это нужно, а исполняет только потому, что это воля Бога.

Но так, таким именно образом воля Божия на земле еще не совершается. Такими добровольными, беспрекословными, неутомимыми, детски верующими и благодушно терпеливыми орудиями Его Божественной воли мы еще не показывали себя. Почему же нет? А потому, что на земле еще господствует злая богоборная воля, которая упорно противится и противодействует славе имени Бога и пришествию Его Царства, злая противобожественная воля вне нас – воля мира и воля дьявола, и злая противобожественная воля внутри нас – воля нашей плоти. Эти три врага нашего спасения составили совет между собой и стараются вовлекать нас всегда в похоть очес, похоть плоти и гордость житейскую (1Ин.2:16), в покой и негу и в бегство от креста. Потому-то так и тяжело нам отдавать нашу волю в волю Божию, по этой воле жить и поступать. Потому-то так часто у нас и бывает, что когда мы говорим устами своими: «Отче... да будет воля Твоя», сердце говорит другое и просит: «Нет, Отче, не Твоя, но моя да будет воля!»

От этого-то злого и богоборного совета и воли, действующей и вне, и внутри нас, мы и ограждаем себя, когда молимся: «Отче... да будет воля Твоя!»

Когда же и при каких условиях может быть исполняема эта благая и милостивая воля Божия в нас, вокруг нас и от нас.

Бог противодействует всем злым советам и злой воле, вовлекающим нас в похоть очес, похоть плоти и гордость житейскую (1Ин.2:16) и утверждает и сохраняет нас в Своем слове и Своей вере до конца жизни нашей!

Благодарение Богу! Из Его собственного слова и Евангелия мы знаем, что Его благая и милующая воля состоит в том, чтобы разорять злые советы и побеждать злую волю, укреплять чад Своих в добре и сохранять их в Его учении и Его вере до конца их жизни. А если так, то мы не должны, мы не в праве сомневаться в том, что Он услышит нас, когда молимся Ему, говоря: *«да будет воля Твоя!»* Они, эти враждебные Ему мир и дьявол, составили совет и собрались против Господа и Его Помазанника, но он говорит им: *«Замышляете замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится»* (Ис.8:10). Ирод посылает своих убийц умертвить младенца Иисуса, но Бог разорывает его злой замысел. Он посылает Своего Ангела и говорит во сне Иосифу: *«встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет»* (Мф.2:13). Мир и все силы ада воюют против Царства Христова. Они хотят стереть с лица земли ненавистную им Церковь Назорея, как они распяли и Его Самого, но десница Божия оказывается сильнее их. Бог разрушает их злой замысел и укрепляет Своих последователей в христианском учении и вере до конца их жизни. Они, эти последователи Его, всякое поношение и гонение за имя Христова почитают честью для себя. Они благодушно и с радостью переносят всякие нужды и лишения – лишения не только имущества и благ земных, но и самой жизни. Они благодушествуют и ликуют среди своих мучителей, которые подвергают их пыткам и убивают. Кровь Распятого Христа и их мученическая кровь делаются семенем Его Церкви. Утешьтесь поэтому, братие! Бог Сам разорывает злые замыслы и противодействует злой воле, которая препятствует славе Его имени и пришествию Его Царствия – и как бы мир и дьявол ни усиливались разрушить это Царство Бога, оно будет существовать вечно. Не то, следовательно, должно особенно

сильно огорчать и устрашать тебя, христианин, что ты видишь, как велика на земле сила мира и его князя, но то, если ты замечаешь, как велика еще эта сила противобожественной воли в тебе самом и как много еще ты сам оскорбляешь Бога и служишь препятствием пришествию Его Царства. Это должно побуждать тебя смиренно и с сокрушением сердца просить Небесного Отца своего против тебя самого и умолять его, чтобы Он вопреки твоей собственной неразумной противобожественной воле сохранял в тебе (в твоём поведении) Свою честь и славу, совершал Свою благую волю, чтобы Он Сам искоренял из твоего сердца все то, что мешает тебе всецело отдаться Ему и ничего более не желать, как только исполнять Его волю и за нее только радоваться и страдать.

Поэтому, не следуя внушениям своей плоти, мира и дьявола, направляй, друже, все свои мысли, чувствования и желания к Тому, Кто неложно мог сказать: *«не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца»* (Ин.5:30). Исполнять благую и спасающую волю Своего Отца, совершать дело, для коего Он послан был Отцом и пострадать по воле Отца – вот что было Его пищей, целью и задачей жизни. «Отче, – молился Он в саду Гефсиманском – поступай со мною не якоже Аз хочу, но якоже Ты, да будет Твоя воля!» (Мф.26:42).

Итак, Ты, о Господи, сделал все, что нужно было Тебе сделать. Ты совершил дело, которое поручил Тебе Отец Твой. Ты в точности исполнил Свою задачу, состоявшую в том, чтобы прославляемо было между людьми имя Отца Твоего и проповедуемо Евангелие Царствия во всех концах земли. Ты исполнил, значит, всю правду – как в осуществлении Его воли, так и в добровольном перенесении Твоих страданий и в Твоем послушании до крестной смерти. Ты показал Себя, таким образом, любезным Сыном, достойным Божественного благоволения Своего Отца. О, снизойди и к нам Твоею беспредельной милостью и удали от нас все, что мешает нам последовать Твоему примеру и отдать себя и свою волю в послушание воле Отца нашего Небесного! Умертви наши страсти и истреби в нас огнем Твоей любви всякое плотское мудрование и нашу волю, дабы мы ничего более не хотели, как

исполнения воли Отца нашего и согласного с этой волей безропотного перенесения своих страданий. Дай нам силу против всякой силы мира, дьявола и нашей плоти и соблюди нас в верности Твоему слову и закону до конца жизни нашей, дабы мы через Тебя соделались истинными чадами Небесного Отца нашего и человеками Его Божественного благоволения. О, Милосердный и Всемогущий Господи! Возьми нас – скажем словами одного благочестивого мужа – от самих нас и отдай нас Тебе Самому, и тогда откроется тот день, в который ничто уже не будет препятствовать прославлению имени Божия и пришествию Его Царствия, но исполнится то, о чем мы просим Отца своего Небесного, говоря: *«Отче... да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли!»* Аминь.

Беседа пятая. О четвертом прошении Молитвы Господней

Хлеб наш насущный даждь нам днесь...

Мф.6:11

Братия христиане! Из тины этой юдоли земной возводим мы свои очи и свое сердце горе, к Отцу своему Небесному, и в честь и в славу Его имени с вожденным вниманием молимся о пришествии Его святого Царствия и того часа, когда ничто на земле не будет противодействовать Его Божественной воле. *«Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли»*. Мы хорошо знаем и всегда помним, что мы еще не на Небе, еще не можем присоединиться к лику Ангелов, чтобы вместе с ними, у Престола Отца своего Небесного, воспевать Ему: *«Аллилуиа!»* Мы знаем, что мы еще не такие дети, которым Отец судил здесь, вдали от отеческого дома, на чужой стороне, переносить много ежедневных нужд и грехопадений, причем нам нужны Его ежедневное руководство, Его помощь и покровительство. Поэтому мы просим Отца Небесного, чтобы Он внял таковым нашим нуждам и по Своей милости даровал нам все, что необходимо для продолжения здешнего существования.

Прежде всего, мы просим Его о пище для нашего тела и об удовлетворении телесных потребностей, а потом уже об удовлетворении потребностей и души, и это не потому, что тело для нас важнее души, нет. Мы просим, прежде всего, о самом необходимом в здешней жизни потому, чтобы заботы эти не препятствовали нам поднимать свои очи и сердце горé, к Небу, к Богу, чтобы иметь более свободы заниматься удовлетворением духовных нужд своих и думать о Царствии Божиим прежде всего.

Вот почему это четвертое прошение следует тотчас же за тремя первыми, и в нем мы просим нашего Отца, чтобы Он по Своей милости дал нам все, что нужно для нашего земного

существования: *«Отче, – говорим мы Ему, – хлеб наш насущный даждь нам днесь»*.

Но что разумеет мы, когда этот насущный хлеб, которого мы просим у Отца называем *нашим*? Ведь он не наш, а Божий, подобно тому, как и Царство, о пришествии которого мы молимся, есть Царство Божие. Вот долги или грехи, об оставлении которых мы просим Отца нашего в пятом прошении, это наши, они наша собственность. Но насущный хлеб, которым мы пользуемся, принадлежит не нам – он имеет Высшего Небесного Собственника, Владетеля. И если блудный сын, о котором говорится в евангельской притче, явился к отцу и сказал: *«отче! дай мне следующую мне часть имения»* (Лк.15:12), то это было печальным началом, источником неправды человека, равно как и его бедствия. Насущный хлеб, о котором молимся мы в четвертом прошении, называем мы нашим потому, что мы именно в нем нуждаемся, для нас он необходим, и нам дает его Отец наш по Своей только милости. Но не забывай друг, что Он Сам установил тот порядок, те правила, по которым Он раздает Своим детям насущный хлеб их. Трудивыйся только да яст, а не трудивыйся, значит, не должен и есть (2Фес.3:10). *«В поте лица твоего будешь есть хлеб»*, – сказал Бог первому человеку (Быт.3:19). Тот не наш хлеб, который приобретаем мы с нарушением восьмой заповеди. Ленивый тунеядец, который готов скорее просить милостыню, чем работать; вор, который кражу предпочитает труду; игрок, который вопреки закону Божию хочет разбогатеть без работы, без пота на лице своем; скупец, который свою суму, закрома и сундуки любит более, чем Бога; корыстолюбец, который достояние своих собратий переводит к себе путем обмана и сбыта фальшивых товаров; ростовщик, из-за приобретений которого льются слезы и раздаются вздохи бедных вдов и сирот – все таковые не могут, не нарушая правды, сказать о своем насущном хлебе – это наше! *«Таковых, – говорит апостол Павел, – увещеваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб»* (2Фес.3:12). Лучше терпеть голод, чем

насыщаться грехами. *«Имея пропитание и одежду, – говорит апостол, – будем довольны тем» (1Тим.6:8).*

Но Господь под насущным хлебом понимает все то, что необходимо нам для пропитания тела и других неизбежных житейских потребностей. Ты не должен просить у Него никаких лакомств, никаких предметов роскоши, никакого излишества. Не забывай, сколько благих даров требуется со стороны Бога и сколько труда и усилий со стороны человека для того, чтобы хоть один кусочек хлеба подать на стол твой, и с какой, значит, благодарностью ты должен принимать и вкушать его! То недоброе дитя, для которого слишком сух и невкусен черный хлеб, который отец и мать его зарабатывали в поте лица своего. И тот не стоит и названия чада Божия, кто пренебрегает пищей, которую дает ему Сам Отец его Небесный.

А что те блага, которые человек (не исключая даже и самого беднейшего из нас) получает ежедневно из рук Отца своего Небесного, не слишком незначительны и ничтожны, это увидим мы сейчас из ответа на вопрос, что же нужно разуместь под насущным хлебом. – Под этим хлебом разумеется все, что относится к пропитанию тела и его потребностям, как то: к пище и питью, одежде и обуви, дому и двору – следовательно, пища, одежда, жилище и все, что нужно для приобретения их – поле, скот, деньги, имущество, все, что вызывается обыденными потребностями жизни. Кратко сказать, если ты просишь насущного хлеба, то просишь о даровании тебе всего, что нужно для поддержания и продолжения телесной жизни, и об устранении того, что не благоприятствует и вредит ей. Поэтому тебе необходимо простирать свои думы и заботы не на одну только печь и мельницу, но и на сады и широкое поле. А если так, то не ограничивай своей деятельности одними только пределами дома и двора, кухни и погребом, но простирай ее и на сады и поля и, когда читаешь: *«Отче наш»* пади ниц в чувстве благоговения пред Твоим Богом, Небесным Отцом и благодари Его за то, что Он дал тебе все это из одной любви и милости, и не тебе только, но и тысячам тысяч людей, очи которых ежедневно вместе с тобой устремляются на Него в ожидании, что Он отверзет им щедрую Свою руку, что насытит с

благоговением (Пс.144:16)! *«Придите, поклонимся и припадем, преклоним колена пред лицом Господа», сотворившего нас! «Ибо Он есть Бог наш, а мы – народ паствы Его и овцы руки Его»* (Пс.94:6–7).

Да, из Его руки приходит это, и Его есть дар все то, что мы получаем от Него и чем наслаждаемся. Вот почему мы и говорим в своей молитве: *«Отче... хлеб наш насущный даждь нам днесь»*. Если Ты *«даешь им – принимают, отверзаешь руку Твою – насыщаются благом»* (Пс.103:28), – говорит Псалмопевец. Не от нас зависит успех этой просьбы, и не в наших усилиях заключается он – мы не можем достигнуть его никакими заботами и никаким усиленным трудом. От Бога нисходят всякое благое даяние и всякий дар (Иак.1:17). От Него зависит всякий успех и благословение. Его, следовательно, нужно просить о сем. *«Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж»* (Пс.126:1).

Правда, Господь Бог и без нашей просьбы дает ежедневную пищу всем, не исключая и самых злых людей. *«Ибо Он благ и к неблагодарным и злым»* (Лк.6:35). *«Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»* (Мф.5:45). Но благословение от дара Божия получает только тот, кто принимает его, как дар Его незаслуженной благодарности и принимает не иначе как с чувством сердечной благодарности. Иначе благословение Божие превращается в твоих руках в проклятие. Каждый недостаток приводит тебя в раздражение и ропот против Бога и людей, каждый излишек – в скупость и гордость, в бесчувствие и жестокость сердца. Почему мы и просим в этой молитве, чтобы Господь помог нам с благодарностью принимать наш насущный хлеб. Это смягчает и облагораживает наше сердце, делает его смиренным, довольным и покорным своей судьбе в тяжелые и злополучные дни нашей жизни. *«Господь дал, Господь и взял... да будет имя Господне благословенно!»* (Иов.1:21). Он руководит и управляет мною по Своему мудрому плану и предначертанию. Для Него все равно, помочь во многом или немногим. Он может благословить грош бедняка

более, чем и миллионы богача. Он есть Тот Верный, Всемогущий Бог, Который чудесно сохранял и питал Израиль в пустыне, и питал немалое время небольшим количеством масла в кружке и меда в кадке вдову сарептскую. Его рука не сделалась короче для помощи и сейчас, и Страж Израиля не дремлет и в настоящее время.

Поэтому, *«не заботьтесь, – други, – и не говорите, что нам есть? или что пить? или во что одеться? Отец Ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом»* (Мф.6:31–32). Старайтесь только быть истинными чадами Бога, и тогда вы все другие заботы смело можете возложить на Того, Который лучше вас заботится о вас, и с верою и надеждой просить Отца вашего Небесного, как просят любящие дети любимого отца: *«Отче... хлеб наш насущный даждь нам днесь!»*

Как знать, в то время, когда среди своих нужд и лишений, погруженный в заботы, ты предаешься глубокой скорби, не состоялся ли уже совет о твоей помощи? В то время, когда ты тяжело вздыхаешь, не зная, где взять средств для пропитания себя и детей своих, стоит уже, быть может, благодетель у дверей твоих и, вшед, говорит тебе: «Вот, это, любезный брат, то благословение, та милость, которую послал мне Отец Небесный для тебя, когда мы с тобой молились Ему, говоря: *“Отче... хлеб наш насущный даждь нам днесь!”*» Ведь в том именно смысле и учит нас Спаситель молиться, чтобы мы просили насущного хлеба не сами по себе и для самих только себя, но вместе с другими и для других, и все, что Он дает нам, принимали бы вместе друг с другом и друг для друга. *«Блаженнее давать, нежели принимать»*, – сказал Господь (Деян.20:35). Какое же ты имеешь право быть скупым и замыкать свое сердце для братьев, когда Господь, услышав твою молитву о насущном хлебе, с избытком наполнил твои закрома, сундуки и комоды? Не вправе ли Он указать им на тебя, как на своего казначея, а на богатый дом твой, как на казначейство?

И, однако, как трудно бывает нам нередко приобретать надлежащий вкус в удовольствии даяний и раздачи своего

имущества! Не желая расстаться со своим богатством и оставить пустыми свои амбары, сундуки и шкатулки, как легко забываем мы ту непреложную истину, что мы ни поля, ни скота, ни денег, ни имущества не можем взять с собой на Небо! Вот почему Спаситель и учит нас молиться так: *«Отче... хлеб наш насущный даждь нам днесь!»* Что нужно для души твоей, всякая нравственно-духовная потребность, об удовлетворении которой ты просил Отца своего Небесного, имеет вечное значение и цену; но что требуется для тела, это имеет цену до тех только пор, пока ты живешь здесь на земле, до наступления смерти. Сегодня ты живешь на этой бедной земле, принимая насущный хлеб из рук Отца своего, а кто поручится за то, что ты будешь жив и завтра и что не коснутся и тебя эти страшные слова: *«безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя»* (Лк.12:20). Какая польза будет тогда для тебя от твоих переполненных амбаров и кладовых, сундуков и шкатулок? Истинные последователи Христа хорошо знают ту истину, что *«довольно для каждого дня своей заботы»* (Мф.6:34), а потому не заботятся о своем следующем утре. Для истинного христианина достаточно благ этой земли, если их достает на самые необходимые нужды. Не увлекаясь удовольствиями этого мира и не будучи обременен заботами об умножении богатства, он с тем большим удобством устремляет свои очи и сердце к Небу и думает о Царствии Божием и правде его (Мф.6:33). И блажен человек, который в течение всего своего странствования по земле старался приобретать только негибнущее имение и питаться только от того истинного хлеба, который снисшел с Неба, ибо кто ест именно от этого хлеба, тот будет жить вечно (ср. Ин.6:51).

О, даруй же нам, Отец Небесный, дабы мы имели эту жизнь и полное довольство в Твоем Возлюбленном Сыне как там, в вечных Твоих обителях, так и здесь, на этой земле, пока живем на ней, и во всякой насущной нужде своей здесь молились: *«Отче... хлеб наш насущный даждь нам днесь!»* Аминь.

Беседа шестая. О пятом прошении Молитвы Господней

И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...

Мф.6:11

Союзом «и» соединено пятое прошение молитвы Господней с четвертым, которое было предметом прошедшей нашей беседы. И это совершенно последовательно, это так и должно быть. Каждый день мы нуждаемся и в том и в другом вместе – и в подаче нам насущного хлеба для питания нашего смертного тела, и в прощении грехов для поддержания жизни и пользы нашей бессмертной души. *«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф.16:26)*. Когда с чистой, неиспорченной совестью читаем мы слова пятого прошения: «и остави нам долги наша», то при этом в глубине души своей, в своей совести мы слышим голос Бога, Который как бы так говорит нам: “Какое право имеете вы обращаться ко Мне с такой просьбой, как к Отцу своему, и как можете вы ожидать от нее успеха вы, которые так часто и так тяжко согрешили против Меня и так дерзко нарушали Мои отеческие права и ваши сыновние обязанности?” Да, Отче, – говорим мы на это, – это правда, и мы глубоко сознаем и чувствуем это. Многочисленны и тяжки грехи наши, мы недостойны называться детьми Твоими и имеем все причины бояться, как бы эти грехи не положили стену между нами и Тобой, и не заслонили от нас лица Твое. Но с сокрушенным сердцем дерзаем, однако, предстать пред Тобою и из глубины души воззвать: не вниди в суд с Твоими недостойными детьми, не отврати от нас лица Твоего, устрани от нас все, что отделяет нас от Тебя и лишает возможности лицезреть Тебя! Снизойди к нам по Своей неизреченной милости и остави, прости нам грехи наши! В таком именно, а не в другом смысле, понимает это прошение наша Церковь, и на вопрос, что же просим мы в пятом прошении, отвечает: мы молимся в нем Отцу Небесному, чтобы Он не обращал

внимания на грехи наши, не гневался на нас за них и ради них не отказывал нам в нашей просьбе. Сами по себе мы, конечно, недостойны этого, так как много и тяжело всегда согрешаем и заслуживаем только одних наказаний, но Он может и хочет все это сделать для нас из одной Своей милости.

Таким образом, прошение это имеет в своей основе смиренное сознание и исповедание того, что мы великие пред Богом грешники и заслуживаем одного только наказания. Поэтому не может по-христиански молиться этой молитвой фарисей, который сам себя оправдывает, сам себе оставляет долги свои или, когда приносит молитву Богу, то рассчитывается с Ним, покрывая грехи свои тем добром, которое он сделал, причем он делает даже начет на Бога, находит излишек и предъявляет, так сказать, иск к Богу, требуя уплаты за излишек. Пятое прошение скорее предполагает сердце мытаря, которое в сознании многих и великих своих прегрешений не находит никакого средства к избавлению от них кроме одной милости Божией. «Боже, – говорит он, – *милостив буди мне грешному!*» (Лк.18:13). Что я пред Твоим святым законом, из которого я как должно не исполнил ни одного Твоего повеления, ни одной заповеди, а кто согрешит в одной из этих заповедей, тот нарушает весь закон (Иак.2:10)! Что я в отношении Твоей любви, той любви, по которой Ты не пощадил и Твоего Единородного Сына, но принес Его в жертву за нас? Как мало я думал и думаю о Тебе в своей жизни! Как часто и как легко забывал и забываю о Тебе! Как дыма никогда не бывает без огня, так и у меня ни одного слова, ни одного дела не бывает без греха, потому что самое сокровенное и самое глубокое основание и самое, так сказать, дно моего сердца заражено грехом. А потому все помыслы моего сердца греховны, и мои лучшие добродетели – не более как нечистое, грязное одеяние. Ах, *«кто усмотрит погрешности свои? От тайных моих очисти мя»* (Пс.18:13). Не говоря уже о явных грехах, даже и те грехи, которых не видит глаз ни одного человека, которые остаются сокрытыми и для моих собственных глаз, не могут, однако, остаться сокрытыми от Твоих, о Боже, всевидящих очей. И Твой великий и страшный день некогда обнажит и всех,

и всё – изобличит и все наши грехи! Братия! Как много причин имеем мы обратить особенно строгое внимание на это словечко – «*наши*» и просить у Бога прощения «*наших*» грехов! Они все падают на нас, они все ответственные для нас, грехи эти не только наши собственные, лично нами сделанные, но и грехи наших братьев, и не в том только смысле, что и наши братья подобно нам нуждаются в благодатной помощи и отпущении грехов и наша братская любовь должна побуждать нас просить за них об этом Бога, но и в том, что их грехи вместе с нашими обвиняют нас пред Богом, прибавляют лишний слой к массе наших грехов, увеличивают нашу вину, делая все более тяжелой нашу ответственность на Страшном Суде. Ни один человек не живет для себя только одного, и никто не делает грехов для себя только одного. Каждый грех, совершаемый между нами отдельным лицом, является так или иначе грехом всех, и мы все ответственные за его вину. Хотя человеческий суд подвергает наказанию тех только преступников, которыми совершено преступление, но перед Судом Всемогущего Бога мы все в большей или меньшей степени ответственные за это преступление. Если некоторые из наших собратий нравственно развратились и сделали преступниками, то они сделали таковыми так или иначе и через нас. Каково будет нам, если они – сверстники и товарищи нашей юности – восстанут против нас в последний день Суда, как обвинители, и скажут: «Через тебя, по твоей вине я стал таковым и подпал такому суду. Твой легкомысленный поступок, твое необдуманное слово посеяли первое семя соблазна в душе!» Что скажешь ты на это? Чем будешь тогда оправдываться? О, не доводи себя до ответа в страшный день Суда! Суди лучше сейчас сам себя за грехи свои! Взывай к благодати твоего Бога, Который может и готов и сейчас простить тебя! Припоминай и новые, и ежедневные, и тяжкие прегрешения и проси непрестанно с искренним раскаянием благодати твоего Бога! Он простил тебе все десять тысяч талантов, которые ты должен Ему и никогда не в состоянии уплатить их (Мф.18:24).

Мы никогда не сможем сделать добрым то, что сделано нами дурного и никогда не можем возратить или уплатить того,

что должны мы нашему Богу, ибо каждый день увеличивает сумму наших грехов и делает нас всё более и более виновными перед Судом Его. Только один Бог может быть нашим поручителем и ответчиком, только один Он может освободить нас от ответа, сложить со счетов долги наши, сделать употребление из Своего высочайшего царского права помилования и сказать: «Прощается, слагается со счета!» Ибо иначе здесь ничего не может сделать и Он Сам, иначе и Сам Всемогуший Бог не может освободить нас от грехов наших. И Сам Бог не может зла, сделанного тобой, совершенно изъять, уничтожить, сделать его, так сказать, несделанным, неосуществленным. Это есть то единственное, святое ограничение, которое Он Сам сделал для Своего всемогущества. В том и заключается самая серьезная и самая ужасная сторона греха, что и Сам Бог, при всем Своем всемогуществе, не имеет никакого более средства изгладить или уничтожить грехи наши, как только простить их, оставить без взыскания.

Потому-то мы и просим в этой молитве, чтобы Он оставил вне Своего взыскания, презрел грехи наши, употребив при этом Своё великое милосердие, и принял во внимание искупительные заслуги нашего Спасителя, Который Сам научил нас молиться: *«Отче... остави нам долги наша»*. Даже более, Который Сам принёс Себя в жертву и сделался нашим Искупителем. Мы просим нашего Отца Небесного, чтобы Он, ради этого Возлюбленного Сына Своего, нашего Господа и Спасителя, простил грехи наши и разодрал то рукописание, которое свидетельствует против нас. Благ Бог и Отец нашего Господа Иисуса Христа, Который Сам обещал нам сделать все это, открыв Своё отеческое к нам сердце, дабы мы знали, что, как отец милует чад своих, так милует Господь боящихся Его (Пс.102:13). Ибо *«Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения»* (2Кор.5:19). Таким образом, мы знаем теперь, на чем основывается наша надежда, и во имя Кого мы можем со спокойной душой молиться: *«Отче... остави нам долги наша!»* Да, Отче, прости нам и дай нам дерзновение и твердое

упование на Твою милость! Огради и сохрани нас, дабы мы во грехах своих не дошли до уныния и отчаяния и не сказали: «грех мой слишком велик, чтобы он мог быть прощен мне». Скажи и нам: *«держай чадом! прощаются тебе грехи твои»* (Мф.9:2). Даруй нам собственным опытом познать, на себе самих испытать справедливость той истины, что *«идеже... умножится грех, преизбыточествует благодать»* (Рим.5:20).

Если же Небесный Отец наш действительно проявляет и дает такую благодать, внимая твоей, друг, молитве, и успокаивает и умиротворяет твою душу прощением грехов твоих, то старайся ближе принимать к сердцу и с должным благоговением произносить те слова, которые Учитель преподавал ученикам Своим в пятом прощении, повелев говорить так: *«Отче... остави нам долги наша, яко и мы оставляем должникам нашим»*.

Что же выражают эти слова, и в каком смысле мы должны употреблять их? Не в том, конечно, смысле, будто мы нашу готовность прощать наших обидчиков хотим предложить Богу как побуждение и основание, по которому Он обязан прощать и нас. Равно и не в том, будто мы просим здесь Небесного Отца прощать нас в такой мере и степени, в какой мы прощаем наших обидчиков. В этом случае мы сделали бы очень плохой и неправильный расчет, требуя от наших должников каких-нибудь сотен грошей, тогда как сами должны нашему Небесному Отцу десять тысяч талантов. Скорее мы изъявляем здесь пред Богом нашу сердечную готовность, в благодарность за Его помилование нас, прощать со Своей стороны и наших должников или обидчиков. Таким образом, словами пятого прощения: *«яко и мы оставляем должником нашим»*, – Господь требует от нас, чтобы и мы со своей стороны были готовы прощать и искренне благодетельствовать тем, которые погрешают против нас.

Но как сильно, однако, избличает, братия, сухость и холодность нашего сердца то обстоятельство, что мы должны всякий раз при чтении *«Отче наш»* выражать нашу готовность быть милостивым к ближним по особенному повелению Господа определенными словами. Ведь такое обещание содержится не в

этом только прощении, но и в каждом прощении этой молитвы. Так, например, читая четвертое прошение: *«хлеб наш насущный даждь нам днесь»*, мы выражаем то же самое обещание, то есть готовность раздавать этот хлеб и другим, делиться им и с теми, которые имеют в нем нужду. Но Спаситель здесь не заставляет нас выражать это обещание никакими особыми прямыми словами. Он представляет нам самим подразумевать это в своей молитве. И только здесь, в этом пятом прощении, Он не предоставляет этого нашему собственному благоусмотрению. Здесь Он вменяет нам в обязанность высказывать это прямыми и определенными словами. Он знает, что человеку часто очень трудно бывает и из богатого запаса благ и даров, полученных им из рук своего Отца Небесного, уделять что-нибудь своим собратьям, но несравненно труднее бывает для нас и после самой богатой милости, оказанной нам Богом, добровольно и вседушно прощать обиды других – вседушно, то есть не половиной сердец, но всецело и глубоко, без сторонних понуждений и без поворота назад, без гордости и тщеславия, без негодования и упреков, прощать *«до седмижды семидесяти раз»* (Мф.18:22) и самым делом доказывать искренность своего прощения, оказывая благодеяния и ненавидящим нас и избегая всего, что могло бы при этих благодеяниях причинить им сердечную боль и неприятность. Почему Спаситель наш едва только прибавил к молитве своей *«Отче наш»* слово *«Аминь»*, как тотчас же возвращается к обещанию пятого прощения и еще раз напоминает, как вредим мы успеху нашей молитвы и ослабляем ее силу и действенность, если мы сами не прощаем от всего сердца своих ближних и не делаем добро тем, которые наносят нам оскорбления и обиды. *«Ибо если вы будете, – говорит Он, – прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших»* (Мф.6:14–15). Благо поэтому тому из молящихся, который действительно от всей души и от всего сердца даст это обещание, какое Господь Иисус влагает здесь в уста наши; благо тому, который не умеет прощать иначе, как от всей глубины своего чистого сердца и с удовольствием делает добро

тем, которые погрешили против него, потому что он и сам через это сделался участником столь великой и незаслуженной благодати и прощения. Благо тому, который говорит, как не любить мне также много других, когда меня самого так много возлюбил Господь и Спаситель мой!

О, Милосердный Отче и Господи! Как часто и тяжело согрешаем мы пред Тобою тем, что так неохотно прощаем должников наших и так мало усвояем любовь Твою ко врагам! Но потерпи и не вниди в суд с рабами Твоими. Вместе с прежними долгами оставь нам и новые, ежедневно нами совершаемые, а также и этот тяжкий долг нашего сухого, черствого и немиролюбивого сердца. Даруй нам по неисчерпаемой милости и любви Твоей утешение ежедневного прощения грехов наших и огнем Твоей любви согрей и наши холодные оледеневшие сердца! Аминь.

Беседа седьмая. О шестом прощении Молитвы Господней

И не введи нас во искушение...

Мф.6:13

Когда мы, братия, после искренней, смиренной молитвы к Небесному Отцу о прощении грехов наших получаем, как плод ее, душевное успокоение и в этом блаженном мире нашего сердца опытно познаем утешение благодатного отпущения грехов своих, тогда обращаем взор свой на путь нашей жизни, лежащий перед нашими глазами. Ах, как желали бы мы сохранить этот блаженный мир нашего сердца, эту явную близость к благодати нашего Бога, эту полную преданность Ему и Его воле! Мы желали бы теперь с новой, совершенной и неизменной верностью Ему только одному служить и Ему одному посвятить свое сердце, свою жизнь. И, однако, мы хорошо знаем неровности и опасности нашего жизненного пути и опытно испытанную слабость, и непостоянство нашего сердца. А потому нам страшно становится при представлении своих немощей и пред великостью и трудностью нашей задачи. Мы возводим взор свой к Тому, Который один только благонадежно может направить стопы наши и безопасно провести через все неровности нашего пути и молимся: *«Отче... не введи нас во искушение!»*

Но что хотим мы сказать этими словами, и в каком смысле употребляем мы здесь слово *«искушение»*? Хотя *«Бог не искушается злом и Сам не искушает никого»* (Иак.1:13), однако Священное Писание прямо говорит: *«после сих происшествий Бог искушал Авраама»* (Быт.22:1) и об Израиле, во время путешествия его через пустыню говорится, что Бог искушал его (Втор.8:2). Отсюда вы можете видеть, что слово *«искушать»* не всегда употребляется в одном и том же смысле. Мы употребляем его часто в том смысле, в каком употребляет его Давид, когда говорит: *«Искуси мя Господи, и испытай мя»* (Пс.25:2). Здесь он сам объясняет смысл этого слова, когда прибавляет к нему другое – *«испытай»*. Следовательно,

искушать здесь значит то же, что испытывать, взвешивать, делать опыт, производить пробу. Нет сомнения, что это может быть делом Бога. Это Он может и должен делать, и делает. Он испытывал Авраама, настолько ли тверда и крепка его вера, что он может принести Ему в жертву даже и единственного любимого своего сына. Он испытывал израильский народ в том, останется ли он верен и покорен заповеди своего Бога или нет. Но другое дело, если мы под словом «искушать» разумеем прельщать, соблазнять, склонять на совершение чего-нибудь дурного. Этого не делает Бог, это и не может быть Его делом. Он не может стать в противоречие с Самим Собой и склонять к нарушению Своей собственной воли. В этом смысле говорит Иаков: *«В искушении никто не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого»* (Иак.1:13).

Но кто же это делает? И о чем мы просим, когда говорим: *«и не введи нас во искушение»*? Хотя Бог не искушает никого, но мы молимся, чтобы Бог сохранил нас от искушений со стороны дьявола, мира и нашей плоти, чтобы эти три врага наши не ввели нас в обман, заблуждение, отчаяние и другие пороки и грехи, а если бы мы и подпали какому-либо искушению, то, по крайней мере, не пали бы в нем, но одержали над ним победу.

Теперь вы слышите, что дьявол, мир и плоть наша – суть три злых врага, три нечистые силы выше нас, вокруг нас и внутри нас, которые постоянно искушают нас, вовлекая в сопротивление благой, милосердной, ко благу и спасению нашему направленной воле Божией. Потому-то дьявол и называется искушителем, что он *«как человекоубийца от начала»* и *«отец лжи»* (Ин.8:44), старается соблазнять людей и *«ходит как рыкающий лев, ища кого поглотить»* (1Пет.5:8), снова являясь змием, который своей хитростью соблазнил первых людей и склонил их ко греху. Велика его сила и могущественно его оружие! Он вводит в обман людей, преображаясь в глазах их в Ангела света (2Кор.11:14), и действует так, как будто никто не может быть настолько благожелателен к ним, как он. Он прельщает их богатством и завербовывает в служение себе, обещая им золотые горы; но

те, которых удалось ему сделать своими рабами, скоро начинают чувствовать себя обманутыми и несчастными. Он представляет известный грех одной крупинкой, а когда ты совершил его, этот грех вдруг возрастает в целую гору, которая давит и удручает твоё сердце. Он начинается с требования, чтобы ты сам для себя хлеб приобретал, а оканчивается требованием, чтобы ты преклонился перед ним и служил ему. «Он имеет, – сказал один из учителей Церкви, – главу змия, если он найдет отверстие просунуть голову, то входит туда и завладевает всем телом».

Мир также не может оставить чад Божиих без искушений и соблазнов. Он ненавидит их потому, что он весь *«лежит во зле»* (1Ин.5:19). Благочестивые люди суть пасынки и падчерицы для мира, которых он не любит и угнетает, отодвигает на задний план и старается воспитать в своем духе. Еще Господь сказал Своим ученикам, что мир будет ненавидеть и преследовать их (Мф.10:17–18). Но гораздо лучше, если он тебя ненавидит, чем если будет любить тебя. Кого любит мир, тому он накидывает петлю на шею. Легче переносить его горе, чем участвовать в его утехах. Если почва, в которую сажают растение, слишком жирна, то зачахнет и погибнет и самое лучшее растение.

Прельщает и соблазняет нас также и плоть наша. Что могли бы сделать и дьявол, и мир, если бы они не имели своего союзника в нас самих. Я *«знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе»* (Рим.7:18). *«Дух бодр, плоть же немощна»* (Мф.26:41), ибо она имеет всегда склонность поддаваться соблазнам мира и дьявола и впадать в суетность и гордость, предаваться покою, неге, беспечности, всегда оказывая сопротивление при перенесении унижения и преследований мира, при несении креста, к чему призваны ученики вместе со своим Учителем.

Вот те три злейших врага, с которыми чада Божии должны здесь вести постоянную борьбу и до последней возможности противостоять им, не давая им побеждать себя. Ибо там, где они, эти враги, являются победителями, там они лишают сердце утешения веры, отравляют его счастье и повергают в уныние, отчаяние и другие великие грехи и пороки. За

гордостью и своеволием следуют ропот и недовольство, за упорством и ожесточением – уныние и отчаяние. В этом случае мы теряем всякую надежду на спасение и в отчаянии говорим: «Грехи мои слишком велики, чтобы они могли быть прощены». Злой дух, изгнанный доселе, снова возвращается и приводит с собой семь других нечистых духов, и они занимают оставленное благодатью Святого Духа жилище, так что последние являются горше первого (Мф.12:45).

Жутко становится нам при таком положении. Нами овладевают боязнь и опасение, как бы не удалось дьяволу, миру и плоти нашей ввести нас, таким образом, в обман, соблазн и искушение, а потому мы и молимся: *«Отче... не введи нас во искушение!»*

Конечно, мы хорошо знаем, что пока мы живём здесь на земле в нашей плоти, мы не можем стать вне всяких искушений и можем освободиться от них не прежде и не иначе, как когда Отец наш Небесный возьмет нас с этой земли на небо и, таким образом, избавит от всякой борьбы и от всяких искушений дьявола, мира и нашей плоти. Но мы знаем и то, как хорошо, как полезно для нас, что мы здесь подвергаемся разного рода искушениям и соблазнам. Это воспитывает в нас чувство смирения и уберегает нас от гордости и самомнительности. Отсюда мы опытно познаем своё бессилие и побуждаемся предавать себя всецело благодати нашего Бога. Он хочет золото очистить в горниле искушений, чтобы тем дороже стало его благородное и многоценное содержание. Он попускает тебе вкусить горькое, чтобы ты познал, что такое сладкое. Вот почему и сами великие подвижники, и святые подвергались различным искушениям. Да, по мере того, как Он делает бедного человека орудием Своей славы, Он допускает ему проходить иногда нелегкую школу смирения и самоотвержения. Для Своего апостола, когда ангел сатаны бил его кулаками, и он три раза обращался к Нему с молитвой, у Него не было другого ответа, как такой: *«довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»* (2Кор.12:9). Поэтому и Иаков говорит: *«С великою радостью принимайте братия мои, когда впадаете в различные искушения»* (Иак.1:2).

Таким образом, нам ясно теперь, что христиане необходимо должны подвергаться искушениям и преткновениям, и если бы кто из них захотел избежать всяких искушений, то это было бы то же, как если бы воин стал молиться: «Не введи меня в войну», или моряк: «Не введи меня в воду, в море». Но мы знаем наше слабое сердце. Нас предостерегает пример апостола Петра, когда он в гордой самоуверенности сказал: *«если и все соблазняются о Тебе, я никогда не соблазнюсь»* (Мф.26:33) – и, однако, не устоял перед соблазном. Кто может поручиться за самого себя и сказать, что он непременно устоит в борьбе и одержит победу? Кто станет желать и искать себе искушения или просить, чтобы его подвергли испытанию? Вот почему мы так часто молимся: *«Отче... не введи нас во искушение»*, как бы говоря: «Ах, Всеблагий Отче, Ты знаешь моё слабое сердце, Тебе ведомы и самые сокровенные тайники моей души и жизни. Смотри, как жутко мне перед самим собой, как страшно мне при этом непостоянстве и изменчивости моих лучших намерений и чувств, при этом преобладании злой похоти, во мне живущей, при этих на опыте испытываемых мною преткновениях и опасностях моего пути! После столь многих и очевидных доказательств моего бессилия в прошедшей жизни, где возьму я мужество и энергию, надежду и одушевление прожить без греха хотя бы один час, пройти хотя бы один шаг – я, который так часто легко причинял вред себе самому в самых лучших своих желаниях и стремлениях? Только Тебе, Милосердный Боже, источнике всякого утешения и всякой силы, нахожу я мир, радость и мужество, в которых так нуждается моё сердце. Продли Твое долготерпение! Уровняй мне путь! Протяни мне Твою руку, когда я преткнусь! По мере возрастания опасностей моего пути просветляй мои очи, чтобы видеть их, поддерживай моё мужество, чтобы неустрашимо переносить их! Не дай упасть мне, когда споткнусь, подними, когда упаду! И если разгорится борьба, то помоги мне в ней и поддержи Твоею мощною рукою, дабы мне не потерпеть поражение, но взять перевес и одержать победу!»

Как счастливы мы и как должны благодарить Бога, если мы, находясь в опасности, можем так просить Отца своего и питать

надежду, что Он услышит нас, как отец слышит детей своих, и не отринет нашей молитвы, когда мы обращаемся к Нему со словами: *«Отче... не введи нас во искушение!»*

Но старайся и ты, друг, чтобы тебе самому не повредить успеху этой молитвы и самому себя не ввести в то искушение, об избавлении от которого ты молишься! Кто, по беспечности отдаст себя в опасность, того она и постигает. Кто, например, понуждал Симона Петра идти во дворец первосвященника, где он подвергся искушению? Избегай случаев, мест и обществ, которые небезопасны для тебя и в которых ты, быть может, не раз уже преткнулся. Вооружайся мужеством противостоять этим соблазнам. Имей общение и братскую любовь с людьми благочестивыми и богобоязненными. Наш Учитель не без основания посылал в мир учеников Своих не поодиночке, а вдвоём или втроём. Бдительно следи за всем, что отдаляет тебя от Бога. Не ходи туда, где сидят злые люди и куда не сопровождает тебя Отец Небесный. Не удаляй от себя оружие света – меч духовный, слово Божие, которым Сам Господь отразил искушителя, и молитву к Богу, которая не только в бедах помогает, но от смерти избавляет и которой Он не оставит вне Своего слуха, если ты обращаешься к Нему во имя Его Возлюбленного Сына.

Итак, не смущайтесь и утешьтесь, братие, как бы сильно ни нападал на вас дьявол, мир и плоть ваша! Наш Бог сильнее всякой силы, восстающей на Него. Если же такой Бог за нас, то кто против нас? Когда апостол Петр, утопая в волнах морских, обратился к Богу с глубокою мольбою, то увидел Его спасающую руку, извлекающую его из волн морских. Он и тебе среди разбушевавшихся волн искушений может протянуть эту руку, сказав им Своё всемогущее слово: *«здесь предел ваш, остановитесь!»*

Он дает бремя по плечам, на которое оно возлагается, и плечи по бремени, которое должны они нести. *«Вас, – говорит апостол Павел, – постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1Кор.10:13).* Поэтому не

отчаивайтесь в вашей надежде, но поднимайте взор ваш горé, к той небесной награде, которую Господь уготовил Своим борцам и победителям. Ибо *«блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получил венец жизни, который обещал Господь любящим Его»* (Иак.1:12). Аминь.

Беседа восьмая. О седьмом прошении Молитвы Господней

Но избави нас от лукавого...

Мф.6:13

Сегодня мы дошли до рассмотрения последнего прошения Молитвы Господней, того прошения, которое без сомнения по сердцу и таким людям, которые в других отношениях ничего не хотят знать о молитве. Но от лукавого все желали бы избавиться. Да, если следовать нашему естественному чувству и расположению, то все мы, братие, охотно переставили бы это седьмое прошение на первое место и сказали бы: *«избави нас, Отче, от лукавого»*, потом присовокупили бы: *«да святится имя Твоё»*.

И, однако, дурно бы поступил тот, кто изменил порядок святой молитвы Господней. Ибо Господь Иисус Христос не без основания поставил седьмое прошение в конце. Оно не может иметь никакого успеха, пока не сделано то, о чем мы просим в первых трех прошениях этой молитвы, то есть: чтобы свяtilось имя Бога, нашего Отца Небесного, чтобы пришло Его Царство, и чтобы исполнялась Его воля и на земле, так же как и на Небе. И какая нам была бы польза от того, если бы мы были избавлены от всего, что мы называем только лукавым, злым, а корень, жало всякого зла – грех оставался бы в нас, и мы оставались бы чадами мира сего, рабами дьявола, без истинного познания Бога нашего Отца, далёкими от Его Царства, противниками Его Божественной воли? Поэтому в этом седьмом прошении мы молимся об избавлении не от того только, что мы обыкновенно считаем злом и чувствуем как зло, именно: не от страданий только телесных и жизненных невзгод, но и об избавлении от всякой нужды и бедствий души, от греха и отца его – дьявола, от всего, что нарушает наш душевный мир, лишает радости духовной, отдаляет нас от нашего Отца Небесного и блаженного общения с Ним. Все это мы как бы в одной сумме соединяем в конце молитвы и молим нашего Отца Небесного, чтобы Он по милости Своей имел о нас попечение и избавил от всего этого.

Если в этом именно, а не в другом смысле употребляем мы седьмое прошение, то, в сущности, будет все равно, будем ли мы читать его *«избави нас от лукавого»* или: *«избави нас от зла»*. По переводу с греческого это слово означает *«избавь»* или *«сохрани нас от вредного дурного»*. Из этого нельзя не усмотреть, что здесь дело идет о дьяволе, что в итоге вся молитва направлена против нашего главного врага. Ибо он главным образом полагает нам преграду во всем, что мы просим у Бога в этой молитве, а именно: в прославлении имени Бога и в Его почитании, в пришествии Его Царствия и исполнении Его воли и т. д. Поэтому, соединяя всё вместе, мы говорим: *«Милосердный Боже, помоги нам, чтобы нас не постигло никакое несчастье! Отдали от нас всё вредное и злое, что восстает против нас в царстве сатаны: бедность, болезнь и смерть – словом, всякое бедствие и злоключение, всякую скорбь и страдание сердца, чего так много, так неисчислимо много на земле»*. Таким образом, на вопрос, о чем мы просим в этом седьмом прошении, можно дать такой ответ: мы просим здесь, чтобы Отец Небесный избавил нас от всякого зла телесного и душевного, а напоследок, когда пробьёт наш последний час, послал бы нам блаженную кончину и с миром взял к Себе на Небо из этой юдоли бесчисленных бед и скорбей наших.

Таков смысл этого седьмого прошения, с которым мы обращаемся к Небесному Отцу своему. По смыслу этих слов чада Божии – очень счастливые люди уже здесь на земле. Ибо они имеют Отца Небесного, Который так щедро обеспечивает их ежедневно всем, что нужно для их телесной и духовной жизни. Они имеют мир с Богом, утешение прощения грехов и свободный, всегда открытый доступ к сердцу своего Отца Небесного. Они в борьбе, выпадающей на их долю, не беспомощны и не одиноки. Они знают, что Отец Небесный услышит их молитву, когда воззовут к Нему: *«не введи нас во искушение!»* Почему они и не ропщут, когда Он подвергает их здесь наказанию, и знают, что налагая на них это наказание, Он имеет в виду их же собственное благо. Но все же они не могут не ощущать при этом горечи, не могут не убеждаться в

справедливости того, что пишет апостол Павел: *«Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью»* (Евр.12:11). Да и как не чувствовать, по крайней мере, тяжести, как не страшиться того, что приходится переносить человеку в столь многих и разнообразных страданиях своего тела и души! Кто может перечислить все виды бедствий, какие испытывает на земле человек! От колыбели до гроба ему сопутствуют целые полчища болезней, преследует злоба людей, их зависть, клевета и разного рода несправедливости, даже сама природа вооружается нередко на него своими разрушительными стихиями. А эта потеря имущества, иногда так дорого ему стоившего, потеря лиц, дорогих и близких его сердцу! Какая длинная цепь тяжелых испытаний тянется для него во всё время, пока он блуждает здесь, на чужбине, вдали от отеческого дома! Ах, вот просовывает пойманная птичка свою голову через золоченую сетку своей клетки! Вот тоскуем и стонем и мы в этой юдоли бед, скорбей и грехов о небесном наследии, о небесной свободе чад Божиих! Вот с глубоким вздохом говорим мы: *«Но избави нас, Отче наш, от всего, что стесняет и приковывает нас к смертному телу! Положи всему этому конец и избави нас от лукавого!»*

Слава и благодарение Богу! Отец слышит нас, когда мы Его призываем в день скорби. Он приклоняет Своё ухо к молитве чад Своих. Он приходит и избавляет нас от лукавого. *«Бог для нас – Бог во спасение; во власти Господа Вседержителя врата смерти»* (Пс.67:21). *«В шести бедах спасет тебя, и в седьмой не коснется тебя зло»* (Иов.5:19). *«И призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня»* (Пс.49:15). Правда, Его избавление не всегда бывает по образу мыслей человека, не всегда по его предположениям и соображениям. Он не объявляет наперед ни о времени, в которое Он должен прийти, ни о пути, по которому Он должен идти. Часто Его дети должны долго томиться и вздыхать под бременем, которое Он на них налагает. И, однако, среди самого зла и бедствия, которому Он подверг тебя, ты можешь усматривать своё спасение. Он из горького напитка готовит тебе целительное лекарство. Мирный, успокоительный плод оправдания

созревает в твоём сердце под Его наказанием. Ты учишься познавать высшие планы и премудрые судьбы Божии. Ты учишься ограничивать свою волю и пленять ее в волю Бога. У тебя притупляется вкус, пропадает охота к удовольствию мира. Ты усматриваешь в себе необычайную силу своей крепости и чувствуешь потребность прославлять во всех своих немощах и скорбях Его милость, которая так близка к смиренным. А при таком несчастье насколько легче становится для тебя переносить эти страдания и взять на себя крест свой! Какой сладостный мир наполняет сердце твоё во всех превратностях мира! Какой обильный поток благословения изливается на дом твой, на всю твою жизнь и страдания! Здесь воочию даёт себя чувствовать рука Твоего Спасителя – Бога, Который слышит молитву чад Своих, которая умеет избавлять их от зла во всяком обстоянии зла. Поэтому, когда наступило, друг, время твоих страданий, то не молись: «Отче, помоги мне в сей же час!» Нет, этот час для того и наступил для тебя, чтобы в течение его тебе пострадать. Учись у Твоего Учителя молиться так: *«Отче! прославь имя Твое»* (Ин.12:28). Отец! Даруй мне, чтобы в этот час скорби, во всякой напасти мира, при всех постигающих меня бедствиях и несчастьях, прославлялось на мне Твоё Святое имя! Поступай со мной по Твоей Святой воле, но даруй, чтобы я опытно познал и убедился, что любящим Тебя всё служит ко благу!

И не в силах ли Отца Небесного сделать это для чад Своих, то есть настолько облегчить для них всякое бремя, как малое, так и великое, чтобы едва ощущали его рамена их. Посмотрите на святых подвижников древнего и нового времени, с какой легкой душой совершают они свои изумительные подвиги, с каким благодушием они переносят всякий позор и поношение, всякое гонение и узы, мучения и смертные пытки! Как в виду страшной, мучительной смерти утешают они плачущих родственников и близких сердцу! Как воодушевленно поют они в темницах и даже в пламени огня псалмы во славу Бога Своего Спасителя, Который и среди мучений избавлял их от всякого мучения так, что их не могло касаться никакое страдание и не могла умертвить никакая смерть!

И, наконец, что такое, возлюбленные братие, самое тяжкое бремя и самое продолжительное мучение земное в сравнении с блаженством небесным, с вечным освобождением от всякого зла? Как бы долго кто ни жил, но придет же, наконец, час, тот последний для каждого час, когда мы избавимся от всяких зол, обуревающих нас в этой юдоли земной. Только всякий ли из нас спасётся тогда от всякого зла в собственном действительном смысле этого слова? Ибо какая тебе будет польза от того, если ты избавишься от земных зол, но не будешь свободен от величайшего из всех зол – мучения Суда, вечной смерти? О, братие христиане! Кто не умирает мирной, блаженной кончиной, того и смерть не избавит от зла. Вот почему самое великое благо, о котором человек более всего должен молиться – это мирный блаженный час смерти. Вот почему, читая седьмое прошение: *«избави нас от лукавого»*, – мы и просим Отца нашего Небесного главным образом о том, чтобы Он, когда наступит наша година, послал нам мирную, безмятежную, блаженную кончину живота нашего и из этой плачевной юдоли взял нас к Себе на Небо.

Счастливы тот христианин, который при своей кончине, будучи исполнен живой веры и надежды, может молиться так, как научил его Христос: *«Отче! в руки Твои предаю дух Мой»* (Лк.23:46). Что такое страдание земли, смерть этого тела? Еще немного времени – и придет Спаситель! О, идите к вашим больным и страждущим и успокойте сердца их этим утешением! Идите и скажите им: ещё немного, и вы не будете плакать, и вам не будет уже нужно никакого утешения! После горячей битвы наступает он, желанный день победы, и принесёт нам свободу, о которой мы так тоскуем, избавление от всякого зла, о котором мы так горячо молимся. *«Когда Господь возвращал плен Сиона, мы были как бы видящие во сне; тогда уста наши были полны веселия, и язык наш – пения»* (Пс.125:1–2). Тогда *«отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже: ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло»* (Откр.21:4). Тогда мы не будем просить, как теперь, в этой плачевной юдоли: *«избави нас от лукавого»*, но вечно будем славить и воспевать Бога, Который услышал нашу

молитву и избавил нас от лукавого. «*Великое сотворил Господь над нами*» (Пс.125:3), поэтому мы и радуемся. О, так гряди же ты день спасения, день свободы, по которой мы тоскуем, день нашего вечного избавления! Гряди Господи, наш Бог, наш Спаситель! Открой, покажи Себя и прекрати плен Твоего народа! Мы ждем Твоего спасения! Поспеш же и сжался над людьми Твоего наследия! Воззри на бедствия и нужды людей Твоих и избави нас от лукавого! Аминь.

Беседа девятая. О славословии Молитвы Господней

Яко Твое есть Царство и сила, и слава во веки веков.
Аминь.

Мф.6:13

Дорогие! Слов, которые мы слышим сейчас и которыми заканчивается молитва *«Отче наш»*, Господь Иисус, кажется, Сам не говорил, когда учил молиться учеников Своих. Их нет и в Евангелии от Луки, в том месте, где Господь, по просьбе учеников: *«научи нас молиться»*, преподал им молитву *«Отче наш»*. Но несомненно однако то, что Церковь с самых древних времен употребляла эти слова, как заключение молитвы, и церковный хор пел их всякий раз, когда священнослужитель заканчивал чтение молитвы *«Отче наш»*. Обычай отвечать священнику на произносимые им молитвы или поучения словами одобрения и словами *«аминь»* существовал уже и в Ветхом Завете, сохранила его и новозаветная Церковь. К тому же слова эти, по своему содержанию и духу Священного Писания приличны и для торжественного заключения этой чудной молитвы.

Но эти слова не суть только слова похвалы и одобрения, но в них молящийся в то же время выражает свою надежду, свою уверенность в том, что эта молитва не тщетна, но будет услышана. Произнося слова: *«яко Твое Царство и сила, и слава... аминь»*, он одобряет себя, внушает себе мужество и благую уверенность в успехе молитвы и заграждает ими уста всем сомнениям и пререканиям, если бы таковые возникли.

«Твое есть Царство» – это значит Тебе одному, Отче и Господи, принадлежит царствование над миром, а не так называемому князю мира сего, как бы ни была велика и его сила и как бы ни было широко распространено и его господство на земле. Хотя и мечтает этот князь мира навсегда утвердить своё царство на земле путём обмана и прельщений, но не такова благая и милостивая воля нашего Отца Небесного. Он *«хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания»*

истины» (1Тим.2:4). Для этого Он не пощадил и Своего Единородного Сына, но послал Его в мир проповедовать Евангелие всей твари; для этого Он послал нам Утешителя Духа Святого, чтобы мы при помощи Его благодати веровали Его слову и чтобы все царства мира сделались Царством нашего Бога и Христа.

А чего Он хочет, то и может сделать. Могущественна и победоносна десница Господня. *Его есть сила, «Бог же наш на небеси и на земли, вся елика восхоте, сотвори» (Пс.113:11).* «Некоторые, – сказал однажды один из богословов, – дрожат и трепещут из-за того, что не видят они столбов, на которые опирается небо, думая, что оно может упасть. Если бы их подставить, тогда небо, по их мнению, стояло бы прочнее. Но не беспокойся и не бойся, друг мой, за то, что может оскудеть в Божественной деснице сила ее, страшись того только, чтобы эта десница не поднялась для Суда над тобой. Но если Его Дух даст свидетельство твоему духу, что ты не по имени только, но воистину Его чадо, тогда не смущайся и не унывай, взирая на то, как слабы твои силы в сравнении с грозными силами мира и его князя, но ищи себе устроение в вере во всемогущество твоего Бога и надежде на Его непобедимую силу».

Его есть слава. Слава, честь и поклонение принадлежат одному только Богу, Отцу нашему Небесному, и Он не даст этой славы никому другому (Ис.42:8, 48:11). Слава мира проходит, колеблется. Падают и в прах превращаются и престолы сильных. Только Престол Бога стоит непоколебимо. Он один Вечен. Он один только останется во славе, когда померкнет всякая слава тех, которые не признают славы Его имени. Ибо Его *«есть царство и сила, и слава во веки веков»*. Он и хочет, и может, и, наверное, все сделает по Своей воле и по Своему предвечному Совету ко славе Своей и во спасение наше. Это не подлежит никакому сомнению. Вот почему христианин смотрит не на те горы житейских дум и забот, которые возвышаются перед его глазами, не на те горы, откуда грозят ему бедствия и опасности, но возводит очи свои *«к горам, откуда придет помощь»* его (Пс.120:1), то есть, к Отцу Своему Небесному, и с

сыновней преданностью и дерзновением произносит своё «аминь».

«Аминь» – слово еврейское и употреблялось уже в ветхозаветной Церкви как заключение молитвы. «Аминь» значит: да, так, верно, истинно, да будет. Поэтому на вопрос, что означает слово «аминь», можно ответить так: я уверен, что такая молитва не напрасна и Отцу нашему приятна, ибо Он Сам заповедал нам так молиться и обещал, что Он услышит ее. «Аминь, аминь» означает: да, да так должно быть.

Наши молитвы Отцу нашему приятны, потому что Он Сам повелел так молиться; наши молитвы не напрасны, ибо он Сам обещал, что услышит их. Его повеление, чтобы мы так именно («сице») молились, и Его обещание, что Он не отвратил от нашей молитвы Своего слуха, дают нам полное основание обращаться к Нему со своими просьбами, как к Отцу Своему, и в уверенности на их удовлетворение заканчивать их словом «аминь».

А посему, когда ты, друг, хочешь сказать своё «аминь», возвратись еще раз своей мыслью к содержанию твоего прошения и сообрази, согласно ли оно с волей Бога, твоего Небесного Отца? Если оно не согласно с этой волей, если ты с полным усердием читаешь только слова четвертого и седьмого прошения, а слова первого прошения выговариваются только твоими губами, если, молясь об оставлении долгов своих (пятое прошение), сам замыкаешь своё сердце перед твоим братом – то, что такое твоё «аминь», которое произносишь ты в конце молитвы, как не пустой звук, и можно ли в таком случае надеяться на исполнение молитвы? Но чем чище твоя душа пред Богом, чем терпеливее и покорнее предаешь ты себя в Его волю, тем с более радостной и твердой надеждой на успех своей молитвы ты можешь сказать своё «аминь».

Конечно, мы не стоим того, чего просим, и своим поведением не заслуживаем, чтобы Он внимал нашей молитве и исполнил её. Поэтому христианин основывает своё «аминь» не на своих собственных заслугах и достоинстве. Он основывает его на заслугах своего Спасителя и на милосердии Отца Небесного и молится, чтобы Отец Небесный даровал ему

все из милости ради Своего Сына, нашего Господа и Спасителя. Во имя и ради Иисуса – вот то верное поручительство, на которое больше всего полагаюсь я в своей молитве, когда отягощают меня грехи мои и злой дух овладевает моей душой. Если я прошу во имя Иисуса, то хотя бы я и не стоил того, чего прошу, но и тогда моя просьба может быть угодна Богу, и я дерзаю говорить: *«аминь, аминь»*, то есть, верно, верно так.

«Аминь, аминь», то есть, так, так да будет так. Твёрдо держись этого слова и тогда, когда, по-видимому, ты не получаешь просимого и молитва твоя кажется напрасной. Если, например, во время голода кажется тебе, что ты напрасно взываешь: *«хлеб наш насущный даждь нам днесь»*, ибо чем громче вопиешь о насущном хлебе, тем сильнее грызут твоё сердце бедность и лишения, не переставай и в этом случае подтверждать свою молитву словом *«аминь»*. Пусть оно будет для тебя более верным и надёжным средством, чем та кружка сарептской вдовы, в которой не убавлялось масло, или те птицы, которые чудесным образом доставляли хлеб Илии. Поднимай твои взоры выше нужд и жалобных воплей голодной семьи, возводи их к Небу, к Отцу твоему Небесному. Будь уверен, что все, о чём ты молишься, всё-таки есть истина – *«аминь»*; ибо невозможно, чтобы Отец не услышал и не удовлетворил просьбу Своих детей. Крепко держись слова *«аминь»* и тогда, когда ты со своими детьми и о них молишься: *«да приидет (к ним) Царствие Твое»*, но не видишь успеха от своей молитвы, так как они, эти злополучные дети, слишком далеки от Царствия Божия, и все твои слезные просьбы, увещания и вразумления не удерживают их от широкого погибельного пути. О, не оставляй и в этом случае своей пламенной молитвы о них. Верь, что не останется она напрасной, ибо невозможно, чтобы такая молитва не была приятна Отцу твоему и чтобы дитя столь горячих слёз и молитв не было, в конце концов, спасено и не сделалось наследником того Царствия, о котором так пламенно ты молился. Крепко держись этого слова *«аминь»*, когда ты в тяжкой борьбе с искушениями мира, плоти и дьявола с сердечной тугой взываешь: *«Отче... не введи меня во искушение»*, а между тем

видишь, как снова воздымаются волны этих искушений над главой твоей, и тебе страшно становится за себя и за твердость твоей веры. Знай, что всё это, однако ж, истинно, *«аминь»*. Бог никогда не оставляет тех, кто не оставляет Его, но укрепляет и поддерживает нас в Своем слове и нашей вере до конца дней наших. Крепко держись слова *«аминь»* и тогда, когда в благоговейной молитве преклоняешься ты пред Отцом Небесным и сливаешься с хором небожителей, говоря: *«да святится имя Твое»*, а вокруг себя всюду видишь противное этому, то есть не прославление, а скорее оскорбление имени Божия, не уважение, а унижение Его, не благочестие, а всё более и более распространяющееся в современном поколении нечестие. Веруй, что то, о чём ты молишься в первом прошении молитвы Господней, есть всё-таки истина. Ибо придёт, непременно придёт тот день света, когда слава Господня покроет лицо земли, как вода покрывает дно морское, когда все царства мира сделаются Царством нашего Господа и Христа Его, когда грехи мира, ад и дьявол побеждены и испразднены будут десницей Всевышнего. *«Аминь, аминь»*, то есть, всё это – истина, это так и должно быть.

Итак, христианин, старайся наблюдать за тем, чтобы это *«аминь»* было у тебя всегда твёрдым и неизменным словом, и будь уверен, что Бог никогда не отринет твоей искренней, согласной с Его волей молитвы, но рано или поздно непременно скажет ей и Своё *«да»*.

Даруй же это нам, Всемиловитый Боже и Отче наш! Управляй нами через Христа, Спасителя нашего. Да поможет Он нам всегда и всюду твёрдо соблюдать слово *«аминь»*, и да произнесет Он в подтверждение оно и Своё всевышнее, всемогущее и Божественное *«ей»* и *«аминь»* (2Кор.1:20). Аминь.

**Собеседования между крестьянином, фабричным
рабочим и священником. Современные
религиозные вопросы**

Предисловие

Мы живём в такое время, когда всё осуждают и всё подвергают критике, нередко мало или совсем ничего не понимая в обсуждаемых предметах. Вопросы и истины, которые охотнее всего избираются предметом такого рода суждений – прежде всего религиозные вопросы и истины. Для некоторых известного сорта людей составляет особенное даже удовольствие поговорить о религии и религиозных убеждениях и поглумиться над ними. Вот почему настало время, когда становится необходимым христианство с его вечными истинами защищать и поддерживать, может быть, более, чем в те времена, когда древнее иудейство и язычество воздвигали против него свои гонения. Эта защита является тем более необходимой, что теперь уже и деревенское наше население начинает ослабевать в своей вере и в своей религиозной жизни вследствие постоянного сношения и работы в соседних городах. Нам говорят: учреждайте общества, союзы, собирайте людей, объясняйте им, проповедуйте, просвещайте их! Но не все, находящиеся в опасности, вступают в эти союзы, да и доступны-то они для того просвещения, которое предлагается им в проповеди и христианском обучении, весьма мало, ибо очень многие избегают этих разъяснений или не хотят их слушать. Но остается еще одно средство – это дать им в руки назидательную книгу, за которую они, может быть, с радостью возьмутся, особенно в длинные, зимние вечера. Само собой понятно, что книга должна кратко и вместе основательно, удобопонятно и увлекательно решить и объяснить те вопросы, которые делаются в настоящее время предметом нападков. В последнее время стали появляться книги, по-видимому, направленные для достижения названной цели. Но, по моему мнению, простые люди рабочего и крестьянского сословия мало извлекут из них пользы, потому что они превышают силы их понимания. Я полагаю, что в сочинениях этого рода, которые так нужны в данном случае, у нас не только нет излишка, но чувствуется большой недостаток. Решаясь на издание этой

книги, я отнюдь не хочу сказать того, что она вполне отвечает указанной потребности, но думаю, что она может служить одной из попыток в этом роде и вполне может идти навстречу религиозным нуждам нашего рабочего класса. Те, которые имеют своей обязанностью просвещать народ в духе веры и нравственности, найдут в этой книжке немало уже обработанного материала для своих бесед и чтений. Пусть она возвратит в сердца и дома своих читателей тот мир, которого можно только лишиться, но не может уже снова дать нам взбаламученный греховный мир.

Вечерние собеседования между крестьянином, фабричным рабочим и священником (современные религиозные вопросы)

Введение

В настоящее время все устремляются в города, чтобы там спокойно пожить, чтобы там побольше заработать и найти своё счастье. Но в свою очередь, можно сказать и наоборот: всё вредное и губительное переносится в нашу деревню тоже из городов. Ложное просвещение, безрелигиозность и безнравственность распространяются из городов по деревням и производят ужасно вредное влияние, как на отдельных лиц, так и на целые семейства. Об этом знает и может рассказать честный и прямодушный крестьянин по имени *Пётр*. Уже давно он думал о том, как бы получить разъяснение некоторых своих религиозных сомнений и недоразумений. Вследствие чтения газет, которые он находил на столе гостиницы, где он бывал благодаря сношению с сектантами и с соседним городом, в его верующее, несомненно, сердце закрались уже некоторые сомнения и недоразумения. Тогда нашел он однажды предлог и зашел в дом священника, чтобы открыть ему своё сердце. «У меня есть нечто на сердце, – сказал он, – очень бы хотелось, чтобы вы, батюшка, меня выслушали». – «Почему же не так, любезный сосед», – заметил священник. «Вы знаете, – продолжал затем Пётр, – что я всегда был верующим христианином и любил свою веру и жил согласно с нею. Но в настоящее время приходится слышать и читать так много такого, что с нашею верою не всегда согласно. Теперь говорят и пишут, что совсем нет ни Бога, ни вечности, что весь мир есть бог и со смертью всему конец. Наивен и глуп тот, кто верит в личного Бога и вечность. Суд, небо и ад суть только сказки, которыми хотят испортить и отравить людям жизнь. Так как существует одна только здешняя жизнь, то ею и нужно только наслаждаться и небо созидать себе можно только на этой земле. Вот какое учение проповедуют теперь в пошлых современных газетах и тех брошюрах, которые попадают и в наши дома. Таковые безбожные взгляды и учение приносят с фабрики и мой свояк *Фома* и распространяет их в своей собственной семье и в трактире. Мне от души жаль его, что он

так далеко зашёл и потерпел крушение в своей святой вере. В особенности жаль его семью, так как она из дня в день должна выслушивать из его уст такие нечестивые, полные неверия, растлевающие слова и суждения. Как хотелось бы, чтобы вы его снова возвратили на истинный путь».

Священник, молча выслушавший эту сердечную скорбь своего соседа, сказал настолько благодушно, насколько же и серьёзно: «Я очень рад, добрый сосед, что вы так доверчиво и откровенно поведали мне ваше желание и просьбу. Вас я издавна знаю как доброго, верующего христианина и надеюсь, что вы таким же и останетесь до конца вашей жизни. Ваши собственные сомнения скоро будут устранены, так как вы имеете доброе намерение и волю и стремитесь к истине. Несколько труднее будет справиться с вашим свояком Фомой, который, как кажется мне, имеет общение на фабрике с неверующими сотоварищами и от них уже заразился ядом лжеучения. Он, кажется мне, начинает уже играть роль *неверующего Фомы*, тогда как вы – всё еще *верующий Пётр*. От всей души жаль мне его и особенно его семейство. Добрая жена со своими детьми может лишиться святой веры через своего собственного мужа. Какую тяжкую ответственность берет последний на свою душу! Что должно выйти из бедных детей, которые растут под таким влиянием и руководством? Я предлагаю вам совет, возьмите с собой завтра вечером вашего свояка и пожалуйста ко мне, я готов вам обоим каждый вечер этого месяца и в свободные часы давать необходимые ответы и разъяснения на все самые жгучие современные вопросы».

Пётр. Это было бы очень хорошо и для меня весьма приятно, если бы вы взяли на себя этот труд. Уже давно горел я этим желанием, но всё почему-то не решался объяснить вам это. Я пойду теперь же к своему свояку и передам ему о вашем любезном приглашении. Я наперёд знаю, что он с радостью примет его. Могу сознаться, что я имею на него еще некоторое влияние, так что есть еще надежда снова направить его на лучший путь. Как рада была бы милая жена, если бы её муж вернулся к вере, и снова, как прежде, воцарились между обоими супругами мир, любовь и согласие! Вы не поверите,

батюшка, до какой степени расстроилась и разбилась вся семейная жизнь моего свояка с тех пор, как примкнул он к людям, написавшим на своём знамени: «нет ни Бога, ни вечности!»

Священник. Да ведь это само собой понятно, что там, где нет уже никакой веры и никакой религии, там не может быть никакого мира и никакого истинного счастья. Об этом засвидетельствовал ещё праведный Иов, сказав: «кто из противящихся Богу имеет мир?» (Иов.9:4). И опыт, и история также учат, что религия есть основание всякого счастья и благополучия.

Пётр. Эти именно мысли и побудили меня прийти к вам и попросить вас о необходимости наставления и разъяснения тех пунктов, на которые теперь больше всего нападают. Я постараюсь освободить себя от занятий и завтра же вечером приду к вам со своим свояком.

Священник. Буду очень рад, если я завтра увижу у себя вас обоих. Итак, до свидания!

Первый вечер. Где стоим мы?

К назначенному часу явились оба свояка к дому священника, и после обычного приветствия с их стороны священник любезно принял их и выразил особенную радость по поводу прибытия фабричного рабочего Фомы. «Давно уже, – сказал он ему, – я не видел вас здесь в моём доме. Редкие гости – более любезные гости».

«Не все, – заметил Фома, – редкие гости и желанные гости; вот, например, я! Едва ли вы батюшка будете иметь в моём посещении особенную радость, я ведь в последнее время мало интересуюсь и религией, и богослужением. И зачем я буду обращать на эти вещи внимание, когда нет никакого Бога и никакой вечности? Правда, последнему учению я не особенно твёрдо верил, хотя жил доселе так, как бы не существовало для меня никакого Бога и никакой вечности, но очень часто, в это же время, чувствовал внутреннее беспокойство и не мог заглушить в себе угрызений совести. И поэтому был очень рад, когда мой свояк вчера вечером попросил меня вместе с ним пойти к вам, тем более что и вы сами, батюшка, выразили ему желание видеть нас. Я надеюсь в этом случае получить от вас разъяснения и ответ хотя бы на некоторые из тех вопросов, которые в настоящее время так запутывают и приводят в недоумение умы многих».

Священник. По-видимому, мы с вами сходимся на одной и той же мысли. Совершенно верно, что вы должны получить от меня разъяснение. Моё намерение в том и состоит, чтобы, воспользовавшись настоящим вашим присутствием, преподать вам наставление и, если это будет угодно Богу, снова возвратить вам счастье святой веры. Но об одном только я считаю нужным сейчас попросить вас, чтобы мои слова упали на добрую почву и принесли плод, давайте помолимся об этом Богу и призовём Его благословение.

Оба свояка изъявили согласие на это предложение, и священник, совершив молитву, пригласил их сесть и затем продолжил свою речь в таких словах:

«Мы живём в опасное время, и религия для многих уже ничего не значит, а вследствие этого вообще благо и общественный порядок подвергаются большой опасности. Мы сидим как бы на вулкане, на огнедышащей горе, которая каждую минуту может открыть свою раскалённую пасть, чтобы проглотить нас. Уже слышится гул внутреннего подземного огня, и здесь и там появляются уже зловещие искры – предвестницы извержения. Я укажу хотя бы на частые и многочисленные убийства, покушения на жизнь царя, князей и различных влиятельных лиц, которых уже так много погибло от рук злодеев. Примером еще может служить и Франция, где те зловещие, опасные искры высыпались уже наружу, и произошло уже извержение. Но я спрашиваю: если люди, совершающие такие преступления, достигнут власти, останется ли вне опасности наша собственность и наша жизнь? Не произойдет ли с нами того, что случается с теми, которые, находясь на вулкане, близком к извержению лавы, преспокойно и беззаботно сидят и наслаждаются, не предчувствуя никакой беды?»

Пётр. Да, давно уже поговаривают о великой кровавой бане, которая готовится для нас.

Фома. Так далеко мы ещё не зашли. В настоящей борьбе дело идёт совершенно о других предметах. Бедный голяк не должен же всегда голодать, в то время как гордый богач не знает, как ещё более проводить в роскоши и наслаждении свою жизнь.

Священник. Для этой цели хотят всякую частную собственность сделать собственностью государства. Но именно это-то и скрывает в себе великую опасность для общества. Ужели думают, что это так легко будет привести в исполнение. Крестьянин, ремесленник, торговец никогда не помирятся, если их в один злополучный день захотят оторвать от их собственности и занятий. – Отнять от них их добро и имущество, их сбережение и средства к труду и сделать их обыкновенными работниками, которые притом должны будут по приказанию другого исполнять и необычные, и суровые работы! В этом случае необходимо было бы страшное насилие, и без кровопролития при осуществлении таких страшных планов не

обойтись. Но что является ещё более опасным, так это недовольство, которое всюду возбуждается и искусственно поддерживается. Недовольны теперь почти все – от богатого капиталиста до последнего нищего, потому что неверие и страсть к наслаждению широко захватили все слои населения. Если присоединить ещё материальное бедствие, какое бывает нередко у бесчисленного множества рабочих, то это недовольство может перейти границы и дойти до ожесточения и отчаяния. Тогда ничто уже не удержит и не запугает, тогда на всё решатся, чтобы только найти выход, какой бы он ни был. Для такого человека, который не имеет уже никакой веры и вследствие своего угнетённого положения дошёл до крайнего раздражения и ожесточения, что значит пожизненное заключение в тюрьму или ссылка на каторгу, или даже смертная казнь, если он получит простор для своего, давно скрываемого и сдерживаемого гнева, и может отомстить посредством убийства или какой-нибудь другой злодейской расправы богатому классу? Для него главное дело в том, чтобы привести в исполнение свои злодейские планы и показать пример другим, как и они должны поступать. Ради этого он охотно идёт на риск даже своей жизнью, так как она, по его мнению, полагает конец всему; и для него не существует никакого загробного возмездия. Недовольные, но верующие работники, наоборот, мало или даже никакой не представляют опасности, ибо их удерживает от революции и других преступлений вера в воздание за гробом. Совершенно другая картина получается, если дело идет о недовольных и неверующих рабочих. Что может удержать их от революции, от убийств и даже цареубийств? Они говорят себе: «Со смертью всему конец, ответственности после этой жизни не существует никакой, мы ничем не рискуем и ничего не теряем, в крайнем случае, теряем жизнь – а она стоит не особенно дорого».

Пётр. Это совершенно верно, недовольные и неверующие рабочие представляют большую опасность для общества. Но ведь у нас есть сильное войско – у него расчёт может быть очень короткий!

Священник. Так рассуждает только тот, кто не знает истории и опыта. Разве не бывает, что и войско делалось мятежническим, бунтарным? Не знаем ли мы из опыта, что недовольство и неверие, если они соединялись вместе и составляли заговор против человеческого общества, то совершали ужасные катастрофы, опустошения и разгромы? Французская революция, происходившая сто лет тому назад, есть печальное доказательство этого и должна открыть глаза всем, которые теперь говорят: с недовольными рабочими расчет будет короткий! Даже и люди высшего положения, как например государственный канцлер Каприви, не обвиняясь, сознавались в этом. «Мы приближаемся к тяжелым временам, – сказал он, – атеистическое (безбожное) мировоззрение – великая опасность будущего!»

Фома. Да, социал-демократия есть сила, с которой необходимо считаться. Она растет с каждым днём и всё выше и выше поднимает свою голову.

Пётр. Это правда. И в нашем состоянии, в крестьянском сословии, недовольство растет всё более и более. Ранее ни о социал-демократии, ни о таком недовольстве ничего не было слышно. Откуда всё это взялось? Кто виноват в этом?

Священник. Либерализм виноват в этом. Либерализм – это то именно умственное направление, которое защищали вольнодумцы прошлого столетия. Защитники этого направления суть враги всякой религии и исповедания, они отрицают вечную жизнь и думают только о том, чтобы наслаждаться одной только земной жизнью. Люди, отуманенные такого рода учением, строят себе воздушные замки и гордятся своей свободой. Либерализм трубит на весь мир: «Слушайте, люди, меня, я принесу вам свободу, свободу во всех областях!» И какую же он принёс свободу? В религиозной области он принёс свободу, которая делает людей свободными от религии и Церкви. Если, например, кто женится или выходит замуж, то его никто не должен стеснять, он должен быть свободным в том отношении – хочет ли он призвать на свой брак благословение Церкви или нет. Если ученик отпущен из школы, то для него не должно быть никакого принуждения к посещению храма Божия и

богослужений. Церковь и ее служители должны оставаться безгласными, они не смеют заявлять о своих служебных правах, их влияние на общественную жизнь устраняется – государство должно быть всем и вся. А как далеко ушли мы с этой свободой в религиозной области? Так далеко, принуждён ответить я, что государство не может наготовить столько казематов и тюрем, столько исправительных домов и учреждений, чтобы поместить в них всех преступников и негодяев. Да, либерализм был причиной неверия, которое проникло теперь в широкие массы народа, началась проповедь неверия сверху, через ученых и профессоров; а теперь то семя, которое целыми годами сеялось учеными кафедрами, либеральными кружками и собраниями, всходит и приносит свой горький плод и среди простого народа.

Пётр. Это мне не совсем ясно, но я не хочу прерывать вас.

Священник. В хозяйственной области либерализм принёс пользующуюся сомнительной славой свободу торговли и промышленности, равно как и свободу переселения с одного места на другое. Благодаря свободе торговли, происходит свободный ввоз и вывоз скота, жита и многих продуктов, а следствием этого явилось то, что мы завалены были заграничным скотом и хлебом, и цены упали до того, что крестьянин из своей земли, из своего хлебопашества и скотоводства выручал не более того, сколько стоила ему работа и переправка.

Пётр. Да, крестьянин в настоящее время – обездоленное, угнетённое существо, и никто не вступится за него и не защитит его.

Священник. В силу свободы промышленности каждый имеет право заниматься тем или другим производством, хотя бы он ничего ровно не понимал в нём. Отсюда происходит то, что мы имеем теперь в городах магазины обуви, одежды и т.п., а хозяин или содержатель этих магазинов может быть не в состоянии взять в руки ни иглы, ни шила. Такая свобода промышленности нанесла смертельный удар нашему ремесленному сословию, отдельный ремесленник не в силах выдерживать всемирной конкуренции и потому вынужден работать уже для содержания большого магазина или для

фабрики. Вот почему, как видим мы, и тянутся сейчас почти все в города, чтобы там искать заработка и пропитания. В облегчение этого либерализм и узаконил ту свободу переселения, которая позволяет каждому человеку водворяться и жить там, где он хочет. Так произошло то, что рабочие всё в большем и большем количестве скучиваются в больших городах. Тут можно найти более лёгкую работу на фабриках, тут, по-видимому, ждет их лучшая, более высокая плата за работу. Вследствие этого наши столичные и большие города переполнены бедными людьми, которые сами себя стесняют и уменьшают свой заработок. Вот условия, послужившие главным образом причиной того, что мы теперь считаемся с *социальным вопросом*.

Пётр. Этим же объясняется и то, что мы, крестьяне, часто уже не можем найти себе и прислуги, вынуждены бываем платить громадные деньги за работу, а это, естественно, и приводит к разорению нашего сословия.

Священник. Наконец, в политической области либерализм принёс нам такое законодательство, которое служит только к тому, чтобы возбуждать и поддерживать недовольство. Он благоприятствует только закону борьбы из-за культуры. После того, как благодаря усовершенствованию машин во многих отраслях производства фабричная работа стала гораздо дешевле, чем работа ручная, и после того, как железные дороги и пароходы стали дешево перевозить во все части света товары и, таким образом, сделали возможным исполинский сбыт их, для большого капитала настало золотое время. Вместо того чтобы поддерживать в неравной борьбе имущественно слабых, либерализм уничтожил все границы и препятствия, которые стояли на пути капитала. Доказательством этому – эксплуатация и притеснение бедных работников со стороны капиталистов. За крайне мизерную плату они должны работать двенадцать или даже более часов в сутки. Дети и женщины, как мужчины, принимаются также на фабричную работу – и всё это во имя закона. А когда такой бедный рабочий, своим потовым трудом так много помогавший и содействовавший богатому капиталисту скоплять ещё большее богатство, потерял

способность к работе, то о нём никто не считает своим долгом и позаботиться. Ещё меньше этим законом вменяется в обязанность работодателю оказывать помощь своему рабочему, подвергшемуся какому-нибудь несчастью. Теперь, конечно, законодательство в этом отношении стало лучше. Но не либерализму обязан этим рабочий класс, для либерализма было бы лучше совсем не видеть тех новых законов, которые выработаны в пользу рабочих классов.

Нетрудно догадаться куда зайдет и где очутится человеческое общество, если оно и далее будет идти по этому скользкому и покатоному пути. Один из самых важных вопросов, который в настоящее время занимает всех благомыслящих людей, состоит именно в том, каким образом можно избежать грозящей опасности или предотвратить ее. Но об этом я подробнее выскажусь завтра.

Второй вечер. Каким образом можно помочь горю?

Пётр. Добрый вечер, батюшка! Мы последовали вашему приглашению и желали бы и сегодня послушать вас так же, как и вчера. Вы обещали нам сегодня дать ответ на вопрос, что и как может помочь нам в угрожающей опасности.

Священник. Совершенно верно. Я постараюсь ныне разрешить этот вопрос.

Мы уже слышали, что недовольные, неимущие части населения ищут спасения человеческого общества в том, чтобы всякая и каждая частная собственность или владения были бы собственностью государства или, как они говорят, общества. Но на этом пути нельзя найти удовлетворительного решения вопроса. Если бы отменена была всякая частная собственность, то у человека отнята была бы возможность приобретать какое-нибудь имущество и улучшать своё положение. Человеку ведь свойственно путём трудолюбия и бережливости приобретать такое или иное имущество и в этом стремлении находить некоторым образом утешение. К этой именно цели он направляет все силы, предлагает другим свои услуги и свой труд, ограничивает себя в удовлетворении своих потребностей и старается делать сбережения. Если бы теперь отменена была всякая частная собственность, то у человека отнято было бы и всякое поощрение к самодеятельности, он незаметно погрузился бы в бездеятельность и лень. Это причинило бы величайший грех человеку в его лучших стремлениях, и потому об улучшении положения этим рекомендуемым социалистами способом не может быть и речи.

Но рекомендуемое социалистами средство к спасению следует отвергнуть и по другому основанию. Оно заключает себе великую несправедливость, ибо человек от природы имеет право владеть имуществом. Животное своим инстинктом привязывается только к настоящему, человек же устремляет свои взоры и надежду и на будущее. Но что именно подает надежду на приобретение в будущем средств к жизни, так это земля и почва с её благами, которые она постоянно приносит. А

отсюда и следует, что человек от природы имеет право не только жить произведением почвы, но и обладать собственностью на земле. Сверх того, земля хотя и дает всё, что необходимо для поддержания жизни, но она не может доставить этого без всепомогающей руки человека. Если теперь человек прилагает старание и заботу, чтобы удобрить её и сделать плодородной, то ему должно принадлежать неотъемлемое право на эту часть им удобренной и возделанной земли и это право должно оставаться неотъемлемым и ненарушимым навсегда. Отбить у него это владение значило бы совершить вопиющую несправедливость. А такая именно несправедливость и была бы совершена, если бы вздумали прекратить частную собственность.

Есть ещё третье основание, почему частная собственность не должна быть собственностью государства. Оно заключается в самом понятии о государстве. Государство имеет задачу защищать каждого из своих членов в нарушении его прав и содействовать земному благу человечества. В его интересах наблюдать за тем, чтобы между членами государства господствовал мир и согласие, при которых только и может существовать и преуспевать всеобщее благо. Если бы государство захватило в свои руки всю частную собственность, к которой человек привязан и телом и душой, то какое недовольство и озлобление неизбежно последовало бы за этим! Если бы оно (государство) сделалось хлебным всеобщим отцом, так что у него стали бы, так сказать, выпрашивать этот хлеб как милостыню, то неизбежные при этом условия недоброжелательства, притеснения и распри сделали бы жизнь невыносимой. Далее если бы у человека отняли всякое поощрение к деятельности, то возможно ли было бы тогда благосостояние, и кто захотел бы заботиться о будущем? Не может развиваться благосостояние там, где отдельные члены питают к нему только ненависть и отвращение, где они не согласны между собой и только по принуждению исполняют незначительные работы. Следовательно, государство в своих собственных интересах должно наблюдать, чтобы частная собственность оставалась святой и неотъемлемой.

Таким образом, на том пути, который рекомендуют социалисты для разрешения социального вопроса, нет помощи.

Пётр. Я и сам нередко думал, что люди, которые не имеют никакой веры и не признают никакого значения за религией, не могут указать средств к улучшению настоящего бедственного положения.

Священник. Далее вы должны выслушать о том, каким образом можно помочь делу. Чтобы разрешить социальный вопрос, для этого необходимо совместное и согласованное действие Церкви и государства, работодателей и рабочих.

Фома. Но я позволю себе спросить, что может сделать в этом случае Церковь? Ведь она заботится о загробной жизни и всегда указывает своим членам только на Небо и на так называемые вечные блага. От нее для борьбы с социальным злом нельзя ожидать никакой помощи.

Священник. Здесь вы глубоко ошибаетесь, ибо без посредства Церкви даже не может быть никакого разрешения этого вопроса, который в настоящее время обращает на себя внимание всего мира. Если устранить от этого Церковь, то все человеческие усилия окажутся бессильными. Ибо Церковь заключает в себе ту таинственную закваску Небесного учения, которое одно только и в состоянии произвести нравственный переворот в сердцах людей и сделать то, что настоящая борьба между имущими и неимущими, богатыми и бедными или совсем прекратится, или по крайней мере потеряет свою остроту и примет более мягкие формы.

Нравственно религиозное учение Церкви есть одно из самых могущественных средств для сближения богатых с бедными и примирения их между собой. Этим учением и заповедями Божиими Церковь напоминает тем и другим об их обязанностях и строго подтверждает им правило отдавать каждому своё. Содействуя таким образом правильному устройению христианской жизни, она вместе с тем помогает и земному благополучию человека, ибо на почве только христианской жизни произрастают и развиваются те добродетели, без которых не может создать этого благополучия никакое временное благосостояние. Эти добродетели суть

трудолюбие, умеренность, бережливость, нравственная чистота, братская любовь, довольство. Какая польза от всех законодательств, направленных к улучшению человеческого быта, от всех облегчительных мер, от всех повышений заработной платы и т.п. если не будет доставать этих социальных добродетелей.

Пётр. Самая богатая плата не принесла бы никакой пользы тому, кто не умеет беречь, или иначе, кто привык к расточительной жизни. Чем более он получает, тем более нуждается.

Священник. Это видим мы из ежедневного опыта. Но Церковь не одним только учением, но и практическими учреждениями старается смягчить бедственное положение бедных и рабочих. Здесь стоит только вспомнить о социальном действии Церкви через сестер милосердия, через больницы и богадельни и через другие учреждения – приюты, направленные к облегчению всякого зла и бедствия, к возвышению нравственности, к оживлению и побуждению социальных интересов. Стоит только всё это принять во внимание и взвесить, и мы получим ясное понятие о том, какое богатое сокровище скрывает в себе Церковь для борьбы с социальным недугом.

Фома. Того, что достигла и в состоянии достигнуть в этом отношении Церковь, нельзя не ценить, но угнетенное положение рабочего люда всё-таки ещё не устранено, именно: условия заработной платы ещё не улучшены. Притеснения и эксплуатация рабочих капиталистами продолжаются и доселе, несмотря на социальную деятельность Церкви.

Священник. С этим я согласен. Но я уже объяснил, что для достижения всестороннего улучшения необходимо содействие и других факторов. Прежде всего, государство обязано выступить со своей помощью на законодательном пути. Ибо на нём, прежде всего, лежит обязанность содействовать общему благу, и чем сильнее и энергичнее и настойчивее оно будет делать это своими общими мероприятиями, тем менее будет надобности изыскивать какие-либо другие средства к улучшению условий жизни рабочего мира. Государство именно обязано протянуть

рабочему классу руку помощи, так как рабочие составляют наибольшую часть членов государства, и благо государственное много зависит от работы этого класса. Кроме того, бедные и неимущие и сами по себе более нуждаются в государственной поддержке, чем богатые.

В чем же состоят эти мероприятия и покровительствующие законы, которые правительство должно предпринять в пользу рабочего класса? Так как нравственные, духовные блага выше стоят, чем материальные, то государство, прежде всего, обязано оказать свою поддержку и покровительство этим духовным нуждам рабочих. Рабочие не должны быть стеснены в их религии и их нравственной жизни. Они должны иметь время и возможность исполнять свои религиозные обязанности. Они не должны заниматься своей работой в таких помещениях и занимать такие квартиры, где их нравственная жизнь подвергается опасности. Затем, государство должно наблюдать и земные интересы рабочего сословия, заботиться и о земных его благах. Между этими благами следует упомянуть, прежде всего, о здоровье, которое часто страдает от переутомления, от несчастных случаев, от вредных для здоровья работ и помещений. Государство поэтому должно заботиться, чтобы рабочим давался необходимый для возмещения израсходованных во время работы сил покой, чтобы им за увечья и другие несчастия и за дни болезни выдавалось необходимое содержание. Чтобы за вредными в гигиеническом отношении помещениями установлен был бдительный надзор. Равным образом государство должно иметь свой глаз и за женщинами и детьми, работающими на фабриках, так как женщины принадлежат своим семействам, и дети, по возможности, должны быть удалены от фабрики. В этом направлении государство начало теперь действовать, но нельзя пока сказать, чтобы названных мероприятий было достаточно для данной цели. Для социального законодательства остается всё-таки очень широкое поле деятельности. Здесь уместен был бы вопрос, например, о том, каким образом для рабочих было бы возможно, чтобы они не отдалялись от своего домашнего очага и каждый из них имел бы хоть скромный клочок земли.

Этим был бы проложен путь к сближению между бедными и богатыми, и укрепилось бы чувство семейственности.

Пётр. Если бы рабочее сословие имело собственную землю, тогда не стали бы все расходиться по городам и наш брат, крестьянин, находил бы у себя в деревне работников и прислугу.

Фома. Государство должно направлять своё наблюдение и на то, чтобы работник и крестьянин не были поставлены в необходимость всё более и более уступать и скидывать со счетов, а капиталисты не имели бы права всё более и более отягощать их налогами.

Священник. Совершенно согласен. Этим путем могло бы и должно бы государство несколько помочь рабочим.

Фома. И ещё один пункт государство не должно бы обходить своим вниманием – упорядочения и выработки правил для вознаграждения за труд. Справедливость требует, чтобы вознаграждение за труд было таково, чтобы его честному, непротивительному работнику доставало на жизненное пропитание. В настоящее же время плата работнику зависит всецело от благоволения и произвола работодателя. Что последний захочет заплатить, то и должен работник взять. Поэтому следовало бы этот произвол ограничить в законодательном порядке.

Священник. Конечно, плата должна соответствовать работе, но обстоятельства и условия работы так разнообразны и изменчивы, исполнение работниками своих обязанностей столь различно, что в этом отношении едва ли возможно выработать одно для всех обязательное правило. Ближайшим образом, государство могло бы предписать минимальную плату в тех отраслях производства, в коих чаще всего замечается грубая эксплуатация и несправедливость. Против этого у рабочих есть право соединяться в большие товарищества по занятию. В этом случае они представляют силу, достаточную для того, чтобы посредством общих соглашений добиться правильной платы. Ещё третий фактор должен содействовать разрешению социального вопроса. Это – работодатели. В чём же должно состоять их содействие?

Работодатели, прежде всего, должны смотреть на своих работников не как на рабов бесправных, ибо все люди суть дети одного Отца Небесного и, следовательно, братья между собой, все имеют право на взаимную любовь и уважение. А рабочий, сверх этого, заслуживает уважение ещё тем, что проводит свою жизнь в тяжелом напряженном труде. Нечестно и безнравственно поэтому поступает тот, кто эксплуатирует его, делает его средством для своих барышей и смотрит на него не более, как на машину.

Работодатели должны затем давать за работу соответствующее вознаграждение, так чтобы работник, по крайней мере, получал то, чего он заслуживает по естественной справедливости. Но они должны из любви и за совесть давать им ещё более чем, сколько требует от них справедливость. Это должно находить для себя применение особенно тогда, когда они из трудов рабочего извлекли великую прибыль или когда рабочий находится в особенных, исключительных условиях, например, в болезненном состоянии, несчастии и т.п. Конечно, работник, строго говоря, на эту большую плату не имеет права, но он рассчитывает при этом на милосердие и благую волю работодателя.

Работодатели должны далее лично заботиться о работниках и иметь с ними близкое общение, не смотреть на них свысока, как будто они сами сделаны из более дорогой материи, не кричать ни на них грубо, не дозволяя это и другим чиновникам. Ничто не причиняет бедному человеку столько обиды, как проявление презрения к нему, и потому только, что он бедный человек, или когда его знают и считают за человека до тех пор, пока нуждаются в его услугах. Через это всё более и более образовывается пропасть между богатыми и бедными, всё грубее и недружелюбнее становятся отношения между работодателями и рабочими. Чтобы достигнуть сближения той и другой стороны, для этого работодатели должны быть к своим работникам любезны и предупредительны. Примером этого служат те истинно христианские рабочие союзы, в которых работодатели разделяют часть с рабочими, не пренебрегая и их советами. В таком же роде и те сословные союзы рабочих по

занятию и состоянию, где работодатели и рабочие сообща обсуждают обоюдные интересы. Большое значение, наконец, имеют и сердечные отношения к отдельным рабочим, о которых работодатели должны заботиться, если, например, рабочий подвергся болезни, несчастью и т.п.

Фома. Мне известен один работодатель, который в этом отношении очень помогает своим рабочим. Он строит за свой счет для них квартиры, которые окружены небольшой усадьбой, и предлагает их в собственность, если рабочие всякий год берутся уплачивать известную часть покупной суммы.

Пётр. Хвала и честь таким хозяевам, которые имеют в виду не свою только личную выгоду, но и истинное благо своих служащих.

Священник. Да, работодатели должны преимущественное внимание обращать на духовное благо рабочих, ибо человек назначен не для настоящей только жизни, но и для будущей, вечной. В своём стремлении к вечному назначению он нигде и ни в чём не должен встречать препятствий и стеснений. Нанимающий в услужение работника никоим образом не должен мешать ему в исполнении его религиозных обязанностей. Кроме того, в интересах же самого работодателя нанимать таких работников, которые известны своей религиозностью, ибо религия делает человека добросовестным, преданным и честным. Истинно религиозные работники – всегда и верные, и благонадёжные работники.

Пётр. До сих пор у нас шла речь всё о работодателях, я думаю, и сами рабочие, в свою очередь, должны показать более предупредительности и со своей стороны содействовать улучшению своего положения.

Священник. Совершенно верно, ибо от самих рабочих преимущественно зависит то, последует ли счастливое для них разрешение рабочего вопроса или нет. Они представляют четвёртый фактор, который в этом отношении имеет значение. Что же от них требуется? Они должны, прежде всего, удаляться от тех союзов, которые ставят своей целью восстановить рабочих против богатых владельцев и делать всякую частную собственность собственностью государства. Мы уже слышали,

что этим путём нельзя прийти к примиряющему концу. То же нужно сказать и о равенстве всех в обществе, ибо люди не равны в личных потребностях. Это равенство могло бы, в крайнем случае, продолжаться до тех только пор, пока одна часть не истребила бы другую. Чего, вообще, достигли, соединяясь партии недовольных рабочих? Положительного, осязаемого они не только не достигли ничего, но напротив: там, где есть эти новейшие учителя, благодетели мира, они беспощадно выбрасывают на мостовую всякого, кто не пляшет под их дудочку. Так будут они поступать и в будущее время. Вот почему рабочие не могут примыкать к этой партии, если у них честные намерения.

Рабочие должны скорее собираться в те общества и союзы, которые основаны и утверждены на христианских началах, ибо только христианство даёт нужные средства и указывает путь к благополучному выходу из настоящих заблуждений и к достижению улучшения своего положения. Христианство спасло общество из болота язычества, и по мере того как распространялось и процветало оно, распространялась и укреплялась между язычниками и истинная культура и цивилизация; там же, где и сейчас еще господствует язычество и магометанство, развитие высшей культуры совершенно невозможно. Христианские только народы, в лице христианской своей религии, обладают надежным средством уврачевать социальную болезнь и выйти из настоящего бедственного положения. Поэтому-то я и говорю, что рабочие должны примыкать к тем союзам и обществам, которые основаны на христианских началах.

Отсюда мы вправе рекомендовать, чтобы повсюду учреждаемы были таковые, на христианском учении основанные братства и союзы. Здесь познают рабочие, что основание всякого благополучия есть религия и христианская жизнь. Здесь почувствуют они, что и их сословие, как и всякое другое, может достигать своих справедливых чаяний и желаний только тогда, когда будут жить по-христиански, по-Божьи. Что давали рабочим и ремесленникам в отношении личных преимуществ и прав и для развития ремесленничества и индустрии старинные цеха,

этого хотят достигнуть и осуществить и христианские братства и союзы рабочих. Здесь они имеют возможность говорить о своих заработках, о рабочем времени, о призрении больных и обо всех вообще своих желаниях. Дабы государство не имело нужды вмешиваться в эту внутреннюю жизнь рабочих, для этого должны быть образованы так называемые комитеты депутатские из представителей рабочих и работодателей. Эти комитеты должны обсуждать и решать желания и требования обеих сторон. Если же при этом окажется нечто несоразмерное, то необходимо опять, чтобы обе стороны, работодатели и работники, были проникнуты христианским духом. Ибо дух христианства требует, чтобы каждому было отдано своё, чтобы работодатели не только оставались при законном своём праве, но и руководились бы и духом любви, то есть из любви не отказывали бы нуждающемуся и в том, что он по закону и не обязан делать. Этот же христианский дух побуждает и работников быть в исполнении своих обязанностей добросовестными, а в своих требованиях непритязательными.

Итак, рабочим нужно крепко держаться христианства и под влиянием его проводить жизнь свою. Здесь их спасение и их исцеление. Только живое деятельное христианство может разрешить социальный вопрос, и кто попробовал бы разрешить его без христианского духа, тот построил бы свой дом на песке. Печальные социальные и политические обстоятельства не улучшатся, если сначала не станут лучше сами люди. Гораздо более, чем всё другое, приблизило бы социальный недуг наш к врачеванию и социальную задачу к разрешению, если бы люди научились развивать и укреплять своё чувство права и добра по началам христианской веры.

Фома. Здесь я позволю себе остаться при другом мнении, ибо мы, несмотря на христианство, зашли теперь так далеко, что почти и не знаем уже, как и чем помочь себе.

Священник. Но, в этом виновато не христианство, а скорее недостаток, отсутствие христианства. Мы не зашли бы так далеко, если бы работодатели и работники не потеряли христианского духа. Неверие и соединенная с ним безнравственность пробуждают в человеке все низменные

инстинкты и греховные страсти и делают его бесчестным и бессовестным. В настоящее время думают достигнуть земного счастья без религии – но опыт и история доказывают, что это великое заблуждение, что, напротив, религия необходима не для одного только приготовления к блаженству небесному, но и для того, чтобы идти вперёд и в земном благополучии. Социальный вопрос, следовательно, не хозяйственный только вопрос, но и религиозный. Об этом мы будем продолжать свою речь в следующие вечера.

Третий вечер. Правда ли, что нет Бога?

Раздается у входной двери звонок. Оба свояка, Пётр и Фома, просят впустить в дом, чтобы послушать (согласно обещанию) продолжение начатой вчера беседы.

Священник. Встретив обоих с видимым удовольствием, восстанавливает беседу прошлого вечера, объясняя, что для решения социального вопроса необходима религия, рабочему сословию недостаёт кое-чего не в денежном только кошельке, но ещё более в живой вере. Есть сейчас между рабочими немало людей, которые говорят, что нет никакого Бога. Сегодня мы займёмся исследованием, действительно ли нет Бога.

Пётр. Этот вопрос совсем не лишний, так как в настоящее время приходится слышать много возражений против бытия Бога.

Фома. Я недавно был в социально-демократическом собрании, и там выступал известный доктор. Он прямо и смело заявил: «Я атеист по убеждению, и каждый умный, мыслящий человек должен со мной согласиться, если я скажу: нет Бога. Только невежество, глупость и страх создали богов. Все боги, а также и христианский Бог – суть чистейший обман. Люди тогда только будут счастливы, когда они освободят себя от всякой веры в Бога».

Священник. Припоминаю, об этой речи я читал в газетах. Поэтому вопрос, действительно ли нет Бога, сегодня очень уместен; и я поспешу прежде всего объяснить и разрешить этот вопрос, лежащий в основе всех спорных вопросов настоящего времени. Я покажу, что есть живой личный Бог, потому что это доказывают: 1) разум; 2) природа; 3) история. Я говорю, есть Бог –

1) потому что это доказывает разум. Наш разум непрестанно напоминает нам о Боге и взывает к нам: необходимо должен быть Бог, помни твоего Творца. Он говорит нам: я существую, существует и целый мир с его величием и великолепием, с его бесчисленными одушевлёнными и неодушевлёнными предметами, а потому необходимо должен

быть такой Бог, Который всё это вызвал к бытию. Тебе показывают часы и говорят: «Смотри, эти часы возникли сами собой, одна пылинка металла случайно присоединилась к другой, другая к третьей и так далее, и вот, в конце концов, образовались часы». Что подумал и почувствовал бы ты, если бы тебе рассказали такую сказку? Не подумал ли бы ты при этом, какая же это глупость! И не рассердился ли бы ты, выслушивая такую глупость? Или вот, предлагает тебе книготорговец стихотворения Шиллера или чудную композицию Стеля и говорит тебе: «Оба эти произведения искусства – поэзии и музыки, появились на свет у меня случайно. Буква за буквой, нота за нотой сами собой присоединялись друг к другу, они и образовали, в конце концов, эти поэтическое и музыкальное произведения». Не правда ли, что ты еще более почувствовал бы досаду, если бы тебя стали склонять к вере в эту фантазию. Самая неотразимая сила доказательства заключается в той бесконечной мудрости и целесообразности, которую мы замечаем всюду в видимом мире. Возьми самое незначительное растение, изучи поточнее его рост и устройство, и ты непременно скажешь: лучше этого нельзя было сделать. Исследуй образ жизни и устройство организма жука, пчелы, и ты согласишься, что это самое ничтожное животное устроено с неизмеримой мудростью для своего пропитания и продолжения своего существования. Возьми маленькую снежинку и посмотри через увеличительное стекло, через лупу, ты изумишься пред этим необыкновенно художественным произведением в отношении его красоты, тонкости и целесообразности. Проштудируй хоть один орган твоего тела, например, глаз, и ты увидишь пред собой произведение столь неизмеримой красоты, изящества и целесообразности, что непременно воскликнешь: «Никогда человеческий разум не изобретал ничего подобного, никогда не изобретёт и впредь». И как в самом малом, так и в самом великом – всюду открывается перед нами следы недостижимой для нас мудрости. Возможно ли теперь, чтобы все эти миллиарды миллиардов бесконечно мудрых и изумительно целесообразных творений, образов и учреждений были делом единственно слепой, бездушной и неразумной

силы? В таком случае, несомненно, в тысячу раз скорее было бы возможно, чтобы наш кафедральный собор произошёл от умеренного землетрясения, которое в данном виде уложило множество камней друг на друга. И в тысячу раз скорее можно предположить возможность того, что твой собственный дом обязан своим устройством сильной буре, которая случайно соединила камни и балки таким именно образом.

Фома. Это совершенно верно, но не мог ли мир и всё, что в нём, существовать от вечности?

Священник. Теперешний порядок в мире не может быть вечным. То небесное тело, которое приносит нам на землю свет и теплоту и вместе с ним и жизнь, есть солнце. От вечности ли движется земля вокруг солнца? Это невозможно. Как раскалённое железо через испускание из себя лучей постепенно охлаждается, так охлаждается через лучеиспускание и солнце. При невообразимой величине и силе жара солнца это, конечно, происходит очень медленно и для нас незаметно. Но по прошествии сотни тысяч и миллионов лет по естественному порядку вещей наступит час, когда солнце не будет уже ни светить, ни греть. Тогда весь земной шар оцепенеет, и никакая жизнь уже не будет возможна. Если бы солнце в его настоящем виде было вечным, то давно последовало бы охлаждение, и земля стала бы тогда громадной глыбой льда.

Таким образом, приходится сказать, что в теперешнем своём виде наша планетная система не вечна. Вечна только материя, из которой она образована, и силы, которые при этом действовали. Но эта отговорка отрицателю бытия Божия нисколько не полезна. Ибо опять является вопрос: каковы были те силы, которые из так называемой вечной первой материи произвели мир? Если были они слепые, без души, без чувства и разума, то тогда неизмеримая мудрость мирового порядка произошла бы из вечной глупости. Если даже те силы были направляемы одной всепроникающей мудростью, то необходимо должен быть Кто-то, Кто Сам обладал этой мудростью. Таким образом, мы снова стоим перед Богом.

Что Бог существует, говорит уже древний языческий оратор Цицерон – это настолько ясно и общеизвестно, что я

сомневаюсь в нормальности разума того, кто Его отрицает.

Пётр. Стало быть, новейшие язычники, отрицающие Бога, гораздо хуже, чем древние, ибо им должна быть известна эта глупость. Если же они воображают, что делают нечто великое, то это свидетельствует только о том, что они доводами своего разума или не могут, или не хотят воспользоваться.

Фома. До сих пор я ещё имел некоторое доверие и уважение к вожакам социал-демократии, особенно когда перед их именами стояли две особенные буквы Dr. Но я должен сознаться, что моё высокое уважение перед их наукой всё более и более исчезает, – именно тогда, когда они утверждают, что нет никакого Бога.

Священник. Далее я приведу доказательство другого рода. Я говорю, Бог есть –

2) потому что всякая природа это доказывает, именно: мы видим здесь такой порядок и целесообразность, такую полноту мудрости и силы, что мы не можем не сказать, здесь без сомнения действовал очень Мудрый и Могущественный Распорядитель и Законодатель, Который всё это прекрасно придумал и устроил. В этом убеждает нас уже один взгляд на природу, которая выше нас. Мы видим на тверди небесной солнце, луну и звёзды. Это такого объёма небесные тела, что они большей частью гораздо больше, чем наша земля. Все небесные тела в постоянном движении с самого начала их существования, и, однако, никогда ещё не было такого несчастья, чтобы одно из них натолкнулось на другое, как например, два железнодорожных поезда. Не чудесный ли это порядок и мудрость, которые здесь проявляются? Разве не очевидно здесь действие особенно Мудрого Мастера, Который устроил эту небесную машину и пустил её в ход? Не должны ли мы, полные радости и убеждения, слиться в одном общем восклицании: *«Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь»* (Пс.18:2).

В этом убеждает нас при самом беглом взгляде на природу всё, что вокруг нас. Эту премудрость, благость и всемогущество Бога мы можем видеть сейчас же, как только посмотрим на землю. Мы видим минералы, растения и животные, но разве

они все не говорят нам о Всеведущем Устроителе и Мастере? Смотри, вот как блестят и красуются известные минералы своими очаровательными цветами, а другие – своей художественной кристаллизацией. Взгляни на разнообразие растений, на великолепие цветов. Могли ли они произойти случайно? Не проявил ли скорее здесь Всемогуший Создатель Свою творческую руку? А когда я устремляю взор свой на мир животных, о, какое множество живых существ вижу я здесь! Все они радуются и берегут свою жизнь. Каждое животное имеет свою собственную потребность или инстинкт, коему оно следует и коему обязано своим существованием. Пчела так чудесно устроит свои клеточки, что они, тесно примыкая одна к другой, не дают вытекать мёду. Муравей выкапывает себе воронкообразный ход в землю и поджидает добычу, которая через эту воронку должна попадаться ему. Есть животные, которые в течение зимы спят, и такие, которые запасают себе на зиму пищу. Кукушка кладёт, как известно, свои яйца в гнездовые других птиц и именно только таких, которые живут той же пищей, как и она. Кто вложил этот инстинкт животному? Неужели это сделал один слепой случай или природа? Не с большей ли основательностью отвечают на этот вопрос те, которые усматривают здесь Высшее Духовное Существо, придумавшее такое влечение и одарившее им творение? И это Высшее Духовное Существо есть Тот, о Котором говорит Святое Писание: «Ты, Господи, *вся премудростию сотворил еси*» (Пс.103:24).

Но и природа внутри нас, наша собственная природа, убеждает нас в том, что есть Всеведущий, Всеблагий и Всемогуший Бог. Когда знаменитый натуралист или естествоиспытатель Гален написал семнадцать книг об одном только строении человеческого тела, то сказал друзьям своим: «Смотрите, здесь я составил одну непрерывную хвалебную песнь во славу премудрости, благодати и всемогущества Бога!» Да, вся человеческая природа устроена так чудесно, что ближайшее исследование её есть в то же время хвала Всеведущего, Всеблагого и Всемогущего Бога. Представьте себе, например, только чудное устройство глаза или уха. Как

искусно устроен уже внешний вид уха, так называемая, слуховая раковина. Сколько извилин и углублений должны пройти здесь звуковые волны, чтобы дойти до слуха. Затем идёт слуховой проход, извиваясь спиралеобразно, дабы звук проникал в ухо не вдруг, а постепенно, мало-помалу, иначе он причинял бы болезненное ощущение. Затем, внутри самого уха, – какое опять чудесное устройство! На первом плане здесь барабанная перепонка, на внешней поверхности (площади) которой натянут как струна нерв. И на внутренней находятся три очень нежные косточки, именно: наковаленка, молоток и стремённая косточка, называемая так потому, что эти косточки имеют сходство с этими предметами. Теперь, когда звук проникает во внутренность уха, тогда происходит дрожащее движение, которое сообщается стремённой косточке, наковаленке и молотку, и через это проходят размахи (колебания), которые потом снова, посредством нервов, передаются слуху и душе. Не есть ли это чудесное устройство уха достаточное доказательство того, что необходимо должен быть Премудрый Бог. Изучайте, только потщательнее, тайны природы, но без предубеждения, и вы не придёте, как социалисты, к тому заключению, чтобы отвергать Бога – наоборот, это изучение скорее приведёт вас к вере в живого Бога. «Более основательное, полное и глубокое знание приводит к Богу, тогда как полужнание удаляет от Бога», – сказал ещё Бэкон Веруламский.

У меня есть ещё дальнейшее доказательство бытия Божия. Я говорю, есть, наконец, Бог –

3) потому что история это доказывает. История доказывает нам, что веруют в Бога не только большинство людей, но и самые умные и лучшие люди. Отрицание Бога или атеизм всегда есть только единоличное или частное явление, тогда как веру в Бога мы видим у огромного, подавляющего числа людей.

То, что находит в своей голове справедливым отдельный человек, это очень легко может быть заблуждением, но что принимает за истину всё человечество, это не может быть ложным или фальшивым. Это подтвердил ещё такой исполинский ум, как Фома Аквинат, который сказал: «Что

высказывают и утверждают все вообще, то не может быть ложным». А древний языческий всемирный философ Аристотель говорит в отношении этого так: «Что считают за истину все люди, как руководимые *одним* инстинктом, это есть истина природы». Итак, история убеждает именно, что целое человечество никогда ещё не находилось без всякого познания о Боге или о каком-нибудь, хотя бы ложном божестве, так что уже Цицерон от имени язычества мог заявить: «Нет ни одного народа, который настолько был бы груб и дик, чтобы не имел веры в Бога, хотя бы и не знал он Его Существа».

Когда в XVIII столетии неверующие во Франции отвергли Бога и провозгласили скверный образ женщины за богиню, тогда они хотели оправдать своё неверие тем, что стали бы утверждать, что не они только, но и все народы ничего не хотят знать о Боге. При доказательствах этой мысли они остались посрамлёнными, ибо не были в состоянии назвать хотя бы одну единственную нацию, которая ничего не знала бы о Боге или о каком-нибудь божестве. «Всё язычество, – говорит один из учёных (Люккен), – хранило идею Высочайшего Существа, и дикие – часто ещё яснее и определённое, чем образованные язычники».

Как сильно, например, распространена была вера в божество у древних египтян, да притом даже в единого Бога, это доказывает следующая надпись на одном храме: «Я есмь Тот, Который есть, был и будет, ни один смертный не приподнимал того покрывала, которое покрывает Меня». Даже христиане могли ли найти более точную и лучшую надпись для храма Божия, как эта?

Когда испанцы старались утвердиться в Америке и стали позволять себе некоторую тиранию в отношении туземцев, то однажды глава американского народа явился к ним и обратился с такой обвинительной речью: «Вы, мудрецы, хотя и сильнее нас, но Великий Дух, который там, наверху, некогда накажет вас за ваши несправедливые дела». Этих двух примеров достаточно для того, чтобы доказать, что даже самые дикие народы имеют веру в Бога. Но то, в чём согласны все, не может быть ложью. Если же поэтому в настоящее время и появляются

ещё в значительном количестве ученые и неученые, неверующие и атеисты, то это ничуть не должно сбивать нас с толку, ибо они имеют против себя свидетельство истории.

Пётр. Если же некоторые отвергают бытие Бога, то это потому, что дурно живут и ничего доброго от Него не ожидают.

Священник. Пословица говорит: «Каково твоё сердце, таков и твой Бог», – потому-то Бог и делается так часто предметом насмешки. Испорченное сердце человека составляет для себя своё собственное понятие о Боге, а потому Бог так часто и является предметом насмешки. Отсюда происходит то, что одни представляют себе Бога, как Существо, Которое о мире и его обитателях совсем не заботится, а другие приписывают Богу свойства Милостивого Отца, Который никогда не наказывает.

Фома. Это, к сожалению, правда: стоит только испытать своё собственное сердце, и нам необходимо будет сказать, пока я живу честно, до тех пор не приходит мне в голову никакое сомнение в бытие Бога и Истинного Существа. Но как только я начинаю жить дурно и удаляюсь от Бога, тотчас же являются во мне и религиозные сомнения, и я стараюсь тогда всё дальше и дальше гнать от себя всякую мысль о Боге и вечном воздании.

Священник. Так именно это и бывает. Завтра вечером я покажу, что неверующие всё придумали для того, чтобы не верить в Бога. Итак, завтра мы снова увидимся и ещё побеседуем. Храни вас Бог!

Четвёртый вечер. Чтобы не веровать в Бога, необходимо веровать во всё

Когда снова явились к священнику оба собеседника, Фома начал свою речь в самом сердечном и любовном тоне таким образом:

– Прежде, чем вы, батюшка, начнёте своё наставление, я должен рассказать вам об одном в высшей степени странном происшествии! В последнее воскресенье пришёл в нашу деревню из города один столяр. Пришёл он рано, до богослужения, но в храм не пошёл; и в то время как люди были в церкви, он гулял на свободе. Потом, после обедни, он зашёл в нашу гостиницу и здесь показал себя, какого он взгляда на религию. Между прочим он сказал: «И я верую в Бога, но, конечно, не в такого, в какого веруете вы, глупые люди. Вы ищете вашего Бога в церкви и здесь Ему поклоняетесь. А мой Бог не заключен в стенах храма. Он вне их. Он в природе. Природа сама есть бог, – сказал он, – всё – бог». Что скажете на это, батюшка?

Священник. Кто же может поверить такой глупости? Нужно слишком много требовать от человечества, чтобы оно уверовало, что всё – Бог. Неверующие атеисты измышляют всевозможные нелепости для того, чтобы оправдать своё неверие в личного Бога. И потом предлагают другим принимать этот бред за истину.

Пётр. И необходимо так веровать, если держаться учения неверующих.

Священник. Да, ещё гораздо более, чем мы веруем в истины нашей святой веры. Поэтому нынешний вечер я решил говорить на тему: неизбежно нужно веровать во всё, чтобы не веровать в Бога.

Неверующие любят смеяться над нашей христианской верой и думают, что было бы слишком много требовать от человека, чтобы он веровал во всё, то есть признавал бы за истину всё, чему учит христианство. Но послушаем, как

неверующие способны требовать от людей верить во всё. Если стать на их сторону, то необходимо уверовать:

1) Всё есть Бог. Вся природа, всё человечество есть Бог, как сболтнул наш столяр неверующий. Какая же глупость лежит в этом утверждении: всё есть Бог! Ведь это был бы какой-то странный Бог и так же мало заслуживал бы название Бога, как кусок дерева или камня, ибо Бог есть Существо, Которое существует само по себе – Самобытен, следовательно, не обязан Своим бытием никому другому. Если бы теперь весь мир был признан богом, то тогда этот бог необходимо должен был бы быть сотворённым другим Богом – ибо мир (и всё в мире, как мы уже слышали) подвержен постоянному изменению. А что изменяется, то необходимо должно иметь начало, происхождение, следовательно, не может существовать из себя и через себя. Если бы всё человечество было Бог, то какой же жалкий и несведущий, какой плохой и немощный был бы бог! Ни одной былинки не мог бы сотворить этот бог, не мог бы определить ни времени, ни солнечного света, ни дождя, а ещё менее времени смерти и жизни человека. Если бы человечество было бы богом, тогда не было бы никакой разницы между людьми, тогда талантливый и слабоумный были бы одной и той же личностью, тогда и высокий праведник, и пошлый преступник оценивались бы одинаково. Если бы совокупность человеческого общества была богом, тогда бог был бы виновником всяких глупостей и злодеяний, которые уже совершены людьми и впредь будут совершаться.

И какие последствия должно иметь это учение, называемое пантеизмом, собственно для человеческого общества? Если всё Бог, тогда и всё одинаково хорошо, тогда нет разницы между добрым и злым, между добродетелью и пороком. Если всё – Бог, тогда нет для отдельного человека никакой свободной воли, никакой совести и человек должен действовать так, как он действует. Отсюда следует, что позволительно всё, и самые величайшие пороки и преступления, что о вине и наказании не может быть и речи. Если тебя кто-нибудь обкрадёт, ограбит, убьёт, если другой поджигает твой дом или взрывом бомбы много людей погубит, то всё это, по учению пантеизма,

ненаказуемо. Куда зашли бы мы, если бы этим учением стали руководствоваться? Тогда человеческое общество распалось бы на два враждебных лагеря, которые стали бы истреблять друг друга, и именно во имя пантеистической религии, которая позволяет это.

И вот это безумное зловредное учение пантеизма должно быть, как думает берлинский философ Гартман и другие его последователи, сокровенной религией будущего. Этот неверующий своей философией бессознательно приглашает нас искать всё в здешней жизни и в то же время доказывает нам, что здесь найти ничего нельзя. Таким образом, мы должны искать Бога в здешней жизни, и, однако, Он никогда не может быть найден! Но так глубоко человеческий ум заблуждается всегда, когда он удаляется от Бога, когда он отрицает Его.

Пётр. Как, однако же, жалки люди, которые, несмотря на высокие духовные дарования, не хотят признать Того, Который так легко познаётся из Его творений! Эти неверующие заставляют нас веровать в такие вещи, несообразность которых ясна как день Божий.

Священник. Но они морочат нас ещё хуже. Чтобы отвергнуть Всемогущего Бога, неверующие говорят:

2) Всё произошло из первоначального вещества. Первоначально не было ничего, кроме материи, то есть беспорядочной хаотической смеси веществ, которые затем отделились друг от друга и образовали весь видимый мир. – Случайно, без руководства Высшего Существа, отсюда возникли и земля, вода, растения, животные, даже мыслящий человек, эта первоначальная материя носила в себе зародыш для всех живых существ, и, таким образом, всё произошло само собой. Это учение называется материализмом.

Часто книги рассказывают малым детям сказки, то есть о таких вещах, которых не существует. Или о таких действиях, которые не совершались и неправда которых видна уже с первого взгляда. Такая же сказка есть и то утверждение, что всё произошло из первоначальной материи. Но ведь эта первоначальная материя (атом) есть мёртвая масса, и из неё-то якобы возникли и живые существа, растения, животные и даже

сами люди! Кто может этому поверить? Известный Геккель старался это безумие защищать и распространять. Но он был посрамлён и основательно опровергнут, и опровергнут даже такими учениками, которые тоже не были верующими. Они привели веское доказательство того, что живое существо никогда не возникает без семени или зародыша. Они убедили даже, что те маленькие животные (инфузории), которых нельзя видеть одним простым глазом, никогда не возникают из безжизненного вещества, а непременно через расположение из зародышей.

Если, таким образом, и самое ничтожное живое существо никогда не возникает из безжизненной материи, как первого вещества, то каким же путём мог произойти человек с его духовными качествами? Эти неверующие утверждают, что первая материя носила в себе зародыши для всякого живого существа. Но земля первоначально находилась, как утверждают все естествоиспытатели, в состоянии, расплавленном огнём, что исключает всякие зародыши и всякое условие для жизни. Отсюда необходимо предположить, что зародыши и семена Кем-то другим заложены были в землю после того, как она уже остыла. Кто же это другое Существо?

Пётр. Ответ, кажется, ясен, но гордые атеисты не решаются и не хотят дать на этот вопрос правильный ответ. Они скорее выдумывают самые нелепые вещи, чтобы не называть только имени «Бог». Эти господа, во всяком случае, и сами не верят тому, что они выдумали своим умом, чтобы отвергнуть Бога; они рассчитывают только на то, чтобы лишиться истинной веры глупый народ, как они его называют, и сделать его несчастным во времени и вечно.

Фома. Новейшие учёные стараются обойтись без Бога.

Священник. Да, наши теперешние учёные избегают Бога, потому что они имеют все причины Его бояться. Они походят на братоубийцу Каина, который беспокойно блуждает по миру, ибо злая совесть не давала ему покоя. Точно так же блуждают и наши неверующие ученые в своих, так называемых, научных исследованиях, измышляя одну сказку за другой, чтобы отвергнуть Бога.

Послушаем, что они ещё придумали относительно происхождения человека, чтобы дать новое основание к непризнанию Творца, именно они говорят:

3) Человек произошёл от обезьяны.

Пётр. И это недурно. Если эти учёные желают иметь своим прародителем обезьяну, то мы предоставляем эту честь и удовольствие им самим – а мы покорно благодарим их за такое родство.

Фома. Ты, кажется, до сих пор об этом ещё ничего не слышал, а я защиту этого учения слышал в социал-демократических собраниях и читал в их сочинениях. Послушаем, что скажет об этом батюшка.

Священник. Мы устраиваем в видимом творении постепенное развитие. Есть творения, которые не имеют никакой жизни и никакого чувствования, как, например, минералы. Есть творения, которые хотя и имеют жизнь, но не имеют никакого движения, каковы растения. Есть, затем, творения, которые имеют движение, но не имеют духовной разумной деятельности, каковы животные; есть, наконец, творения, которые обладают и жизнью, и движением и одарены духовными способностями, каковы люди и Ангелы. Эта чудная градация и постепенность, и гармонический порядок в природе дали основание англичанину Дарвину утверждать: всё в природе произошло и устроилось само собой, каждое высшее существо само собой развилось из низшего; следовательно, из бездушной материи явились растения, из растений – животные, из животных – люди. Эту теорию, или лучше – этот бред, называют дарвинизмом. Один швейцарец по имени Карл Фогг, недавно только умерший, со всей энергией устремился на эту, весь мир расшевелившую находку или открытие человеческого исследования и на весь свет протрубил: «Теперь мы, ученые, нашли философский камень мудрости – человек произошёл от обезьяны». Но эти господа слишком рано торжествовали. Теперь ни один истинно образованный человек уже не верит в эту обезьянью теорию, и только глупые головы и нравственно испорченные люди подогревают её, потому что желают и жить подобно животному, и закончить жизнь как животное.

Пётр. Я припоминаю кое-что, чем подтверждается сказанное сейчас вами. Не очень давно я был в местечке X в гостинице, где сидели различные гости, большей частью жители этого местечка. Между другими был там и староста этого селения и сидел за столом во главе компании. Зашла речь о религии, которая в этом местечке была не на высоте. Касались здесь, естественно, священников и проповеди и, естественно, смеялись над ними и порицали. В это время, когда все спорили, кричали и шумели, староста ударил своим тяжелым кулаком по столу и воскликнул: «Молчать! И я скажу вам, что человек происходит от обезьяны!»

Фома. Если это сказал этот староста, то нечему удивляться – ведь всем известно, какую он ведёт жизнь.

Пётр. Ему, во всяком случае, было бы желательно, чтобы человек был высшим животным, так как тогда он не боялся бы никакой ответственности за гробом.

Священник. Эта обезьянья теория стала теперь самым заржавевшим железом. Ибо во имя позднейшей науки недавно умерший в Берлине совершенно неверующий представитель её, профессор Вирхов, публично, перед лицом всего мира заявил: «Мы не можем так учить, мы не можем защищать как открытие науки того вздора, что человек произошёл от обезьяны или от другого какого-нибудь животного».

Этим неверующим профессорам, конечно, было бы желательно, если бы они могли представить доказательство того, что человек действительно развился из породы обезьян. Бесчисленное количество промежуточных членов должно было пройти между человеком и обезьяной. Должны бы ещё где-нибудь оказаться и следы от них, как находят следы многочисленных отживших животных и растений в земле. Но все труды и усилия были тщетны. Старались добраться до этого и по древним, пред- и послепотопным черепам, которые должны бы представлять промежуточную ступень между теперешними человеческими и обезьяньими черепами и тем доказать, что переход обезьяны к человеку существовал. Но такого черепа не нашли нигде. Напрасно мы искали, говорит Вирхов, эти промежуточные переходные члены, которые

должны бы прямо указывать на связь человека с обезьяной. И этот же ученый говорит, что в течение пяти тысячи лет не было никакого названного изменения типов в строении черепа. Если же, таким образом, в продолжение пяти тысячи лет черепа обезьян и людей остались одни и те же, то есть достаточное основание заключить, что они такими же были и прежде. Научным образом доказано, что из бездушной материи, без семени никогда не выходит никакого живого существа, что растение производит опять только растение, что живое порождает только животное, но всегда одной и той же породы. Животное размножается только в границах своего рода, так что, например, из смешения лошади и осла, хотя и возможен потомок, но эти потомки не могут уже размножаться. Таким образом, неверующие жестоко ошибались и в этом отношении, если они думали таким учением, так сказать, покончить с Всемогущим Творцом неба и земли. Учением о том, что каждое существо развилось само собой из другого существа, и что человек произошёл от подобного ему животного – обезьяны нисколько не опровергает существование Бога.

Пётр. Мы благодарим за интересный нынешний урок. Теперь мы знаем, что делать, когда будем слышать, что всё – Бог, что всё произошло из первоначальной материи, что человек выродился из обезьяны.

Фома. Хотя и выпало на мою долю вести свою жизнь среди труда и забот, однако я горжусь тем, что я человек, а не животное.

Пятый вечер. Что есть человек?

Сегодня был похоронен при участии всего общества один юноша, который по болезни вышел из военной службы. По этому поводу, когда оба свояка вечером пришли в дом священника, то начали они рассуждать между собой, что смерть слишком рано скосила юношу, что ему следовало бы ещё долго жить на свете. «Что есть человек? – воскликнул Пётр, – едва только начинает он жить, как уже наступает смерть!» – «Сегодня жив и здоров, а завтра смерть, – сказал Фома. – Однако люди крепко привязываются к этой жизни и часто совсем не думают, как быстро она проходит».

Священник. Но вопрос: «что есть человек?» – имеет и другой смысл, кроме того, который вы ему сейчас придали. Выражение: «что есть человек?» – может иметь и такой смысл, как высоко стоит человек в сравнении с животными и со всем вообще творением! Этот вопрос в настоящее время очень важен и уместен ввиду того, что есть люди, которые охотно низводят себя на степень, как мы говорили в прошлый раз, животных. Вот почему я думаю сегодня говорить о высоком достоинстве человека.

Фома. Это, правда, очень часто приходится мне слышать, что человечество есть только высшая порода животных, а потому каждый должен наслаждаться одной здешней жизнью.

Священник. Я буду доказывать противное, я положительно заявляю, что человек более чем животное. Правда, у человека есть нечто от животного, но он имеет нечто и от Бога. Что делает его подобным животному, даже может низводить до степени животного – это тело. Но что ставит его далеко выше животного и существенно отличает от животного – это душа или дух, жизненное начало в человеке. Посмотрим поближе на человека и животное, какая представляется нам здесь разница! У человека замечаем мы, как он с течением времени всё идет вперёд и развивается, тогда как животное всегда остаётся на одной и той же ступени. В питании и поддержании жизни человек умеет делать всё новые и новые изобретения,

совершенствуется в кулинарном и врачебном искусстве. У животного в этом отношении наблюдается полный застой. Собака грызёт доставшийся ей кусок мяса в таком виде, как она получила, она не умеет лучше приготовить его, придать ему более изящный вид. Она и сего дня жрёт свой корм так же, как тысячу лет назад, она не продвинулась в этом отношении ни на один шаг. То же различие усматриваем мы и в отношении к одежде и жилищу. Человек изобретает всё новые и новые материи для своей одежды и приспособливает её к своему телу, открывает всё новые и новые моды и формы. У животного же, напротив, всегда одна и та же одежда, какую дала ему природа. В то время как человек обнаруживает в постройке своего жилища большое искусство и разнообразие с течением времени, всё более и более совершенствуясь в архитектурном искусстве, животное prepares себе, согласно своему инстинкту, и теперь то же самое жилище, как и тысячу лет назад. – Какое величественное развитие человек показывает затем в пении и музыке! У животных всегда одни и те же приёмы и мелодии – о самостоятельных успехах здесь не может быть и речи. А что придётся сказать, когда мы устремим взор свой на область человеческих открытий и изобретений? Как далеко ушёл человек здесь, начиная с водяной мельницы до паровых машин со всеми их бесчисленными искусными приспособлениями! А открытие электричества и применение его при телеграфе, при телефоне, при свете! Где увидим мы что-нибудь подобное у животных, хотя бы только в самой ничтожной степени? Никогда ничего подобного не совершали и самые совершенные из животных – обезьяны. И после этого нам говорят такую смешную речь, человек есть не более как животное!

Пётр. Самая резкая противоположность существует между человеком и животным, и эта противоположность имеет своё основание в том, что у человека другая душа, чем у животного.

Священник. Человек имеет духовную душу, тогда как животное таковой не обладает, а потому не может делать никакого движения вперёд и дальнейшее развитие для него недоступно. Прогресс или движение вперёд возможно только

там, где есть разум и свободная воля, которых, как известно, у животных нет. Человек может познавать вещи, составлять о них понятия, постигать духовные предметы и делать их предметом размышления, он имеет самосознание, между тем как животное к этому не способно. У него нет самых простых понятий, оно не знает, например, что такое Бог, что такое добродетель, оно не имеет никакого представления о добром и дурном, о прекрасном и отвратительном. Животному не доступно хотя бы самое простое счисление. Если о том или другом животном говорят, что оно может считать или уметь движением головы правильно отвечать на предлагаемые вопросы, то это не что другое, как механическая дрессировка, без всякого внутреннего понимания. Когда спрашивают их иначе, предлагают им вопросы не в той форме, как они предлагаемы были им при дрессировке, то получают от них ответы или совершенно неправильные, или же не получают никаких. Как существенно отличается человек от животного своим разумом, так и своей свободной волей. Человек может хотеть, то есть, он может делать свободный выбор того или другого, самостоятельно решаться на то или другое известное действие. Он может, например, когда чувствует голод, взять себе пищу и отказаться от неё. Животное же не может этого сделать, по крайней мере, само собой. Случается, что собака воздерживается от куска мяса или хлеба, хотя и чувствует голод. Но это делает она не по внутреннему своему решению и соизволению, а потому что глаза хозяина принуждают её к такому поступку. Когда же нечего бояться, то она с жадностью набрасывается на этот кусок и не в состоянии уже противиться своему желанию. Животное решается, или лучше, – вынуждается действовать так или иначе под внешним давлением или силой инстинкта, тогда как человек действует так или иначе по внутреннему своему решению, по желанию своей воли. То, что человек думает, чего он хочет или не хочет, он может потом выразить словами, языком. И этим он снова, самым существенным образом, отличается от животного. Животное чувствует радость и скорбь и тоже выражает ввне своё чувство радости и скорби, но животное не имеет никаких мыслей, а потому и никакого языка. И если рассказывают о

попугаях, что они говорят, то это нельзя назвать языком, способностью говорить – это простое обезьянство, добытое путём дрессировки, механическое подражание человеческому языку. Человек же, напротив, и на самой низшей ступени развития всё-таки обладает языком, и этот язык есть выражение ума.

Пойдём теперь дальше в нашем вопросе, что есть человек? Я говорю, человек есть царь творения, то есть он господствует над всем видимым творением. Уже один наружный вид человека указывает на то, что он владыка и царь. Между тем как животные опускают свой взор вниз, человек поднимает его вверх, чтобы всему, так сказать, видимому миру заявить, я рождён для высшего, горнего мира, мне подчинена вся видимая тварь. Все положение его тела указывает, таким образом, на то, что человек назначен быть господином всей остальной твари. Затем, совершенно особенного устройства и рука человека, которая также делает человека господином твари. Что же может сделать рука человека, чтобы господствовать над тварью, чтобы дать ему превосходство и власть над всем сотворённым? Представьте себе, например, величественную выставку индустрии и вы получите достаточное доказательство того, что человек в состоянии достигнуть всего. Но человеческая рука не могла бы достигнуть этого, если бы ею не руководил мыслящий разум. Вот почему я говорю: как царь творения, человек заявляет себя в особенности своим умом, своей свободной волей. Своим умом и энергией своей воли он подчиняет себе всю неодушевлённую и одушевлённую природу. Он умеет удобрить и сделать плодоносной землю и извлекать из неё свою пользу. Он проникает в глубины земли и достаёт оттуда то, что имеет большую ценность. Он проезжает моря и исследует их страшные глубины. Посредством инструментов, он наблюдает за звёздным небом, открывает новые небесные тела и вычисляет их взаимное расстояние и скорость движения.

Затем посмотрим на одушевлённую природу. Где такое животное, над которым он не мог бы быть господином, хотя бы оно и слишком сильное, и слишком злое? Лев, слон, кит, удав и все подобные великаны укрощаются и обуздываются

человеком. Не есть ли это убедительное доказательство того, что человек выше животного? Есть ли такое животное, которое в состоянии было бы, хоть в самой незначительной степени, достигнуть чего-нибудь подобного? Пусть употребят всё старание и все средства к воспитанию обезьяны, которая более всего похожа на человека, всё-таки она никогда не дойдёт до человека. Один только человек есть и навсегда останется царём видимых тварей.

Пётр. Но на многих из людей оправдываются слова Писания: *«человек в чести сый не разуме (как высоко Бог поставил его над всем преходящим) приложися скотом несмысленным и уподобися им»* (Пс.48:13).

Священник. Ваше замечание совершенно верное. Но человек ещё более того, что я сказал. Я говорю, человек есть господин себя самого, то есть он может господствовать над самим собой. Он может низменному, животному человеку, в нём живущему, сказать: ты не должен быть учителем, ты должен подчиняться душе. Он может своим страстям и дурным наклонностям повелеть доселе и не далее. В этом отношении прекрасно говорит один из учителей Церкви: «В человеке живёт свойство зверя, почему он, как животное, имеет способность чувственного наслаждения, но вся человеческая природа не поглощается животной, а возвышается сама собой над животной стороной и подчиняет её себе. Что облагораживает человека и возвышает его до свойственного ему достоинства – это разумный дух, последний сообщает ему собственно человеческий характер и отличает его по его существу от зверя».

Фома. Я припоминаю, читал как-то в одном листке, что известный доктор Р. в одном либеральном собрании в Мангейме (14 января 1894 года) утверждал, что о господстве духа или души над телом не может быть и речи. Это не подлежит, по его мнению, сомнению; и каждый путём наблюдения над собственным телом может убедиться, что скорее дух зависит от тела, от материи, а не наоборот.

Священник. Это хорошо, что вы обращаете внимание на это возражение. Есть, в самом деле, люди, которые настолько

поработили себя плоти, своей животной стороне, что они уже не могут думать о господстве духа над плотью. Но для нас совсем не важно то, что утверждают и какие наблюдения делают над своей плотью такие люди, ибо их утверждения недоказуемы и их наблюдения не могут служить мерилom для нас. Если мы хотим узнать человеческую натуру в её истинном существе, то мы не у тех должны осведомляться, которые привыкли жить так, чтобы человек был только животным. Нет, мы должны искать этих сведений у тех людей, которые ведут жизнь достойную человека. И здесь каждый скажет только да, это правда, что человек может быть господином над своим телом, если он захочет этого. Сегодня воскресенье, и вы оба сегодня утром, наверно, были очень утомлены, так как всю минувшую неделю провели в напряжённом труде. Вы, может быть, хотели подольше воспользоваться покоем, но так как сегодня воскресенье, то вы, как христиане, вспомнили о вашей религиозной обязанности, а потому рано поднялись с постели, чтобы пойти в церковь к богослужению. Кто же теперь оказался господином – ваше тело или дух? Ответ будет труден. Сотни и тысячи других случаев показывают, что дух может господствовать над телом, если захочет. Нужно только, конечно, захотеть.

Теперь, что касается наблюдений над собственной плотью, которые делал доктор Р., то я согласен, что его дух действительно зависит от материи. Каким образом может быть иначе у человека, который думает, что он не более как животное? Что может заставить его воздержаться от того удовлетворения страсти, которого требует его низменная, животная природа? Что может наблюдать такой животный человек об отношении тела к душе вообще, это не может служить для нас мерилom истины. Посмотрим лучше на учение и пример великих духовных людей и у них поищем наставления. Эти последние не только учат, что дух может и должен господствовать над телом, но и сами суть живые доказательства этой истины. Припомним наших святых, которые путём продолжительных подвигов и борьбы так подчинили плоть свою духу, что нечистые страсти и похоти не могли уже

более вредить им. Если же это было возможно для святых, то возможно для всех. Да, человек настолько господин самого себя, что он даже может налагать свою руку на свою собственную жизнь, чего, как известно, не бывает ни у какого животного.

Тот есть самый низкий раб, кто позволяет своей плоти и её низменным инстинктам господствовать над собой. Истинно свободен только христианин, который по требованию своей религии подчиняет свою плоть господству духа и свою душу господству Бога.

Шестой вечер. Правда ли, что смертью всё кончается?

Фома. Сегодня я должен вам, отче, ещё раз сказать, как идёт жизнь на нашей фабрике. Вы не поверите, какие ведутся здесь разговоры и какими речами тут обмениваются. Если кто имеет ещё веру и старается жить по своему религиозному убеждению, то он едва может выносить это нечестие и безбожие своих сотоварищей. Кровь бросается у него в голову. Если же он покажет себя обиженным и оскорблённым, то подвергается жестоким нападениям и все набрасываются на него как драконы.

Священник. Как жаль мне каждого, кто при таких печальных условиях должен зарабатывать себе насущный хлеб. Но ужели невозможно, чтобы все благонамеренные сплотились между собой и общими силами дали отпор этим несносным нападениям?

Пётр. И я то же думаю. Ведь не все же на фабрике такого сатанинского настроения.

Фома. Это правда. Но те, которые сохранили ещё веру, не осмеливаются восстать против большой толпы безбожников. Они боятся их насмешек и презрения. И часто не умеют ничего возражать, когда те изрыгают свои безбожные изречения. Так зашла недавно речь о продолжении жизни по смерти. Тогда раздалось как бы из одних уст: «Мертвец есть мертвец! Когда человек умер и засыпан землёй, тогда всё кончено!»

Священник. Так рассуждают все те, которые живут здесь как животные. Но вы должны знать, кто вы. Сегодня мы займёмся вопросом о том, кончается ли всё со смертью. Весьма печально, что в настоящее время является нужда доказывать такие истины, которые понятны сами собой и которым должен радоваться каждый, если он ещё совсем не погряз в болоте. В самом деле, разве не радостно для человека, если он слышит: со смертью не кончается жизнь человека, но только начинается (то есть надлежащая, правильная, истинная человеческая жизнь). Почему же не радуются этой истине? Почему отрицают ее и говорят: мёртвый есть мёртв? Ответ: потому что живут так,

что приходится бояться продолжения жизни после смерти. Желают, чтоб по смерти ничего не было. А чего желают, в то охотно и верят, хотя слова эти: «мертвец есть мертвец» – звучат ещё такой неуверенностью и невероятностью. Со смертью не кончается все, ибо это доказывает: 1) природа; 2) разум; 3) история.

1) Природа человека доказывает, что со смертью не всё кончается. Природа или существо человека состоит из тела и души. Обе части составляют существо или природу человека, так что о человеке только тогда может быть речь, когда соединены вместе обе части. Обе, следовательно, принадлежат друг другу, но обе, в свою очередь, и различаются друг от друга. Между тем как тело состоит из частей, душа есть существо простое, неделимое, духовное. В теле различаем мы голову, туловище и члены, или другими словами – мы можем тело разложить на части. Возможно ли это и в отношении души? Можно ли и её разделить на части? Ответ: никогда она не может быть разделена на части, но она необходимо должна оставаться, как она есть, и должна оставаться таковой вечно.

Тело человека есть материальное существо, как и другие творения на земле. Душа же, напротив, есть духовное существо, так как она может совершать духовные действия. Она может думать и хотеть. Человек может сказать: «я», он может думать о себе самом; отсюда явствует, что в человеке есть духовная способность познания и поэтому есть духовное существо. Но как нельзя разделить своё «я», так нельзя разделить разум и душу. Душа, следовательно, должна оставаться, как она есть – она бессмертна.

Потом, душа заключает в себе сознание или чувство бессмертия, то есть она совершенно не может помириться с той мыслью, что со смертью для человека всё кончится. Она всегда думает о будущем и взывает в себе: куда, камо пойду я? Каково будет мне после этой земной жизни? От этой мысли о продолжении бытия души не могут вполне освободиться даже сами неверующие – так твёрдо и неизгладимо она заложена в человеческом сознании. Когда однажды один из безбожных друзей сказал Вольтеру, этому известному отрицателю Бога, что

ему, наконец, удалось подавить в себе великий страх перед вечностью, то тот ответил: «В таком случае ты счастливее меня, мне этого ещё не удалось».

Пётр. Мне думается, что неверующие в сердце своём не всегда таковы, какими они часто показывают себя другим.

Священник. Мысль о бессмертии прирождена нам – иначе, откуда явилась бы она в душе нашей, когда она всюду в мире видит только смертное и преходящее? Вот почему один из защитников христианской истины говорит: «Душа в состоянии была носить в себе мысль о бессмертной жизни, потому что она есть разумное, бессмертное существо».

Наконец, душа имеет жажду, потребность постоянного блаженства, ибо каждый хочет быть счастливым, даже и тот, кто налагает руку на свою собственную жизнь. Только в том расходятся между собой отдельные люди, что один ищет своё счастье на этом свете в наслаждении жизнью, в удовлетворении своих дурных наклонностей, а другой же, напротив, желает счастья в другом мире. Следовательно, быть счастливыми желают все, и не на какое-нибудь короткое время, но навсегда, ибо какое это было бы счастье, если бы всегда нужно было бояться, что оно снова может быть потеряно? Откуда это всеобщее стремление к постоянному счастью, если им не наделил нас Сам Бог? Но если Бог вложил эту потребность в человеческую душу, то Он же и должен удовлетворить её. Было бы до чрезвычайности жестоко и несправедливо, если бы Он создал Свои творения со жгучей жаждой постоянного счастья и затем предал бы их, как всё земное и преходящее, вечному уничтожению.

2) Как природа человека жаждет бессмертия, так и разум наш доказывает, что со смертью человека не может быть конца его существования. Он выводит это доказательство из следующего факта: неопровержимый факт составляет то, что здесь, на земле, праведники не всегда получают заслуженную награду, а грешники не всегда заслуженное наказание. И, однако, Бог каждому воздаёт по делам его. Наш разум говорит нам, так как этого на земле нет, то должна быть ещё другая жизнь, другими словами, душа должна быть бессмертна. Далее,

несомненно то, что многие люди не останавливаются перед страшными преступлениями. Но что было бы, если бы люди не имели причин бояться наказания в другом мире? Что могло бы в таком случае удерживать страсти и побуждать человека к борьбе с самим собой? Только мысль о продолжении жизни души в состоянии как должно поддерживать нас в борьбе против зла. Таким образом, со смертью не кончается всё.

Не подлежит сомнению далее и тот факт, что большая часть людей испытывает угрыzenie совести – один более, другой менее. Эти упрёки совести иногда так мучают человека, что он доходит до отчаяния и даже прибегает к самоубийству. Что такое угрыzenia совести, как не коренящийся во внутреннем сознании страх перед вечным воздаянием? Если же есть воздаяние в вечности, то не может со смертью человека прекратиться его существование.

Несомненен, наконец, и тот факт, что при смерти человека им овладевает особенное чувство страха, скорби и ужаса. Откуда эта всеобщая боязнь перед мёртвыми? Откуда это чувство страха перед трупом и даже перед тем местом, где таковой лежал? Ведь не боятся же перед мёртвыми животными! Как объяснить эту противоположность? Наш разум говорит нам, это чувство страха имеет своё глубокое основание в верном предчувствии, что со смертью нашей не всё кончается. Таким образом, и разум убеждает нас, что душа человека после смерти его не перестаёт жить, но продолжает своё существование на всю вечность. Но мы имеем ещё и другое доказательство бессмертия души.

3) История доказывает нам, что со смертью человека для него не всё кончается. Все народы веруют в бессмертие души, в продолжение жизни за гробом. Нельзя указать хотя бы один единственный народ, у которого не было бы мысли о жизни после смерти. Как бы глубоко ни заблуждались и нравственно ни падали иные из людей, однако и для них место по ту сторону гроба всегда имело значение места воздаяния. Даже языческие учёные и те истину бессмертия души не только признавали, но обосновывали и защищали. Так, древний греческий философ Платон, один из основателей идеалистического направления в

философии, в различных местах своих произведений говорит о последних вещах. По его учению, единственно разумным образом живут те, которые заботятся о бессмертии души и делают её безопасной для вечной жизни.

Пётр. Поэтому некоторые древние язычники лучше, чем неверующие нашего времени.

Священник. История особенно подчёркивает нам один культурный народ – египтян. У этого народа особенно ясно и определённо выражено было верование в бессмертие души. В последнее время открывали книгу мёртвых, которая трактует об исходе или переходе в загробную жизнь. По мнению некоторых знатоков, эта книга написана за три тысячелетия до Рождества Христова, а по мнению других – даже ещё раньше. В этой книге приводятся такого рода речи мертвецов: «Хвала Тебе, великий Бог, Господь сугубой правды. Я пришёл к Тебе, моему Господу, я предстал пред лицо Твоей славы». В другом месте мёртвый говорит: «Я опять соединился с землёй. Но заняв место в земле, я не умер для будущего, я – чистый дух для вечности». Как ясно здесь выражена вера в бессмертие души!

Пётр. Что говорили эти древние египтяне о бессмертии души, совершенно согласно с христианским учением о сём предмете.

Священник. Древние египтяне земную жизнь рассматривали вообще как кратковременное странствование, за которым по ту сторону гроба следует целая вечность. Поэтому-то они более заботились о своих гробах, чем о своих домах. Величественные пирамиды, которые заключали в себе гробы египетских царей, существуют ещё и до сих пор, как громкие свидетели того, как глубоко почитали египтяне мёртвых. И они, конечно, так почитали мёртвых и делали такие большие затраты на их памятники, что верили в вечное существование душ их.

Пётр. Такая пирамида есть близ Каира, как я прочитал в одном описании путешествия.

Священник. Верно, я тоже немало читал об этом. Затем история рассказывает о явлении и воскресении некоторых мертвецов. Это такие факты, которые ставят нашу историю вне всякого сомнения. О них следует сказать, что если бы

совершился один единственный только случай явления или пробуждения мёртвого, то и тогда мы имели бы уже достаточно иное доказательство того, что душа бессмертна; ибо если одна душа явилась по смерти, то значит, и другие души продолжают жить после смерти человека. Но история сообщает нам, что таких случаев явления душ или пробуждения их к жизни было бесчисленное множество и эти явления происходили в различные времена. Так, Священное Писание рассказывает, что давно умерший пророк Иеремия и только что умерший первосвященник Ония являлись богобоязненному полководцу иудеев Иуде Маккавею, что Моисей и Илия присутствовали при преображении Иисуса на Фаворе. Что при смерти Иисуса многие тела святых усопших восстали из гробов, пришли в святой град и явились многим (Мф.27:52–53). История повествует нам о таких явлениях мертвецов, которые имели место и по вознесении Спасителя на Небо. Так, например, неоднократно являлась по успении Своём Матерь Божия то в соборе апостолов, то во Влахернском храме, то преподобному Сергию Радонежскому. Немало было явлений святых угодников Божиих, например, святителя Николая. Являлись даже и простые христиане, когда молитвенно испрашивалось у Бога откровение об участи того или другого умершего (см. «Письма Святогорца»).

Но история повествует как о явлениях мёртвых, так и воскресении и пробуждении их. В священной истории читаем мы, что царь Саул однажды пришёл к аэндорской волшебнице и потребовал от неё, чтобы она пробудила того, кого он назовёт. Женщина спросила: «Кого же я должна пробудить?» Он сказал: «Самуила разбуди мне». Но прежде чем женщина начала своё волшебство, Самуил уже явился, чтобы возвестить царю последний суд Бога (1Цар.28:7–20).

Подобным образом священная история повествует, что пророк Елисей возвратил к жизни одного мёртвого мальчика, которого не мог воскресить его собственный слуга Гнезий (4Цар.4:34). О воскресении мёртвых, которое совершил Христос Спаситель, я не буду говорить, так как они всем известны. Я желал бы указать ещё на те случаи воскресения, которые

совершены святыми. Их так много, что все невозможно и перечислить, можно привести только одну частичку. Я ограничусь указанием на то, что один проповедник, просвещавший Индию, по одним присяжным актам причисления к лику святых, насчитал двадцать четыре воскресения мёртвых. Что же доказывают эти явления умерших и воскресения их? Ответ: они доказывают, что жизнь человеческих душ продолжается и после телесной смерти человека.

Пётр. Точно так. Пусть неверующие говорят, что хотят, но для меня эти слова: «мёртвый мёртв» – всегда останутся жестокими и лживыми словами.

Фома. Теперь я в состоянии буду дать ответ или отпор моим неверующим и заблуждающимся товарищам, если они снова будут осаждать меня словами: «со смертью всему конец» или «мёртвый есть мертвец».

Священник. Мне было бы очень приятно, если бы вы, Фома отселе как должно укрепились в вашей святой вере и никому не позволяли бы сбивать себя с толку.

Фома. Даю вам моё слово и постараюсь сдержать его. Только ещё один вопрос, что должен отвечать я, если мне скажут, что совсем нет никакой души в человеке, так как никто и никогда не видел её?

Пётр. На этот вопрос ответ нетруден. Такому совопроснику и я ответил бы тоже вопросом и сказал бы ему: «А видел ли свой разум?» Конечно, он ответит: «нет». Тогда я сказал бы ему: «Как ты никогда не видел ещё своего разума и, однако ж, как я думаю, его имеешь, так и душу, хотя её как дух нельзя видеть, тем не менее, однако ж, она существует».

Священник. Это сказано очень хорошо; такой ответ, наверное, заставил бы насмешников замолчать. Да сохранит вас Господь. Завтра мы увидимся снова. Впрочем, по важности этого вопроса нам не мешает посвятить этому завтрашний вечер.

Седьмой вечер. Для чего живёт человек на земле

«Когда наблюдаешь за людской жизнью, полной хлопот и забот, – так начал *священник*, – то можно подумать, что мы сотворены только для этого мира и не имеем никакого высшего назначения. И если затем слышишь распространяемое сейчас безбожное учение о том, будто нет Бога, ни вечности, то невольно утверждаешься в той ложной мысли, что мы существуем только для этого мира».

Фома. Мы хотим небо устроить на земле и отказываемся от него в загробной жизни, ибо богатые делают же свою земную жизнь насколько возможно приятной. В удовольствиях и наслаждениях протекают их дни. Почему же нам не желать того же? Такие и подобные речи слышатся из уст моих сотоварищей.

Пётр. Ты, однако ж, думаю, не позволяешь вводить себя в заблуждение такой болтовнёй? Как христианин, ты ведь знаешь, что мы здесь, на земле, имеем разрешить совсем другую задачу, чем наслаждаться жизнью.

Священник. Уже малое дитя спрашивает: «Для чего существует человек на земле?» На это я кратко отвечу: человек создан не для этого мира, но для другой, лучшей жизни по ту сторону гроба.

1. Человек создан не для этого мира – ибо это противоречит человеческой природе, которая жаждет бессмертия, непрерывного счастья, как мы это слышали в предыдущей беседе. Если бы мы сотворены были только для этого мира, если бы, таким образом, эта земная жизнь была целью нашего бытия, тогда мы были бы несчастнейшим из всех земных творений. Животное бывает довольно, если оно имеет пищу и отдых. Но сердце человека никогда не бывает удовлетворено, если бы даже обладало и всеми благами мира сего. Соломон был, как известно, очень богатым царём и мог пользоваться всем, что только может дать мир и чего только может пожелать естественный человек. И он так и делал, как об этом сам рассказывает. Он предавался чувственным всяким удовольствиям и наслаждениям – однако нашёл себя горько

обманутым. Теперь впал он в противоположную крайность, он стал воздерживаться от вина и посвятил себя мудрости, то есть жажде земной славы и земного величия. Он рассказывает о себе, какие предпринимал он великие дела, какие строил дома и чертоги и насаждал виноградники, какие устроил пруды и фонтаны, чтобы орошать сады и растения. Он рассказывает далее, что обладал слугами и служанками, стадами лошадей, коров и овец в большом количестве, чем все царствующие до него в Иерусалиме. Он собрал серебро и золото, перлы и сокровища всех царей и стран. Он приказывал являться всем певцам и певицам, чтобы доставить себе удовольствие сынов человеческих. Кратко – он превосходил своим богатством и роскошью всех, которые до него были в Иерусалиме. И при всём этом (наслаждении) не оставляла его и мудрость, то есть высшие идеалы оставались при нём. Всё, чего бы не пожелали глаза его, он не отказывал им. Не возбранял сердцу своему никакого веселья, потому что сердце его радовалось всему, чем обладал он. *«И оглянулся, – говорит он, – я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, всё – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!»* (Еккл.2:11).

Но против того, что человек назначен только для этого мира, восстаёт и всякое разумное мировоззрение. Кто стал бы трудиться и ревновать о добродетели, если бы для всех вообще людей жизнь оканчивалась со смертью? Кто стал бы ещё ограничивать себя и удерживать свои страсти, если бы земная жизнь была единственной целью нашего существования? Это знал уже Соломон, который хотя и соглашался и допускал, что мудрый человек имеет преимущество перед глупым, как свет перед тьмой, но он присовокупил при этом такое знаменательное слово: *«если и меня постигнет та же участь, как и глупого, то какая мне польза от того, что я сделался очень мудрым»* (Еккл.2:15). Он хочет сказать, если человеческая жизнь для всех оканчивается одинаково и по смерти ожидать нечего, то было бы глупо возлагать труд и заботу для того, чтобы достигнуть высшего совершенства. Если настоящая жизнь есть единственная цель нашего

существования, тогда правы те, которые говорят: «Будем есть и пить, то есть наслаждаться жизнью, ибо уже завтра нас не будет». Но далеко ли бы ушли мы, и могло ли бы долго существовать человеческое общество, если бы все стали жить по этому правилу. Следовательно, кто не разучился здраво мыслить, тот необходимо должен сказать: «Быть не может, чтобы человек сотворён был только для этого мира, ибо при этом взгляде на жизнь, право, ведь невыносимо было бы жить в этом мире».

Фома. Тогда было бы именно так, как в социалистическом государстве будущего, где каждый хочет наслаждаться и никто не хочет работать.

Священник. Совершенно верно замечает Фома. Я вижу, что вы мои доводы поняли правильно. Теперь я перейду ко второй части моего доказательства, которое гласит:

2. Человек призван для другой, лучшей жизни по ту сторону гроба, ибо если бы это было не так, то Творец несправедливо и жестоко поступил бы с человеком. Несправедлив был бы Творец, потому что многие не могут пользоваться, наслаждаться земной жизнью. Разумею тех, которые вскоре после рождения умирают или же проводят свою жизнь в бедности, нужде и болезни. И, однако, Бог сотворил этот мир для блага и пользы человека. Человек, значит, в праве веселиться и радоваться, живя среди этого мира. Но где же радость и утеха для тех несчастных? Не должны ли они сказать о себе: «Наша жизнь не стоит того, чтобы называться жизнью? Нашу жизнь следует назвать скорее прозябанием, чем жизнью». Если бы они не ожидали никакой другой лучшей жизни за гробом, то Бог в отношении этого класса людей, которых очень много, был бы несправедлив. Но Он поступил бы с нами жестоко, если бы Он не назначил нас для другой – лучшей жизни за гробом, ибо Он вложил в человеческое сердце жажду бессмертия, и эта жажда напрасно мучила бы здесь человека, лишённого надежды на удовлетворение её. Не было ли бы это жестокостью? Господь сотворил нас с неотразимым стремлением к счастью и блаженству, и это стремление, никогда не оставляющее нас в покое, не получило бы никогда

удовлетворения. Не жестоко ли было бы, если бы Бог лишил его возможности вступить в это владение? О Боге томится и тоскует человеческое сердце, а потому к Богу должно и прийти оно. Никакое другое земное создание не имеет чувства тяготения к своему Творцу, а потому оно никогда и не придёт к Нему. Человек создан для Бога, он должен владеть и вечно наслаждаться Им.

Пётр. Какое же значение имеет поэтому земная жизнь?

Священник. Она есть не что другое, как приготовительная школа для вечности. Это время учения и странствования, когда мы должны учиться и приготовляться для другой, лучшей жизни. Это время великого поста, за которым последует радостная Пасха. Настоящая жизнь подобна морскому берегу, на котором люди приготовляются к отъезду, чтобы плыть на свою родную родину. Хотя и земная жизнь есть великое благо, заслуживающее всяких забот с нашей стороны, однако не в ней состоит высшая цель наша. Земная жизнь имеет значение только как путь, как средство к достижению жизни души. Эта жизнь души есть познание истины и любви к добру.

Пётр. Другими словами, мы должны познавать Бога, любить Его и служить Ему.

Священник. Для этого Он дал нам разум, сердце и волю. Бога должны мы почитать и душу нашу спасать – вот та высокая задача, которая предстоит нам здесь, на земле, вот то высокое благородное служение, которому мы должны всецело отдать себя. Богу должны служить мы, так как Он Сам требует от нас этого служения. Какая честь для нас! Нашей душе мы через это можем доставить вечное счастье. Какая польза для нас! Ибо человек создан, говорит блаженный Августин, для того, чтобы познавать Бога, познавая любить Его, любя, обладать Им – и в этом своём обладании быть счастливым.

О, какой прекрасный вид приняла бы земная жизнь, если бы человек глубоко проникся такой мыслью: я создан для другой, лучшей жизни за гробом! Бога – эту бесконечную красоту и любовь, Бога – это высокое благо и источник всякого счастья, должны иметь мы и наслаждаться Им, не боясь, что мы когда-нибудь можем потерять Его. И это счастье, наверное, будет

нашим уделом, если мы на земле сделаем своё дело, исполним долг свой. Не способна ли мысль эта усладить нам суровую, тяжёлую земную жизнь, сделать удобопереносимыми страдания и лишения, и саму смерть – желательною? Да, Бог, Который хочет быть нашей величайшей наградой в будущей жизни, изливает лучи нашего будущего счастья уже и в эту жизнь и заставляет верующих христиан наперёд, так сказать, узнать то, что приготовлено на Небе. Откуда могло взяться то, что этот бедный работник, на долю которого выпало всю жизнь вести жестокую борьбу с нуждой и лишениями, так доволен своим жребием? Как объяснить то, что бедный больной страдалец так терпеливо несёт крест свой и ухаживающая за ним сестра милосердия не желала бы поменяться своей судьбой ни с каким богачом этого мира? Смотрите, это будущее счастье для этого бедняка в эту плачевную его юдоль бросает, так сказать, свои лучи, подобно как восходящее солнце предпосылает нам свои золотистые лучи. К этому прибавьте ещё такую мысль: я могу не только обеспечивать себе достижение будущего блаженства, но и увеличивать его через каждое доброе дело, которое совершаю из любви к Богу, через каждое безропотное страдание, которое переносу ради Христа моего. Эта та именно мысль, которая уже здесь, на земле, делает верующих христиан довольными и счастливыми, услаждает и делает для них приятными все их трудности, страдания и лишения этой жизни.

Пётр. Да, поистине злодейски поступают те, которые вытравливают у людей святую веру. Это суть величайшие преступники, которым, кажется, не будет за это прощения ни в сей, ни в будущей жизни, ибо они делают свои жертвы несчастными для времени и вечности.

Священник. Кто потерял веру, тот собственно, не знает, для чего он живёт на свете, и для него мысль о другой, лучшей жизни не имеет никакого утешения. Да сохранит вас Бог от такого несчастья.

Восьмой вечер. Человек необходимо должен иметь религию

Пётр. В нашем обществе жил некогда один гражданин, который причислял себя к так называемым просвещённым. Так как у подобного рода людей существует обычай говорить громкие фразы и величаться своим образованием, то из уст и этого мужа можно было слышать такие речи, о которых необходимо было, покачивая головой, сказать: нет, так не говорит истинный христианин. Однажды (я думаю, что это было только вчера) сказал он в официальном собрании: «Религия для глупых людей, для простого народа совершенно необходима, дабы господствовал в обществе и государстве порядок. Но образованный человек может обойтись и без религии, он в ней не нуждается, потому что он знает, что он должен делать». Так сказал он – но немного прошло времени после этого, как позвали его, к всеобщему удивлению, жандармы. Просвещённый человек обвинён был в разного рода мошенничествах и теперь «за клином», как говорят (то есть в заключении). Он, наверное, посерьёзнее поразмыслит о том, нужна ли ему, образованному, религия.

Фома. Что думал о религии этот образованный, это проповедуют теперь как радостную весть для всех без различия. Они говорят: религия не нужна и должна поэтому быть отменена. Ещё недавно читал я в листках следующее положение: изгнать Бога из мозга человеческого есть самая высшая задача социал-демократии.

Священник. Но когда они действуют между простым народом, который желают завербовать в число своих последователей, то делают от этого шаг назад. Тогда говорят они: «Религия есть личное, частное дело, то есть, кто хочет следовать ей, тот может это делать». Если бы они прямо и открыто высказывались о том, что они думают о религии, то у простого деревенского народа они мало бы имели успеха – это они очень хорошо понимают и потому боятся пока открыто проповедовать среди него своё безбожие.

Но действительно ли религия есть нечто излишнее, без чего легко обойтись? Может ли человек жить без религии? Отвечаю, нет, человек необходимо должен иметь религию. Но прежде чем доказывать это положение, я желал бы разрешить другой вопрос, что значит иметь религию? Религию иметь – это не значит только питать в сердце благочестивые чувства, ибо от чувств здесь очень немного зависит. Благочестивые чувства не заключаются в нашей власти, не имеют и цены перед Богом. Кто думает, что он имеет веру, потому что уже при тех или других религиозных упражнениях проникается сладкими чувствами, тот очень ошибается. Это есть не что иное, как пустая чувственность, не что другое, как приятна грёза, мечта.

Равным образом ты ещё не имеешь религии, хотя бы веровал в Бога и участвовал во внешних обрядах или упражнениях религии, ибо религия состоит не во внешности только, но имеет дело, прежде всего, с духовной, сверхчувствительной действительностью, именно с Богом. Иметь религию – значит признавать Бога как Высочайшего Владыку и Господа и исповедовать Его через послушание и любовь. Иметь религию, следовательно, значит признавать свою зависимость от Бога и согласно этому признанию устроить жизнь свою. Иметь религию – значит веровать в Бога, на Него надеяться и больше всего любить Его, и это настроение показывать и в жизни через соблюдение заповедей и через употребление установленных благодатных средств. Словом, иметь религию – значит внутренне и внешне почитать Бога. Из сего достаточно ясно, что религия заключается не во внешних только благочестивых чувствах, но она обнимает всего человека – она занимает и разум, и волю, и сердце человека.

Религия есть дело разума, поскольку человек познаёт Бога и Его совершенства и подчиняет свой разум богооткровенному слову. Кто имеет религию, тот не только верует в Бога и Его откровенное слово, но признаёт, что от Бога происходит всякое благо и всякий дар совершенный и что Бог всем вообще руководит и управляет. Так думал о религии уже древний языческий философ Платон, который так говорит: «Прежде всего, глубочайшим убеждением всех граждан должно быть то,

что боги суть господа и владыки всего, что существует, и всё, что здесь происходит и совершается, совершается по их воле и распоряжению, и что человеческий род всем обязан им».

Пётр. Каким укором служит этот древний язычник столь многим из наших современников, которые называются христианами и, однако, стыдятся употреблять слово Бог, но в крайнем случае умеют говорить только: «судьба, рок, случай», если дело идет об участи и судьбе отдельных лиц или целых народов!

Священник. Но религия есть дело не одного только разума, но ещё более и воли, когда человек подчиняет себя Богу, исполняет Его святую волю, воздаёт Ему честь и славу. Следовательно, ты имеешь религию, хотя бы ты ничего не знал о благочестивых, сентиментальных чувствах, если только ты покоряешь свою волю воле Бога и стараешься служить Ему. Это большое утешение для такого человека, коему незнакомы серьёзное умиление и сладкие чувства. Но этим я не то хочу сказать, что при религии сердце совсем не участвует. Напротив, религия есть и дело сердца, когда человек с радостью предаётся Богу и с воодушевлением делает своё святое дело.

Но истинная религия не ограничивается только внутренним настроением, она обнимает всего человека. И справедливо, ибо человек принадлежит Богу всем своим существом – и телом, и душой. Поэтому и тело должно участвовать в религии, оно должно помогать упражняться в религии. Опыт учит, что те, которые не соблюдают или не участвуют в религиозных внешних обрядах или упражнениях, не имеют истинной религии. Для религиозного человека совершенно естественно и для него составляет потребность выражать своё внутреннее состояние и сердечное настроение во внешних действиях. «Кто намеренно избегает обнаружения благоговения, – говорит один великий духовный человек, – тот не имеет тёплого сердца и религия его не истинна».

Пётр. Что скажут на это изречение наши знатные люди, государственные мужи и чиновники, которые не обнаруживают своей религии ни в каких внешних знаках? Когда слушаешь

их, то и они кажутся религиозными, но вот, по приведённому сейчас изречению, их религия не правая и не имеет цены.

Фома. В настоящее время очень много приходится читать об этических стремлениях, которым предаётся знатный мир. Что это означает? Не новая ли это какая-нибудь религия?

Священник. Напротив, этими стремлениями желают показать, что без религии можно быть нравственным. Следовательно, этим способом хотят объявить все религии ненужными и потому подлежащими отмене. Но без религии нет никакой истинной нравственности, от нерелигиозных людей также мало можно ожидать нравственности, как от дерева со срубленными корнями – плодов. Нравственная жизнь имеет свой корень в религии и от неё получает свою силу и жизнь. Бог есть живой, вечный, нравственный порядок, а потому без Бога нет истинной нравственности.

Я перехожу теперь ко второй части моей беседы о религии. Почему человек необходимо должен иметь религию? По моему внутреннему убеждению, религия необходима для человека:

а) потому что этого желает и требует Бог. Всё – из Бога и через Бога, и без Бога ничего не произошло, что существует. Всё – Его собственность. Если же всё, всё без исключения творение принадлежит Богу, то всё, следовательно, и человек должно служить Ему. Поэтому не без оснований говорят, что Бог всё сотворил для Себя и для Своей славы. В праве ли поэтому человек уклоняться от этого концерта, который всё творение устрояет своему Творцу, и сказать: «я не хочу этого, не буду служить Богу!» Правда, человек имеет свою собственную волю и может разыграть роль противника или спорщика. Но долго ли это продлится? Холодная рука смерти схватит его и представит на Суд Божий, может быть скорее, чем он предполагает.

Но Богу служить – означает нечто другое, чем иметь религию. И это служение Богу есть задача всей нашей жизни, так как мы – Его достояние, Его собственность и в постоянной от него зависимости. Бог имеет святое право на каждую мысль нашего духа, на каждое биение нашего пульса, на каждое движение наших рук и ног. Словом всё, что у нас есть, принадлежит Ему, от первого до последнего момента нашей

жизни. Поэтому Бог вправе требовать от нас постоянного, непрекращающегося служения, то есть мы должны иметь религию в продолжение всей нашей жизни. Таким образом, человек должен иметь религию, потому что этого требует Бог. Но это необходимо и по другой ещё причине, а именно:

б) потому что этого требует собственная польза человека. Человек создан Богом и для Бога. Между всеми творениями он только один имеет познание о Боге, потому что он назначен для Бога. Бог есть цель, к которой он тяготеет и стремится. Как камень, брошенный вверх, снова падает на землю, как член тела, вывихнутый из сустава, болеет до тех пор, пока снова не займёт своего прежнего положения, как магнит всегда обращается к северному полюсу, так и душа человека, если только она нормальна, всегда тянется к Богу. И в одном только Боге находим мы наш покой и удовлетворение. Это знал уже великий дух блаженного Августина, и потому он для нашего назидания оставил нам такие слова: «Не спокойно бывает сердце человека до тех пор, пока оно не найдёт покоя в тебе, о Господи!»

Пётр. Что такое человек без религии?

Священник. Он похож на животное, которое живёт только для этого мира и ничего не знает о высоком. Он есть игрушка своих страстей и похотей. Он есть несчастное существо, которое не знает самого себя, не может понять и других. Он подобен кораблю на море, который несётся с своими парусами без кормчего и компаса, пока поглощенный разбушевавшимися волнами не потерпит крушения и не погрузится в бездну. Человек, который не знает Бога, следовательно, живёт без религии, уже здесь, на земле, наживает себе больше страданий, чем сколько могут причинить ему самые злейшие враги его. А что принесёт ему будущее, когда придёт к концу его земное странствование? Тогда не будут спрашивать тебя: как совершал ты это странствование – как учёный и образованный муж или как простой ограниченный человек? Не будут спрашивать, как провёл ты дни своей жизни – в богатстве или бедности, в пресыщении или голоде? Не будут спрашивать и о том, как много счастья или несчастья имел ты в своих предприятиях? Но

спросят о том, имел ли ты религию, служил ли мужественно и самоотверженно Богу? И, смотря по тому, какой последует ответ, ты перейдёшь в вечную жизнь или в вечные муки. Таким образом, ты видишь, что твоя собственная польза требует, чтобы ты не был равнодушен к религии.

Религия, наконец, необходимо нужна человеку:

в) потому что благо человеческого общества этого требует. Человеческое общество тогда только может существовать прочно и благополучно, когда отдельные члены его имеют религию. Ибо одни законы и постановления, солдаты и полицейские слуги, суды и тюрьмы не могут людей держать в границах. История это очень часто уже подтверждала. Совершенно естественно, что там, где нет вероятности к Богу, нет верности и к человеку. В этом твёрдо убеждён был уже языческий ритор Цицерон, потому он и пишет: «Я не знаю, могут ли вообще существовать и действовать верность и вера и идея справедливости в человеческом обществе, если благочестие (то есть религия) пришла в упадок. Греция и Рим погибли, когда исчезла у них религия, как чувство страха перед святым и божественным. Ни философия (житейская мудрость), ни мирская власть, не могли сохранить от разложения и гибели эти могущественные государства». Вот почему греческий всемирный мудрец Аристотель отмечает культ, то есть религию, как первое и главное учреждение, без которого не может существовать государство. А другой языческий мудрец Платон говорит: «Неведение истинного Бога есть величайшее зло всех государств. Поэтому, кто ослабляет и разрушает религию, тот ослабляет и разрушает основы человеческого общества».

Фома. Ведь эти древние язычники положительно приводят в стыд нас, называющих себя христианами.

Священник. В настоящее время мы видим, какой грозой для человеческого общества являются миллионы недовольных рабочих. Много думают и ломают себе голову об отражении этой опасности путём законодательства и внешней силы. Но без религии нельзя рассчитывать здесь на большой успех. Одна только религия способна утешить и примирить бедных тружеников с их тяжелой судьбой, для этого она указывает нам

на пример Христа, беднейшего паче всех сынов человеческих и среди трудов Своих не имевшего, где главу приклонить, указывает им на небесную награду, которая обещана всем труждающимся и обременённым последователям Христа. Религия возжигает любовь в сердцах, так что люди ради Бога любят и уважают друг друга и повинуются законному начальству. Религия – и это главное – производит в человеке внутренний мир и довольство, недостаток которого большей частью и бывает причиной внешнего недовольства. Этим я отнюдь не хочу сказать того, что религия одна только может охранить человеческое общество от угрожающей опасности. Я хочу только этим указать на то, что без религии все другие средства к спасению мало могут принести пользы. Человеческое общество прочно и долго не может существовать без религии.

Пётр. Слушая эти слова, недоумеваешь, каким образом и там вверху считают религию как противницу государства, задерживают и стесняют ее свободное действие. Если бы стоящие у кормила управления государством как следует уразумели, тогда они должны бы употребить все меры и средства к тому, чтобы поддерживать и содействовать ей, ибо она сама есть самая надёжная опора для самого правительства.

Священник. Известное царское слово «короли» есть ничто без алтаря и креста, но и войско – ничто без религии.

Девятый вечер. Бог Сам открыл Себя людям

Фома. Из вашего последнего положения: человек должен иметь религию – я сделал уже практическое применение, сегодня я имел случай кое-что из сказанного вами сообщить моим сотоварищам. В особенности я показал им, как злополучен человек, не имеющий веры, так как только в Боге можно находить успокоение и удовлетворение; они рассердились и закричали на меня: «Оставь эти сказки у себя дома, мы люди образованные и усердно читаем наши листки, которые говорят нам совсем не то. И мы тоже имеем религию и не изгоняем её, но говорим, что это наше чисто личное дело».

Пётр. Но какую религию? Есть такая религия, которая выражается в следующем знакомом нам высказывании: «Христианин, иудей и готтентот – все веруют в одного Бога».

Фома. Они не хотят знать, что Бог Сам открыл Себя человеку и что христианство есть религия, Богом открытая.

Священник. Как христиане, мы должны крепко держаться того положения, что Бог открыл Себя людям. Чтобы раскрыть и доказать истину, я ставлю вопросы:

- 1) возможно ли откровение Божие?
- 2) было ли оно в действительности?
- 3) необходимо ли и обязательно ли оно для всех?

Итак, я спрашиваю: 1) возможно ли откровение Бога? Каким образом Бог может говорить с человеком, когда Он ведь Дух и не имеет никакого тела? Так подозрительно вопрошает неверующий и думает, что очень разумен и искусен этот вопрос. Отвечаем: если отвергать, как это делают неверы личного Бога, если Богом должно быть всё, что существует, тогда, конечно, невозможно, чтобы такой Бог заговорил с человеком. Но наш Бог есть личный, живой Бог, Который не безучастно и бездеятельно относится к нам и ко всему миру, но печётся и промышляет о нас, людях. Он всем руководит и управляет и в нашем сердце написал Свой закон – закон совести. Этот личный Бог открыл Себя в видимом мире и в голосе совести, следовательно, естественным образом; так что и язычники

могут познавать Его, и никто не имеет извинения в том, если он не знает истинного Бога. Теперь спрошу я, почему этот личный Бог не может и другим способом сообщать нам, людям, истины, давать предписания и законы. Ужели Он, Всемогущий, не может учить и наставлять нас сверхъестественным образом?

Так как, далее, этот Всемогущий Бог промышляет и печётся обо всём и всех, и даже о самых малых и ничтожных существах, то может ли Он человека – этого царя видимых творений – предоставить самому себе в самых важных вещах – в религии и в исполнении возложенных на него обязанностей, его спасение оставить на произвол слепой судьбы и, таким образом, подвергнуть его величайшей опасности? Каким образом тогда существовал бы простирающийся на всё творение Промысел Божий, если бы Он человека в его важных и самых серьёзных вопросах, от разрешения которых зависит его вечное спасение, оставил бы вне Своего внимания? Так как Бог есть Существо Бесконечное, то Он может сообщить людям и такие истины, до постижения которых сотворённый разум никогда не дошёл бы. Потом, так как Бог есть бесконечная любовь, то Он может ближе привлечь к Себе человека и показать ему любовь, сообщив ему сверхъестественные истины и тем привлеки его во внутреннейшее с собой общение. Следовательно, разумный человек никогда не может серьёзно усомниться в возможности откровения Бога, ибо кто верует в живого Бога, должен согласиться, что такой Бог может и говорить людям. Но вопрос о возможности откровения перестаёт быть практическим, коль скоро доказано, что Бог открывался человеку. Спрашивается поэтому:

2) Происходило ли откровение Бога на самом деле? *«Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне» (Евр.1:1–2).* Что говорит здесь апостол, это подтверждает и история, именно: что Бог *«многократно и многообразно»* говорил к людям. У всех языческих народов находим мы следы древнего первоначального откровения, которое было уделом прародителей в Раю. Мы не находим ни одного народа, который до такой степени был бы груб и дик, чтобы мы из его веры и его

религиозных обычаев не могли усматривать остатков и следов прежней утерянной истины. Древние языческие философы, как например: Аристотель, Платон, жившие задолго до Рождества Христова, – отмечают своё учение о богах как древнее, священное предание, как остаток древней мудрости, которое справедливо считали за Божественное откровение.

Пётр. Эти древние язычники, стало быть, признавали, что Бог говорил к людям.

Священник. Хотя языческие народы и были, как видим мы, погружены в многобожие и грубое идолопоклонство, но отсюда ещё отнюдь не следует, что их предки ранее не почитали единого истинного Бога, ибо, несмотря на все заблуждения, у них всё-таки оставалась вера в вечное воздаяние, сознание их вины и заслуженности наказания, жажда и стремление примириться с божеством и умиловить его посредством жертвоприношений. Откуда, спрашивается, эти религиозные отголоски и обычаи, если не из первоначального откровения, следы которого оставались у них, переходя от одного поколения к другому.

Пётр. Если Бог Сам непосредственно беседовал с первыми людьми, то что удивительного, если то, о чём говорил им Бог, долго сохранялось в памяти людей и получило широкое распространение.

Священник. Но Бог не один только раз говорил людям, а много раз и различным способом. Вот почему мы встречаем обыкновенное откровение у одного народа, который назначен носителем богооткровенной истины и от которого должны были учиться и заимствовать и все другие народы. Это израильский народ, который Бог избрал Себе как орудие для осуществления плана Своего домостроительства, через сверхъестественное откровение. Когда этот народ неоднократно удалялся от Бога, Он посылал пророков, которые должны были своей обличительной проповедью вызывать у них раскаяние и снова обращать к Богу, возвещать им гнев и наказание Божие и предсказывать о будущем пришествии Спасителя. Эти-то предсказания и служат ясным доказательством того, что Бог действительно открывался и через этих мужей говорил к людям.

Ибо каким, например, образом пророк Давид, который жил за тысячи лет до Рождества Христова, мог знать, что грядущий Спаситель осуждён будет на такие страшные страдания, что Он похож будет не на человека, а на червя, раздавленного в прахе? Каким образом он мог знать, что будут прободены у Него руки и ноги, разодрана на части Его одежда, и что об этой одежде будут метать жребий?

Пётр. Этот факт нельзя объяснить иначе как сверхъестественным откровением Самого Бога.

Священник. К этому же результату мы придём, если ближе рассмотрим пророчество Исаии. И этот пророк, за семьсот лет живший до Рождества Христова, многое говорил о будущем Христе с такой ясностью и точностью, что можно подумать, что это нам говорит Его современник. Каким образом мог знать этот пророк, что, например, будущий Спаситель родится от Девы, что Он будет исцелять слепых, немых и глухих. Откуда он мог знать, что этот Спаситель вследствие Своих страданий не будет иметь ни вида, ни доброты, что Он сделается презреннейшим и уничиженнейшим более всех сынов человеческих.

Пётр. Всё это ясно доказывает нам, что Бог в самом деле открывал Себя людям.

Священник. Напоследок же Он говорил нам через Своего Сына (Евр.1:2). Если Христос есть Сын живого Бога – а в этом, как увидим мы ниже, ни один разумный, честно ищущий истину человек не может усомниться – то Бог поистине говорил нам, людям. Откровение, следовательно, на самом деле было.

3) Но есть ли оно необходимо и обязательно? Правда, некоторые религиозные истины, как например: бытие Бога, бессмертие души, свободу воли, – человек может постигать и своим собственным умом. Правда, что человек имеет в глубине души своей голос совести, то предостерегающий и бичующий, то одобряющий и поощряющий, который говорит, что человек должен будет дать во всём отчёт Богу. Но очень немногие таким путём могут достигать истинного познания Бога и верного исполнения своего долга! Да и эти немногие, может быть, только в последние дни своей жизни и после многих заблуждений приходят к цели. Вот почему было необходимо,

чтобы Бог сверхъестественным образом открылся и научил бы людей и тем истинам, которые они не могут постигнуть своим собственным умом. Сами древние язычники чувствовали слабость и недостаточность человеческого разума для того, чтобы верно рассуждать о высших и конечных вопросах жизни. И они также спрашивали себя, что такое человек? Для чего он существует? И что с ним будет? Но должны были сознаться, что сами собой, то есть, с помощью своего только разума, они не могут прийти к желанному результату в решении этих вопросов. Когда однажды философ Платон погрузился в глубокое размышление об этом, то написал следующие замечательные слова: «Мне кажется, что самое лучшее в данном случае спокойно ожидать, не придёт ли кто-нибудь с неба и не научит ли нас, как мы должны смотреть на человека». А его учитель Сократ говорит: «На обломках истории должны мы плыть по бурному морю этой жизни, если нет верного безопасного пути откровения, которое является для нас парусом, не боящимся никакой бури». Смотрите, как ясно сами языческие мудрецы сознавали необходимость откровения!

Пётр. Только тогда человек мог быть вполне уверен и стать выше всякого сомнения в известных вопросах, когда Сам Бог сообщил о сём.

Священник. Да только тогда человек решается в самых трудных случаях на героическое исполнение своего долга, когда Сам Бог изрекает обетование или угрозу. Почему миллионы мучеников жертвовали своей жизнью при невыразимых мучениях и страданиях? Потому, что они знали слово Господа Бога: *«кто потеряет душу свою ради Меня, тот спасёт ее»* (Лк.9:24). Почему больной в своих почти невыносимых страданиях до конца их переносит с удивительным терпением? Потому что ему известны вышедшие из уст Самого Бога слова: *«претерпевший же до конца спасется»* (Мф.24:13).

Но это сверхъестественное откровение необходимо ещё и главным образом потому, что Бог назначил человека для сверхъестественной цели, то есть, для вечного блаженства. Для этого недостаточно одного только разума человеческого, тут ему нужны сверхъестественные озарения и силы. Когда дело идёт о

достижении этой именно цели, тогда человеку необходимо сознаться, что он здесь – ничто и что он всего может достигать только при помощи Бога.

Если Бог говорил к человеку и если это откровение, безусловно, необходимо, то отсюда следует, что ни один человек, не впадая в тяжкий грех, не должен отвергать этого откровения. Ибо разум говорит ему, что он обязан всецело повиноваться Богу и находиться в полном Ему послушании и что должен всячески почитать Его, если он хочет вечного спасения. Откровение Бога, следовательно, обязательно для всех без различия.

Так как христианство обладает Божественным откровением во всей его полноте, то ни один человек не имеет права, не совершив тяжкого греха и не подвергая себя ответственности, оставаться к нему равнодушным или отказаться от него. И стоящий вне христианства имеет своим неперменным долгом со всяким тщанием искать истину и для достижения этой цели просить у Бога просветления и помощи.

Пётр. Казалось бы, что люди должны бы с торжеством и благодарностью принять это, если им говорят: «Сам Бог говорил к нам». Но что мы видим? Многие поступают наоборот. Они относятся к откровению в высшей степени равнодушно и даже отрицательно.

Священник. Причина этого совершенно естественна, ибо, если Бог сказал, тогда они должны подчиняться, должны верить. Но так как они этого не хотят, то не обращают на откровение никакого внимания или даже прямо отрицают его.

Неверующая материалистическая ежедневная пресса причинила в этом отношении бесконечный вред и очень многие, которые прежде были верующими, через пустые и легкомысленные газетные выражения сбились с толку, воображая, что если они откажутся от христианского откровения, то это будет знаком их образования и просвещения.

Пётр. Однако эти, дурными газетами сбитые с толку люди должны бы подумать, что против них стоят многие тысячи истинно образованных христиан, которые принимают

откровение, как оно предлагается нам в христианстве, с искренней верой и глубоким убеждением.

Священник. Будем благодарить Бога, что мы ещё не потеряли веры и радоваться тому, что мы обладаем Божественным откровением во всей его полноте и чистоте.

Десятый вечер. Что вы думаете о Христе?

Священник. Бог открыл Себя людям и притом *«многократно и многообразно»* (Евр.1:1) в последние дни говорил нам через Своего Сына! Сын Божий для этой цели сделался человеком – следовательно, к Божественной природе присоединил человеческую, чтобы нас, людей, научить, за нас пострадать и таким образом спасти и сделать счастливыми.

Фома. Но вот этому-то и не хотят верить, что Сын Человеческий ходил по земле в образе человека. Как часто приходилось мне слышать: «Ужели ты веришь тому, что Христос есть Сын Бога?»

Пётр. Нам уже известно, почему некоторые люди и сами так говорят, и других хотят лишиться веры в Иисуса, как Сына живого Бога, именно, если Иисус есть Сын Божий, то тогда христианству, его учениям и заповедям необходимо подчиняться, тогда нельзя уже безнаказанно от них отрекаться. Но так как христианство со всем его устройством многих беспокоит, то понятно, почему они отвергают Божество Христа.

Священник. Это совершенно верно, что многие отрицают Божество Христа именно потому, что не хотят жить по-христиански; но в таком случае они не должны называться христианами, ибо если Христос, по их мнению, не Бог, то им стыдно и оставаться в Его школе и носить Его имя. Это отрицание Божества предусматривал уже Сам Иисус, а потому-то Он и неоднократно подчёркивал Своё Божественное естество. Однажды Он спросил Своих учеников: *«за кого люди почитают Меня?»* – Когда апостол Пётр от имени всех учеников исповедал Его Божество, сказав: *«Ты – Христос, Сын Бога Живаго»*, то Христос ничего не возразил против этого исповедания, но одобрил и подтвердил его (Мф.16:13–17). А когда на тот же вопрос ответили, что они считают Его только за сына Давидова, то Он не согласился с этим и указал им на Свою Божественную природу (Мф.22:41–46).

Вскоре после этого Он Сам был спрошен, кто Он. Иисус стоял тогда перед судом синедрiona и первопреседателем

этого суда. Первосвященник, обратившись к Нему, сказал: *«заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных»* (Мф.26:63–64). Этот ответ, который радует землю и небо, был так ясен и определён, что ни у кого из судей не оставалось ни малейшего сомнения. Они все были согласны с тем приговором, которого Он заслужил за этот ответ – Они все признали Его повинным смерти (Мф.26:66). Теперь спрашивается, действительно ли истину сказал Христос? Есть ли Он на самом деле Христос, Сын Божий, за Которого Он объявил Себя здесь под присягой? Кто мог бы усомниться в этом? Ни один благоразумный, искренне ищущий истину человек не может ни на минуту усомниться в том, что Христос есть действительно Сын Бога, ибо за это ручаются: 1) история; 2) Его нравственный характер; 3) Его учение; 4) наконец, Его дела.

Христос есть Сын Божий, и притом по природе и существу, следовательно, не в том смысле, в каком называемся сынами Божиими и мы, то есть не по благодати – но Он Сын Божий есть от природы по существу. За это ручается:

1) Его история. Он восходит от Адама и Евы, ибо Христос есть наш Спаситель, а о Спасителе уже возведено было нашим прародителям. Он должен раздавить главу «змия», то есть сатаны, одного из могущественнейших творений (Быт.3:5). Он, следовательно, должен быть Божественным Существом. Далее, будущий Спаситель должен быть семенем известной, определённой Жены, следовательно, истинным человеком. Таким образом, Спаситель мира должен быть Богочеловеком. В течение тысячелетий образ грядущего Спасителя изображается перед нашими взорами всё яснее и яснее. Это делали пророки, которые всё более и более давали о Нём предсказаний так, что, в конце концов, мы получили о Нём верное, точное и определённое представление. Они говорят о Нём, что Он произойдёт от колена и семени Давида, родится от Девы, что местом Его рождения будет Вифлеем и родится в то время, когда прекратится скипетр от Иуды и окончатся седмины

пророка Даниила. Будущий Спаситель возвестит радость великую всем народам, будет совершать великие знамения и чудеса и торжественно войдёт в Иерусалим. Он будет продан за тридцать сребреников, будет терпеть оплевания и заушения. Он будет причтён к злодеям, подвергнется осмеянию и поруганию, и Его напоят уксусом с желчью. Разорвут одежды Его и будут бросать из-за них жребий. После Своей смерти найдёт Свой покой в гробу богача, и этот гроб будет прославлен, ибо Он снова воскреснет и будет господствовать от одного моря до другого. Все цари земные поклонятся Ему, и все народы будут служить Ему.

Теперь, если мы представим себе всё, что говорит здесь о грядущем Спасителе история, и сравним с тем, что говорят об Иисусе евангелисты, не должны ли мы тогда сказать: всё это самым точным образом приложимо к Нему, оправдалось на Нём.

Пётр. Верно, этот Иисус от Назарета есть не кто иной, как обетованный Спаситель, Который должен был прийти как Бог, чтобы искупить нас, и Которому имя Еммануил, что значит – «с нами Бог».

Священник. 2) Как история, так и Его нравственный характер служит доказательством того, что Он есть Сын Бога. Языческие мудрецы Платон и Цицерон в своём уме измыслили и написали идеальный образ праведника, такого мудреца, который является совершеннейшим, по их представлению. Но они не могли указать ни на одного человека, кто совместил бы в себе такие качества и характерные черты, да они даже и не надеялись, чтобы когда-либо таковой нашёлся на земле. Но в лице Иисуса Христа мы видим этот бесподобный образец праведника и мудреца в совершеннейшем виде, и это мы тотчас же чувствуем при взгляде на Его облик, как только войдём в святилище. С удивлением и изумлением останавливаемся мы перед Ним и в то же время чувствуем какое-то столь чудное таинственное притяжение к Нему, что не можем уже от Него оторваться – такое благородство души, такая нравственная высота выступает здесь перед нами во всём всесвятом лике Иисуса Христа.

Пётр. Только неверующие не чувствуют ничего.

Священник. Каждый человек в том или другом отношении более или менее усовершенствован и развит. Как ни один не бывает вполне похож на другого по своему внешнему виду и духовным дарованиям, так существенно неодинаков бывает и нравственный характер каждого. Но в Иисусе Христе мы видим идеал всего человека. Он – всё во всём, что есть великого и благородного в человеческом существе, всё это соединилось в Нём в прекрасной гармонии. Он не мыслитель только, но и муж дела. Он способен не только проповедовать высокое учение о любви и сострадании, но и принимать участие в каждой нужде, в каждом несчастье и страдании. Он во всём одинаково велик, одинаково свят в великом, как и в малом, в слове и деле, в жизни и стремлениях. Что такое святость творений в сравнении с Его святостью? Величайшие из святых меркнут перед Ним, как звёзды бледнеют перед солнцем. Он – единственное Существо, Которое Само могло сказать о Себе: *«Кто из вас обличит Меня в неправде? Если же Я говорю истину, почему вы не верите Мне?»* (Ин.8:46). Против Него стараются выставить ложных свидетелей, чтобы найти повод осудить Его – но Он оказывается таким обвиняемым, о Котором судья публично свидетельствует: *«я никакой вины не нахожу в Нем»* (Ин.18:38). Во всём Его Существо ничего нет отталкивающего, ничего нет властолюбивого, но и никакой слабости и потворства. Он снисходителен для малых и бедных, для больных и грешных, но Он со всей силой выступает против гордости и злости сильных и лицемеров. Он ратует за истину и правду и в то же время показывает снисходительность и терпение. Он смирен и кроток и, однако не обнаруживает ни перед кем лести. Всегда одно и то же высокое, невозмутимое, святое спокойствие души, одно и то же бесстрашие – поистине, перед нами выступает здесь характер, чуждый всякого упрёка и недостатка. Даже Давид Штраус, который так много писал против Божества Христа, и тот должен был сознаться, что в религиозном, следовательно, в самом высшем отношении выше Христа никто и никогда не поднимался.

Пётр. Таким образом, этот неверующий безбожник невольно, бессознательно признал, что Христос не может быть только человеком.

Священник. Здесь более чем человек – Высшее Существо пришло на эту землю в лице Иисуса. Он есть отображение, отблеск Отца, и в Нём живёт вся полнота Божества.

3) Но и Его учение также ручается за то, что Он есть Сын Божий: *«Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий»* (Лк.2:34). Это пророческое слово благочестивого старца Симеона оправдалось и оправдывается или, так сказать, подтверждается и в наши дни. Почему Иисус встречает так много пререканий в мире? Ответ: потому что сердце человека очень испорчено и приходится бояться практических последствий христианской веры. Именно, если Христос есть Сын Божий, тогда Его учение истинно и Божественного свойства, следовательно, обязательно для всех. Если мы называемся христианами, последователями Христа, то должны и жить по-христиански. Но так как это греховному настроению человеческого сердца не нравится, то оно и поднимает протест против Христа и Его учения. Но до сих пор гордому разуму человеческому не удавалось ещё доказать ложность хотя бы одной единственной истины, возвещенной Христом. Но Кто возвещает такое учение, которое так твёрдо и нерушимо существует, не смотря на все усилия врагов подорвать его, каково учение Христа, Тот не должен ли быть более, чем человеком. Что делалось с философскими учениями, которые измышлены были людьми и прославлены были, как открытие, находка того времени? Один учёный перескакивал через развалины того, что другой с великим трудом старался создать.

Пётр. Что от человека, то непрочное и скоропреходящее, но что от Бога, то вечно остаётся истинным и плодоносным.

Священник. Что достигли древние всемирные мудрецы своими учениями? Обратили они хоть один народ или жителей одной деревни или хотя бы только одно семейство к почитанию, к вере в истинного Бога? Умея так прекрасно говорить и писать об истинном Боге, они не имели со своими учениями и самого

ничтожного успеха. Не совсем ли другое было с учением Христа? Так оно просто и безыскусственно; и, однако, так велики успехи, которых оно достигло. Слова Христа так глубоко трогают сердце и, подобно обоюдоострому мечу, проникают *«до разделения души и духа, составов и мозгов»* (Евр.4:12). *«Он учил... как власть имущий, а не как книжники и фарисеи»* (Мф.7:29). Он умел сковывать и дух, и сердце человека. О Нём высказано было такое мнение: *«никогда человек не говорил, так как Этот Человек»*(Ин.7:46). Ему открыты были сердца великих и малых, образованных и необразованных в одинаковой степени. И для распространения этого учения Он избрал не мудрых этого мира, но бедных, необразованных рыбаков палестинских. Ему и Его апостолам удалось достигнуть того, что доселе не было возможным для всемирных мудрецов. Он и Его апостолы завоевали весь мир, обратили к Богу умы и сердца людские. И это обращение было столь глубокое и основательное, что бесчисленное множество мучеников жертвовали за это учение своей кровью и жизнью, и бесчисленные миллионы христиан поклонились Иисусу как Богу и Спасителю из любви к Нему и объявили войну против своих страстей и умирали с утешением и радостью и надеждой на Него. И откуда принёс Иисус это учение, которое могло действовать таким чудесным образом? Не из школы, но ещё менее, конечно, от тогдашнего духа времени. Есть один только ответ на этот вопрос, и он гласит: *«Иисус принёс Своё учение с Неба. Оно поистине есть Божественное учение, а Он – Сын Божий»*.

4) Наконец, Его дела ручаются за то, что Он есть Сын Бога. *«Когда вы не верите Мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем»*, – сказал Он смертным врагам Своим иудеям на празднике обновления (Ин.10:38). Этими словами Он указал им на то, что Он сделал. Настолько безукоризненно было Его учение, настолько безупречны и благодетельны были и дела Его, так что современники Его, повествуя о жизни Его, должны были сказать о Нём: *«все хорошо делает»* (Мк.7:37). И далее: *«Он ходил, благоволит и исцеляя всех»* (Деян.10:38). Он имеет страдание к

алчущему народу и чудесным образом насыщает его. Он видит многих больных, коих приносили к ногам Его, и проникается состраданием к ним и исцеляет их. Он имеет общение с мытарями и грешниками, которые обнаруживали добрые намерения, и является врачом душ, прощая им грехи их. Он приходит в дом печали, где только что умерла дочь и повергла в глубокую скорбь родителей, и снова пробуждает умершую дочь к жизни. На своём пути встречает Он похоронную процессию – к месту вечного упокоения несли смертные остатки юноши, единственного сына вдовы, и Его великое, горящее любовью сердце исполнилось чувством глубокого сожаления. Он устраняет эту скорбь, воскрешает юношу – и снова возвращает матери её сына. Словом, не было ни одного жалкого больного, коему Он не протянул бы руку помощи, ни одного страшного бедствия, куда Он не пришёл бы как Спаситель, ни одного греховного поступка, за который Он не изрёк бы слова прощения. И после того как Он провёл целый день в трудах и служении человеку, Он не давал себе покоя и ночью, всю её проводя в молитве к Богу (Лк.6:12).

Великое Он сделал в жизни, но ещё больше в смерти, ибо Он умер со словами: «совершилось!» (Ин.19:30). Это не было выражением немощи или отчаяния – это был победный клик. Он страдал, как не страдал никто, но и победил, как никто ещё не побеждал. Он одержал победу над смертью. А кто одержал победу над смертью, тот победил всю природу, ибо смерти подвержена вся природа. Поэтому-то Этому Победителю и служит вся тварь, как своему Господу и Владыке. Ибо Он повелевает и распоряжается и ветрами, и волнами, болезнями и смертью. Как действует Отец, так действует и Он. Его дела суть Божественные дела. Он не просвещается только Духом Божиим, но Он одно со Отцом (Ин.10:30). Если есть Бог, то в Иисусе необходимо должно явиться Божество. Он есть видимый образ Невидимого, сияние Его славы (Евр.1:3).

Итак, начертаем, друзья, эту основную истину нашей святой веры на скрижалях сердца и ничего не дозволим себе, что может нас отвратить от неё. Ибо Божество Христа есть

краеугольный камень, который мы не должны отвергать, если сами не хотим быть отвергнутыми.

Фома. Когда я думаю о моих сотоварищах, которые уже потеряли веру в Божество Христа, то не могу достаточно оценить того счастья, что эта вера во мне снова восстановлена. Я благодарю Бога, что Он привёл меня принять участие в этих вечерних беседах.

Одиннадцатый вечер. Чудеса (возможность и действительность их)

Священник. Сегодня, друзья мои, я буду беседовать с вами о чудесах. О чудесах неверующие нехорошо говорят, потому что они причиняют им много тревоги и беспокойства.

Пётр. Почему так? Казалось бы, что неверующим должно быть мало дела до того, если они слышат, что Иисус сотворил то или это чудо или что по ходатайству того или другого святого больной вдруг сделался здоровым.

Фома. Здесь ты очень ошибаешься, ибо я знаю из опыта, как мои соработники ненавидят чудеса, как они озлобляются и начинают осыпать бранью и насмешками, когда заговоришь с ними о чудесах. Когда духовная газета извещает о чудесном исцелении больного – о, это для них первое удовольствие напасть на эту газету и обозвать дураками тех, которые верят такому сообщению.

Священник. Чудеса также ненавистны неверующим, как известному зверю красный платок, ибо чудеса зывают к ним: «Есть Живой Бог, Он открыл Себя людям, и ты обязан Ему и Его откровенному слову верить».

Фома. Я уже и читал и слышал, что чудеса совсем невозможны и то, что говорят доверчивым людям о чудесах, всё это – ложь и обман.

Священник. Давид Штраус – этот дерзкий безбожник, в одном месте своей книги «Жизнь Иисуса» говорит так: «Кто хочет выгнать попов из церкви, тот должен прежде выгнать чудеса из религии». Из этих откровенных слов вы ясно можете усмотреть, почему говорят, что чудес нет, что они невозможны.

Но что такое чудо? Когда происходит нечто чрезвычайное, то у нас нередко говорят – это чудо. Но не всё чрезвычайное и для нас непонятное можно назвать чудом. Чудеса – это такие явления и действия, которые превышают все естественные силы и совершаются силой только Всемоущего Бога. Когда мы слышим, что человек, страдавший смертельной болезнью, без употребления всяких врачебных средств вдруг выздоровел, что

мертвец, который четыре дня лежал в гробу и предался тлению, по одному зову другого Человека снова ожил, это есть такое явление или действие, которое превышает все естественные силы и законы – это и есть чудо. Я говорю теперь:

1) что чудеса возможны. В возможности чудес может сомневаться только тот, кто не верует ни в какого Живого Бога. Но Живой Бог, как мы доказали в одной из прежних бесед, есть – следовательно, должны и могут быть чудеса. Бог стоит выше природы и её законов. Он содержит всё в Своей власти и может воздействовать на них всяким образом, как Ему угодно. Почему Фома Аквиант говорит: «Как наша душа движет и руководит телом, так Бог движет и управляет ходом природы, как её первая и самая высшая причина и первый двигатель. Не наблюдали ли вы, что и человек может, в известном смысле, действовать на природу и подчинять себе её законы. Он может для известного пространства превратить холод в тепло, например, зимой, через топку печи и наоборот – тепло в холод, например, посредством химического замораживания. Он может употреблять силу пара и воды для различных практических целей и отправлений. Если же слабый человек так свободно может оказывать воздействие на природу и обращать её законы в служебную силу, то почему же Бог, обладающий бесконечными силами и всемогуществом, не может господствовать над природою и её законами и по Своей воле совершать чрезвычайные действия?

Если уже и земной законодатель может свои законы изменять или в известных случаях и совсем отменять, то почему же Высочайший Законодатель, Сам Бог, не может изменять или отменять Им же установленные законы природы и совершать нечто такое, что противно законам природы и превышает все естественные силы.

Фома. Но не нарушается ли чудесами порядок природы?

Священник. В чём же должно состоять это нарушение? Может быть в том, что когда, например, Бог послал евреям манну с неба, с этого времени перестал падать с неба дождь? Или с тех пор, как Христос, апостолы и святые совершили исцеление того или этого больного, нечего стало делать, может

быть, врачам? Или с того, как Христос пробудил Лазаря, мёртвые в гробах лишились своего покоя? Или может быть, у крестьян отпала нужда в обработке земли и в посеве хлеба с тех пор, как Христос чудесным образом немногими хлебами наплатил те тысячи голодных людей? Не смешно ли поэтому утверждать то, что по причине чудес нарушаются порядок и законы природы. «Каким образом чудо может быть противно природе, – говорит святой Августин, – когда оно происходит по воле Бога, а эта воля есть самая глубокая природа каждого дела».

Мы каждый день своими собственными глазами видим, что *низшие* силы, законы и правила в природе уничтожаются высшими. Магнит имеет ведь, как известно, свойство притягивать к себе железо. Когда приближают иголку или нож к магниту, то они так сильно притягиваются и так крепко придерживаются им, что не могут упасть на землю. Магнит отменяет, следовательно, закон тяготения.

Пётр. Никто не может сказать, что здесь нарушен порядок природы.

Священник. Впрочем, все эти доводы и доказательства возможности чудес излишни, коль скоро мы видим действительно совершившимся хотя бы одно единственное чудо. Что чудеса уже совершились – это признают и язычники, и иудеи, и христиане. Когда христианство стало более и более распространяться, то оно встретило сопротивление со стороны ученых язычников и иудеев. Несмотря на все старания, им не удалось опровергнуть ни одного факта чудес, через которые христианство более и более приобретало себе последователей. Они приписывали чудеса чародейству и влиянию демонов. Когда однажды Иисус изгнал нечистого духа и исцелённый стал говорить, тогда народ пришёл в изумление, а некоторые сказали: «Он изгоняет бесов силою веельзевула, князя бесовского» (Лк.11:15).

Пётр. Стало быть, когда не хотят верить, то стараются оправдать и подтвердить своё неверие благовидным предлогом и ложными основаниями.

Священник. Чудеса, которые творил Христос, были настолько очевидны, настолько стояли выше всякого сомнения и подозрений, что язычники и иудеи не осмеливались отрицать их, ибо нашлись бы тысячи людей, которые сказали бы им: «Мы живые свидетели этих чудес, между нами живут ещё люди, которые сверхъестественным образом, через Иисуса, возвратились к своему здоровью после неизлечимой болезни, есть даже такие, которые были воскрешены Им из мёртвых. Когда распространилась весть о том, что Христос воздвиг из мёртвых Лазаря, то все устремились в Вифанию, чтобы видеть, что сотворит Христос». *«Многие из Иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в Него. А некоторые из них пошли к фарисеям и сказали им, что сделал Иисус. Тогда первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: что нам делать? Этот Человек много чудес творит»* (Ин.11:45–47 и т.д.).

Пётр. Чудесного события они, следовательно, не отрицали.

Священник. Но они, может быть, сумели это событие объяснить естественным образом. Может быть, они сказали: «Этот Лазарь был, по-видимому, только спящим, а потому разбудить его было нетрудно»? Ответ – нет, ибо им возразили бы на это, что Лазарь находился уже в состоянии разложения. Они не дерзали, вообще, объяснять естественным образом ни одного чуда, так как они справедливо боялись, что им в этом случае сделали бы сильное возражение. Если это дело совершено натуральным путем, могли бы сказать им: «То сделайте и вы теперь то же самое, такими же средствами и при таких же обстоятельствах».

Пётр. Через это они поставлены были бы в величайшее затруднение, а потому они и остерегались объяснять чудеса натуральным способом.

Священник. Однажды они сделали попытку высказаться против одного поразительного чуда. Это было при исцелении слепорождённого, которое причинило им очень много беспокойства и тревоги. Двукратно они спросили исцелённого о том, каким образом он прозрел. И когда он просто и искренне рассказал событие, они всё же не захотели признать, что Тот,

Кто исцелил его, имел Божественное посланничество. На это слепой отвечал: «Если бы Он не был от Бога, не мог бы совершить этого дела» (Ин.9:33). И ответом на это свободное и искреннее исповедание было то, что они удалили его из сонмища.

Пётр. Кто при таких обстоятельствах может сказать, что это совсем было не чудо? Даже сами враги признавали, что чудеса совершились. Они и убить-то хотели Иисуса, потому что Он много творил чудес и этим привлекал к Себе народ.

Священник. Вы хорошо делаете, что обращаете внимание на это выражение. В наше время думают, что только сейчас люди стали умными, а в прежние времена были все глупы и недалёковидны. Но это не есть ни красиво, ни справедливо, если думают и говорят, будто мудрость и образование появились только теперь со временем нынешнего поколения. Нет, то время, в которое Христос Господь жил на земле, не было временем невежества, напротив, это было время высокой образованности, на этом основании его и называли золотым веком. Но чтобы вообще уметь отличать чудо от естественного события, для этого не нужно никакого особенного тонкого научного образования, для этого достаточно одного только здравого человеческого разума. Если, например, слепорождённый стал видеть, то нам нужно только знать, как это произошло, при помощи каких средств совершено это. И если нам отвечают, человек называемый Иисус сделал брение и помазал глаза слепого (Ин.9:11), то мы в состоянии будем рассудить, можно ли этим натуральным средством возвратить зрение слепому от рождения или скорее этой мазью можно засорить глаза и помешать исцелению.

Фома. Мы доселе знаем не все ещё законы природы. Если бы эти неизвестные законы были открыты, тогда, может быть, мы могли бы объяснить чудеса и естественным образом.

Священник. Да, это может быть, что ещё много скрыто в природе сил и законов. Но эти скрытые законы не должны стоять в противоречии с известными и уничтожать последние – иначе не было бы никакого порядка, никакой гармонии в природе. Если хотят естественно объяснить чудеса этими

неоткрытыми законами природы, тогда должны предположить, что чудотворцы должны знать эти неизвестные законы, иначе они ничего не могли бы сделать. Что же отсюда получается? Моисей, Христос, апостолы и очень многие святые, которые жили во мраке древности, знали тайные законы и силы природы, а мы, живущие в высоко просвещённом XX веке, ничего о них ещё не знаем? И ещё нечто – эти тайные законы природы, долженствующие действовать всегда, действуют, однако ж, только тогда, когда употребляют их так называемые чудотворцы. Напрасно стал бы взывать ты к твоей лежащей в гробу матери: «гряди вон». Но когда Христос применяет к делу этот тайный закон природы и говорит при гробе Лазаря: *«Лазаре, гряди вон»* (Ин.11:43), то его мертвец встал и вышел из гроба. Почему же этот неизвестный закон природы Христа слушается, а тебя нет? Следовательно, с помощью неизвестных законов природы, которыми хотят натуральным путём объяснить чудеса, нельзя сделать никакого чуда и можно произвести только смех.

Фома. Теперь понятно, почему неверующие так восстают против чудес и не умеют сказать о них ничего основательного.

Священник. Завтра вы ещё более услышите о чудесах.

Двенадцатый вечер. Ещё раз о чудесах (необходимость и сила доказательств их)

Фома. Вот, отче, вчера так много сказали о чудесах поучительного, что мы сегодня пришли сюда в надежде с большим интересом выслушать продолжение о них.

Священник. Я считаю это дело более важным, чем оно могло показаться в первую минуту, ибо чудеса суть язык, который говорит нам из другого мира и разрешает нам очень много тёмного и сомнительного. И этого-то языка в настоящее время не хотят слушать, ни понимать, потому что он слишком глубоко врезывается в душу.

Пётр. Может быть, чудеса совсем не необходимы – довольно и того, что знают, что Бог открыл Себя человеку и Священное Писание содержит в себе слово Божие.

Священник. Нет, это не так, мы убедимся в этом, если сегодня разъясним необходимость и доказательную силу чудес:

1) Чудеса необходимы по многим основаниям, и именно в первую очередь для того, чтобы доказать, что Бог открыл Себя в истине.

Фома. Мне приходилось часто слышать: «Чудеса не нужны, я имею Священное Писание и держусь его».

Священник. Но чудеса должны именно доказать, что содержащееся в Священном Писании действительно есть слово Божие. Если необходимо было, что Бог открыл Себя человеку, то не менее необходимо то, чтобы Бог посредством чудес доказал, что сверхъестественное откровение действительно было. Одно откровенное учение не достаточно для того, чтобы привести людей ко Христу, ибо Божественному Спасителю при Его проповеди справедливо могли бы возразить: «Докажи Ты нам, что Твоё учение истинно и Божественно – тогда увидим мы, от Бога оно или нет». Таким образом, чудеса должны к учению Христа приложить, так сказать, Божественную печать. Так это и на самом деле. В Евангелии мы читаем об Иисусе, что Он учил не как книжники, то есть не оснащал Свою речь отборными словами, оборотами и многими доказательствами, но как

имеющий власть (Мк.1:22). Что давало Ему, спрошу я, эту власть, что придавало Ему такой авторитет, что Его слово принимали как заповедь, Его учение – как закон для человечества?

Пётр. Причиной этого были чудеса, которые совершал Он.

Священник. В таком случае чудеса необходимы, чтобы привлекать внимание людей к откровенной истине. Ибо Иисус и апостолы тщетно проповедовали бы, если бы их учение не подкрепляемо было чудесами. Это новое, так мало льстившее чувствам учение не имело бы такого успеха, если бы оно не привлекало к себе особенное доверие своими чудесами. Чудесами ленивые и погружённые в земные интересы, нерешительные и колеблющиеся в вере принуждаемы были испытывать: от Бога ли это учение или нет. То чудесное дыхание бури в первый христианский праздник Пятидесятницы привлекло к себе жителей Иерусалима и заставило их выслушать проповедь Петра. Отсюда видите, как нужны чудеса, чтобы привлекать внимание людей к откровению.

Пётр. Без чудес Иисус и апостолы остались бы неизвестности.

Священник. Чудеса, наконец, нужны для того, чтобы всех людей обязать к вере в откровенную истину. Ибо если бы не было чудес, то люди легко могли бы сказать: «Мы не можем подвинуть себя к вере, потому что мало видим оснований считать это учение за истинное и Божественное». Следовательно, они имели бы некоторым образом извинение для своего неверия, если бы не было чудес. Вот почему Иисус обо всех неверующих сказал: *«Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего»* (Ин.15:24). Таким образом, ни один человек не имеет оправдания в своём неверии, так как каждый из них может видеть совершавшиеся и совершающиеся чудеса, которые служат неоспоримым доказательством того, что Бог открыл Себя, и, таким образом, придают Его слову веру. На чудеса указывает и Сам Иисус, когда Он требует от нас веры в себя: *«Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если*

творяю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим» (Ин.10:37–38). Он обязывает нас, таким образом, веровать Его учению, потому что оно подтверждается чудесами, как истинное и Божественное.

По этой же причине и апостолы одарены были способностью творить чудеса, чтобы они могли обязывать своих слушателей к вере в проповедуемое ими учение. Ибо чудесами, которые они совершали, они могли убеждать людей, что их учение не человеческое, а Божественное слово. Поэтому-то об апостолах и говорят: *«они пошли и проповедовали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знаменами»* (чудесами) (Мк.16:20).

Фома. По моему мнению, чудеса должны бы совершаться и в настоящее время. Тогда неверие у нас не распространялось бы более и более.

Священник. Чудеса совершаются и в наши дни – они не существуют только для неверующих, которые и *«видя не видят, и слыша не слышат»*. Верующий же всегда видит, что могущество Божие ещё и сейчас может творить чудеса. Если чудеса обыкновенно происходят сейчас в единичных случаях и в известных местах благодати, то нужно при этом помнить, что они необходимы были главным образом в начале христианства, дабы вера пустила корни в сердца человеческие. Впоследствии же они не были уже так нужны, потому что христианство стало уже твёрдо на ноги и, несмотря на многие гонения в мире, находится сейчас в самом полном расцвете. И для кого не достаточно этого чуда устойчивости и постоянного развития христианства, для того не будут достаточны и все другие чудеса и знамения, которые Бог совершает перед его глазами. Здесь уместны слова спасителя: *«если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят»* (Лк.16:31). К тому же чудеса суть чрезвычайные действия Божественного всемогущества и Премудрости. Если бы Бог стал совершать чудо по желанию каждого отдельного человека, то они перестали бы представлять собой нечто необычное. Какой бы это был бы странный Бог, Который стал бы прибегать к чуду

всякий раз, как только тому или этому человеку захотелось попросить у Него этого чуда?

Пётр. Господь Бог не лакей наш, который должен исполнять нашу волю, как только мы этого пожелаем. Это должно быть ясно каждому, кто ещё имеет сколько-нибудь человеческого смысла.

Фома. Но я скорее уверовал бы, если бы Бог сотворил чудо сейчас же перед моими глазами.

Священник. Эти слова, которые так часто приходится слышать сейчас, и нечестивы, и ложны в одно и то же время.

Фома. Почему же?

Священник. Они уничтожают Бога, низводя Его до состояния раба человека, и заключают в себе вместе с тем лицемерие, потому что те, которые так говорят, употребляют это как предлог к своему извинению, тогда как в душе их не то. Теперь перейду я ко второму пункту.

2) Чудеса содержат в себе великую и неопровержимую силу, то есть они делают то, что известная сила, известное событие становится вне всякого сомнения, коль скоро можно сказать: эта истина, этот факт ознаменован чудом. Поэтому-то неверие и отрицает чудеса, что оно боится их доказательной силы.

Фома. Что же доказывают чудеса?

Священник. Они доказывают ближайшим образом, что есть Живой Бог, ибо они суть такие явления и действия, которые принадлежат только Одному, стоящему выше природы Существо. Следовательно, чудеса – суть свидетельство о Боге, что Он существует и хочет нечто сказать нам. Они суть язык сверхчувственного, надземного мира, который говорит нам: «Есть Бог, царствующий над миром и управляющий всей природой». Если всё в природе идёт всегда одним определённым ходом, то гордые и чувственные люди легко приходят к мысли: нет совсем Бога, мир управляется случаем или слепыми законами природы. Если же теперь совершилось хоть одно единственное чудо, то эти гордые умы с их фантазией посрамлены и приводятся в стыд и, если они честны,

необходимо должны бывают сознаться – есть Живой Бог, Который возвышается и господствует над всей природой.

Пётр. Одно единственное чудо попирает те ложные теории, по коим или совсем нет никакого Бога, или – что то же – всё произошло из материи.

Священник. Затем чудеса доказывают, что Христос есть Сын Божий. Какую великую несправедливость совершают в отношении Спасителя, когда лишают Его Божественного достоинства! Настолько велика и ответственна эта несправедливость, что о таком противнике Божества Христова слово Божие говорит: *«Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия»* (Ин.3:18). Если Иисус творит чудеса, и притом Своей собственной силой, чего не один благоразумный человек не может отвергать, то они суть самые ясные доказательства этой истины, что Он и Отец – *«одно»* (Ин.10:30), что Он, следовательно, есть Сын Божий. Никодим, князь иудейский, пришёл к Иисусу ночью и сказал Ему: *«Равви! мы знаем, что Ты Учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог»* (Ин.3:2). Видите, как этот образованный иудей хорошо понимал доказательную силу чудес Иисуса, а потому и исповедал в лице Иисуса Сына Божия, когда называл Его Учителем.

Когда Иисус очистил храм и выгнал из него людей, которые продавали здесь волов, овец и голубей, и денежных меновщиков, сидевших здесь, то они осердились и не так легко примирились с этим и сказали: *«каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать?»* (Ин.2:18). Этим они хотели сказать: «Если Ты так поступаешь и изгоняешь нас отсюда, то должен и доказать нам, что Ты имеешь власть на это. Ты должен доказать чудесами, что Ты более, чем мы, что Ты – Посланник Божий». Тогда Иисус не сотворил перед ними никакого чуда, потому что они не были достойны Его, но Он указал им на великое чудо Своего Воскресения. Из этого чуда они усмотрят, что Он в самом деле имеет власть над людьми, потому что Он есть Бог. К этому заключению пришёл и

слепорождённый, когда он думал о своём чудесном исцелении и сказал: *«Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего»* (Ин.9:33).

Чудеса доказывают далее, что Бог обитает Своей силой в апостолах и святых, ибо и эти последние также творили чудеса, конечно, в другом роде, чем Христос. Между тем как Христос при совершении Своих чудес говорил: *«Я хочу, чтобы это совершилось»*, – апостолы и святые при своих чудесах всегда призывали Бога, во Имя Которого они совершали данное чудо. Христос творил чудеса собственной волей, а апостолы и святые делали это силой Бога. Когда язычники увидели великие чудеса, которые совершил апостол Павел и его ученик Варнава, то подумали, что к ним пришли боги в образе человеческом. И они настолько были уверены в этом, что к обоим прилагали уже имена языческих богов, а языческий жрец принёс даже тельца, чтобы новым богам принести жертву. Когда апостолы заметили, что с ними хотят делать, устремились в народ и громогласно воскликнули: *«Мужи! что вы это делаете? И мы – подобные вам человеки»* (Деян.14:15). Этим они хотели сказать: *«Мы не боги, хотя и творим чудеса – Бог творит их через нас»*.

Чудеса доказывают, что наша Церковь есть истинная Церковь Христова. Христианская Церковь сияет в блеске чудес во все века, ибо апостолы и святые, которые творили чудеса, суть члены этой Церкви. Само основание и живучесть, и непоколебимость этой Церкви есть уже величайшее чудо, ибо основанная с помощью столь слабых сил и, подвергаясь многим гонениям, она продолжает невредимо существовать до настоящих дней. Не есть ли это величайшее из чудес? Этим непрерывным чудом подтверждает Бог, что и остальные чудеса, которые и теперь совершаются, и будут совершаться в христианском мире, без сомнения верны; ибо все остальные чудеса суть чудеса Христовой Церкви, которая выставляется Самим Богом, как величайшее чудо мира. Таким образом, чудеса доказывают, что с этой Церковью пребывает Бог, что она есть истинная Церковь Христа. Иноверцы не могут указать ни одного чуда, следовательно, у них не может быть истинной Церкви. Бог есть истина. Он может и чудеса творить только там,

где истинная Церковь. Потому-то враги нашей Церкви и не любят чудес, что они доказывают, что она – истинная Христова Церковь.

Фома. Они говорят поэтому: мы не имеем нужды в чудесах и не допускаем их.

Священник. Но они, собственно, должны бы так говорить: мы не можем допустить чудес, ибо если нам признать чудеса, тогда надо признать за истинную и Божественную Церковь и учение её, тогда нужно было бы вступить нам в эту Церковь, а мы этого не хотим.

Тринадцатый вечер. Воскресение Христа

Священник. Между многими знамениями и чудесами, которые совершил Христос, следует отметить в особенности одно, которое своим блеском и славой превосходит все прочие чудеса. Об этом едином чуде Он сказал, что оно будет иметь последствия для всех без различия, даже для рода лукавого и прелюбодейного (Мф.12:39), и что по одному этому чуду можно познать, Кто Он. Какое же это из чудес Христа?

Пётр. Воскресение Христа есть чудо всех чудес, ибо если Христос восстал из мёртвых, о чём Он предсказал раньше, то Он есть Бог и Его дела суть Божественные дела. Воскресение Христа, следовательно, есть лучшее доказательство того, что Христос есть Бог, и дела, которые совершал Он здесь, на земле, суть истинно Божественные дела.

Священник. Даже Давид Штраус, который, как известно, о Божестве Христа говорил отрицательно, называет Воскресение Христа – собственным сердцем христианства. Он хотел этим сказать, как от сердца человека исходит жизнь и все силы его, так и на Воскресении Христа основывается всякая истина и благодать христианства. Не должно поэтому удивляться, если враги христианства больше всего посягали и нападали на Воскресение Христа, чтобы опровергнуть его или по крайней мере объяснить его естественным способом.

Фома. Я уже часто слышал от своих соратников, что Христос не воскресал, Пасха относится не к Божественному Спасителю, но к природе, которая во время весны пробуждается и потому празднует своё воскресение.

Священник. Это должно побуждать нас к тому, чтобы мы о Воскресении Христа имели более твёрдое убеждение. Что Иисус был снят с креста и положен в гроб, и на третий день не был там уже найден – в этом согласны между собой все – как христиане, так иудеи и язычники. Главный вопрос состоит вот в чём, как восстало тело Христа из гроба. Несомненно, Он мог выйти из гроба или Своей собственной силой, или с помощью других. Третьего способа здесь нет. Новоязычники говорят

теперь: «Христос вышел из гроба Своей собственной силой, так как Он имел только вид мертвеца, но на самом деле не умирал». Иудеи же говорят: «Нет, Христос вышел из гроба при помощи других, так как ученики украли Его тело». А мы, христиане, думаем: «Христос возвратил Себе жизнь и Своей Божественной силой восстал из гроба». Исследуем теперь эти три между собой несогласные утверждения. Итак, ставлю вопрос:

1) Что говорят новоязычники о Воскресении Христовом? Они говорят: «Христос в действительности не умирал, а казался только мёртвым и потому восстал Своими натуральными силами». Но каким образом эти неверы, живя через тысячу девятьсот лет после Христа, знают, по-видимому ли только Иисус был мёртвым или в действительности? Кто делает такое утверждение, тот должен его и доказать. Но они не имеют на это ни одного доказательства, а потому не заслуживают никакого внимания и не могут предъявить притязаний на научную подкладку.

Фома. И в самом деле: умирал ли Христос? Уж слишком часто приходится слышать о мнимой, кажущейся смерти Его!

Священник. Что Христос действительно был мёртвым, об этом свидетельствуют не только все четыре евангелиста, но и все учёные, которые писали о Христе. Ни один из них не осмеливался утверждать противное. Так твёрдо было всеобщее убеждение всего мира в этом отношении. Лишь в позднейшее время напали, в видах ниспровержения всего христианства, на счастливую мысль трактовать распятого Иисуса как не умершего в действительности.

Что Иисус действительно умер, об этом свидетельствуют солдаты, которые посланы были перебить всем распятым голени. Святой Иоанн, который сам был очевидцем, пишет таким образом: *«пришли воины и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним. Но, придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени»* (Ин.19:32–33). Таким образом, о действительной смерти Иисуса свидетельствуют сами очевидцы. И это свидетельство должно

иметь для нас более значение, чем утверждение наших новоязычников!

Что Иисус действительно был мёртв, явствует и из природы вещей. После того как Иисус, вследствие жестокого римского бичевания и ужасного распятия, потерял очень большое количество крови, получает Он на кресте ещё одну, столь глубокую и широкую рану в боку, что можно было вложить в неё руку. *«Один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода»* (Ин.19:34). Может ли быть здесь речь о кажущейся смерти, если находило здесь место такое поранение, такая потеря крови? Кроме того, святой Иоанн свидетельствует, что из этой боковой раны истекли *«кровь и вода»*, чем уже ясно доказывается, что наступило уже разложение крови, а потому настала и смерть.

Что Иисус был действительно умершим, свидетельствуют и Его друзья. Никодим – начальник иудейский, Иосиф Аримафейский сняли тело Иисуса с креста и вместе с Марией – Матерью Иисуса, с Иоанною и другими благочестивыми женщинами омыли Его и приготовили к погребению. Уже отсюда с достоверностью нельзя ли наобзреть, действительно мёртв был Иисус или только казался умершим? Ужели, несмотря на эти многочисленные манипуляции, не могли убедиться в действительности Его смерти? Кто может этому поверить?

Что Иисус действительно был умершим, свидетельствуют, наконец, и враги Его, ибо для чего запечатали они гроб Его и приставили к Нему стражу? Они сказали себе: *«чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого»* (Мф.27:64). Они сами думали, следовательно, что Иисус действительно был мёртв, ибо иначе они не могли бы говорить о похищении Его трупа. Смерть Иисуса, таким образом, подтверждается столь многими достоверными свидетельствами и настолько всесторонне, что мы не можем сомневаться в этом событии. Значит то, что придумали наши новоязычники, у серьёзного человека может вызвать только смех один.

Рассмотрим теперь ближе второе утверждение.

2) Что говорят иудеи о Воскресении Христа? Они говорят: «Христос действительно был умершим, но ученики украли труп Его и потом распространили ложный слух, что Он воскрес». Следовательно, ученики украли труп Иисуса – так гласит это утверждение. А чем можно доказать это утверждение? Ответ – показанием стражи: *«ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали»* (Мф.28:13). Не есть ли это в высшей степени сомнительное свидетельство?

Пётр. Ведь эти свидетели показывают нечто такое, чего они не могли знать, ибо как они могли знать о том, что происходило вокруг, когда они спали?

Священник. Поистине, смешно выступать с такими свидетелями, ложное показание которых прямо бросается в глаза. Но здесь дело идёт не только о лживости, но и о подкупленных деньгами свидетелях, ибо *«довольно денег дали воинам»* (Мф.28:12), чтобы они дали это ложное показание. И так как они могли убоиться наказания, если бы заявили о снe во время стражи, то обещали им убедить правителя и избавить, таким образом, от всякой неприятности. Они, взявши деньги, поступили, как научены были. И распространилось это сказание (что ученики украли тело Иисуса) *«между иудеями до сего дня»* (Мф.28:14–15).

Фома. Дело иудеев, следовательно, состоит на слабых ногах, и нужно удивляться тому, как иудейство вообще может находить себе ещё последователей.

Священник. Похищение учениками тела Иисуса есть вещь совершенно невозможная, ибо слишком много смелости нужно было бы для того, чтобы решиться на это вблизи стражи, приставленной к гробу. А этой смелости, как известно, ученики тогда не имели. Без значительного шума совсем не мог быть отвален от гробницы очень большой камень, а этот шум мог разбудить и спящую стражу. В этом ученики должны были иметь твёрдое убеждение. Но если бы им и удалось похитить из гроба тело Иисуса, то что тогда они с ним могли бы сделать? Какая была бы им от этого польза? Ужели они при таких обстоятельствах могли решиться выступить перед лицом всего мира с проповедью об учении Распятого и, таким образом,

подвергнуть себя столь многим неприятностям и столь жестоким гонениям? Сам Давид Штраус утверждает, что самоизмышленная ложь не могла бы воодушевить учеников на такую неустрашимую проповедь о Воскресении Христа при тех величайших опасностях, с которыми она была сопряжена. А мы прибавим к этому ещё: самоизмышленная ложь, которая была известна столь многим соучастникам, не могла бы надолго оставаться неразоблачённой.

Пётр. Это очень понятно само собой.

Священник. Всё поведение, весь образ действий иудеев показывает, что они сами не верили тому, что утверждали. Мы уже слышим, что спящие стражники не были подвергнуты наказанию за недостаток бдительности, хотя за таковой проступок полагалось строгое наказание. Но, может быть, были наказаны апостолы, как виновные в таком обмане, который ещё хуже, чем тот, за который Христос заплатил жизнью? Об этом мы нигде не находим ни слова. Или апостолов заставили выдать тело Иисуса? Ответ – нет. Когда апостолы, по воскресении Иисуса, обвинили иудеев в богоубийстве, то, может быть, были за это посажены в тюрьму? Ответ – нет. Высший совет нашёл достаточным наказать апостолов только розгами за то, что они проповедовали Христа распятого, и велел им более ничего уже не говорить о Христе. Вот и всё. Это странное поведение иудеев не ясно ли показывает, что молва их о том, что ученики будто украли тело Иисуса – чистейшая выдумка?

3) Что говорят о Воскресении Христа христиане? – «Мы, христиане веруем, что Христос вкусил действительную смерть и Своей Божественной силой восстал из гроба. Христос есть Истинный Бог, и вместе с тем и истинный человек. При Его смерти, Его святейшая душа разлучилась с Его телом и низошла в преддверие ада к умершим праведникам. Его пречистое тело, которое ни на минуту не оставляло Божество, было положено в гроб. В третий день пресвятая душа Его снова соединилась с телом, и Иисус торжественно восстал из гроба и притом восстал Своей Божественной силой без всякой сторонней помощи». Такова вера христиан.

Но у нас есть другие доказательства истинности нашей веры. Как известно, Иисус после воскресения в продолжение сорока дней неоднократно являлся апостолам, ученикам и благочестивым женщинам. Он являлся им и днём и ночью, в закрытых помещениях и совершенно открытых, являлся каждому отдельно и целым многочисленным собраниям, однажды – более чем пятистам братьям вместе. Но, может быть, эти друзья Иисуса были слишком легковёрны и не старались покрепче убедиться, было ли это на самом деле или нет? Как раз наоборот. Апостолы и ученики были очень недоверчивы по отношению Воскресения Христа и очень осторожны в суждении о Нём. Когда они получили о нём первое известие, они не сразу поверили этому рассказу и усомнились в нём. *«Но они, услышав, что Он жив и она (Магдалина) видела Его, – не поверили» (Мк.16:11).* *«И увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились» (Мф.28:17).* *«Фома же, один из двенадцати, называемый Близнец, не был тут с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин.20:24–25).* Как видите, апостолы и ученики были совсем не легковёрны, они действовали при этом с большой осторожностью и не прежде поверили дошедшему до них слуху, как сами убедились в действительности его. Они настолько крепко убеждены были в этом событии, что святой евангелист Иоанн мог написать такие слова: *«О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам» (1Ин.1:1–2).* И за это свидетельство апостолы перенесли много невыразимых страданий и, наконец, вкусили и смерть. Кто не хочет верить такому свидетельству, тому никто не поможет.

Пётр. Воскресение Христа нельзя отвергнуть, не отвергнув очевидной истины: если бы Христос не воскрес из мёртвых, то каким образом мог бы весь мир сделаться христианским?

Причина столь продолжительного существования или живучести христианства может быть понятна только при действительности Воскресения Христа, ибо если бы не воскрес Христос, то Его имя и Его дело бесшумно бы исчезло бы с лица земли. Но так как христианство тотчас же, по смерти Иисуса Христа, стало на твёрдую почву, быстро распространилось по всему миру и до сих пор процветает и развивается, то мы должны сказать: «Всё это было бы делом совершенно невозможным, если бы не совершилось великое чудо Воскресения Христа».

Фома. Из Воскресения Христа вытекает ещё и другое важное последствие, а именно, так как воскрес Христос, то поэтому и мы воскреснем из гроба.

Священник. Уже апостол Павел сделал это заключение, когда он пишет так: *«Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых? Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша»* (1Кор.15:12–14). И затем продолжает так: *«Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших»* (1Кор.15:20). Что следует отсюда? Ответ: следует то, что и мы воскреснем; это хочет сказать тот же апостол в следующих словах: *«Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы* (то есть те, которые следуют Христу) *в пришествие Его»* (1Кор.15:22–23).

Пётр. Так как мы воскреснем вместе с Христом, то смерть и гроб для христиан перестали быть страшными, ибо смерть имеет только временную власть над телом нашим и гроб должен снова возвратить свою добычу. Поэтому верующий христианин не безнадёжно стоит у гроба своих покойников, ибо крест на крышке его гроба говорит ему: так как восстал из гроба Христос, то восстанем некогда и мы.

Священник. Но чтобы с Христом праздновать славное воскресение, для этого мы должны верой и любовью соединяться с Ним. Почему и говорит апостол: *«первенец Христос, потом Христовы»*, то есть те, которые принадлежат Христу по своей вере и любви.

Фома. А те, которые отделились от Христа своими грехами и неверием и в таком состоянии умирают, те уже не воскреснут?

Священник. На это даёт тот же апостол ответ, когда говорит, что *«не все мы умрем, но все изменимся»* (1Кор.15:51), то есть не все будем переживать светлое воскресение.

Фома. Из этого следует, что не всё равно, с кем проводить жизнь человеку – с Христом или с врагами Христа. Кто хочет с Христом воскреснуть, тот должен с Христом жить, страдать и умирать.

Четырнадцатый вечер. Священное Писание (Библия) есть ли Божественная книга?

Священник, приветствуя обоих собеседников:

– Сегодня предметом нашей беседы будет не менее интересный вопрос, чем в предыдущие два вечера. В теснейшей связи с отрицанием чудес стоит отрицание Священного Писания или Библии, как Божественной книги. При отрицании Бога и чудес оказывается неудобоприемлем и авторитет Священного Писания или Библии, ибо она рассказывает о Боге и Его великих делах. Поэтому она, по мнению неверующих, есть не что иное, как книга измышленная людьми, собрание сказок и басен.

Пётр. Однако ж, мы все согласны с тем, что Священное Писание есть Божественная книга, так как оно написано хотя людьми, но под влиянием Святого Духа. Так научили нас веровать в школе, и при этой вере мы хотим остаться. Пусть говорят об этом неверы, что хотят.

Священник. Такой образ мыслей я должен одобрить, и как желал бы я, чтобы и все об этом так думали! Первые христиане имели о Священном Писании столь высокое мнение, что они за него жертвовали своей кровью и жизнью. И в наше время многие из благонамеренных и авторитетных людей громко возвышают свой голос против неверия. Они говорят, что все книги Священного Писания, признаваемые Церковью за канонические, написаны во всех своих частях по внушению Духа Святого. Если же Священное Писание написано по внушению Святого Духа, то оно и должно быть Божественной книгой.

Фома. Можно ли доказать также и это? Ибо в настоящее время не удовлетворяются голословными утверждениями, особенно там, где дело идёт о религии, но непременно требуют доказательства.

Священник. Мы, христиане, в этом отношении не имеем причин бояться новейшей науки и её учеников. Мы докажем, что

Священное Писание есть Божественная книга, потому что 1) внешние и 2) внутренние основания говорят за это.

1) Что касается внешних оснований, то, прежде всего это есть сам иудейский народ, который выступает как свидетель подлинности книг Ветхого Завета. Для иудейского народа книги были вместе и религиозным, и политическим законом. Хотя иногда иудеи и чувствовали тяжесть и суровость этого закона, однако они переносили его как иго, Самим Богом на них наложенное. Они поэтому всегда оказывали высокое уважение этим священным книгам и очень далеки были от того, чтобы как-нибудь унижить их. Когда царь Антиох потребовал выдачи их, то многие из иудеев готовы были скорее жизнью пожертвовать, чем исполнить такое требование. Не есть ли это блестящее свидетельство за подлинность книг Ветхого Завета?

Пётр. О значении и достоинстве иудейского народа в общем можно быть различного мнения, но как хранитель Священного Писания он имеет большое значение.

Священник. Дальнейшее доказательство подлинности находим мы в том обстоятельстве, что христиане часто ссылаются на книги Ветхого Завета, чтобы доказать противникам, что они в отношении Спасителя находятся в заблуждении. Но, может быть, иудеи когда-нибудь те места считали неподлинными, в которых идёт речь о будущем Спасителе? Ответ: никогда – они всегда и всюду стояли за подлинность и неповреждённость всех книг.

Дальнейшее доказательство имеем мы в том обстоятельстве, что на книги Ветхого Завета часто ссылается Сам Христос. Так, например, говорит Он: *«если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне»* (Ин.5:46). И в другом месте говорит Он: *«у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их»* (Лк.16:29). Иисус неоднократно ссылался также на Давида и псалмы его и часто приводит места из них, как например: *«седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих»* (Мф.22:44). Того законника, который подошёл к Нему, чтобы искусить Его, Он отослал к закону Ветхого Завета, сказав: *«в законе что написано? как читаешь?»* И когда тот привёл Ему закон о

любви, то Он сказал ему: *«правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить»* (Лк.10:25–28). Что же следует отсюда? Ответ: то, что Иисус Сам признавал книги Ветхого Завета как Божественные книги. Может ли быть для христиан какое-нибудь более убедительное свидетельство о подлинности книг Ветхого Завета, как это!

Что касается теперь книг Нового Завета, то мы и здесь имеем достаточно доказательств их подлинности. За это ближайшим образом говорит их глубокая древность, они относятся к концу первого или по крайней мере к началу второго века, как доказал учёный протестант Тишендорф. Общепризнанный и несомненный факт тот, что эти книги к концу второго столетия были признаваемы уже всеми Церквями.

Фома. И это также правда.

Священник. Мы можем доказать эту глубокую древность. Святой Поликарп, ученик апостола Иоанна, был при смерти святого Иоанна (которая последовала в 100 году по Рождеству Христову) тридцати лет от роду и был наречен этим апостолом епископом Смирнским. В течение всего своего епископского служения, которое продолжалось более 25 лет, он всякое воскресение, при богослужении, читал Евангелие. Мог ли этот ученик апостола не знать, откуда происходит Евангелие? Или мог ли он допустить это учение, если бы он не был убеждён, что оно апостольского происхождения и, следовательно, подлинно и достоверно? От этого епископа и мученика сохранилось ещё письмо к филиппийцам, в котором случайно упоминается о Евангелиях Матфея и Луки, Деяниях Апостольских, о посланиях Петра и Иоанна и почти обо всех посланиях апостола Павла. Не есть ли это опять блестящее доказательство того, что книги Нового Завета не суть произведения позднейшего времени?

Есть ещё и другие свидетели. Это умерший в 107 году в Риме священномученик Игнатий, епископ Антиохийский. От него сохранилось семь писем, которые он написал во время путешествия из Антиохии в Рим. В них находится много изречений из Евангелий святых Матфея и Иоанна, из книги Деяний Апостольских и большей части посланий апостола Павла.

Следующий свидетель есть священномученик папа Климент Третий, преемник апостола Петра. Он написал в 96 году по Рождестве Христове самое позднее послание к Коринфской Церкви, и это писание также полно изречений Священного Писания, как Ветхого, так и Нового Завета. Особенно много мест упоминается из Евангелия Матфея и Луки, равно как и из всех посланий апостола Павла.

Этих свидетелей достаточно, чтобы доказать, что книги Нового Завета восходят к первому веку.

Дальнейшее основание для признания подлинности книг Нового Завета нахожу я в том строжайшем контроле (или цензуре), которому они всегда были подвергаемы. Так как древность их заходила слишком далеко, то они могли быть проверяемы в своей подлинности и неповреждённости теми старцами, которые имели личные отношения с Иисусом и апостолами. Когда из них были прочитываемы за богослужением те или другие места, то те старые люди могли свидетельствовать – действительно ли согласно прочитанное с тем, что они сами пережили. К этому, далее, присоединяется ещё то обстоятельство, что эти книги были собственностью не какого-нибудь частного лица, но достоянием целой церковной общины. Всё, что касается веры и правил, было публично обсуждаемо и рассматриваемо. Сколько забот и бдительности употреблено было в отношении священных книг, этой драгоценности христианских общин, дабы сохранить их в чистоте и неповреждённости! И это тем более следует предположить, что первые христиане за священные книги претерпевали величайшие лишения, скорби и мучения, и даже саму смерть. Где найдётся такая ещё книга в мире, которая в состоянии была бы привести такие свидетельства о своей подлинности и неповреждённости?

Фома. Эти внешние доказательства совершенно неоспоримы.

Священник. Как из этих внешних оснований, так и 2) из внутренних оснований может быть доказана подлинность Священного Писания. Что касается собственно книг Ветхого Завета, то я желал бы указать только на один факт, что

содержащиеся в нём пророчества осуществились в точности до мельчайших подробностей. Что предсказывали эти книги о будущем Спасителе, это исполнилось с такой точностью, что можно подумать, что писатели их жили в то самое время, когда Спаситель жил уже на земле. В этом мы убедились ещё ранее, когда речь была об откровении. Это неопровержимый факт, который не может оспаривать ни один благоразумный человек, что те книги, которые содержат в себе пророчества, написаны были самое менее за триста лет до Рождества Христова, а многие гораздо ранее. Я спрашиваю теперь: откуда взялись эти книги с их пророчествами? Одни ли люди участвовали здесь в составлении их, или скорее нужно признать, что при составлении их действовал Сам Бог?

Фома. Точное исполнение пророчеств ясно говорит за подлинность и Божественный характер этих книг.

Священник. Но подлинность и Божественное происхождение книг новозаветных может быть доказана и по внутренним основаниям. Они сами говорят за себя естественностью и простотой, с какой повествуют обо всём, что в них содержится. Как просто и естественно изображаются факты воскресения мёртвых! Должно предположить, что священные писатели были поражаемы чувством удивления при таких великих чудесах. Но они забывали самих себя и говорили только о чудесном событии. Правда, при изображении других обстоятельств они говорили о себе и о тех, которые принадлежат к числу их; они делают это таким образом, что необходимо бывает сказать: «Здесь мы имеем дело с такими писателями, которые поступают объективно и согласно с обстоятельствами дела. Так, например, они не скрывают, как они спорили между собой, кто самый больший между ними, как они всегда мечтали о земном царстве Мессии, как один из них сделался предателем Иисуса, как другой трижды отрёкся от Него». Я спрашиваю: могли бы позднейшие писатели говорить с такой простотой и непринуждённостью и представлять нам в таком виде апостолов?

Фома. Это прямо невозможно.

Священник. В пользу подлинности книг Нового Завета говорит и то впечатление, которые производят они на читателя. Всё, что здесь рассказывается, производит такое впечатление, что составители сами при этом были и непосредственно всё пережили. В этом можно убедиться, если обратить внимание на те мельчайшие подробности в их рассказах, которые касаются посторонних обстоятельств. Так, например, об Иисусе на Масличной горе говорится: *«И Сам отошел от них на вержение камня, и, преклонив колени, молился»* (Лк.22:41). Мог ли так говорить, так выражаться тот, кто не был очевидцем? Далее читаем мы: *«Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсекал ему правое ухо. Имя рабу было Малх»* (Ин.18:10). Так может говорить и писать только очевидец.

В пользу подлинности новозаветных книг говорит и тот способ, каким изображается лицо Иисуса Христа. Какая это, в самом деле, возвышенная дивная картина, которая представляется здесь нашим взорам! Как кроток и, однако ж, и серьёзен, как строг и, однако ж, и снисходителен к недостаткам, как высок в Своем учении и в то же время так удобопонятен для всех, как искренен и в то же время сдержан, как прост во всей Своей жизни и в то же время как величав Он, особенно в Своих страданиях! Таков Иисус – так изображается Он в книгах Нового Завета. Где взяли бы составители их первообраз или пример для этого характерного облика, если бы они говорили не о том, что видели своими собственными очами. В этом случае они поистине должны были бы быть больше Того, Которого они здесь изображали. Совершенно справедливо, значит, говорит о сём один из богословов наших: «Если что представлялось мне самым сильным доказательством высочайшего характера Священных Писаний, так это тот святой, совершеннейший образ, который они (священные писатели) нарисовали в лице Иисуса».

Фома. Так могут писать только те, которые сами видели Иисуса.

Священник. За подлинность книг Нового Завета говорит далее чудесное обращение к Христу апостола Павла. Когда этот

пламенный преследователь Христа стал последователем и защитником того учения, которое противоречило его образу мыслей и направлению воли, то ясным становится, что на этот великий дух несомненно оказало воздействие нечто чрезвычайное, превышающее человеческие силы. Что он видел, что слышал, это не может быть пустым воображением, иллюзией. Вот почему он и говорит: *«Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал»* (1Кор.11:23). И когда мы читаем его послания, то всюду встречаемся с такими фактами, о которых может передавать только тот, кто видел своими глазами и слышал своими ушами. Этим и объясняется то обстоятельство, что его послания меньше всего встречали возражения, так как они убедительны и достоверны по своим внутренним основаниям.

За подлинность новозаветных Писаний говорит, наконец, их точность и верность, с какой изображаются в них все показания времени, места и событий. Так, например, в притче о работниках в винограднике упоминается о динарии. Хозяин дома договорился с работниками о плате за труд по одному динарию в день (Мф.20:2). Во время царствования Августа, когда жил Христос, фактически дневную плату работника и составлял динарий, между тем как впоследствии цена на деньги так понизилась, что нужно было платить за дневную работу в 25 раз дороже. Если бы Евангелие писали позднейшие составители, то они, конечно, не могли соблюсти такую точность.

Если святой Иоанн пишет: *«нам не позволено предавать смерти никого»* (Ин.18:31), а потом ниже говорит: *«мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть»* (Ин.19:7), то и то, и другое по времени, о котором здесь идёт речь, оказывается верным. Моисеев закон действительно определял за богохульство смертную казнь. Но в то время иудеи не в праве были исполнить этот закон, потому что римляне лишили их права распоряжаться жизнью и смертью человека. Кто, следовательно, настолько знаком с историческим фактом, что сам знает его до мельчайших подробностей, тот, очевидно, есть его современник.

Фома. Что преподали вы нам здесь, батюшка о Священном Писании, это без сомнения верно. Но, выслушивая столько современных возражений против Священного Писания, можно, пожалуй, усомниться в том, действительно ли оно написано по внушению Духа Святого. Так, например, оно говорит об остановке солнца, тогда как солнце не движется, а стоит.

Священник. В книге Иисуса Навина говорится так: *«стояло солнце среди неба и не спешило к западу почти целый день»* (Нав.10:13). Но нужно помнить, что Священное Писание писано для народа, а потому нужно было употреблять и образ выражений также народный, если священный писатель не хотел быть непонятным. Мы говорим: «солнце восходит и заходит», и ни один человек не делает нам упрёка. Мы говорим именно так, как это воспринимает наше чувство, как кажется нашим глазам. Так и Священное Писание должно приспособляться к степени понимания тех, для которых оно написано, и говорить в смысле народа. Если в Священном Писании часто говорится о раскаянии, о гневе Божиим, о глазах и руках Бога и т.п., то никакой благоразумный человек не скажет, что оно, по этой причине, не есть Божественная книга. То же самое нужно сказать и о вышеприведённом выражении.

Пётр. Неверие обычно ко всему придирается и всё порицает, и всё отрицает, хотя бы основание, на которое оно опирается, было не твёрже соломинки. Для верующего христианина Священное Писание есть Книга всех книг, к человеку Богом написанное послание.

Фома. Но я слышал недавно от одного из товарищей ещё одно возражение: Священное Писание повествует, как Каин удалился от лица Господа и жил как беглец, в стране против Эдема, потом в нём есть речь о жене *Каина*. Откуда, говорят, взялась жена у Каина, когда всегда ведь говорят, что все люди произошли от Адама и Евы?

Священник. Где написано в Священном Писании, что Каин и Авель были единственные дети у Адама и Евы? Не должны ли мы скорее признать, что в том высоком возрасте, до которого доживал вначале род человеческий, размножение его должно было происходить быстро, так что напоследок собственные

братья и сестры уже не узнавали друг друга. Почему же не предположить, что та жена, которая с Каином жила в чужой земле, так же как и сам он, переселилась туда и, следовательно, имела, как и он сам, одного и того же родоначальника. Сверх того, Священное Писание никогда не говорит, каких лет от роду был Каин, когда он в чужой стране сошёлся с женой.

Фома. Я вижу, что эти возражения против Священных Писаний натянуты. Это делает неверие на тот конец, чтобы развенчать Священное Писание и низвести его на степень обыкновенной книги.

Священник. Было бы очень полезно вам читать Священное Писание, ибо у нас чтение Священного Писания не воспрещено, как упрекают нас наши противники. Наша Церковь требует только, чтобы чтение Библии было толковое, с объяснениями не по сектантским воззрениям, а по разуму святых отцов и учителей Церкви.

Пятнадцатый вечер. Как относиться к Преданию?

Фома. При нашем последнем разговоре я забыл упомянуть, что протестанты одно только Священное Писание признают источником веры, между тем нас учили считать источником веры не одно только Священное Писание, но и Священное Предание. Кто же теперь прав?

Священник. Ответ на этот вопрос не представляет затруднений, ибо само Священное Писание свидетельствует, что оно не может быть единственным источником веры.

Когда святой Иоанн оканчивал своё Евангелие, то присовокупил: *«Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг»* (Ин.21:25).

Пётр. Из этого вытекает, что Священное Писание содержит в себе не всё, чему учил и что делал Христос.

Священник. Послушаем, что говорит об этом один мыслящий протестант. Это суждение тем драгоценнее, что оно выходит из среды самих же протестантов. Это поэт Лессинг, имя которого у протестантов пользуется доброй славой и который, между прочим, говорит так: «Доказательство на то, что апостолы и евангелисты писали свои книги с тем намерением, чтобы из них можно было узнать христианскую религию всецело и во всей полноте, нельзя привести».

Пётр. Это дорогое изречение, оно поистине уничтожает тех, которые основываются только на одной Библии.

Священник. Но есть ещё лучшие изречения. Тот же самый Лессинг прибавляет: «Не одна только история Христа известна была прежде, чем написали её евангелисты – вся религия Христова была уже в ходу прежде, чем была записана». Молитва Господня «Отче наш» была уже употребляема прежде, чем записал её евангелист Матфей, ибо Иисус Сам научил учеников Своих молиться этой молитвой. Форма крещения была в употреблении прежде, чем изложил её тот же Матфей. Ибо Сам Иисус наперёд указал её апостолам. Если же Христос Сам Своими собственными устами изрёк те вещи, о которых сейчас

только говорили мы, то почему же не должен верить мир и всему прочему, что говорят о Нём апостолы?

Но мы нигде не видим того, чтобы Христос давал поручение апостолам записывать Свои учения. Напротив, читаем, что Он заповедовал им все народы учить и всей твари проповедовать Евангелие. Он не сказал им: «Кто читает ваши книги – тот слушает Меня», но: *«Слушающий вас Меня слушает»* (Лк.10:16).

Мы, православно-кафолические, соблюдаем некоторые религиозные обряды и обычаи, о которых в Священном Писании или совсем ничего не говорится, или даже говорится не так, а напротив. Мы крестим новорождённых детей, хотя в Священном Писании нигде не сказано, что нужно крестить младенцев. Мы соблюдаем первый день недели как день покоя, и именно от 12 часов ночи до 12 часов следующей ночи, хотя заповедь Священного Писания гласит: *«Помни день субботний, чтобы святить его»* (Исх.20:8). И дальнейшее слово гласит: *«от вечера до вечера... празднуйте субботу вашу»* (Лев.23:32). Мы, христиане, не воздерживаемся от вкушения плоти и крови закланного животного, хотя это вкушение строго запрещено было (Быт.9:4), а в Новом Завете этого запрета нигде нет. Мы не совершаем для Таинств омовения ног, хотя Иисус Своим ученикам сказал: *«если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу»* (Ин.13:14). И, кстати заметить, не только мы сыны Кафолической Церкви, но и протестанты соблюдают эти религиозные обряды и обычаи. Как же происходит это? На чём основываются, допуская такую практику? Ответ: на традиции или Предании. Что такое, спрошу я теперь, Предание? Оно есть не что другое, как всё учение Христа, которое апостолы приняли из Его уст и по внушению Святого Духа передавали, так сказать, из рук в руки до настоящего времени. Оно есть не что другое, как совокупность учения Христа о нашем спасении, которое было проповедано апостолами и всегда проповедуется в Церкви. Следовательно, Предание есть незаписанное слово Божие. И так как в начале ничего не писали, а позже только одна часть случайно предана

была письменам, то всё вообще, что говорил и делал Иисус, и составляет предмет Предания.

Предание древнее, чем Священное Писание, и содержит в себе больше, чем последнее. Было время, когда о Священном Писании ничего не знали, но Предание уже давно существовало. Если бы Священное Писание было единственным источником веры, как думают протестанты, то для тех людей, которые жили до появления Священного Писания, не было бы возможности иметь истинную веру. Но ни один здравомыслящий человек не будет утверждать, что те, кои приняли непосредственно учение от апостолов, не были истинными христианами, хотя они и не знали ничего о Библии. Напротив, если бы сейчас все были такими христианами, каковыми были христиане того времени, то мы могли бы считать себя счастливейшими людьми. Таким образом, и без Священного Писания могли в то время иметь истинную веру и быть верными христианами. Почему же? Потому что Предание содержало в себе всю совокупность учения Христа и имело несколько не меньшую цену, как и Священное Писание. Да и сами апостолы придавали Священному Преданию такое же значение, как и Священному Писанию. Так, апостол Павел увещает первых христиан: *«Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим (2Фес.2:15)*. Тот же апостол пишет своему ученику Тимофею: *«что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить» (2Тим.2:2)*. Апостол ссылается на устную проповедь, которую он держал перед лицом многих свидетелей, и которая для его ученика Тимофея должна служить руководством к тому, чтобы и других приготовить к священству. Таким образом, те, которые отвергают Предание, поступают в высшей степени неправильно и неразумно.

Фома. Но крепко и благонадёжно ли это Предание? Что переходит из одних уст в другие путём одного только рассказа, то ведь легко может подвергаться искажению, неточности. Не может ли это иметь место в отношении Священного Предания?

Священник. Чтобы Предание не было искажаемо, к этому прилагается забота, ибо существует известный признак, по которому можно узнать истинное Предание.

По какому же признаку, спросите вы, можно узнать подлинное Предание? Мы узнаем это из того, согласно ли оно с учением всей Церкви, ибо что всегда, что всюду, что всеми признаётся за истину, это и есть истинная католическая вера. Чему, следовательно, всегда учила Церковь, это и есть истинное Предание.

Истинное Предание узнают из решений и канонов Соборов, ибо на Соборах решается, что принадлежит к католической вере, что нет, что относится к православной жизни и что нет.

Истинное Предание познают потом из книг, которые говорят о богослужении и совершении святых Таинств. Церковь не может заблуждаться, и потому те книги, которые трактуют об этом, совершенно благонадёжны.

Истинное Предание узнаётся так же из книг, которые Церковь приняла для исповедания веры и назидания народа. Сюда относятся различные исповедания веры и катехизисы, из которых каждая последующая книга лучше объясняет и шире развивает истины, чем книги прежних времён.

Истинное Предание особенно хорошо познаётся в творении святых отцов, учителей и писателей Церкви. Сначала о спасительном учении Церкви писали именно многие из мужей Церкви – епископы, пресвитеры, диаконы и другие. И всё, что изложено в этих произведениях, это должно быть признано за истинное Предание.

Истинное Предание, наконец, можно видеть и из памятников, статуй и надписей в катакомбах. Во время кровавых гонений на христиан, последние должны были совершать богослужения в подземных церквах и капеллах. Таковые находят в Риме и в них открывают в высшей степени важные памятники, которые, во всяком случае, свидетельствуют за истинное предание. Я перехожу теперь к другому вопросу.

Для чего нужно Предание? – Оно нужно как фундамент или основание Священного Писания, ибо Священное Писание утверждается на Предании, как здание на фундаменте. Писание

и Предание подобны зданию, которое состоит из двух этажей. Нижний этаж есть Предание, потому что оно существовало еще до Священного Писания. Верхний этаж есть Священное Писание, потому что оно впоследствии прибавлено (пристроено) к Преданию. Сыны Кафолической Соборной Церкви населяют, обитают в обоих этажах, между тем как протестанты первый этаж, как якобы устаревший, хотят разрушить и хотят жить только в верхнем. Они забывают, что если нижний этаж никуда не годен и подлежит разрушению, то вместе с ним необходимо разрушить и верхний. Итак, Предание – есть фундамент, на котором покоится Священное Писание, ибо последнее исходит из первого.

Предание нужно, дабы знать, что принадлежит и что не принадлежит к Священному Писанию. Без Предания мы не знали бы, действительно ли четыре Евангелия написаны Матфеем, Марком, Лукою и Иоанном, ещё менее знали бы, по внушению ли Духа Святого написаны прочие книги и содержат ли они в себе слово Божие.

Предание необходимо, чтобы правильно понимать часто очень тёмный смысл Священного Писания. Святой апостол Пётр о писаниях святого апостола Павла говорит, что в них: *«есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей погибели, превращают, как и прочие Писания»* (2Пет.3:16). Отсюда происходит то, что все опирающиеся на одно только Священное Писание из многих пунктов выводят совершенно различное, даже совсем противоположное заключение. Почему тот же апостол пишет: *«никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собой»* (2Пет.1:20).

Пётр. Это значит, что Священное Писание не может быть удобопонятным ни само по себе, ни через себя самого, но что необходимое для этого объяснение должно давать Предание.

Священник. Предание, наконец, необходимо для того, чтобы о многом, чего не находим мы в Писании, делать вывод и заключение, например: о крещении младенцев, о празднике Пасхи, о празднике воскресения и т.д. Отсюда вытекает другой важный вопрос.

Как относились к вопросу о Предании в первые века христианства? Ответ на этот вопрос дают нам творения святых отцов Церкви и церковных писателей. Если мы прочитаем, что написали эти мужи, должны будем сказать – это то самое учение, которое и сейчас проповедует наша Церковь. Можно подумать, что сочинители эти жили не за полторы тысячи и даже ещё более лет, но теперь, в наши дни – так верно излагается там учение нашей Кафолической Церкви! В этом и заключается причина того, почему многие из высокообразованных инославных христиан, особенно в Англии, обращаются к Древне-Православной Церкви – из сочинения святых отцов Церкви они убеждаются, что последние исповедовали то же самое учение, которое сейчас проповедуется нашей Церковью.

Фома. А может ли быть и это доказано?

Священник. Конечно, может; так, например, священномученик Игнатий в начале второго века убеждал первых христиан, что они должны остерегаться появляющихся ересей и с величайшей стойкостью держаться предания апостолов.

Святой Ириней, умерший в 202 году, ученик святого Поликарпа, который, в свою очередь, был учеником святого апостола Иоанна, говорит: «Языки народов различны, но сила Предания одна для всех народов».

Учёный церковный писатель Тертуллиан, который жил во втором и начале третьего века, замечает в отношении Предания: «То учение, очевидно, истинное, которое сперва было передаваемо устно».

Знаменитый учитель Церкви III века Ориген пишет так: «Мы не должны оставлять наше первое церковное Предание».

Святой Василий Великий, живший в IV веке, выражает такое суждение: «В Церкви сохраняется и проповедуется много учений, заимствованных частью из апостольских преданий, которые в Церкви имеют особое значение, и никто не будет этого оспаривать, кто хоть сколько-нибудь знает христианский закон».

Святой Златоуст поясняет слова Священного Писания: *«стойте и держите предания»* (2Фес.2:15) следующим примечанием: «Из этого видно, что апостолы не все свои учения передавали в своих посланиях, но многие и без писания. Последние так же достоверны, как и те. Отсюда мы должны и на предания Церкви смотреть как на предмет нашей веры».

Подобно и святой Августин, живший в том же веке, говорит о Священном Предании, как о равнозначащем со словом Божиим, так часто и так решительно, что здесь невозможно привести все эти выражения. Но и вышеприведённых достаточно для того, чтобы видеть, как Церковь первых веков думала о Священном Предании. Церковь тогда, как и теперь, веровала, что не одно только Писание содержит в себе откровение, как стали думать новаторы XVI столетия, но что и Предание должно иметь значение источника и правила веры. Следовательно, кто отрицает такое значение Предания, тот поступает произвольно и неразумно. Произвольно, потому что он не может представить на то никакого доказательства, и неразумно, потому что он должен сознаться, что без Предания он совсем не знал бы, подлинна ли его Библия и Божие ли слово она заключает в себе.

Инословные ссылаются всегда на первые века и говорят, что тогдашняя вера была истинно Христова вера. И всё-таки они отрицают Предание, которое и тогда уже имело значение как источник и правило веры, наравне со Священным Писанием. Не есть ли это явное противоречие, говорящее далеко не в пользу допускающих его!

Шестнадцатый вечер. Церковь и иерархия

Священник. Показав в двух последних беседах то положение, что Священное Писание есть Божественная книга, а Предание есть содержание всего учения Христова, я ставлю теперь вопрос: кто же должен сказать нам о том, что содержит в себе Священное Писание и Священное Предание, и как нужно объяснять и толковать Писание на основании Священного Предания. Для этого, отвечаю я, Христос установил Свою Церковь. К этой Церкви принадлежат все правоверующие христиане, ведущие свою религиозно-нравственную жизнь под руководством епископов, архипастырей и пастырей. Все они составляют одно таинственное тело, невидимой главой которого служит Христос, а оживляющей душой Дух Святой.

Фома. Всё это очень хорошо, но ныне говорят, что в Церкви нет никакой нужды, и Христос установил (вообще) только невидимую Церковь. Что сказать о таком мнении?

Пётр. Разумному сыну Церкви нельзя оставаться здесь в неведении, ему нужно знать, что он должен отвечать на такого рода возражения. Каждый школьник, прошедший катехизис, знает, что Христос учредил не невидимую Церковь. Ужели, в самом деле, настоятели и члены этой Церкви невидимы? Да потом, не давал ли Христос заповедь о том, как относиться к Церкви, не повелевал ли Он слушаться её? А если Христос установил такую видимую Церковь, то значит, она нужна.

Священник. Совершенно верно, но у нас есть и другие основания для доказательства необходимости Церкви. Церковь нужна ещё для учительства, учреждённого Христом. Пока Он жил видимо на земле, Он Сам исполнял эту должность, путешествуя по всей земле иудейской, переходил из города в город, из деревни в деревню, чтобы распространять Своё небесное учение. И Он с успехом учил народ, ибо Он говорил как власть имущий, а народ слушал Его, как никого другого. Когда же приблизилось время отшествия Его на Небо, тогда Он должен был позаботиться, чтобы спасительное учение Его продолжало распространяться и между будущими поколениями.

Поэтому Он сказал Своим апостолам: *«Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы»*(Мф.28:18–19). Если апостолы должны учить все народы, то все народы должны и слушать их учение. Христос указывает здесь на обязательность учительства, которую Он возложил на апостолов. А они должны заботиться о том, чтобы это учительство продолжалось и после их смерти, ибо Бог хочет, чтобы все люди сделались счастливыми, пришли в разум истины. Следовательно, люди должны во все времена иметь возможность участвовать в истине и благодати Спасителя. Кто же должен исполнять должность учительскую, которую поручил Христос апостолам теперь, по смерти их? Ответ: епископы и поставленные ими пресвитеры. Их задача – почерпнуть из Священного Писания и Священного Предания богооткровенные спасительные истины и излагать их как истины веры.

Но Церковь нужна не ради только исполнения учительской обязанности, но и ради 2) авторитета, которого требует и желает Христос. Нигде в Священном Писании не находим мы указания на то, чтобы каждый христианин имел право быть сам господином в делах веры. Нигде не говорится: ты вправе веровать, во что хочешь или что сам вычитываешь, извлекаешь из Священного Писания, – как думают неверные и сектанты. Начало свободного исследования, следовательно, основывается не на Священном Писании и нигде не указано Христом. Мы читаем здесь даже противное. Когда Иисус посылал учеников на проповедь, то сказал им: *«Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается; а отвергающийся Меня отвергается Пославшего Меня»* (Лк.10:16). Христос хочет, следовательно, чтобы слова Его посланных (апостолов) выслушивались как Его собственные слова. Он облакает, следовательно, их известным авторитетом, известной полнотой власти. И этим авторитетом должны обладать не одни только Его непосредственные ученики и апостолы, но и их дальнейшие преемники, ибо к ним относится слово: *«Слушающий вас Меня слушает»*. Само Священное Писание свидетельствует, что этот авторитет, коим облечены были они Христом, признавали уже первые христиане, именно

когда в Антиохийской Церкви произошла разница во мнении о том, имеет ли Моисеев закон ещё силу или он отменён Христом, то решили, чтобы Павел и Варнава и некоторые другие отправились за разрешением этого вопроса к апостолам и старейшинам в Иерусалим (Деян.15:2 и далее). Далее рассказывается, что этот вопрос разрешён был на Соборе апостолов и пресвитеров, под председательством апостола Петра. Эти первые христиане не нашли достаточным, следовательно, решить дело своим собственным свободным умом, но обратились к авторитету апостолов и отдали это дело на суд и решение последних. Дабы мог продолжаться этот, от Христа ведущий своё начало авторитет, и необходима Церковь.

Пётр. Я представляю себе это дело в таком же виде, как бывает в нашем военном ведомстве. Здесь господствует полная подчинённость, когда одни стоят выше других и повелевают им. Там есть генералы, полковники, офицеры и простые солдаты – и здесь есть архиепископы, епископы, пресвитеры, диаконы и церковники.

Фома. Но говорят, что Христом установленной Церкви давно уже нет на земле, а теперь существующая не содержит уже в себе истины христианского учения.

Священник. Если бы это была правда, то тогда пришлось бы прийти к такому заключению, что Христос плохо заботился о Своем деле и, следовательно, Он напрасно исполнял в мире Свою учительскую обязанность, напрасно установил Церковь, напрасно и сообщил ей дары Святого Духа. Ведь Сам Спаситель сказал, что *«Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет»* (Ин.14:16–17). Благодать Святого Духа преемниками апостолов через хиротонию передаётся и будет передаваться от одних к другим вовек.

Фома. Говорят, что архиереи наши напрасно и право рукоположения-то присвоили себе. Лучше было бы, если бы целое общество избирало себе подобных наставников, чем одному епископу поручать это дело.

Священник. Я знаю, что сейчас есть такие сектантские общества, которые так и делают. Но мы должны соблюдать тот порядок, который указан Самим Христом и Его апостолами. Спаситель не всем верующим, а только избранным апостолам дал власть учить, крестить (Мф.28:18–20), решать и вязать грехи (Мф.18:18, Ин.20:21–23) и рукополагать пресвитеров. В доказательство последнего я могу указать на следующий пример из Церкви Апостольской. Для церквей Критских нужны были пресвитеры. Там, в городах, между христианами много было почтенных и учёных старцев. Однако ж, апостол не им поручил довершать недоконченное по церковным делам и поставить по всем городам пресвитеров, и не обществам дал это право, а оставил для сего на Крите епископа Тита (Тит.1:5). Другому епископу Тимофею заповедано в первом послании: *«Рук ни на кого не возлагай поспешно»* (1Тим.5:22). Христиан же всех Божественное Откровение обязывает такими заповедями: *«каждый должен разуметь пастырей и учителей, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божиих»* (1Кор.4:1); *«повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших»* (Евр.13:17). Это заповедал и Сам Спаситель, и притом с угрозой, сказав: *«Слушающий вас Меня слушает»* (Лк.10:16); *«сказываю вам, что Содому в день оный будет отраднее, нежели городу тому»* (Лк.10:12). Таким образом, от самых апостольских времён не было примера, чтобы само общество без епископа поставляло кого в пастыри. Если же сейчас находятся такие самочинные общества, которые позволяют себе это делать, то это печальное и болезненное явление в нашем христианском мире. Это предсказано было ещё апостолом Павлом: *«будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху»* (2Тим.4:3).

Фома. А мне от некоторых сектантов, односельчан моих, пришлось выслушать такое суждение, что наши архиереи совсем не нужны. У христиан якобы должен быть один Архиерей – Христос Спаситель, этот Небесный Первосвященник, имеющий непреходящее священство. *«Таков, – говорят они с*

апостолом, – и должен быть у нас Первосвященник: Святой, непричастный злу, Непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес» (Евр.7:26). Как же, говорят они, ваши архиереи осмеливаются соперничать с Самим Христом?

Священник. Вместе с апостолом мы признаём, что Господь Иисус превознесён выше небес и что Он Верховный Глава нашей Церкви. Но это нисколько не доказывает, что архиереи и священники (по чину Аарона) не нужны. О том, что наши первосвященники и священники совсем не нужны, во всём Священном Писании не говорится ни слова. А о том, что они нужны, говорится не в одном, а во многих местах. Например, в 5-й главе послания к Евреям (ст. 1–4), мы читаем: *«Всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, и посему он должен как за народ, так и за себя приносить жертвы о грехах. И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом»*. Здесь апостол признаёт нужным для людей первосвященников, из людей же, потому что они, будучи немощными сами, могут снисходить к немощам и других человеков. Далее о новозаветном священстве ещё через пророка Исаию Господь сказал: *«Приду собрать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою. Из них буду брать также в священники и левиты»* (Ис.66:18, 21). Это пророчество и сбывается в нашей Церкви, которая продолжает существовать по Новому Завету, *«для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия»* (Еф.4:12–13). Для такого служения и поставил Христос одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, а иных пастырями и учителями (1Кор.12:28).

Фома. Но сектанты говорят, что наших архиереев нельзя признать ставленниками Христа. Они – вельможи, а не такие пастыри и учителя, которые поставлены были апостолами.

Пётр. Да, но ведь они и должны быть вельможами – такими же, какими были первосвященники иудейские. Сан их высокий, и обязанности весьма важные и тяжелые. Первые

пастыри до четвёртого столетия находились в унижении оттого, что цари были язычники и гонителями христианства, а теперь какой православный царь допустит, чтобы архипастыри народа бедствовали? При всём том, они вельможи только по внешности, а посмотрели бы, какую они жизнь ведут: жизнь их замкнутая, монашеская служба церковная почти ежедневно, народ всякий – знатные и простые бедняки с просьбами и за советами идут к ним с утра до ночи, пост и молитва своим чередом, мирских удовольствий – никаких. Смотри на их подвиги, нельзя не признать, что они действительно званные от Бога и благодати Божией исполненные. Правда, бывают и исключения – но где же их нет, и какая семья бывает без уroda. К тому же таких пастырей Церковь и не терпит, но лишает их сана, а иногда извергает из общества верующих.

Священник. Спасибо, Пётр, за здравое суждение, с коим я совершенно согласен и в подтверждение его многое мог бы сказать и от себя. Но я за лучшее считаю предложить вам послушать, как рассуждает о Церкви более меня авторитетный учитель, именно святой Иоанн Златоуст.

Святой Иоанн Златоуст так рассуждает о Церкви: «Невозможно переплыть море без корабля. А Святая Христова Церковь в мире то же, что корабль в море. Господин сего духовного корабля – Сам Всемогуший Бог Отец, Кормчий – Единородный Сын Его, благоприятный ветер – Дух Святой, подчинённые правители этого корабля – апостолы и преемники их – пастыри церковные, плывущие на сём корабле – все право верующие христиане. Дно и основание сего корабля есть правая вера во Святую Троицу; бока корабля, передняя часть его и кормило означают правые догматы веры, заповеди Божии, предания Церкви, правила апостолов и Вселенских Соборов; мачта – святой Крест Христов, которым всё в Церкви скрепляется и утверждается; паруса – любовь; якорь – надежда. Духовный сей корабль – Церковь из разных стран имеет перевозить через житейское море всех право верующих и истинных христиан в Небесный Иерусалим и хотя обуревается многими ветрами и волнами (лжеучений и гонений), но никогда не подвергается крушению. Сколько врагов и гонителей ни

восставало на Святую Церковь, она никогда не была побеждена, потому что утверждается словом Господним». *«Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»* (Мф.16:18).

Пётр. Да это не то, что самозванные учителя-земляки мои, собирающиеся вокруг немцев-колонистов, которые чуть-чуть поумнее их и, толкуя по-своему Священное Писание, решают вопросы веры. И до чего дошли эти самозванные учителя! Они не признают святых угодников, отвергают святые иконы, посты, праздники, уставы Церкви, чинопоследования, молитвы; они отринули всё православие, которое проповедовал Господь Иисус Христос и Его святые апостолы и которое истолковали сотни и тысячи величайших отцов и учителей Церкви (одного из коих мы сейчас слышали) – то православие, которое утвердили Вселенский и Поместные Соборы пастырей, церковных, просвещенных Духом Святым. Вот до чего дошли простецы, самозванцы, незаконно присвоившие себе право учительства, вот чему они учатся сами и чему могут и других научить.

Священник. Мысли совершенно правильные и с учением Церкви согласные. Из сего следует друзья, что нам как можно крепче следует держаться Церкви – этой хранительницы истины и чистоты христианского вероучения. И от пастырей её поучаться, как жить по вере и правде Христовой, а не от самозванных учителей, святотатственно присвоивших себе право учить других вере, *«но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают»* (1Тим.1:7).

Семнадцатый вечер. Почитание святых

Священник. Здравствуйте, друзья! Садитесь, и будем продолжать наши беседы. Вчерашний вечер вы, Пётр, сильно высказались против непризванных учителей наших – сектантов. Да, таких учителей у нас расплодилось теперь очень много. У нас есть штундисты, пашковцы, молокане, толстовцы, духоборы и т.д. Расходясь в частности, они сходятся в одном, что все они рационалистического пошиба и враги нашей Православной Апостольской Соборной Церкви. Судя по вчерашней твоей горячей речи, и тебе уже, друг, довольно пришлось наслушаться их, а, может быть, приходится задуматься над их учением. А потому, кажется, не бесполезно будет нам заняться теперь разбором тех возражений, какие они делают против учения нашей Церкви о почитании святых угодников и святых икон, святых Таинств, о чём вчера было тобой упомянуто.

Скажи же мне, какие чаще всего они делают возражения и нападки на учения нашей Церкви о почитании святых.

Пётр. Прежде всего, они обвиняют нашу Церковь в многобожии и идолопоклонстве; почитая святых и призывая их в своих молитвах, говорят они нам, вы ставите их наравне с Богом, молитесь и поклоняетесь им как богам, тогда как Сам Господь Бог сказал: *«Я Господь, Бог твой... да не будет у тебя других богов пред лицом Моим»* (Исх.20:2–3).

Священник. Но ведь это такого рода упрёк, который неоднократно и самым торжественным образом отражаем был и отдельными отцами, и учителями нашей Церкви, и целыми Соборами; и пора бы нашим противникам признать вопрос разрешённым и успокоиться. Наша Церковь слишком далеко от многобожия и идолопоклонства. Одному только Триединому Богу она поклоняется, а святых только почитает. А между поклонением Богу и почитанием святых громадное расстояние – такое же расстояние, какое между Творцом и тварью. Богу поклоняться – значит исповедовать, что Он виновник и причина всех вещей, что Его могуществу подчинено всё, что от Его воли и власти зависит всё, как на небе, так и на земле. Святые же

суть творения, и мы никогда не ставим их наравне с Творцом. Мы хорошо знаем, что они были такие же люди, как и мы, и потому никогда не смешиваем их с Высочайшим Существом. Но мы оказываем им ту честь, любовь и уважение, которые они заслужили своими нравственными подвигами и добродетелями. Ведь оказывают и в мире почести тем из людей, кои прославились какими-нибудь великими деяниями и стяжали себе известность, например, в области науки, искусства и т.д. Ведь прославляют же их заслуги, празднуют же дни их рождения, ставят же им великолепные памятники и монументы. Ужели же одной Церкви не должно быть позволительно делать это в отношении к тем, которые прославились своей святостью. Если наука, отвага и храбрость достойны уважения, то тем более право на уважение имеет без сомнения добродетель и святость, в которых и состоит истинное величие перед Богом.

Пётр. Но и сектанты признают, что почитать угодников следует в том смысле, как сейчас сказано, то есть почитать как обыкновенных гражданских героев, прославивших себя подвигами храбрости и любовью к Отечеству. Но отвергают они почитание святых в том смысле и виде, как почитает их наша Православная Церковь, повелевая воздвигать в честь их имён церкви, совершать в память их церковные празднества и призывать их в молитвах, возжигать перед иконами свечи и курить фимиам – всё это они называют идолопоклонством.

Священник. Как же глубоко они ошибаются! Правда, мы «*призываем*» святых в молитвах наших, но иное дело призывать Бога, и иное призывать святых Его. К Богу обращаемся мы с молитвой как к Единому Всемогущему Существо, от Которого нисходит «*всякое даяние благо и всяк дар совершен*» (Иак.1:17); святых же мы просим только ходатайствовать за нас перед Богом, как друзей Бога, которые суть и наши друзья; мы просим их соединить свои молитвы с нашими, вместе с нами предстать перед Престолом Всевышнего. Сами по себе они не могут дать нам просимых благ, но могут помочь нам своими мощными молитвами перед Богом. Почему мы и обращаемся к Богу со словами: «помилуй нас», а к святым: «молите Бога о нас». Что же в таком

обращении к святым нехристианского, идолопоклоннического? Ужели можно назвать идолопоклонством то, например, если я, находясь в каком-нибудь несчастье, говорю своему собрату: «помоги мне своими молитвами пред Богом».

Пётр. Конечно, нет, неправота сектантов в этом случае ясна до очевидности, но они этим не ограничиваются, а выдвигают возражения, по-видимому, более сильные. Они говорят: «Бог хочет, чтобы мы всю надежду возлагали на Него одного, Ему только открывали свои нужды, так как Он Сам удовлетворит нас в них». Но рядом и наравне с Ним возлагать надежду на святых и к ним обращаться, как к Его помощникам – это уже, говорят они, недостаток надежды на Бога, недоверие к Его всемогуществу, унижение Его величия.

Священник. Я только что сказал вам, что в Боге мы признаём виновника всех как телесных, так и духовных благ, что мы никого не считаем равным Ему. Если же просим святых ходатайствовать за нас пред Богом, то через это не умаляется ни надежда наша на Него, ни власть Его над нами, а равно не оскорбляется и не унижается Его Божественное величие. Когда мы желаем от земного царя какой-нибудь милости и обращаемся к его другу, к его матери или к кому-либо из близких ему людей, чтобы они присоединили свои просьбы к нашей, то через это царь ничего не теряет и не перестаёт быть царём, от которого всецело зависит просимая милость. Его величие и высота от этого не только не унижается, а напротив, возвышается высотой тех, которые его просят. Причина, почему мы обращаемся к помощи святых, заключается не в недостатке нашей надежды на самих себя. Мы знаем, что Бог может нам дать всё, что нам нужно, но не знаем, достойны ли мы того, чтобы Он услышал нас. Мы стоим перед Ним как грешники, с сознанием, что мы злоупотребляем Его благостью и оскорбляем Его величие, а потому, не надеясь на себя, прибегаем к помощи тех, кои ближе к Нему, кои постоянно видят лице Отца Небесного, кои святее и любезнее для Него, чем мы. А чем святее, чем праведнее молящийся, тем действительнее и успешнее молитва. *«Много может, – говорит апостол Иаков, – усиленная молитва праведного»*(Иак.5:16). Когда мы прибегаем

к молитвенной помощи святых, то в этом сказывается не недостаток нашей веры и упования на Бога, а скорее благоговение к Нему, сознание нашей греховности и недостойности, наше смирение.

Фома. Против таких доводов ничего нельзя возразить, но святые, говорят, никакого не имеют обращения с людьми на земле. Они не могут знать, что происходит на земле. Поэтому или им нужно приписать всеведение и, следовательно, сделать их богами, или согласиться с теми, которые говорят, что обращение к ним бесполезно.

Священник. Кто утверждает, что между святыми и нами нет никакого общения, тому мы вправе сказать то же, что сказал некогда Спаситель саддукеям: *«заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией... Бог не есть Бог мертвых, но живых»* (Мф.22:29,32). В Священном Писании общество христиан называется одним духовным телом, у которого глава Христос, а члены – все верующие, как живущие на земле, так и перешедшие в горний мир (Еф.5:23, Евр.12:22–23). Если же Церковь Небесная и Церковь земная составляют одно тело, то, очевидно, между угодниками Божиими и живущими на земле, как членами одного тела, есть тесная духовная связь и взаимное друг на друга влияние. Как в обыкновенном теле члены его, находясь в тесной связи между собой, пекутся друг о друге, и *«посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены»* (1Кор.12:26), так и в мире духовном святые угодники должны сочувствовать нам, как сочленам одного с нами тела и оказывать нам небесную помощь. И слово Божие, и летописи христианской Церкви представляют тысячи доказательств, что святые действительно ходатайствуют за нас пред Богом, поддерживают нас в минуты искушений и оказывают иногда чудесную помощь.

Фома. А ведь сектанты, как мне приходилось слышать, говорят, что о почитании святых ни в Священном Писании, ни в древней христианской Церкви нет никаких указаний и многие из святых отцов совсем не говорят об этом.

Священник. Нелепость сего возражения, ни на чём не основанного, до очевидности ясна. Из Священного Писания мы

уже привели несколько таких мест, а если некоторые из святых отцов ничего не говорят об этом, то это ничего не доказывает при засвидетельствовании этой истины едва ли не сотнями других святых отцов. Насколько справедливо было бы, если бы мы, не находя, например, у евангелистов Иоанна Богослова и Матфея рассказа о вознесении Спасителя на Небо, отвергли это событие, несмотря на то, что два других евангелиста – Марк и Лука с поразительной ясностью засвидетельствовали это событие?

Пётр. Как утопающий хватается за соломинку, так и сектанты, запутавшись и утопая в своих заблуждениях, хватаются для подтверждения своего заблуждения за всякую мысль, хотя бы нелепость её была очевидна с первого взгляда.

Священник. Но если бы и не было ни в Писании, ни в Предании таких свидетельств о ходатайствах за нас пред Богом святых угодников, то мы должны верить этому, потому что святая любовь, которую христиане должны питать друг к другу и которой праведники одушевлены были во время земной их жизни, *«все переносит, никогда не перестает»* (1Кор.13:7, 8). По словам апостола, она сохранится и тогда, когда *«пророчества прекратятся, и языки умолкнут и знание упразднится»*, и мы будем видеть Бога не сквозь тусклое стекло, как ныне, а лицом к лицу, то есть когда умрём и переселимся в Царство Божие – на Небо (1Кор.13:8–12). Скажем более, тогда она не только не прекратится, но ещё усилится, потому что на Небе, при самом Источнике её – Любвеобильном Боге, всё должно питать, возбуждать, укреплять и возвращать её. Поэтому нельзя допустить, чтобы святые люди по переселении на Небо перестали любить своих братьев и принимать любовь свою.

Пётр. Для меня это становится ясно как день Божий, когда я представляю себе, как велика была любовь святых к своим братьям. Возьмём, например, Моисея, который в порыве этой любви молился за народ еврейский и взывал ко Господу: *«прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал»* (Исх.32:32). Или святой апостол Павел, который говорит о себе: *«я желал бы сам быть*

отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти» (Рим.9:3). Если святые угодники так горячо любили ближних, когда жили на земле и имели свои нужды и недостатки, то, что мешает им заботиться и молиться за нас теперь, когда они наслаждаются вечным блаженством там, где нет ни печали, ни вздыханий?

Священник. Совершенно верно. Ты, друг, словно побывал, как говорят, у меня на уме. Ты сказал то же, что и я хотел сказать в подтверждение высказанной своей мысли.

Фома. Но знают ли, могут ли знать святые о нас, о судьбе нашей? Слышат ли, могут ли слышать они наши молитвы? Если да, то не должны ли и мы им приписывать всеведение?

Священник. Православная Церковь никогда не приписывала святым своим ни всеведения, ни вездеприсутствия, ни всемогущества. Эти свойства принадлежат Богу, и приписывать их святым было бы богохульством. Но таким же богохульством было бы и сказать, что Бог не в состоянии сообщить им знание того, что происходит на земле. Какое изумительное знание сообщил Он им, когда они жили ещё на земле? Так, пророков, например, просвещал Он настолько, что они предвидели будущее. Апостолу Петру открыл Он сердце Анании и Сапфиры, апостола Павла восхитил до третьего неба, где он слышал неизреченные глаголы (2Кор.12:2). Если же Бог даёт такое ведение Ангелам, которые тоже не всеведущи, то без сомнения, Он может сообщить знание наших душевных расположений и наших молитв и святым. Таким образом, не будучи всеведущими, они могут знать всё, что нам нужно и о чём мы их просим.

Точно так же не нужно святым угодникам быть и всемогущими, чтобы исполнять наши прошения и подавать потребную помощь. Они исполняют наши прошения не сами по себе, не своей собственной силой, а по воле Божией, силой Божественной благодати, живущей в них. Всемогущество принадлежит, как мы сказали, одному Богу. Святые же лишь, так сказать, проводники Божественного всемогущества. Для уяснения сказанного представим такой пример: Русскому Государю принадлежит самодержавная, неограниченная власть

над государством. Проводниками этой власти служат все наши начальники. Но разве кто скажет, что кто-либо, хотя бы из самых высших и приближенных к царю начальников имеет, как и царь, неограниченную власть?

Фома. Но хотелось бы мне, отче, получить разъяснение ещё одного недоумения – это по вопросу о достоверности явлений святых угодников людям, о которых приходилось мне читать и слышать. Мне кажется, что эти явления суть только призрак, обман чувств, одно воображение. Разве не бывает, что людям иногда, особенно же в болезненном состоянии, представляется такое, чего на самом деле не бывает?

Священник. Напрасно вы так думаете, Фома. Явления святых угодников игрой расстроенного воображения или следствием болезненного состояния тех, кому они являются, нельзя объяснить, и вот почему: во-первых, ужели всех, кто удостоился явления святых, можно заподозрить в расстроенном или болезненном состоянии? Как объяснить тогда такие явления, которые были ни одному человеку, а целому сонму праведников, например, явление Ангелов по вознесении на Небо Господа? Предположить, что все апостолы в то время были в болезненном состоянии, в каком и привиделся всем им одинаковый призрак в виде двух Ангелов, значит допустить ещё большее чудо, чем само явление. Во-вторых, неправильно объяснение явления святых угодников болезненным состоянием и потому, что призрачные явления, представляющиеся человеку в расстроенном состоянии, не имеют никакого значения для человека по выздоровлении, он совсем о них забывает. Между тем как явления людям святых небожителей оставляют в их душе неизгладимое воспоминание и производят в человеке дивные и для всех заметные перемены к лучшему. Для доказательства сего приведу из одного духовного журнала случай явления во сне святого Митрофана Воронежского. Рассказчик, сообщающий об этом событии, зашёл однажды в монастырь, где покоятся мощи святого Митрофана, чтобы выслушать молебен и приложиться к мощам угодника. Молебен только что начали. Служил какой-то сельский священник и служил отменно, как настоящий аскет-монах, и по

временам, в особенности во время чтения акафиста, даже плакал. Когда же он произнёс: «Радуйся, яко в сониях и видениях во благо нам являешия», – голос его дрогнул, и чтение на минуту остановилось, ибо священник от слёз не мог продолжать. После оказалось, что рассказчик и священник, читавший акафист, были товарищами по семинарии. Вечером они свиделись на квартире сельского священника, и между другими разговорами гость заметил священнику: «Да, брат, ты отменно служил, я в восхищении от твоего служения». – «Ты говоришь так потому, – ответил он, – что был свидетелем сегодня моих слёз в монастыре?» – «Да». – «Но по нынешней моей службе нельзя сделать общего заключения о моей религиозности, иногда самые отчаянные грешники поражают своим богомольем, – к таким особам принадлежу и я. Я не мог сегодня не плакать в монастыре, во-первых потому, что я приехал сюда нарочно на богомолье, во-вторых, я имею особенное побуждение благоговеть перед великим угодником Божиим Митрофаном, – а какое побуждение тебе, как другу, пожалуй, я открою. Ты знаешь, – начал он, – меня хорошо по семинарии и помнишь ту перемену, которая произошла со мной за два года до окончания курса, я захандрил и стал мучиться религиозными сомнениями. Но я был не из числа тех безбожников-ветрогонов, которые к вопросам веры относились слегка, даже щеголяли перед другими вольными мыслями. Нет, детские верования были крепки в моём сердце, мне нелегко было расстаться с ними, почему я не сразу поддался новому учению, я предъявил ему борьбу – борьбу страшную на жизнь или на смерть. Моя мысль постоянно занята была решением вопросов, они лезли мне в голову, даже против моей воли – днём и ночью, в классе во время лекций и в столовой во время еды. Справиться с этими вопросами, конечно, было мне не по силам, и это причиняло мне такую муку, такую тоску, что я не рад был и жизни. Открою тебе, друг мой, что в моей голове зародилась и чуть было не созрела ужасная мысль, чтобы покончить со всеми мучившими меня вопросами, броситься с Чернявского моста. Но Господь не допустил меня до самоубийства, и это произошло так. Раз после классов прихожу

в 3-е среднее отделение готовить лекции по Священному Писанию. Стал читать записки, прочитал пророческие места из псалмов Давида и задумался над вопросом, как же могло случиться, что на Иисусе Христе сбылось всё то, о чём писали пророки за тысячу лет назад – и так явственно писали, как будто они были современниками Иисуса Христа и писали историю Его жизни? Этот вопрос так вскружил мне голову, что я не знал, куда деться. Боже, молился я, взглянув на икону Спасителя, если Ты существуешь, спаси меня! Слёзы брызнули из моих глаз, и я упал ниц. Я рыдал, как дитя. От слёз мне стало легче – мысли не жгли мне мозга, я стал мало-помалу успокаиваться и, наконец, уснул там же, на полу. И вижу такой сон (этого сна я никогда не забуду), будто я нахожусь в саду, в какой-то тёмной, заросшей густыми деревьями балке. Кроме меня там нет никого. Я слышу вой зверей и спешу выйти оттуда, но берега балки так круты, что я лишь только хочу подняться, как сейчас же обрываюсь и падаю в пропасть. Но вот заходит солнце, начинает темнеть. Завывание зверей становится сильнее, я слышу в чаще деревьев их шорох, мной овладевает страх, я кричу о помощи. Смотрю вверх, нет ли кого из товарищей, кто бы мог бы меня взять за руку и помочь мне выйти, и вижу вверху балки с западной стороны чуть света и фигуру человека в длинной черной одежде – я поднимаюсь к нему и узнаю святого Митрофана. «Святителю Митрофане, – говорю я, – спасите меня», – и подаю ему руку. Святой Митрофан наклонился ко мне, взял меня за волосы, вытащил на берег и говорит: «Смотри, вперёд сюда не ходи!» Я проснулся – чувствую в голове своей боль, а в сердце ощущаю радость. И с тех пор я навсегда порешил с религиозными вопросами, они больше уже не мучают меня – верую, чему учит нас Святая Православная Церковь, и ни в чём не сомневаюсь. Так вот почему, друг, слёзы невольно льются из глаз, когда читаешь в акафисте святителю Митрофану: *«Радуйся, яко в сонях и видениях во благо нам являеши!»* Благодарю Бога, – закончил свой рассказ священник, – что Он Милосердный, через Своего угодника спас меня – но когда подумаешь, что есть на свете

ещё такие страдальцы, каким был я, то больно и страшно становится на душе» (Пастырский Собеседник, 1880 г. № 9).

Фома. Да, но можно ли поверить тому, что говорится о чудесах святых. Ведь люди, по крайней мере, многие из них, настолько склонны к чудесному, что часто выдают за чудо обыкновенные явления, а иногда даже вымышляют такие чудесные события, которых совсем не бывает.

Священник. Не отвергаю того, что есть люди, которые выдумывают ложные чудеса. Но что же из этого следует? Ужели то, что все чудеса ложны? Напротив. Если существуют ложные чудеса, то это значит, что прежде них были и теперь бывают чудеса истинные, под которые подделываются ложные чудеса. Возьмём простой пример. Что явилось прежде: настоящая монета или фальшивая? Да и могла ли фальшивая монета явиться в том случае, если бы не было настоящей монеты? Каждый здравомыслящий согласится с тем, что появление фальшивой монеты предполагает существование монеты действительной, настоящей, под которую фальшивая монета только подделывалась. Наконец, нельзя подозревать в фальши сказания о чудесах святых и потому, что эти сказания записаны или в Библии (чудеса пророков и апостолов), или в церковных летописях, то есть содержатся или в Священном Писании, или в Священном Предании и, таким образом, утверждаются в непогрешимости Святой Церкви, которая есть «*столп и утверждение истины*» (1Тим.3:15).

Если немалым счастьем почитаем мы для себя общение с великими людьми мира сего, если и при их содействии мы достигаем иногда немалых благ для себя, то тем большим счастьем для нас должно быть общение со святыми небожителями. Стоя близко к Престолу Всевышнего, каких милостей и благ не могут исходатайствовать они для нас по нашим молитвам.

Пётр и Фома. Благодарим за наставление и просим не отказать нам в этом и завтрашний вечер.

Восемнадцатый вечер. Иконопочитание

Пётр. Мы надеемся сегодня, отче, выслушать беседу о почитании икон, ибо нигде не проявляют сектанты такой смелости, как в отношении этого предмета. Святые иконы они с дерзостью называют прямо идолами и истуканами и приравнивают их, страшно сказать, к бесам (Откр.9:20).

Священник. Всё это хорошо знаю я, знаю, с каким неистовством и запальчивостью нападают они на этот пункт нашего вероучения, знаю и то, как хитро расставляют они эти свои сети и соблазняют малоопытных членов нашей Церкви, а потому почту своим долгом разъяснить вам смысл и основание нашего иконопочитания; но прежде чем приступить к беседе, я прошу вас помолиться со мной Господу Богу, чтобы Он дал нам силу, охоту и любовь к уяснению этого предмета и чтобы слово моё не прошло бесследно.

Пётр. Усердно молим Господа и призываем Его благословение, да просветит Он нас вашими устами, дабы при случае мы и сами могли сказать братское слово истины заблуждающемуся брату своему!

Священник. Почитание святых икон сродни нашей душе и имеет глубокое основание в природе человека. Кто близок нашему сердцу, кого мы любим, уважаем, того желали бы иметь постоянно с собой, и если это невозможно, стараемся, по крайней мере, иметь изображения или портреты этих лиц, чтобы таким образом лучше хранить в своей душе память о них, как бы приближая их к себе через созерцание изображения их. Этим портретам мы стараемся оказать всевозможную почесть. Покупаем для них рамки, вешаем или стараемся ставить на видном месте, часто смотрим на них, а иногда даже целуем, выражая тем любовь свою к тому лицу, которое изображено на портрете. И чем больше мы любим и уважаем известного человека, например, отца, мать, сына, жену, близкого друга, тем дороже для нас его портрет. «Видел я, – пишет один мирянин к мирянину, – видел я старушку мать, у которой взяли сына в солдаты. Плакала и горевала старуха, несмотря на то, что при

ней жил ещё один сын и несколько дочерей, с ненасытной любовью говорила она только о своём соколе-молодце, с непонятной почти совокупностью берегла все вещицы, все мелочи, принадлежащие её сыну-солдату или напоминавшие только о нём. И вот, её сын, благодаря услужливости какой-то уездной фотографии, прислал любимой матери свой портрет. Боже мой, сколько радости и счастья для старухи при виде дорогих черт милого сына, сколько слёз и поцелуев излилось на дорогую карточку!» И сколько можно привести таких примеров, когда иной прямо-таки не хочет ни на минуту расстаться с изображением дорогих ему лиц!

Пётр. Я знал одного супруга-отца, который, похоронив жену свою, оставившую ему целую кучу детей, по целым ночам просиживал перед портретом умершей, обливая его горячими слезами и ежеминутно осыпая поцелуями.

Священник. И чем, повторяю, ближе и дороже нам известное лицо, тем дороже и милее и его изображение. А кто драгоценнее всего для христианина, как не Сладчайший наш Спаситель, открывший нам доступ в Царство Небесное? Кто дороже для нас, как не Матерь Божия, воспитавшая на руках Своих Спасителя и Владыку мира! Кто ближе к нам, как не Ангелы и угодники Божии, наши хранители, молитвенники и заступники пред Богом? Но мы никого из них не видим. И вот, чтобы, так сказать, приблизить их к нам, чтобы лики святых постоянно были с нами, хотя бы в своих изображениях, Святая Церковь и ввела в употребление в храмах и домах христианских святые иконы. Скажите же по совести, есть ли тут что-нибудь неестественное, неразумное, из-за чего можно было бы спорить и вести бесконечные пререкания?

Пётр. Конечно, нет. Мы почитаем изображения родных и близких нам людей, чуть ли не в каждом доме у нас имеются портреты Государя Императора, царской семьи, народных героев и проч. Почему же не почитать и не благоговеть перед изображениями Сладчайшего Спасителя, Его Пречистой Матери и святых угодников Божиих?

Фома. Но какое же значение имеют иконы в жизни христианина? Ужели только то, чтобы смотреть и любоваться на

них?

Священник. В жизни христианина и в деле святой веры нашей иконы имеют громадное значение. Во-первых, они служат средством для назидания верующих. В этом отношении они могут быть уподоблены книгам. Как книги рассказывают историю святых лиц и событий, так и икона повествует о жизни и деяниях угодников Божиих и изображает священные события из жизни Христовой Церкви. Разница только в том, что в книге написано буквами, а здесь красками и лицами, и, во-вторых, книгу может читать только грамотный человек, а икону – и в этом заключается даже преимущество иконы перед книгой – может рассказать каждый и неграмотный. Во-вторых, святые иконы возбуждают в христианине религиозные чувства. Взирая на иконы Спасителя и святых угодников, мы невольно подвигаемся на те благие дела и подвиги, которыми сияли праведники во время земной своей жизни и невольно содрогаемся при рассмотрении тех икон, на коих изображается страшная участь грешников. Никакое слово, никакая проповедь не подействует на зачерствелую душу грешника, как такая икона. Когда святой равноапостольный князь Владимир решил оставить язычество и принять новую веру и допустил к себе проповедников каждой известной тогда веры, то более, чем другие, имел успех перед князем греческий проповедник. А чем подействовал он на святого Владимира? Тем, что этот проповедник не ограничивался одной только устной проповедью о православной вере, а показал князю ещё икону Страшного Суда. Рассмотрев икону, князь Владимир со вздохом сказал: «Хорошо тем, кто направо, и горе тем, кои налево». И с этой минуты святой Владимир твёрдо решил, что православная вера – вера истинная, святая. В-третьих, наконец, святые иконы служат проводниками благодати Божией или, говоря проще, через святые иконы Господь часто оказывает разные чудотворения и ниспосылает человеку всеильную благодать Свою.

Фома. Каким же образом через дерево может сообщаться благодать Божия?

Священник. Это непонятно только для неверующего, заражённого материализмом человека, а истинный христианин не будет сомневаться в чудотворности святых икон, так как, по слову Божию: «*все возможно Богу*» (Мк.10:27). К тому же история представляет нам тысячи примеров разных чудес, от святых икон истекающих. Приведу вам хоть один из разительных примеров таких чудотворений. Когда сарацины овладели сирийским городом Рамеллией, несколько варваров вошли из любопытства в церковь святого великомученика Георгия. Один из них, увидав здесь молящегося священника перед образом Победоносца, сказал с насмешкой: «Вот безумец, доске поклоняющийся!» – и вынув из колчана стрелу, пустил в икону. Но стрела, вопреки направлению, устремилась вверх и, с силой низвергшись, пронзила руку варвара. Почувствовав нестерпимую боль, он поспешно ушёл домой; болезнь усиливалась, и вскоре вся рука распухла. Сарацин ожидал пагубных последствий. К счастью, у него в услужении жила в это время христианка. Узнав, что случилось в церкви, она сказала ему: «Я человек простой, о святости и чудесах веры говорить не умею, но знаю, что поступок твой заслуживает смерти. Если хочешь быть здоров, то позови священника и спроси у него, что нужно делать». Как ни был ожесточен сарацин против христиан, но, видя опасность, согласился на предложение христианки, и священник пришёл. «Какую силу имел образ, которому ты в бытность нашу в церкви столь усердно поклонялся?» – спросил у него сарацин. «Всю силу имеет один только Бог, – отвечал священник. – Ему я и поклонился, а святого великомученика Георгия, тут изображенного, молил о том, да будет обо мне ходатаем пред Богом». – «Итак, Георгий не бог ваш, так кто же он?» – опять спросил варвар. «Он возлюбленный слуга Божий, – сказал священник, – был человек нам подобострастный, но за славу имени Христова претерпев мучения и смерть, получил от Него благодать чудодействовать. Любя угодника Божия, мы почитаем его икону и, взирая как бы на него самого, поклоняемся, объемлем, лобызаем оную. Дерзость твоя, столь очевидно наказанная, свидетельствует, что христиане с умилением

припадают не к простому дереву». – «Что же мне посоветуешь делать? – спросил поколебавшийся в своём неверии варвар, – посмотри на мою руку, я мучаюсь и, без сомнения, умру». – «Если хочешь быть жив, – отвечал священник, – то вели принести в дом твой образ святого Георгия, поставь над твоим ложем и зажги лампаду елея, пусть она горит всю ночь, а наутро помажь елеем руку твою – и веруй, что исцелеешь». Немедленно святая икона была принесена. Сарацин поступил так, как говорил священник, и увидел, что опухоль спала и рана закрылась. В удивлении и восхищении он хотел выслушать повесть о святом великомученике, и между тем как священник читал его житие и страдание, сарацин, обнимая икону, сквозь слёзы говорил: «О, святой Георгий, ты был юн, но премудр, а я стар, но безумен; ты млад, но Богу любезен, а я долголетен, но гнусен пред Богом, – моли о мне Господа Бога, да учинит меня рабом Своим». Потом припал к ногам священника и умолял его даровать ему святое крещение. – А сколько таких чудотворений от святых икон видела наша Русь православная! Икона Страшного Суда, о коей мы упомянули выше, обратила всю Россию, с великим князем во главе, от идолов к Истинному Богу, икона Спасителя доставила Андрею Боголюбскому победу над болгарами. Икона Знамения Божией Матери защитила беззащитный Новгород, икона Богоматери Владимирская обратила вспять Тамерлана с его воинством, икона Богоматери Казанская избавила царствующий град Москву от плена литовского и спасла Россию.

Фома. Но мне от своих сотоварищей, коих называют у нас штундистами, приходилось слышать, что в Писании ничего нет о почитании икон, и что в древней апостольской Церкви его совсем не было.

Священник. Чистейшая ложь. Начало иконопочитания, развившегося до высокой степени в новозаветной Церкви, мы видим ещё в древнезаветной Церкви и находим его в Моисеевой скинии. В этой скинии всё до мельчайших подробностей устроено было по воле Божией. А что мы в ней видим? Во-первых, Ковчег Завета, стоявший во Святая Святых. Этот Ковчег видимым образом представляет Невидимого Бога.

Во-вторых, в скинии по повелению Господа устроены были образы Херувимов, одни из них были изваянные (Исх.25:19–22), а другие – истканые на материи (Исх.26:31–33). В-третьих, наконец, здесь же поставлен был образ и того медного змея, который исцелял от смертельного змеиного укуса тех евреев, кои с верой взирали на него (Числ.21:8). Затем, когда впоследствии, вместо скинии, устроен был храм в Иерусалиме, в нём тоже были изображения Херувимов, одни изваянные из кипариса и покрытые золотом, другие вышитые на завесе храма. Даже стены храма были расписаны изображениями Херувимов. Отсюда мы видим, что как в скинии, так и в храме Соломоновом употреблялись внешние знаки для изображения невидимого присутствия Божия, и что здесь уже положено начало тому иконопочитанию, которое развилось до таких обширных размеров в Церкви Христовой. В христианской же Церкви иконопочитание освятил Своим примером Сам Господь наш Иисус Христос. Хотите ли, чтобы я рассказал вам подробно, как это было?

Пётр и Фома. Пожалуйста, расскажите.

Священник. В то время, когда Спаситель ходил по иудейским городам и весям с проповедью Евангелия и творил чудеса, в городе Едессе в Сирии жил князь Авгарь, страдавший неисцелимыми болезнями. Слыша об Иисусе и о великих чудесах Его, Авгарь пожелал видеть Господа своими глазами, надеясь получить от Него исцеление. Самому ему, как сильно больному, нельзя было идти в Иудею, а потому он послал Иисусу письмо, чтобы Он пришёл к нему в Едессу. Но, сомневаясь, захочет ли Господь прийти к нему, Авгарь послал искусного живописца Ананию, чтобы он изобразил на иконе лицо Господа, надеясь иметь через это отраду в болезни своей, так как князь имел великую любовь к Чудотворцу Господу. С княжеским письмом живописец Анания дошёл до Иерусалима и здесь увидел Господа, поучающего народ. От народной тесноты Анания не мог приблизиться к Господу, и, дождавшись, времени, когда разойдётся народ, он встал на камень и, пристально смотря на лицо Спасителя, старался изобразить Его, но никак не мог сделать этого, ибо Божественное лицо Господа чудесно

изменялось. Долго трудился Анания, но не было никакого успеха. Тогда Господь велел апостолу Фоме привести стоящего на камне живописца. Когда Ананию привели к Спасителю, тогда Господь назвал его по имени и по занятию – живописцем. «Где письмо князя твоего Авгаря, которое принёс ты Мне из Едесса?» – спросил Господь. Анания пришёл в удивление и ужас от прозорливости Господа и потом с трепетом подал письмо князя в руки Спасителю. Господь прочитал письмо и, исполняя желание Авгаря и живописца его, велел принести воды, умыл пресвятое лицо Своё и отер Его, поданным Ему четырёхугольным полотенцем, и вдруг на полотне изобразилось пресвятое подобие Божественного лица Господа. Подавая его Анании, Господь сказал: «Неси и отдай пославшему тебя». Это было в последние дни земной жизни Господа, незадолго до страданий Его. Анания возвратился в Едессу к своему князю и вручил ему образ Спаса Христа, и тот получил исцеление. Так Господь наш Иисус Христос Своим собственным примером благоволил освятить почитание икон. Вслед за Ним это почитание освящено примером и святых апостолов. Так, апостол и евангелист Лука написал икону Божией Матери и святых апостолов Петра и Павла. А после времён апостольских об иконопочитании свидетельствуют многие церковные писатели. Афанасий Великий называет безумными тех, кои по гордости своей не почитают Креста и святых икон. Святой Амвросий Медиоланский говорит: «Почитайте Господа в изображениях». Святой Василий Великий пишет: «Чту начертания святых икон и поклоняюсь пред ними особенно потому, что они преданы от святых апостолов и не запрещены». Шестой Вселенский Собор подтвердил почитание святых икон (82 правило). А Седьмой возвёл это почитание на степень догмата, то есть истины святой и непреложной. При таких исторических данных можно ли говорить, как это делают сектанты, что об иконопочитании ничего не говорится в Святом Писании и что его не было в древней христианской Церкви?

Фома. Но где в Священном Писании заповедано почитать иконы? Такого места, сектанты говорят, нет, напротив, есть такие места, в которых почитание икон строго запрещается

Богом. И указывают при этом на вторую заповедь: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им» (Исх.20:4–5).

Священник. Да, это их излюбленное место, которое служит, как говорят, коньком для них; указывают они ещё и другие места, якобы говорящие против учения Православной Церкви об иконопочитании, например: «А это рукотворенное проклято и само, и сделавший его – за то, что сделал; а это тленное названо богом» (Прем.14:8). Или: «Плотник (выбрав дерево), протягивает по нему линию, остроконечным орудием делает на нем очертание, потом обделяет его резцом и округляет его, и выделывает из него образ человека красивого вида, чтобы поставить его в доме. Он рубит себе кедры, берет сосну и дуб, которые выберет между деревьями в лесу, сажит ясень, а дождь возвращает его. И это служит человеку топливом, и часть из этого употребляет он на то, чтобы ему было тепло, и разводит огонь, и печет хлеб. И из того же делает бога, и поклоняется ему, делает идола, и повергается пред ним» (Ис.44:13–15). Приводят и ещё некоторые в этом роде места. Но против этого возражения нужно сказать то, что во всех этих местах Священного Писания говорится о языческих идолах и идолопоклонстве. А между идолом и христианской иконой и между почитанием, какое оказывали своим идолам язычники, и тем, какое оказываем святым иконам мы, христиане, слишком большая и очевидная разница. Язычники, не знавшие истинного Бога, поклонялись разным истуканам, сделанным из дерева или камня. Этих идолов они считали за богов, почитали их за раздаятелей добра и зла, умилоствовали их жертвами и вообще воздавали им божеские почести. И вот, чтобы предохранить еврейский народ от увлечения в грубое идолопоклонство, Сам Бог на Синае, а за Ним все пророки, как вестники воли Божией, изрекают строгие прещения на идолопоклонников. Но распространять эти прещения на святые иконы нет ни малейшего основания, ибо между идолами и иконами, как мы сказали, громадное расстояние. Идол изображает измышлённое существо разных

языческих богов, которых никогда не было и быть не может; святые же иконы изображают Самого Господа, Пресвятую Богородицу, святых Ангелов и угодников Божиих. Начало иконам можно, как мы говорили, видеть в изображении Херувимов, которые поставлены были Моисеем в скинии. Следовательно, если приводимые проклятия распространять и на иконы, то этому проклятию подлежит и Моисей, сделавший изображение Херувимов, и всего страшнее, даже Сам Бог, Который повелел это устроить. Наконец, язычники металлические, деревянные и глиняные изображения считали за богов и этим, по слову апостола Павла, *«славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся... и поклонялись, и служили твари вместо Творца»* (Рим.1:23–25). У язычников *«тленное (то есть идолы) названо богом»* (Прем.14:8). Православная же Церковь, почитая святые иконы, не богами их почитает, а, напротив, всю честь, которая воздаётся иконе, она относит не к дереву и краскам, а к тем лицам, которые написаны на иконах. Поклоняясь иконам, мы представляем в своём уме изображаемых на них лиц, как бы они были перед нашими глазами. Например, когда поклоняемся Кресту, представляем в нашей мысли Христа, висящего на Кресте; а когда поклоняемся иконе Божией Матери, возводим ум наш к Пресвятой Богородице и называем Её Блаженной паче всех мужей и жён. Итак, поклонение святым иконам, совершаемое нашей Церковью, не нарушает второй заповеди, так как идолы, о коих говорит она, далеко не тождественны с иконами.

Фома. Вы сказали, что излюбленным местом или коньком для противников иконопочитания служит слово второй заповеди Моисеева закона. Но у них есть и другой конёк – это слова апостола Павла, сказанные им в Афинском ареопаге: *«мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого»* (Деян.17:29).

Священник. Но кому и по какому поводу он сказал это? Он сказал это в городе Афинах, жители которого – язычники – удивили его своей языческой набожностью. У них в городе было

много жертвенников разным богам, то есть кумирам, был жертвенник даже невидимому Богу, то есть Богу, Которого они совсем не знали. И вот он, поражённый их неразумной набожностью, и сказал им, что Истинный Бог – тот, Который сотворил весь мир, и есть Господь неба и земли (Деян.17:24), и о Котором я буду вам проповедовать, а не те золотые, серебряные и каменные идола, устроенные искусством и вымыслом человеческим, которыми наполнены улицы вашего города Афины. Таким образом, и здесь опять идёт речь не об иконах – в Афинах их не было – а о кумирах или идолах.

Фома. Но иконы вводят простых людей в заблуждение, потому что многие из людей неграмотных почитают иконы за богов. Мне самому приходилось наблюдать, как некоторые матери, указывая малым детям своим на икону, говорят: это Бог, это Боженька! А потому, вместо пользы, не приносят ли иконы вред человеку и не лучше ли их совсем уничтожить?

Священник. Ради того, что некоторые впадали в заблуждение, и даже ради того, что некоторые матери по своей простоте и невежеству не точно выражаются об иконах, уничтожить всё дело иконопочитания? Вот этого-то заключения я уже никак не ожидал от вас, Фома. Известно, что скопцы неправильно толкуют некоторые места Священного Писания, именно Евангелия от Матфея. Ужели же нужно уничтожить эти места Евангелия, чтобы они не приводили людей в заблуждение? Язычники почитают за богов солнце, луну и звёзды, гром, дождь, ветры и т.п. Неужели все эти творения Божии, столь полезные для человека, нужно уничтожить, чтобы они не служили соблазном для неразумных? Возьмём более простой пример. Огонь жжется. Неужели нужно уничтожить его, чтобы он не жег неосторожных? – Виноваты тут люди, которые неправильно принимают и пользуются творениями Божиими, а не сами творения. И об иконах нужно сказать, что если некоторые неразумные боготворят их, то нужно вразумить человека, а не отвергать святого иконопочитания.

Пётр. Особенно нельзя, по-моему, делать заключения об отмене иконопочитания из того обстоятельства, что некоторые из матерей называют их перед своими малютками Боженькой.

Ведь они делают это только потому, чтобы внушить своим детям благоговение к святым иконам, а не потому, чтобы сами они считали их за Божество. Значит, здесь достаточно выяснить им только непригодность того приёма, какой употребляют они для достижения своей благой цели.

Священник. Однако время затянулось. Пора закончить нам беседу, хотя это такой предмет, о котором можно бы говорить не без пользы и ещё. А потому сделаем краткое заключение. Из всего сказанного мы видим, что нет никаких оснований колебаться нам в истине святого иконопочитания. Сам Господь, Иисус Христос, не воспрещал употребление святых икон. Он, во дни Своей земной жизни, много раз посещал храм Иерусалимский, где много было икон, изображавших Ангелов, и что же? Он не сделал ни малейшего даже намёка на то, что иконы эти неприличны для храма Божия. А если бы иконы храма Иерусалимского в глазах Христа Спасителя были то же, что кумиры языческие, Он, без всякого сомнения, не преминул бы обличить евреев за идолослужение, как обличал их за разные суеверия и предрассудки. Если же этого не сделал, значит не нашёл противным воле Божией. Пусть это твёрдо помнят сектанты-рационалисты; запомним и мы, чтобы не вооружиться, подобно им, на разум Божий, ибо кто против Бога, на того Бог.

Пётр. Совершенно верно.

Священник. Прощайте, до завтрашнего вечера.

Фома. Придём непременно, так живо чувствуется польза от этих беседований.

Девятнадцатый вечер. Семь святых Таинств

Священник. Святой евангелист Иоанн пишет: «мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин.1:14). Христос Своей Церкви, которая должна вести нас на Небо, оставил не только Свою истину, но и свою благодать. Чтобы преподавать нам и распространять между нами Свою истину, Он учредил должность пастырей и учителей; а чтобы изливать на нас Свою благодать, то есть сообщать Свою сверхъестественную помощь в деле нашего вечного спасения, Он установил известные видимые знаки, которые заключают в себе эту благодать. Эти видимые, установленные Иисусом Христом знаки называются Таинствами.

Фома. Да, о Таинствах говорят, что они суть только измышленные людьми пустые формы, что Таинства не заслуживают уважения – это явствует уже из того, что отдельные религиозные общества не согласны в отношении числа их. Тогда как одни (например, православные, католики) признают семь Таинств, протестанты – только два, да и в этом последние не всегда согласны, ибо протестантский Синод в Базеле в октябре 1882 года 39-ю голосами против 32-х отверг необходимость крещения. То же произошло и в Цюрихе. Ещё хуже обстояло дело здесь при обсуждении вопроса о Божественном происхождении и нравственном достоинстве Таинств.

Пётр. Но как же ты, друг, забегаешь сегодня вперёд! Так как протестанты признают только два Таинства, то поэтому и остальные пять или даже все семь Таинств ложны? Если тебе подарил кто-нибудь семь рублей, а ты пять из них потерял, ужели поэтому должны быть признаны фальшивыми оставшиеся у тебя два или даже все семь рублей?

Священник. Это очень хорошо сказано. Если протестанты отвергли пять святых Таинств, то это – их дело. Мы же остаёмся при числе семь, потому что мы веруем, что все семь Таинств суть Божественное установление и приносят нам великую

пользу. Сегодня я буду говорить о семи святы́х Таинствах и именно по двум вопросам:

1) откуда существует у нас семь святы́х Таинств?

2) для чего они?

Итак, я спрашиваю: 1) откуда у нас в Церкви семь святы́х Таинств? Они не могли получить своё начало от людей – иначе необходимо должно быть объяснено и доказано, когда, кем и каким образом они введены? Какой патриарх и какие епископы дерзнули бы обязывать людей во имя Христа и Его апостолов веровать в семь святы́х Таинств и совершать и принимать их? В какой стране впервые было принято это новшество и распространилось почти на весь земной шар? Какие средства и искусства употребили при этом, так как ни о каком протесте против этого нигде ничего не говорится. А в таких протестах, наверное, не было бы недостатка, когда, например, объявили людям, что они должны открывать свои тайные грехи, свои пороки и преступления на исповеди.

Церковная история сообщает сведения о многих новшествах, которые хотели ввести лжеучителя и еретики, но она ничего не знает о новом введении семи святы́х Таинств. Она знает только о том, что семь святы́х Таинств известны и употребляемы были уже со времён апостольских.

Фома. Как доказать это?

Священник. Когда более чем триста лет назад Лютер и Кальвин из семи Таинств удержали только два или три Таинства, а прочие отвергли, тогда осталась, бесспорно, вся Церковь при вере в семь святы́х Таинств. А когда некоторые из отделившихся от Церкви сделали попытку утвердить это новое учение о двух или трёх Таинствах, тогда протестанты получили от тогдашнего патриарха Константинопольского Иеремии очень энергичный ответ, который гласил: «В Церкви Божией существуют и должны существовать семь Таинств, не более и не менее. Церковная история свидетельствует далее, что вера в семь Таинств существовала гораздо ранее разделения Церкви на Восточную и Западную. Это обстоятельство, то есть древность всеобщей веры в семь святы́х Таинств, есть неопровержимое доказательство того, что Церковь всегда

учила, и что это учение перешло к нам через апостолов от Христа». «Чего твёрдо держится вообще вся Церковь, – говорит Августин, – что всегда в ней было соблюдено, хотя бы не было узаконено никаким соборным постановлением – это справедливо признать обычаем, основанным на апостольском предании».

Но семь святых Таинств не могут быть признаны выдумкой людей ещё и по другому основанию, именно: они производят на человека-христианина совершенно определённые действия, если не встречают с его стороны никакого противодействия. Ужели никогда не испытывали и вы, как хорошо и счастливо чувствуешь себя, какую испытываешь радость, когда после надлежащего приготовления с искренним раскаянием, исповедуешь грехи свои?

Пётр. О, конечно! У меня дни исповеди и причастия Святых Тайн всегда самые торжественные и самые дорогие дни, потому что я в эти дни чувствую себя особенно весело и счастливо.

Священник. Да святое Таинство – это не пустой звук, не одна только форма, как думают и утверждают враги наши, но они суть поистине Божественные и спасительные средства. И было бы чрезвычайно печально, если бы истинный сын Церкви ничего не знал об их врачующих, утешительных действиях и рассуждал бы о них так же отрицательно, как и иноверцы. Потому-то именно, что святые Таинства производят на человеческое сердце такое благодатное действие, они и не могут быть изобретением человеческим, ибо только один Бог может с видимыми знаками соединить благодатные действия. Христос есть виновник и раздаятель благодати, так как от Него она исходит, и Он нам исходатайствовал её.

Фома. Может ли быть доказан Божественный характер святых Таинств из Священного Писания и Предания?

Священник. Что семь Таинств установлены Христом – это подтверждает как Священное Писание, так и Предание. Но это слишком далеко повело бы нас, если бы я решился сейчас, кроме исторического, привести ещё и догматическое доказательство для каждого отдельно взятого Таинства.

Позднее мы будем о двух Таинствах говорить ещё подробнее, и тогда по этому поводу приведём доказательства из Священного Писания и Предания. Теперь достаточно исторически доказать, что в нашей Православной Кафолической Церкви с самого начала существовала вера в семь Таинств, как убеждают нас в этом символические изображения и надписи, найденные в римских катакомбах. Подобно другим тайнам веры первые христиане представляли образно и святые Таинства Церкви, как например, святейшее Таинство Евхаристии – в образе плывущей по воде рыбы, которая на своей спине в ивовой корзине несёт хлеб и вино, святое Таинство Покаяния – под образом доброго пастыря и расслабленного. Что древние христиане знали и святое Таинство Миропомазания, это доказывает надпись: «Здесь рука высшего пастыря налагает печать на овечку». Что отсюда следует? Ответ: если первые христиане, как следует из этих символов и надписей, знали уже святые Таинства во всей их полноте и совершенстве, то несомненно, что последние ведут начало от Христа и Его апостолов. Значит, святые Таинства установлены Христом, преподаны были апостолам и, таким образом, передаваемы были до наших дней.

Теперь я перехожу ко второму вопросу: для чего существуют семь Таинств? Если бы это услышал неверующий, то мог бы сказать, что святые Таинства совершенно излишни, что они совсем не имеют никакой цены и не приносят никакой пользы. Но это не так. Они, прежде всего, служат, чтобы содействовать укреплению сверхчувственной духовной жизни. Земная жизнь человека может быть двояка: жизнь для этого мира и жизнь для Неба или телесная и духовная жизнь. Жизнь телесную называют также и натуральной, естественной жизнью, так как каждый человек имеет её от природы и рождения. Жизнь души называется также и сверхъестественной жизнью, потому что она далеко, выше стоит, чем эта натуральная. Сверхъестественная жизнь заключается в спасающей благодати или в состоянии святости и правды. Чтобы возвратить нам эту сверхъестественную жизнь, которую потеряли мы по причине греха, пришёл в мир Спаситель. *«Я пришел для того, чтобы*

имели жизнь и имели с избытком» (Ин.10:10). Так как натуральную жизнь мы имеем уже без Спасителя, то здесь речь может быть только о высшей, сверхъестественной жизни, которую Спаситель пожелал принести для живущих в мире человеческих душ. Семь святых Таинств имеют своей единственной целью помогать нам в укреплении своей сверхъестественной жизни, а именно при помощи их или начинается всякая правда, или начавшаяся умножается, или потерянная снова возвращается.

Пётр. Семь таинств, следовательно, суть те многочисленные источники, из которых изливаются на нас милости Спасителя.

Священник. Насколько они помогают нам в получении благодати и в развитии и укреплении духовной жизни? Рассмотрим это отдельно при каждом святом Таинстве.

Крещение порождает в нас сверхъестественную духовную жизнь. Миропомазание через сообщение небесной силы укрепляет её. Евхаристия или Таинство Причащения питает и поддерживает её. Святое Таинство Покаяния снова возвращает нам потерянную жизнь благодати или исцеляет больные раны её. Последнее – Елеосвящение дополняет начатое в святом Таинстве Покаяния, освящение через погашение остатка прощенных уже грехов и подкрепляет в страданиях, и особенно, в борьбе со смертью. Таинство Священства делает способными и укрепляет тех, которые берут на себя обязанность заботиться о духовном преуспевании христианства. Брак освящает и укрепляет тех, которые имеют содействовать телесному расположению христиан.

Они (Таинства) проникают во все отношения и условия человеческой жизни, они облагораживают и освящают их. Они способствуют человеку в продолжение всей его жизни, от колыбели до гроба. Они представляют собой чудный венец, который Бог подаёт нам с Неба, дабы мы могли украшать им нашу жалкую, печальную жизнь. Даже сам протестант и поэт Гёте находит это столь прекрасным, что с сожалением отзывается о седмиричном числе святых Таинств: «Может ли не разорваться в протестантстве эта поистине духовная связь

(Таинств), когда одна часть символов (Таинств) выдаётся за неподлинные (апокрифические) и только немногие (именно два) за подлинные, канонические!»

Фома. Эти слова Гёте не придутся по душе иноверующим.

Священник. Об этом мы не будем говорить. Святые Таинства имеют ещё другую цель, а именно ту, чтобы служить залогом, ручательством, что мы действительно делаемся и участниками благодати. Благодать есть нечто столь важное и необходимое, что от неё зависит наше вечное спасение. Но в таком наиважнейшем деле для нас очень желательно иметь уверенность и твёрдую надежду, отсутствие которой причиняет нам скорбь и мучение. В деле благодатной духовной жизни нам хочется, по крайней мере, в том иметь убеждение: можно ли нам вообще быть участниками благодати. Мы суть существа чувственно или телесно духовные, благодать же, напротив, чисто духовного свойства, так что мы не можем её ни чувствовать, ни другим каким-нибудь образом воспринимать. Здесь пришёл к нам на помощь Иисус Христос тем, что связал Свою благодать с видимыми или действующими на чувства знаками и через это дал нам такое уверение или ручательство; если будешь употреблять эти видимые знаки и употреблять надлежащим образом, то без сомнения получишь благодать, ибо устами пророка Господь говорит нам: *«И в радости будете почерпать воду из источников спасения, и скажете в тот день: славьте Господа, призывайте имя Его»* (Ис.12:3–4). Если же, таким образом, мы должны приступать к источникам и пить из них воду спасения, то нам нетрудно находить эти источники и иметь в них верный залог или ручательство за то, что мы действительно пьём эту священную воду благодати. Если Иисус Христос Свою благодать связал с видимыми знаками святых Таинств, то мы не можем уже сомневаться, где эти источники спасения и как мы должны черпать эту воду Божественной благодати.

Пётр. Поэтому прославим Господа и восхвалим имя Его за то, что Он даровал нам в этих видимых знаках невидимую благодать.

Священник. Святые Таинства служат средством к достижению ещё третьей цели, именно они должны служить отличительным признаком того, кто принадлежит и кто не принадлежит к Церкви. Христос, как мы уже слышали, установил Церковь для того, чтобы всех людей вести в блаженству. Для этой цели все люди обязаны войти в эту Церковь, ибо должно ведь быть *«едино стадо и един Пастырь»* (Ин.10:16). Но доселе ещё далеко не все люди вошли в эту Церковь. Поэтому необходимо уметь отличать, кто член её и кто не принадлежит к числу её членов. Членов известного общества у нас узнают обыкновенно по отличительным значкам, кои они носят на себе – точно так же и сочлены Церкви Христовой должны быть узнаваемы по известным наружным знакам. «Ибо не могут, – говорит Августин, – люди составлять никакого религиозного общества, если они не соединены между собой каким-нибудь общим признаком или видимым Таинством. По святым Таинствам можно, следовательно, узнавать членов Церкви Христовой. Кто принимает святые Таинства, тот показывает, что он принадлежит к этой Церкви. А кто пренебрегает ими или совсем не принимает их, тот показывает этим, что он или не принадлежит ещё к этой Церкви, или совсем не хочет принадлежать к ней. Таким образом, святые Таинства суть в то же время отличительные признаки нашей святой веры, так как, принимая святые Таинства, мы тем исповедуем нашу веру. Они суть видимый союз, который соединяет здесь между собой всех христиан. Но они в то же время и таинственные, невидимые средства, которые соединяют нас с Богом, если мы как должно пользуемся ими. Тем, которые делают из них доброе употребление, они служат ко спасению, а тем, которые употребляют их во зло – к осуждению» (блаженный Августин).

Пётр. В настоящее время многие сомневаются в нашей вере, потому что не знают или не хотят знать её. Моё глубокое убеждение таково, что такие религиозные сомнения исчезли бы и насмешливые речи и глумления замолкли бы, если бы каждый посерьёзнее изучил и поглубже уяснил себе, что такое суть святые Таинства.

Священник. К одному авторитетному духовнику пришёл однажды офицер на исповедь. Но прежде чем приступить к исповеди грехов своих, он потребовал от духовника разрешения того сомнения, которое он имел против Таинства Исповеди. Духовник же попросил сначала исповедаться, а потом обещал разъяснить его сомнение. Офицер согласился. И вот когда он исповедался, духовник спросил его, какое он имеет сомнение относительно Таинства Покаяния. «Совершенно никакого, – сказал офицер, – ибо я теперь своим собственным опытом познал, что такое святыя Таинства».

Двадцатый вечер. Святое Таинство Евхаристии

Священник. Как между небесными светилами солнце превосходит все прочие своим сиянием и достоинством, так и между святыми Таинствами есть одно, которое превышает все остальные своей святостью и достоинством. Это – всесвятое Таинство Причащения – оно есть центр, венец и завершение всех Таинств. Ибо здесь принимаем мы не только благодать, но Самого Христа, Виновника и Подателя всякой благодати. В то время как прочие святыя Таинства дают благодатную помощь в удовлетворении одной какой-нибудь части жизненных потребностей, всесвятое Таинство Причащения обнимает всего человека во всех положениях его жизни и приближает к Богу. Об этом святейшем из всех Таинств и будет сейчас у нас с вами беседа.

Фома. Мне слишком часто приходится слышать от своих сотоварищей, что мы, якобы так называемые православные христиане, поклоняемся или боготворим только кусочек хлеба, и потому совершаем идолослужение.

Священник. Это совершенно верно. Однако ж, я надеюсь, что наш друг Фома и в этом вопросе согласится с нашими мнениями и доводами, и окажется от своего заблуждения. Так как предмет нашего нынешнего собеседования необыкновенно богат своим содержанием, то я ограничусь только самым необходимым для нашей цели. Я думаю, что лучше всего для себя самого предложить на разрешение два вопроса:

- 1) что такое Таинство Причащения или Евхаристии?
- 2) для чего Христос установил его?

Итак, я спрашиваю:

1) что такое Таинство Евхаристии или Святого Причащения? Оно не есть только символ Тела Господня, как утверждает Цвингли, но истинное Тело и истинная Кровь Христова под видом хлеба и вина. И это Пресвятое Тело и эта драгоценная Пречистая Кровь бывает такой не в один только момент вкушения, как думал Лютер, но во всё время, пока существует хлеб и вино. Христос в пресвятом Таинстве предлагает Себя не

в хлебе, не с хлебом и не под видом хлеба, но этот хлеб пресуществляется здесь в Самого Христа, и от хлеба и вина здесь ничего не остаётся кроме образов, то есть того, что в этом хлебе и вине действует на чувства, например, форма или внешний вид, запах, вкус, цвет.

Фома. Что же, и это можно доказать?

Священник. Что живой Христос присутствует в этом всесвятом Таинстве, это мы также можем доказать, и именно прежде всего из слов обетования. Христос совершенно определённо обещал, что Он Сам Себя отдаст нам в этом Таинстве. После того, как Он насытил в пустыне пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами, Он предложил им в Капернаумской синагоге заботиться о брашне – хлебе, который пребывает вовеки. Затем Он сказал им, в чём состоит этот хлеб. *«Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира»* (Ин.6:51). Как ни ясны эти слова, а всё-таки не хотят их понять! Иудеи, которые слушали их, поняли их так, как они были сказаны, и именно в собственном, а не в образном, не в переносном смысле. Они не могли только понять того, каким образом Иисус может им дать Свою Плоть есть. Они думали всегда только о мёртвой, чувственной плоти, тогда как Иисус говорит о живом хлебе, а мёртвую плоть называет бесполезной. Если бы они больше имели веры, то они сообразили бы, что Тот, Который вчера таким чудесным образом наплатил нас хлебом, может дать нам в снедь и Плоть Свою, хотя мы и не можем уразуметь, каким образом это возможно. Но этой-то сердечной веры и не доставало им, ибо они доверяют своему естественному разуму более, чем слову Божественного Спасителя. *«С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним»* (Ин.6:66). Было бы очень уместно и кстати, чтобы Иисус объяснил им смысл слов Своих, если бы Он последние употребил в другом, например, образном, переносном смысле. Но сделал ли это Иисус? Ответ: нет – напротив, Он готов был отпустить даже ближайших учеников Своих, апостолов, если они не захотели бы уверовать, что Он может поистине дать им

есть Плоть Свою и поистине пить Кровь Его. Так твёрдо стоял Он на Своём слове, которое гласит: *«хлеб же, который Я дам есть, Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира»*.

Как эти слова обетования, так затем и слова установления доказывают, что в святом Таинстве Евхаристии присутствует Христос. После того как Иисус ел со Своими учениками пасхального агнца накануне страшных страданий и смерти, *«взял Он хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое» (Мф.26:26)*. Таким образом, Иисус преподавал здесь ученикам Своим пищу, о которой говорит: *«сие есть Тело Мое»*. Он не сказал: «сие означает Моё Тело», или: «сие есть символ Моего Тела»; но Его слова прямо и ясно выражают следующее: то, что Я взял в руки, есть уже не хлеб, но Моё Тело. Этот хлеб, следовательно, пресуществился, превратился в Святое Тело Христа. И то, что было в чаше, теперь уже не вино, но Моя Кровь. Следовательно, вино превратилось в драгоценную Кровь Христову. Это называют пресуществление, потому что сущность хлеба и вина превращается в сущность Тела и Крови Христовой. Отсюда и слово «пресуществление», употребляемое у нас для выражения этого понятия.

Пётр. На браке в Кане Галилейской всемогуществом Бога вода превращена была в вино.

Священник. И что Божественному Спасителю возможно было там, возможным является и в нашем случае. Если Он превратил воду в вино, то может Он превратить в святом Таинстве и вино в Свою драгоценную Кровь. Один живописец нарисовал однажды картину Тайной Вечери и на этой картине изобразил ещё подле Спасителя Лютера и Кальвина. Под картиной написал слова: Христос говорит: *«сие есть тело Моё»*. Лютер сказал: *«сие будет Моё тело»*, а Кальвин говорит: *«сие означает Моё тело!»* Теперь, кто из всех трёх прав? Ответ на этот вопрос не труден. Если Христос сказал: *«сие есть тело Моё»*, то так и должно быть, ибо Он имеет *«глаголы живота вечного»*. В остальном это образное, наглядное изображение доказывает более, чем сколько может представить доказательств целая книга, а мы, как и апостолы, можем

удовольствоваться недвусмысленными словами Иисуса. Но у нас есть ещё другие доказательства действительного присутствия Иисуса в Таинстве Евхаристии.

Как слова Самого Господа, так и слова апостолов доказывают, что святое Таинство заключает в себе истинную Плоть и истинную Кровь Христа. То, что говорят об этом апостолы, это имеет вес и руководственное значение и далеко не то, что стали утверждать впоследствии лжеучители; ибо апостолы были очевидцами и непосредственными свидетелями, когда учреждено было святое Таинство, и обратившийся впоследствии и принятый в число апостолов Павел был даже научен сверхъестественным образом: *«я от Самого Господа принял то, что и вам передал»* (1Кор.11:23). Потом он описывает установление Таинства Евхаристии таким образом, как будто он сам присутствовал при этом. Он рассказывает затем о том, что ещё более сообщил ему Господь о сём. Он говорит: *«Кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем»* (1Кор.11:27–29). Эти слова апостола доказывают, что в святом Таинстве Евхаристии заключается уже не хлеб и вино, а истинное Тело и истинная Кровь Христа. Ибо каким образом можно было бы совершить при этом грех против Тела Господня, если бы его там совсем не было и дело шло бы только о символе, видимом знаке его? И каким образом можно было бы подлежать суду и осуждению, если бы при этом был только хлеб, а не Тело.

Фома. Да, в этом не может быть никакого сомнения.

Священник. Что, таким образом, доказывают слова Господа, это подтверждает и древнее учение Церкви. Враги нашей Церкви любят ссылаться на древнее учение Церкви, когда выступают против неё и её учения. Но как в других случаях, так и в настоящем они терпят поражение, если позволяют себе указывать на учение Древней Церкви. Это учение, прежде всего, содержится в творениях святых отцов

Церкви. Если мы прочитаем, что эти отцы писали о святом Таинстве Тела и Крови Господней, то убедимся, что они ясными и недвусмысленными словами говорили о присутствии Христа в этом Таинстве. Они ничего не знают о том, что, приобщаясь, христианин принимает Христа только в образе или верой, но учат, что он телесно вкушает Его и, таким образом, делается причастником Его Тела. Так, например, святой мученик Иустин, умерший в 166 году, пишет: «Мы научены, что этот благословенный хлеб есть Плоть и Кровь вочеловечившегося Сына Божия». Священномученик Киприан, епископ Карфагенский, умерший в 258 году, говорит: «Этот хлеб изменился не во внешнем своём виде, но в его собственной природе, в его качестве, и силой слова превратился в Тело». Святитель Кирилл, епископ Иерусалимский, умерший в 386 году, пишет: «Под видом хлеба является Тело, а под видом вина – Кровь Христа». Следовательно, они смотрели на них не как на хлеб и вино, ибо это суть, по словам Самого Господа, Тело и Кровь Христа. Хотя чувства и говорят тебе, что это хлеб, но вера должна укреплять тебя в том, чтобы ты рассуждал не по вкусу, а согласно вере признавал за несомненное, что тебе предлагается здесь Тело и Кровь Христа.

К этому следует прибавить ещё изречения и постановления Соборов. Уже Ефесский Собор, бывший в 431 году, учит: «Принося бескровную Жертву в церквах и принимая участие в Таинстве Евхаристии, мы приступаем к таинственной Трапезе Господней и освящаемся, делаясь участниками Святого Тела и Крови нашего Спасителя». Эти слова содержат в себе древнейшее учение Церкви и доказывают, как в то время веровали в ту истину, о которой мы сейчас беседуем.

Я перехожу теперь ко второму вопросу, для чего установлено Христом Таинство Евхаристии. Оно должно служить прямой цели, а именно, дабы мы имели 1) спутника; 2) жертву; 3) пищу души. Святое Таинство Евхаристии установлено, следовательно, для того:

1) чтобы мы имели спутника в нашем изгнании. Земная жизнь человеческая похожа на жизнь томящегося в изгнании и находящегося вдали от родины путника, ибо наше истинное

отечество, наше настоящая родина есть Небо, для которого мы созданы и назначены. Что может быть желательнее для странника в стране изгнания, как иметь товарища, доброго друга, которому он мог бы поведать свои нужды и желания своего сердца? Так тоскует и душа человека в этой юдоли плача и слёз, в этой стране плена и изгнания о Том, Коим она изгнана и для Коего она создана. Она тоскует о Боге и желала бы иметь Его близко, как некогда первая человеческая чета стояла с Ним в самом близком, непосредственном общении. Сущность и глубочайший смысл всякой религии состоит в том, чтобы находиться в общении с Богом, иметь Бога. Где хотят, чтобы Бог был дальше от людей и люди дальше от Бога, там не может быть истинной религии ни в учении, ни в жизни. Этой потребности, этой жажде человеческого сердца иметь ближе к себе Бога и должно удовлетворять христианство, как самая истинная, самая совершенная из всех религия. В христианстве обитает Бог самым совершенным образом.

Чего не мог изобрести разум всех Ангелов и человеков – это придумала Божественная Премудрость и Любовь, чтобы всегда иметь нас близ Себя, чтобы быть спутницей в нашем земном странствовании. Через установление Таинства Евхаристии Единородный от Отца стал нашим Еммануилом (то есть – *«Богом с нами»*). Через это чудесное Таинство Он сделался нашим утешением и нашей радостью в этой плачевной юдоли, ибо теперь мы знаем, куда нам, жалким сынам Евы, обращаться, к Кому нести наши нужды и желания. *«Не оставлю вас сиротами»* (Ин.14:18). *«Я с вами во все дни до скончания века»* (Мф.28:20), – так говорит Он прежде, чем установить Таинство Святого Причастия. И теперь, после его установления, Он взывает к нам: *«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас»* (Мф.11:28). Если некогда земной Рай, благодаря близости Бога и соединения человека с Богом, был садом отрады и утешения, то теперь, благодаря святому Таинству Причащения, земля делается Небом, ибо мы имеем теперь в своей среде Того, Который составляет счастье и блаженство небожителей. Даже само Небо не имеет ничего лучшего и более высокого, чем Таинство Сокровенного Бога и

Спасителя. Наша земля уже не походит на дикую, безлюдную, лишенную Божественной любви пустыню – она уже теперь не юдоль плача без надежды и утешения, уже не такое местопребывание, над которым тяготеет одно проклятие и гнев Божий. Сакраментальное присутствие Бога блистает, как утренняя заря во мраке ночи, оно всё освещает, просветляет, во всё вливает Божественный свет.

Пётр. Да, Таинство Тела и Крови Господней есть наша радость и наше утешение.

Священник. Со времени греха Адамова мир оттягивает нас от Бога и втягивает в бездну греха. Вот почему нам нужна такая сила, которая снова, как магнит, притягивала бы нас к Богу. И эта сила есть Христос в Таинстве Евхаристии, где Он сделался нашим спутником.

Далее, Святая Евхаристия установлена Христом, 2) чтобы мы имели жертву. Умиловать и принимать с собой Бога посредством жертвы – это потребность греховного человеческого сердца. Сам Творец вложил эту потребность в душу человека – ибо иначе каким образом Каин и Авель пришли бы к мысли посредством жертвоприношения угодить Богу и выражать Ему свою благодарность? Эта идея жертвы никогда не угасала, хотя бы люди и погружались в глубокое заблуждение. У самых диких и стоящих на самой низшей ступени нравственного развития народов мы всё-таки находим ещё потребность угождать Божеству и умиловать Его посредством жертвы. Навстречу этой потребности человеческого сердца пошёл Иисус установлением святого Таинства Евхаристии. В этом чудесном Таинстве мы видим Того Иисуса, Который принёс кровавую жертву на Крест. Здесь перед нами тот Архиерей *«по чину Мелхиседека»* (Евр.5:10), Который под видом хлеба и вина бескровно приносился руками священника в жертву подобно тому, как Он кровавым образом принёс Себя некогда в жертву на Кресте. Здесь та постоянная жертва, которая должна приноситься всюду, во всех местах, от восхода солнца и до запада. Неоценимую, бесконечно дорогую жертву имеем мы здесь, потому что это есть та самая жертва, которая была на Кресте. Христову жизнь и страдания, Христову смерть и

воскресение, Христово уничтожение и славу – всё содержит в себе эта жертва нашей Евхаристии, ни в каком-нибудь пустом воспоминании или символе, но истинно, действительно и существенно.

Пётр. Если бы мы всегда помнили это, то должны бы проливать слёзы умиления, любви и благоговения во время совершения Таинства Святого Причащения.

Священник. И эту бесконечную дорогую жертву мы имеем право называть нашей собственной, ибо она дарована нам с тем, чтобы мы подобающим образом могли почитать Всевышнего и благодарить Его за Его милости и благодеяния, дабы могли за наши грехи умиловать Его и действительно просить Его об удовлетворении всех нужд и потребностей тела и души. Тот, через Которого мы приобрели право хвалить, благодарить, просить и умиловать Бога, есть Единородный Сын Его. Теперь понимаем мы и наш крест, и наши страдания, когда мы присутствуем при бескровной жертве Иисуса Христа и при этом думаем, что Он снова показывает Свои страдания и смерть перед Отцом Небесным и снова при этом бесконечно Себя унижает и смиряет. Эта единственная жертва Христа убеждает нас также к самоотверженной, готовой на всякие жертвы жизни, ибо от Него мы должны учиться жертвовать собой, если мы хотим некогда войти вместе с Ним и в вечное святилище. Если Он, Всевышний, предал Себя за нас, ничтожных творений, Святейший за грешников, то и мы должны предать себя на страдания и смерть, если хотим вместе с Ним быть прославленными. Таковы значение и цель святого Таинства Евхаристии, как жертвы.

Оно, наконец, установлено Христом для того, 3) чтобы мы имели пищу для души. Человек, тело коего образовано из земли, куда имеет возвратиться снова, имеет потребность питаться (есть) от произведений земли. Человеческое тело отсылается к матери-земле, если оно должно продолжать своё существование. Его пища есть земной хлеб. Но *«не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»* (Мф.4:4). Следовательно, мы имеем нужду ещё в высшей, сверхъестественной духовной пище. И эта пища

ближайшим образом есть слово Божие, и потом то Высшее Слово, Которое от Отца исходит и Которое мы благоговейно почитаем, когда говорим: *«И Слово стало плотию»* (Ин.1:14). И это «Слово», сделавшееся «плотию», хочет также быть нашей пищей, ибо Его угроза гласит: *«если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни»* (Ин.6:53). А обетование Его гласит: *«Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем»* (Ин.6:56). Отсюда видно, таким образом, что нашей свободе совсем не предоставляется, хотим ли мы принимать эту высшую пищу или нет. Если мы хотим сохранить здесь, на земле, благодатную жизнь и наследовать жизнь вечную, то необходимо должны принимать её.

Фома. И, однако, человек отталкивает от себя эту пищу и считает её ненужной.

Священник. В хлебе и вине, как содержанию земного питания, мы получаем силу для поддержания естественной, телесной жизни. Под сакраментальными видами хлеба и вина преподаётся нам Пречистое Тело Господне, а в нём Дух и сила Божия для сверхъестественной жизни. Земное питание превращается в нашу плоть и кровь и делается одно с нами. Сверхъестественная пища Пресвятого Тела Христова соединяется теснейшим образом с нами, и мы соединяемся с Ним, так что не мы уже живём, но Христос живёт в нас, и мы делаемся причастниками Божественного естества, как выражаются апостол Павел и апостол Пётр (Гал.2:20; 2Пет.1:4). Чем было преображение на горе Фаворе для Христа, тем служит причащение Святых Таин для нас, оно есть праздник преобразования и обожествления. Здесь мы присутствуем на Вечери, которую приготовляет для нас Сам Бог и на которой Сам Бог делается нашей снедью. Большого Он ничего не мог сделать для нас, как отдать нам в снедь Самого Себя. Поэтому установление этого святого Таинства Причащения и соединения в нём Его с нами есть последнее и самое высшее дело Божественной любви. Здесь на деле исполняется слово: *«достигло до вас Царствие Божие»* (Мф.12:28). Ибо что такое

Небо, как не соединение с Богом, как не такое состояние, когда человек бывает едино с Богом.

Фома. Для меня этот урок был новым оживлением моей святой веры. Буду остерегаться, чтобы снова когда-нибудь не подумать что-нибудь дурное об этом Таинстве и не отнестись к нему без благоговения.

Двадцать первый вечер. Таинство Исповеди

Пётр. Вот мы опять здесь, чтобы послушать вашу беседу. Вы видите, батюшка, что вы в нашем лице нашли усердных учеников.

Священник. Очень рад это слышать и я надеюсь, что семя Божественного слова взойдёт в ваших сердцах и принесёт добрые плоды.

Эти посещения для меня не тяжесть, а удовольствие. Как вы показываете себя ревностными и любознательными учениками, так и я неленостно готов продолжать мои беседы с вами. Сегодня я предложу вам беседу о таком предмете, который в тесной связи стоит с вчерашней последней беседой. Чтобы великое Таинство Причащения принимать как пищу для души, человек должен, прежде всего, испытать себя, то есть привести в порядок своё душевное состояние и тогда *«пусть ест он, – по выражению апостола, – от хлеба сего и пьет из чаши сей»* (1Кор.11:28). Другими словами, Святому Причащению должна предшествовать исповедь. Об этой святой исповеди и будет теперь речь моя, и именно о двух вопросах: 1) что такое исповедь и 2) для чего нужно нам исповедоваться.

Пётр. Оба эти вопроса очень современны. После того как каждый получит разрешение этих вопросов, становится лучше и нравственно религиозная жизнь его. Если для человека Таинство Святого Покаяния есть выдумка священников и исповедь не более как ханжество и пустосвятство, то сразу видишь, с кем имеешь дело.

Фома. Многие из моих соратников имеют такой взгляд, но следует ли этому удивляться?

Священник. Выслушайте только повнимательнее и вы убедитесь, как неосновательны все предрассудки и предубеждения против исповеди.

Итак, я ставлю вопрос 1) что такое исповедь? Она есть установленное средство получить отпущение содеянных после крещения грехов. И это средство ведёт своё происхождение не от человека, но от Сына Божия. После Своего Воскресения Он

сказал Своим ученикам: *«Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся»* (Ин.20:21–23).

Таким образом, как Сам Иисус послан был Отцом Своим, так и Он посылает апостолов и их законных преемников, и именно для той же самой цели и с тем же самым поручением. Как Он отпускал людям грехи, так должны делать это и апостолы, и их преемники. Но так как сами по себе они не способны для этого, то Он сообщает им Святого Духа, Который должен помогать, дабы они могли отпускать грехи.

Фома. А Сам Бог разве не может отпустить грехи без посредства других?

Священник. Во имя и по поручению Бога могут и люди располагать этой поистине Божественной властью. И здесь дело идёт не об одном только объявлении, что Бог простит грехи, как думают протестанты, но о действительном освобождении от них силой и врученной властью Христа.

Пётр. Те грехи, которые отпускают апостолы и их преемники, должны быть отпущены и на Небе, суд произнесённый человеком утверждается и Богом.

Священник. Если, таким образом, Иисус передаёт власть отпущения грехов людям, то отсюда следует, что всё более тяжкие грехи, сделанные после крещения, могут законным образом быть прощены только через суд покаяния – в противном случае эта власть дана была бы напрасно. Но от Христа нельзя ожидать, чтобы Он стал вводить бесполезные установления. Следовательно, каждый грешник обязан по крайней мере более тяжкие грехи (с указанием числа их повторения и тех обстоятельств, при коих совершены они) подвергать суду своего духовника. И должен это сделать он с сокрушенным сердцем, с отвращением от греха и обращением к Богу. Он должен это сделать с твёрдым намерением впредь уже не грешить и содеянные прегрешения загладить подвигами покаяния. Только при таких условиях возможно оставление грехов.

Пётр. Мне представляется это дело похожим на мирской суд, которому добровольно отдаёт себя преступник.

Священник. Совершенно верно, грешник добровольно представляет себя перед судом духовника и чистосердечно, по внушению своей совести обвиняет себя самого. Он представляет священнику обвинительный, так сказать, акт с ходатайством о прощении грехов, обосновывая это ходатайство раскаянием и обещанием впредь этого не делать. Священник, как судья, по представленному ему обвинению производит, так сказать, следствие; и если он находит ходатайство виновного достаточно основательным, то отпускает грешнику грехи его властью, данной ему от Бога и во имя Бога. При этом судопроизводстве всё зависит от того, чтобы грешник надлежащим образом делал своё дело, чтобы он проникся верой и добрыми намерениями и добросовестно сделал необходимые приготовления к Таинству. Тогда только можно ожидать, что разрешение священника будет утверждено и на Небе.

Пётр. Здесь, стало быть, всё зависит от доброй воли грешника.

Священник. Конечно. Что такое исповедь, спрашивается, ещё далее? Она есть средство отпущения грехов, имеющее своё основание, свой корень в человеческой натуре. Чтобы получить отпущение грехов грешник необходимо должен открыть или исповедать их (вместо Бога) священнику. Для этого, конечно, необходима известная степень самопознания. Но это исповедание грехов всецело проистекает из глубины человеческого сердца (где оно имеет свой корень), ибо такова потребность этого сердца – чтобы то, что особенно его волнует и тревожит, поведать другим. Да, мы так глубоко чувствуем эту потребность, что иной доходит иногда до сумасшествия, до отчаяния, даже до самоубийства, потому что никого не находил, кому он мог бы излить свою душу.

Фома. Это, к сожалению, сущая правда.

Священник. Как часто мучается и терзается бедное сердце человека, если он в первый раз сделался виновником в совершении какого-нибудь величайшего греха или

преступления! Неумирающий червь злой совести беспрестанно грызёт и не даёт бедному грешнику ни днём, ни ночью покоя. Об одном некрещённом негре рассказывают, что он по ошибке принёс домой вместе с подаренным табаком и монету. Он рассказывал потом, что в нём спорили между собой два голоса, один говорил: «возьми деньги себе», а другой настаивал: «отнеси назад». Так он ни днём, ни ночью не имел покоя до тех пор, пока не возвратил деньги по принадлежности. Что пережил этот негр, то повторяется тысячу раз в человеческой жизни. Грызущий червь злой совести не умирает. Здесь нисколько не помогают человеку ни успокоительные речи добрых друзей, ни утешения назидательных книг. Напрасно приводят ему поговорку: «однажды – всё равно, что ни разу». Напрасно стараются его утешить примером других. Удрученное сердце тогда только успокоится, когда поведает кому-нибудь свою вину, откроет свои грехи. Но кому может оно поведать вину свою, не боясь, что его тайные грехи и преступления не будут открыты? Где такой человек, который был бы настолько мудр и молчалив, чтобы каждый – и забытый, оставленный бедняк, и отвратительный больной, и величайший преступник мог иметь к нему доверие? Божественный Спаситель наш, установив святое Таинство Покаяния, удовлетворил этой потребности человеческого сердца. В этом святом Таинстве можно находить теперь того человека, которому каждый может вверять свои сердечные тайны, не боясь того, что они где-нибудь и когда-нибудь будут открыты. Это священник-духовник имеет своим священным долгом выслушивать (вместо Бога) исповедание грехов и соблюдать в отношении их вечное молчание. Здесь оно может поведать свою скорбь и свою тугу человеку, который проникнут любовью отца, верностью своему долгу врача, милосердием самарянина.

Пётр. Если бы все приняли это не к сведению только, но и к сердцу, то не стали бы так ненавидеть и преследовать священников.

Священник. Ещё Ориген сравнивает грех с вредной для здоровья пищей, которая оставаясь в желудке, делает нас больными и до тех пор препятствует нашему выздоровлению,

пока не будет извергнута. Точно так же и грешник нигде не найдёт покоя и до тех пор внутренне будет мучиться, пока не удалит своему пастору: «У меня есть нечто такое на душе, что хотелось бы мне поведать вам и получить разрешение». А другой сказал: «Как хочется мне получить отпущение грехов, но скажите мне: имеете ли право вы и власть сделать это?» К сожалению, оба умирающих не могли от своего пастора получить никакого удовлетворительного ответа и никакой помощи, потому что протестантами отвергнуто Таинство Покаяния. Такое сожаление высказывается даже и самими протестантами. Мартенсен, известный протестантский проповедник, говорит: «Нельзя не пожалеть, что у нас утрачена частная исповедь, как установление. Ибо через это утрачен связующий пункт для многих, которые чувствуют потребность освободить от грехов свою душу».

Исповедь, таким образом, вполне отвечает потребностям человеческого сердца. Тот, Кто сотворил человеческое сердце и потому знает его как никто другой, оказал через установление Таинства Покаяния величайшее благодеяние и этим так мало насилует нашу волю, что он скорее здесь предлагает нам то, чего требует наша собственная не непорочная природа.

Фома. Но не есть ли эта исповедь принудительное учреждение?

Священник. Здесь не требуется никакого другого принуждения, кроме того, которое встречается во всех областях жизни и совпадает с желанием человека. Если ты, например, упал на землю, то это обстоятельство принуждает тебя снова стать на ноги, если не предпочитаешь остаться в лежащем положении. Если у тебя сгорел дом, то ты принужден бываешь снова построить его, если хочешь опять жить в своём доме. Если ты хочешь достигнуть Неба, то опять тебе нужно употребить принуждение, ибо только «*нуждницы*, – по выражению Священного Писания, – достигают его» (Мф.11:12). Если хочешь примириться с Богом, то опять-таки требуется принуждение – ты должен принудить себя, если не желаешь пребывать во грехе, к исполнению тех условий, с коими Бог связал это примирение.

Фома. Не обязывает ли Церковь верующих ежегодно, хотя бы один раз являться к своему священнику на исповедь?

Священник. Да, но этим делает она только то, к чему и любящая мать обязывает своё дитя. Добросовестная и любящая мать не дожидается и не должна дожидаться, пока дитя само придёт к сознанию опасности, угрожающей для его жизни, или совсем уже не захочет ничего знать о помощи и спасении. Так и Церковь – эта мать верующих не может равнодушно ждать, пока дети её сами захотят просить её помощи. Как пастырь до тех пор бежит в поисках за заблудшей овцой, пока не догонит её и не возвратит к стаду, так и Церковь гонится за нами, грешными, и старается возвратить нас к Богу, заповедуя нам Таинство Покаяния.

Фома. При этих доводах непонятным кажется, каким образом могут так ненавидеть и смеяться над покаянием, которое отвечает потребностям нашего сердца.

Священник. Греховное сердце человека настолько ослеплено, что отталкивает от себя то, что служит к его спасению, и тяготеет к таким вещам, которые приводят его только к гибели. Человеческое сердце есть непроницаемая тайна, неразрешённая загадка.

Теперь перехожу я ко второму вопросу: 2) почему мы исповедуемся? Я отвечаю: мы делаем это ради Бога, потом и ради себя. Итак, я говорю: мы совершаем покаяние ближайшим образом для Бога, потому что Он этого желает и требует. Иисус Христос, Сын Божий, хотя нигде не сказал прямо: «вы должны исповедоваться», однако Он желал, чтобы мы исповедовались. Он нигде прямо не упоминал об исповедании грехов, потому что в этом отношении оставался неизменённым ещё ветхий закон. Обычай и долг исповедовать грехи давно известен был и практиковался у всех израильтян. Новый закон хочет, чтобы грехи были отпускаемы и удерживаемы. Кому же они должны быть отпускаемы и у кого удерживаемы? Может быть, это должно зависеть от произвола или от каприза духовника. Но кто может утверждать это? В таком священном деле, как исповедь, всё должно совершаться благонамеренно и по совести. Если Христос однажды повелел Своим ученикам: «*Не давайте*

святых псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами» (Мф.7:6), то это предостережение, без сомнения, имеет отношение и к Таинству Покаяния и его благодати. Духовный отец должен, следовательно, хорошо знать: с кем он имеет дело, достойно или недостойно исповедующееся у него чадо отпущения его грехов. Но каким образом он может это знать, когда он сам ведь не всеведущ?

Пётр. Грешник должен сам открыться и чистосердечно рассказать, что он сделал.

Священник. Этого требует Бог от каждого грешника. Относительно этого святитель Иоанн Златоуст пишет: «Епископ или пресвитер тогда только знает, кого он должен разрешить или связать, когда он согласно своей обязанности выслушает все различные грехи кающегося». Если же духовник обязан их выслушать, то исповедник обязан сказать их ему. Следовательно, мы исповедуем свои грехи, потому что это установлено Христом при учреждении святого Таинства Покаяния.

Фома. А как же говорят, что исповедь введена не Христом, а каким-то папой?

Священник. Что Таинство Исповеди установлено Христом, а не людьми, это видно из того, что оно было от начала во всеобщем употреблении. Уже история апостольских времён говорит, что во времена апостолов исповедь существовала, и именно здесь говорится: «Много из верующих приходили и исповедовали грехи свои». В книге Деяний Апостольских говорится даже о том, что именно эти первые христиане открывали на исповеди. *«Из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли перед всеми» (Деян.19:19).* Таким образом, они исповедовались в том, что имели у себя в домах запрещённые книги, которые они публично и уничтожили. Далее, если во времена апостолов не существовала ещё исповедь, то каким образом мог бы святой Иоанн написать такие слова: *«Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1Ин.1:9).*

Что исповедание грехов было известно и практиковалось и позже, об этом свидетельствуют ученики апостолов и святые отцы. Так, например, священник Поликарп, ученик Иоанна Богослова пишет: «Пресвитеры должны быть сострадательны и милосердны ко всем, они должны заблуждающихся обращать и не быть слишком строгими в суде». Что это за суд, как не суд, совершаемый священниками в Таинстве Исповеди. Святой мученик Климент, папа Римский, также современник апостолов пишет: «Лучше для человека исповедовать грехи свои, чем ожесточить своё сердце». Мог ли он яснее высказаться за то, что святую исповедь тогда уже знали и практиковали?

О священномученике Иринее, епископе Лионском, мы знаем, что в его время было в употреблении как публичное, так и тайное исповедание грехов.

Церковный писатель Тертуллиан пишет: «Исповедь в грехах учит человека день и ночь взывать к Богу, спешить к духовнику и повергаться к ногам угодников Божиих. Некоторые, я думаю, избегают этого дела по нежеланию открыть свои грехи и со дня на день откладывают его, думая более о своём стыде, чем о своём спасении». Как ясно опять, и здесь указан обычай исповедовать грехи!

Святой епископ и мученик Киприан (III век) говорит: «Пусть каждый, прошу вас, исповедает свои прегрешения до тех пор, пока есть время, пока он живёт на земле, пока может быть у Бога благосклонно принимаема его исповедь и данное духовником священником разрешение во грехах».

А святой епископ и учитель Церкви Августин (IV век) говорит: «Пусть никто не говорит о себе: “Я совершаю исповедь втайне пред Богом! Бог, Который один только может даровать мне прощение, знает, что я приношу покаяние в моём сердце”. – Следовательно, ключ Церкви Божией дан был напрасно? Будем ли подвергать такому бесчестию Евангелие и слово Христа?». Этот святой отец хочет сказать, если бы не было надобности исповедовать грехи перед духовником, то отсюда следовало бы заключить, что Христос напрасно давал Своей Церкви власть вязать и разрешать, и Его слова не имели бы, стало быть, никакого значения.

Фома. Из этих свидетельств ясно видно, что в первые четыре века святая Исповедь была признаваема, существовала и на практике.

Священник. Бесспорно (это подтверждает и в этом сознаётся и протестантский писатель Гиббон), что сведущий в церковной науке человек не может противиться очевидным историческим свидетельствам о том, что исповедь в течение всего периода четырёх первых веков была одним из главных предметов учения Церкви. А начиная с VIII века, уже никто не сомневался в существовании святой Исповеди как Таинства.

Но мы исповедуемся не для Бога только, но и для себя самих, потому что мы почерпаем из святой Исповеди великую пользу.

Святая Исповедь, прежде всего, служит для нас богатым источником утешения и мира. Мне пришлось прочитать об одном поэте (Брентано), который почувствовав угрызения совести за те грехи, которыми она обременена была, как и у многих людей мира сего вследствие свободного обращения с миром, искал облегчение в беседах с благочестивыми людьми. Однажды поведал он о своём душевном страдании одной знакомой ему благочестивой девице. Но последняя возразила ему, сказав: «Какая польза вам от того, что вы говорите это молодой девушке? Вы так счастливы, у вас есть Таинство Исповеди (нужно заметить, что девушка эта была протестантка), пойдите и расскажите лучше вашему духовному отцу то, что удручает вашу душу!» При этих словах у Брентано на глазах показались слёзы, он поспешил к духовнику и заявил, что он желает исповедаться. И когда он затем исповедался и причастился Святых Таин, то получил великое утешение и успокоился. Он снова нашёл свою мать – Святую Церковь, а вместе с этим мир и утешение своего сердца.

Пётр. Этот поэт не единственный человек, который обрёл в Таинстве Святого Покаяния тот мир, который отнимает, но не может возвратить нам наш греховный мир. Если бы все недовольные наши современники решились открыть свои сердца священнику на исповеди, то и к ним возвратился бы тот мир, о котором воспели святые Ангелы в ночь Рождества

Христова и которого они лишают себя под влиянием своих безбожных учителей.

Священник. Святая Исповедь есть, далее, лучшее средство познавать самого себя. Учись познавать себя! – это изречение знали уже и древние греки. И в христианстве также требуется это самопознание. Учись познавать себя, говорит христианство, и ты приобретешь смиренномудрие. Учись познавать себя самого, и ты увидишь, что тебе ещё много недостаёт, чтобы быть совершенным. Приобретению этого столь необходимого самопознания и способствует главным образом Таинство Исповеди. Ибо когда мы желаем, как должно исповедовать грехи свои, то нам необходимо бывает посерьёзнее поразмыслить о своём нравственно-духовном состоянии. К этому присоединяется ещё то, что во время исповеди духовник нередко обращает наше внимание на многое такое, чего сами мы, по своему самолюбию, упускаем из вида и не замечаем. Не будь исповеди, мы, может быть, никогда в продолжение всей своей жизни не собрались бы серьёзно подумать об этом. *«Вся земля опустошена, – говорит пророк, – потому что ни один человек не прилагает этого (своей греховности) к сердцу»* (Иер.12:11).

Пётр. Эти слова пророка напоминают о таких вечных истинах, которые уже не производят никакого действия, потому что люди не принимают их к сердцу, так как они не думают о самих себе.

Священник. Да, это показывает, как необходимо для нас самопознание.

Святая Исповедь есть, наконец, лучшее средство к исправлению. Правда, есть много средств, способствующих нашему нравственно-религиозному исправлению. Но ни одно из них не имеет такого благодатного действия, как, именно, более или менее часто и надлежащим образом приносимая исповедь. Это явствует уже из того, что исповедь удаляет от нас грехи и снова возвращает нам благодать Божию, дабы мы могли богобоязненно жить и поступать. Причём одна мысль об исповедании удерживает нас от многих дурных поступков.

Фома. Не видно, чтобы те, которые исповедуются и, может быть, часто исповедуются, были лучше тех, которые совсем не бывают на исповеди.

Священник. Такое суждение слишком смелое. Ибо для того, чтобы составить правильное понятие о человеке, необходимо знать и его внутреннее состояние. Но об этом внутреннем состоянии мы не имеем никакого понятия. А если и бывают погрешности и даже тяжкие преступления и у тех, которые исполняют христианский долг исповеди, то в этом виновата не исповедь, но те сами исповедники, которые не как должно пользуются ею. Сама же по себе исповедь и есть, и всегда будет лучшим средством к нравственному исправлению, что бы о ней ни говорили. Выслушаем в этом отношении одного из таких свидетелей, которого нельзя заподозрить в неискренности. Это известный безбожник Вольтер. Он говорит: «Исповедь есть могущественная узда, которая удерживает от порока. Она только одна способна смягчить и располагать к прощению сердца, проникнутые ненавистью и злобой. Её можно рассматривать и как могущественное средство к предотвращению и тайных пороков».

К исправлению грешника относится и то, чтобы он возвращал назад неправильно добытое имущество и возмещал ближнему причинённый им ущерб. Сколько было возвращено незаконно приобретённого добра, сколько возмещено причинённых убытков, и именно благодаря только святой Исповеди! Припомним здесь, что перед Богом нельзя получить отпущения грехов без удовлетворения обиженного, без возмещения причинённых ему убытков или без испрашивания у него прощения в нанесённом ему оскорблении.

В святом Таинстве Покаяния мы получаем побуждение и к исполнению наших социальных (общественных) обязанностей. Здесь богатый познаёт, что он только приставник, распорядитель своими земными благами и что он тем больший отчёт должен дать, чем больше имеет их в своём распоряжении. И здесь западает ему в сердце сознание необходимости подавлять в себе скупость и по своему состоянию подавать милостыню бедным. А бедный побуждается

быть довольным своим положением с напоминанием о том, что бесконечно богатый Сын Божий добровольно сделался бедняком, обнаруживал особенную любовь к бедным, что заповедал Он делать и нам. Где больше всего сглаживается противоположность между бедными и богатыми, как не в святом Таинстве Покаяния? Здесь все равны, хотя бы внешне они и различались по своему званию и общественному положению.

Пётр. Если бы наши богатые и бедные усердно обращались к церковному Таинству Покаяния, то та резкая противоположность между ними, на которую мы сейчас жалуемся, мало-помалу сгладилась бы и исчезла.

Священник. Что вышло бы из христианства, если бы оно не имело этого столь спасительно действующего церковного учреждения? Что значит не иметь Таинства Покаяния – это лучше всего можно видеть у протестантства, в коем с отменой Таинства Покаяния так широко растворились все ворота и двери всякой нравственной порче, что лютеранский Нюрнбергский магистрат посылал посольство к императору Карлу V с просьбой, не может ли он посредством декрета снова ввести исповедь. Поэтому справедливо говорит преподобный Исидор Пелусиот: «На исповеди основывается всё наше упование. Она исцеляет наши раны, даёт отпущение наших грехов, умилоствует гнев Божий, она успокаивает нашу совесть и открывает нам Небо».

Фома. От души благодарю вас, отец святой, за наставление, которое снова утвердило меня в вере в действенность святой Исповеди.

Пётр. Мы всегда останемся благодарными вам духовными детьми вашими.

Двадцать второй вечер. Молитва

Священник. Как исповедь, так и молитва есть любимый предмет насмешек и издевательств для неверов. Ничего столько не подвергается ими этим насмешкам, как именно молитва. Если послушаем этих наших противников и насмешников, то можно подумать, что нет большей глупости, как молитва.

Фома. К сожалению, и я должен сознаться, что и я доселе мало тяготел к молитве и редко ходил в церковь.

Священник. Я считаю молитву за нечто столь важное, что за великое удовольствие почту посвятить этому предмету всю беседу нынешнего вечера. Надеюсь, что оба вы не останетесь без пользы от нынешнего урока, если я скажу о сущности и достоинстве молитвы и необходимости и пользе её.

Итак, что такое молитва по существу своему? Отвечаю: молитва есть возношение души к Богу. Сущность молитвы преподобный Иоанн Дамаскин изображает такими словами: «Всё ближе и ближе подходить верой и любовью к Богу, чтобы некогда навеки соединиться с Ним на Небе», – вот для чего живём мы на земле. Эта связь с Богом выражается уже на земле посредством молитвы, ибо, когда мы молимся, душа наша отрешается от земного, отлагает всякое житейское попечение и возносится к Богу, чтобы с Ним побеседовать, с Ним порадоваться, Ему принести свои моления, перед Ним излить свои желания. Молитва представляет собой, так сказать, мост, который соединяет Небо с землёй, ту сторону жизни с этой стороной, и на котором Творец и творение встречаются между собой. Когда мы молимся, тогда разламываем средостение между временем и вечностью, и наша душа почерпает свет и жизнь из Бога, Источника жизни. Мы погружаемся в Бога, в Его совершенства, мы говорим с Ним, когда мы молимся. Когда Иисус намерен был оставить нас Своим видимым присутствием, то заповедал ученикам Своим пребывать с Ним в общении посредством молитвы, ибо они должны были в молитве ожидать в Иерусалиме «обетование Отца» (Лк.24:49). Такое

же духовное общение поддерживаем и мы с Богом, когда молимся.

Фома. Молитва возвышает нашу душу к Богу, но нисходит ли к нам Бог? Не слишком ли Он велик для того, чтобы оказывать нам – земляным червям, такое внимание и честь?

Священник. Именно потому-то, что Бог слишком велик, а мы в сравнении с Ним слишком малы, Он и показывает нам Своё бесконечное милосердие и сострадание, ибо чем больше нам нужда в Его помощи, тем больше Его сострадание к нам. К тому же для Бога не составляет ни малейшего труда это попечение о ничтожных Своих творениях. Он ко всем и ко всему одинаково близок, стоит Ему только захотеть – и всё сделано.

Что есть молитва? Она есть главное упражнение в богопочитании. Мы обязаны почитать Бога, служить и поклоняться Ему, ибо весь мир создан для прославления Его. И человек создан также для того, чтобы он славил Творца, служил Ему и через это делался счастливым. Мы оказываем Богу надлежащее почитание и поклонение, когда мы молимся. Ибо посредством молитвы мы признаём, что Он есть Высочайшее Существо, Коему всё должно поклоняться, что Он есть самое Высшее Благо, от Которого происходит всякое благо, что мы – только Его слабые и недостойные создания, с которыми Он может делать, что хочет. Когда мы молимся, тогда мы исповедуем нашу веру в Него, как вечную, совершенную истину, наше упование на Него, как на бесконечное милосердие, нашу любовь к Нему, как к высочайшему Источнику благ. Кто не молится, тот не имеет уже веры, тот и не надеется уже на Бога, и не любит Его. Кто не молится, тот порвал связь с Богом, всё далее и далее отходит от Бога, пока, наконец, не сделается полным безбожником. Кто не молится, тот хуже животного, ибо и животное, по-своему, всё-таки славит Творца своего. Кто не молится, тот уклоняется от обязательного для него богопочитания и богослужения. Даже и червяк земляной, если бы он имел разум, и тот поднял бы свою голову, чтобы воздать хвалу Творцу своему – а человек, не хотящий молиться, не делает этого, хотя и обладает разумом.

Пётр. Стало быть – кто не молится, тот уже не чтит Бога, хотя бы и делал много доброго, ибо главное проявление богопочитания есть молитва.

Священник. Из сущности молитвы можно видеть и достоинство её. Всё, что служит столь высокой и благородной цели, как молитва, то должно быть и высшим достоинством её. Цена и достоинство молитвы состоит в том, чтобы она была делом всего человека.

Есть вещи, которые относятся к потребностям более тела, чем души, как например: телесная работа, сон и покой, еда, питьё и т.п. Есть затем вещи, которые главным образом отвечают потребностям души, например: чтение, исчисление, обучение. При этих духовных отправлениях требуется опять та или другая сила души – или разум, или сердце, или воля. Но молитва есть такое отправление, которое обнимает всего человека, занимает тело и душу, требует участия всех сил души.

Фома. А ведь говорят, что молитва есть пустое, ничего не стоящее занятие, пригодное, собственно, только для глупого, простого народа.

Священник. Но кто высказывает такое мнение, тот доказывает этим только то, что он не имеет ни малейшего понятия о молитве. – Нет, молитва охватывает всего человека и может увлечь и овладеть умом самого великого учёного, если он молится духом и истиной. Этим объясняется и то, что молитве предаются и самые великие умы и находят в ней свою величайшую радость и удовлетворение. Многие из таких людей, которые пользуются славой героев в области наук и искусств, выпускали от времени до времени из рук перо и брались за чётки или за молитвенник и становились на молитву, ибо молитва для их духа была самым благородным занятием. Повергнуться долу пред Богом, исповедовать Его как Владыку и Повелителя, возвеселиться о Нём и в Нём – это были для их духа самые сладостные моменты в жизни.

Но молитва есть не только дело целого человека и самое высшее его дело. Мы способны совершать великие дела, которые делают нам честь перед Богом и людьми. Когда мы жертвуем бедным своё имущество, предаём на сожжение наше

тело, спасая жизнь других, ведём войну и одерживаем победы над врагами – всё это поистине великие дела. Но самое высшее дело человека есть молитва, ибо молитва есть вообще самая высшая ступень, до которой только может подняться дух человека, потому что в молитве он доходит до Бога. Ты можешь пользоваться славой, как друг и благодетель человечества, ты можешь быть искусным и выдающимся работником или великим учёным, но если ты не молишься, то стоишь ниже, чем простая бедная женщина, которая постоянно молится. Молитва есть самое высокое занятие для человека именно потому, что она возвышает его над земным и поставляет близ Бога. Этот взгляд имел уже великий мудрец мира Платон, ибо он говорит: «Самое лучшее и высокое, что может делать добродетельный человек и что больше всего обуславливает счастье его жизни это то, чтобы он посредством молитвы постоянно входил в общение с богами; и все, которые действуют с рассуждением, должны при начале каждого предприятия, как малого, так и великого, прежде всего, обращаться к божеству».

Пётр. Подобаёт ли стыдиться молитвы нам – христианам, если даже язычник так говорит о Боге?

Священник. Показав, таким образом, существо и достоинство молитвы, я спрошу теперь: необходима ли и полезна ли молитва?

Когда я говорю, собственно, о необходимости молитвы, то естественно говорю не о физической необходимости, будто человек не может без молитвы и существовать (опыт учит, что мы можем молиться, можем и не молиться) – мы ничего не говорим о внешнем принуждении. Ибо опыт свидетельствует, что многие пользуются в здешней жизни своей здоровьем и спокойствием, хотя они, может быть, совсем не молятся. Если же мы упомянули о необходимости молитвы, то разумею необходимость только нравственную, говорим о той совести, которая обязывает и побуждает нас к молитве.

Фома. Но ведь Бог не нуждается в нашей молитве, ибо Он и без наших просьб знает, что нам нужно.

Священник. Это совершенно верно, но так же верно и то, что Бог от нас, Своих созданий, желает и требует обетов,

преданности, почитания и поклонения. Первая заповедь Божия заключает в себе не что иное, как прямое требование молитвы: *«Я Господь, Бог твой»*, – говорит Он (Исх.20:2). Ему должны мы, следовательно, воздавать надлежащее почитание и поклонение. И в книге Сираха убеждает Он: *«Обратись к Господу и оставь грехи; молись пред Ним и уменьши твои преткновения»* (Сир.17:21–22). Христос Сам учит нас и словом, и примером необходимости молитвы. Кто молился более Его? От яслей до Креста самое любимое Его занятие – это молитва.

Пётр. Если Он, Сам Сын Божий, так молился в продолжение Своей земной жизни, то тем более должны делать это мы, грешники, так как мы во всём от Него зависим и нуждаемся в Его помощи.

Священник. Но Он и прямо повелел нам молиться. Когда Он преподавал ученикам Своим молитву «Отче наш», то прямо и решительно сказал: *«Молитесь же так: Отче наш, Иже еси на небесех!»* и т.д. (Мф.6:9). Он не сказал: «Вы можете, если хотите, молиться так», – но должны так молиться: *«молитесь же так»*. Этими словами Он возложил на нас обязанность молиться. И так как в этой молитве всё, что необходимо для нашего тела и души, то и Он хочет, чтобы мы молились обо всём, от самого великого и важного до самого незначительного. Он даже заповедал, что *«должно всегда молиться и не унывать»* (Лк.18:1). Итак, молитва необходима потому, что её требует Бог.

Но мы должны молиться и для самих себя, потому что и мы сами нуждаемся в молитве. Бог, конечно, лучше всех знает, что нам нужно. А Он-то и находил более всего нужного для человека – молитву, и это потому, что без молитвы наша душа не может иметь и сохранять сверхъестественную духовную жизнь. Что воздух для тела, то молитва для души. «Без молитвы, – говорит один из учителей Церкви, – душе ничего нельзя ожидать доброго». Кто же не молится, тот в короткое время может сделаться зверем или сатаной. Как необходима поэтому молитва, чтобы избегать зла, чтобы преодолеть страсти и делать для себя безвредными опасности и искушения! Но мы должны не только зла избегать, но и добро делать, если хотим в

вечную жизнь войти. А чтобы делать доброе для Неба, для этого нам нужна Божия благодать. А её Бог даёт нам только через молитву. Благодать нужна нам постоянно, ибо цель нашего земного существования состоит в том, чтобы мы сохранили её до конца всей жизни и под влиянием её с молитвой могли и умереть. Таким образом, здесь снова приходится сказать: молитва необходима для нас, если мы хотим иметь благодать и быть счастливыми. Вот почему и Фома Аквинат говорит: «Кто не молится – тот погибнет». Здесь приложимо такое правило – всё через молитву, и без молитвы ничего. Через молитву мы можем всё получить от Бога, а без молитвы не получим ничего. «Молитва есть ключ от Божественной сокровищницы», – говорит блаженный Августин. Если хочешь иметь доступ к сокровищнице Божественного достояния и иметь свою часть в нём, то тебе необходимо употребить ключ молитвы. Ты беден и в горькой нужде – почему же не прибегаешь к молитве? Ведь ты подобен тому нищему, который дрожит от холода и изнемогает от голода, но не догадывается подойти и постучаться в дверь благотворительного богача.

Пётр. Если нищий не хочет погибнуть от голода, то он должен просить милостыню. И мы так же, если не хотим вечной гибели, должны по отношению к Богу поступать как нищие: то есть, должны прибегать к молитве, просить у Него.

Фома. Но приносит ли какую-нибудь пользу эта молитва?

Священник. Если заходит речь о пользе молитвы, то это всё равно, как если бы кто спросил, может ли молитва дойти до слуха Божия, не напрасно ли, стало быть, молятся? Насмешники думают, что молитва напрасна, потому что никогда не бывает так, чтобы молитва имела успех. Как мало совершается теперь чудес, так же мало видно пользы и от молитвы, говорят они. Но нам очень хорошо известно, почему они говорят так. Если признать, что молитвы доходят до слуха Божия и сопровождаются успехом, то тогда нужно признать и бытие личного Бога. Но так как последнее (то есть бытие Бога) они отрицают, то необходимо должны отрицать и действительность молитвы, возносимой к Богу. Но отрицание несколько не поможет там, где ясно и громко говорят факты. Ибо история и

опыт свидетельствуют, что молитвы не только не проходили, так сказать, мимо ушей Господа, но даже сопровождались чудесами. Священная история рассказывает, что израильтяне побеждали врагов, как только Моисей поднимал руки и начинал молиться, и что наоборот побеждали враги, как только опускал он свои руки и переставал молиться. О пророке Илии говорится: *«молитвою помолился, чтобы не было дождя: и не было дождя на землю три года и шесть месяцев»* (Иак.5:17). Кто хочет ещё более знать исторических доказательств исполнения молитвы, тот пусть походит по святым местам или почитает жития святых, и он убедится, что исполнение молитв бывали во все времена, бывают и доселе.

Что молитва полезна и действенна, за это ручается ещё и обетование Господа. Иисус совершенно определённо обещает, что наша молитва будет услышана. Он говорит: *«Просите, и дано будет вам»* (Мф.7:7). И Он не делает никакого различия в отношении предметов прошения, ибо Он говорит: *«и всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите»* (Мф.21:22). Следовательно, Он уверяет нас в успехе нашей молитвы и о нуждах временной жизни.

Фома. Почему же часто бывает так, что молятся долго и всё-таки безуспешно?

Священник. Бог заставляет нас часто и безуспешно молиться потому, что Он хочет испытать нас, с верой ли и надеждой мы молимся и усердна ли наша молитва. «Нужно так долго и часто стучать в двери этого Великого Господина, пока они не отворятся», – говорит святой Августин. Это опытно познала его собственная мать, святая Моника, ибо она в продолжение восемнадцати лет должна была молиться о его обращении. Поэтому нередко мы замечаем, когда дело идёт о временных нуждах, что мы не получаем того, о чём просим, потому что это не служит к нашему спасению. Бог даёт нам вместо этого нечто другое, более для нас нужное и полезное. Так, не всегда посылает здоровье, хотя об этом мы постоянно молимся, но зато Он даёт нам дар терпения, чтобы мы могли перенести свою болезнь для нашего спасения и получить венец вечной жизни. Не гораздо ли дороже это, чем наша жизнь и

здоровье? Следовательно, молитва ни в коем случае не остаётся без пользы – она всегда полезна, если мы как должно молимся.

Фома. Всё, что мы выслушали сейчас о молитве очень хорошо и вполне справедливо. Но я всё-таки не желал бы быть ханжой и пустосвятом.

Священник. Это совсем и не требуется, и очень не желательно, ибо ханжество не есть религия, но злоупотребление религией, когда главным делом считают известные наружные богомоления, не имея и нисколько не заботясь воспитать в себе дух религии. Дух религии воспитывается молитвой и трудом, любовью к ближним и верным исполнением своего долга. Быть благочестивым – это значит предать себя Богу, чтобы непрестанно прославлять Его.

Фома. Истинное благочестие без сомнения есть нечто другое чем то, что желал бы из него сделать мир. Но я не имею времени, чтобы упражняться в этой добродетели.

Священник. Если бы фабриканту захотелось когда-нибудь не дать своим рабочим времени для еды, что бы сделали тогда рабочие? Стали бы они продолжать работу, не поевши?

Фома. Они сами взяли бы себе время для еды и, в крайнем случае, бросили бы работу и ушли бы от фабриканта, ибо прежде всего нужно жить, а чтобы жить – необходимо есть.

Священник. Так следовало бы выгадывать себе время и для молитвы, как достают его для еды, ибо молитва для души столько же нужна, сколько пища для тела. Впрочем, молиться можно всюду и всегда, если хотяют серьёзно отнестись к ней. И кто говорит, что у него нет времени для молитвы, тот выражает этим то, что он вовсе и не хочет молиться.

Фома. Это верно, но ужели можно молиться и выражать своё религиозное чувство только в церкви? Ведь можно, говорят, так же хорошо молиться и дома, как в церкви?

Священник. Правда, и дома так же хорошо молиться, как в церкви. Но у нас дело идёт не о том, где лучше молиться, но о том, не хочет ли, не требует ли от меня Бог, чтобы я в известное, определённое время молился именно в церкви? Ответ на этот вопрос должен быть положительный, ибо Бог

требует, чтобы мы по крайней мере в воскресные и праздничные дни участвовали в общественной, церковной молитве, особенно за литургией. Кто стыдится этой молитвы, тому серьёзно нужно подумать, не постыдится некогда и его Спаситель? Кто суть те люди, которые так превратно судят о нас, если мы упражняемся в вере? Ведь, право, они не более имеют значения, как те гогочущие гуси, которые пугают боязливое дитя.

Двадцать третий вечер. Работа

Пётр. Вы, батюшка, в последней беседе нашей с вами очень много сказали нам прекрасного о молитве. Сегодня я могу представить вам печальное доказательство того, как далеко человек заходит, если он уже не молится, если забывает свои обязанности в отношении к Богу.

Священник. Какое же?

Пётр. Вчера в соседстве с нами умер в крайней бедности и нужде отец семейства, который некогда принадлежал к числу богатых и влиятельных обитателей нашей местности. И знаете ли вы, как это случилось? Он относился к числу тех, которые любят более проводить время там, где слышится звон бокалов шампанского, чем там, где раздаётся звон колокола, приглашающего на молитву.

Священник. Кто слишком усердно посещает гостиницы, тот может идти в своём хозяйстве только к низу или назад, особенно в наши дни, когда для нашего сельского хозяйства так мало благоприятных условий, когда оно имеет так мало свободы и так мало стеснения. И если такой прилежный посетитель трактиров ещё не утратил, как это часто бывает в подобных случаях, религиозное чувство, то в этом случае быстро пролетает и попадает под молоток.

Пётр. Всё это в точности приложимо к несчастному человеку, который в лучшие годы застигнут был смертью, он много употребил на свою ненасытную гортань, он не только утратил религиозную жизнь свою, но даже пускал в ход свои насмешки над ней. Даже на смертном одре своём смеялся он над молитвой и говорил, что только глупые люди имеют обыкновение молиться. Таким он и умер – со смехом проводил он жизнь свою, со смехом пошёл и в вечность.

Фома. Этот человек, во всяком случае, не единственный, кто умер таким образом. Я думаю, что и многие мои сотоварищи по фабричной работе, которые в насмешках и издевательствах над всем священным далеко превосходят покойного, будут умирать не лучше него.

Священник. Недаром говорится: какова жизнь – такова и смерть. Вот почему всегда необходимо иметь перед глазами правило: молись и трудись, то есть старайся всегда верно исполнять свои обязанности к Богу и долг своего звания и служения. Молитва и по-христиански совершаемая работа тесно связаны друг с другом. Молитва – ничто без работы, и работа – ничто без молитвы, то есть, кто хочет только молиться, не выполняя при этом добросовестно своего призвания, впадает в заблуждение, но и тот, кто хочет работать, забывая об обязанностях к Богу, тоже впадает в глубокую ошибку.

Фома. В настоящее время думают только о работе, да и её совершают только потому, что без неё нельзя жить. Говорят, что такая тяжёлая работа, как совершается она теперь с раннего утра до позднего вечера, скоро совсем будет отменена, так что хотя будут работать все, но понемногу, только для удовольствия и препровождения времени.

Священник. Да, об этом много говорят, или лучше – бредят наши социал-демократы. Говорю, бредят, потому что сделать работу одним только развлечением и удовольствием, какой она была некогда в Раю Эдемском, невозможно – это одна только пустая мечта. Но так как такое странное понятие о работе в настоящее время становится распространённым, то очень кстати сегодня поговорить нам о работе, и именно: 1) о понятии; 2) о достоинстве; 3) о благословении её. Итак:

1) Что такое работа? На этот вопрос можно дать различные ответы. Крестьянин думает, что работу составляет только то, что изо дня в день он делает, – все другие суть ленивцы и бездельники. А если спросить ремесленника, что он считает за работу, то получается другой ответ – он говорит, название работы заслуживает только то, что я делаю.

Пётр. А если иметь в виду только известных работников-подельщиков, то получим странное понятие о работе. Они часто не знают, как проведут день – в ничего неделании или в исполнении дурной работы. Хотя не всегда бывает так, все же работается мало и дурно. Это – всеобщая жалоба.

Фома. А у нас, фабричных рабочих, совсем не так – ибо если становишься к машине, то это значит – стать настороже,

собраться с мыслями и смотреть, как говорят, в оба. Фабричный рабочий должен быть постоянно при своей работе, если он не хочет понести убыток. Поэтому фабричная работа есть в собственном и истинном смысле работа – при всех других работах можно более или менее предаваться лени.

Священник. Но таким образом судить о работе мы не должны, если не хотим быть несправедливыми в отношении большей части остального человечества. Под работой разумеют нечто совершенно другое, чем то, что забрали себе в голову столь многие простые люди. Известный, к сожалению, уже умерший, английский кардинал Маннинг даёт нам один правильный ответ на вопрос, что такое работа или труд. «Труд или работа есть, – говорит он, – честное, полное употребление наших духовных и телесных сил ко благу нас самих и наших ближних». Отсюда явствует, что под понятие о работе подходит не одно только занятие сельским хозяйством, ремеслом и фабричной работой, но это название заслуживает и духовная деятельность. Люди, работающие руками, обыкновенно не выгодно отзываются о тех, которые занимаются умственным трудом, забывая о том, что один час напряжённой умственной работы часто иногда более изнуряет человека, чем целодневная работа телесная. Не положение и призвание делает труд истинной работой, но только честное и полное употребление в дело духовных и телесных сил.

Итак, честное употребление в деле сил – вот что заслуживает названия «работа». Поэтому кто исполняет поверхностную, только напоказ рассчитанную работу, кто работает без усердия и старается только о том, как бы поскорее кончить всю работу, не обращая внимания на то, какова она выйдет, тот заслуживает название не работника, а совсем другого имени.

Пётр. Было бы лучше, если бы таких людей называть их собственным настоящим именем.

Священник. Что такое работа? Работа есть, далее, полное привлечение к делу духовных и телесных сил, ибо – говорит тот же кардинал – если работник не употребляет сполна всех сил своих, то его произведение не заслуживает названия работы.

Следовательно, те работники, которые исполняют свою работу кое-как, лишь бы только получить за неё условную плату, не суть работники, но бессовестные люди; ибо если бы у них была совесть, они бы сказали: «Раз мы взялись за работу, то мы должны или исполнить свою обязанность, или же отказаться от вознаграждения». Брать плату за работу и исполнять её надлежащим образом – значит обременять свою совесть несправедливой мздой.

Фома. Стало быть, работодатель имеет право пользоваться своими работниками, как машиной?

Священник. Это отнюдь не вытекает из моих слов о полном приложении своих сил. Теперь я ещё раз возвращусь к понятию о работе и спрашиваю, что такое работа? Работа есть употребление в дело всех духовных и телесных сил ко благу нашему и наших ближних. *«Трудящийся трудится для себя, потому что побуждает его к тому рот его»* (Притч.16:26). Но он должен работать и для блага ближних, то есть должен работать так, чтобы ближний через него не потерпел ущерба.

Пётр. Работник, следовательно, не должен поступать так, как делают очень многие ремесленники и подельщики, которые требуют хорошей платы и содержания, но мало и дурно работают. Это и называется работать не в пользу, а во вред ближнего.

Священник. После разрешения вопроса о том, что называется работой, мне предстоит ещё 2) сказать о достоинстве работы. Как высоко стоит работа в христианстве? Работа со времени падения Адама стала уже не удовольствием, а бременем для человека, ибо она наложена на него в наказание за грех его. Весь языческий мир презирал работу, как нечто бесчестное и позорное, и взваливал её на рабов и женщин. Спартамцам праздность предписывалась даже законом. Но вот пришёл Спаситель и освободил труд от унижающих оков. Помогая во время частной и домашней Своей жизни в исполнении грубой и трудной работы отцу Своему Иосифу, Он облагородил её и снова возвратил её к своему достоинству. Он, воплотившийся Сын Божий, не брезговал и не стыдился вместе со Своим отцом-воспитателем производить

плотническую работу. Ещё и сейчас показывают в Назарете то место, где стояла та достопримечательная мастерская, в которой некогда работали вместе Иисус и Иосиф. Теперь там находится простая, без украшений маленькая церковь, которая своим внешним видом напоминает о той бедности, которая некогда царила здесь. Запрестольная икона представляет Божественного Спасителя в том виде, как Он некогда помогал работать своему отцу-воспитателю. На престоле сделана надпись в следующих словах: «Здесь Он был послушен им». Это послушание Он, в особенности, оказывал тем, что подчинялся своему отцу-воспитателю в занятии ремеслом и охотно и с удовольствием работал вместе с ним. Кто имел счастье посетить хоть раз это святое место, тот не может не растрогаться и не умилиться при воспоминании всего того, что здесь некогда происходило. Но он и вознесёт благодарность Божественному Спасителю за то, что Он возвысил здесь работу и возвратил её к своему достоинству. С тех пор как Тот, Кто обладает Небом и землёй, не погнушался Своими руками исполнять чёрную, трудную плотническую работу, эта последняя стала гордостью и честью человека. Мы работаем, чтобы подражать Тому, Который подал нам такой чудный пример.

Фома. Всё это прекрасно – одного только не могу понять я, отчего происходит то, что одни из людей необходимо должны исполнять суровые и тяжёлые работы, тогда как другие без всякого напряжения, так сказать, играя, зарабатывают хлеб свой? Посмотрите на дроворуба в лесу и на чиновника в его кабинете. Что даёт та суровая работа, и что получает чиновник или банкир?

Священник. Кто хочет сделаться высоким чиновником или способным банкиром (есть биржевые занятия и позволенные, и необходимые), тот прежде должен путём продолжительного обучения и образования приобрести способность к этому, он должен много, очень много потрудиться. Дроворуб не имеет нужды в учении, ему ничего более не нужно как две здоровые руки. Поэтому и работа его гораздо менее оценивается. Да и Богу совсем не угодно, чтобы все люди исполняли одинаковую работу и занимали равное положение в

обществе. Бог хочет, чтобы в мире господствовало соподчинение, и чтобы один был в зависимости от другого, как члены нашего тела распределены между собой. По определению Божию, человеческое общество разделяется на известные сословия или состояния. Пока общество будет продолжать своё существование, до тех пор неизбежно должны существовать и эти сословия. Если теперь одно состояние сопряжено с большим трудом, чем другое, то не Бог виноват в этой несоразмерности условий, но грех человека, ибо вследствие греха труд стал уже не удовольствием и радостью, но тяжестью и бременем. Грех же есть причина и того, что труд так часто бывает бесполезен и безуспешен, и так мало приносит выгоды. Это доказывает нам изречение Священного Писания: *«Если же не послушаете Меня, – говорит Господь, – и не будете исполнять всех заповедей сих... то и Я поступлю с вами так: пошлю на вас ужас, чахлость и горячку, от которых истомятся глаза и измучится душа, и будете сеять семена ваши напрасно»* (Лев.26:14, 16).

Пётр. Итак, Бог не виноват, если одна часть человечества вздыхает под бременем работы. Потом необходимо помнить, что никакая работа, хотя бы самая чёрная и обыкновенная, нисколько не унижает и не бесчестит человека, если она не включает в себе греха и нарушения в себе заповеди, как например, работа вора или обманщика.

Священник. С того времени, как пришёл на землю в образе человека Сын Божий, труд стал почтённым. Истинно великие люди теперь уже не только не стыдятся труда, но считают его честью для себя. Святой апостол Павел говорит о себе, что он снискивал себе пропитание трудами рук своих. *«Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал: сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои»* (Деян.20:33–34). Святой епископ Иларий, несмотря на высокую должность, не стыдился заниматься и полевыми работами. Монахи древнего и нового времени, занимаясь наукой, в то же время не пренебрегали заниматься ремёслами и обрабатывать землю. Даже князья и цари снисходят со своих престолов и производят те работы, которые относятся к области

сельского хозяйства. Почему и на положение прислуги в христианстве смотрят не как на нечто унижительное и бесчестное, а наоборот, христианский слуга по заповеди Божией служит человеку, а потому он в то же время служит и Самому Богу. Таким образом, христианская работа является служением Богу и через это приготовлением к вечности. Так высоко в христианстве достоинство работы, которая вместе с тем сопровождается для человечества обильным благословением, как это мы увидим, если я спрошу:

3) Какое же именно благословение почивает на работе? – Работа есть величайшая благодетельница для человека, если только она исполняется надлежащим образом. Надлежащим же образом она исполняется тогда, когда при ней не забывают Бога. *«Но по слову Твоему я закину сеть»*, – говорит апостол Пётр, – и теперь только снизошло Божие благословение на его работу, ибо они поймали такое множество рыб, что даже прорывалась сеть (Лк.5:5). В чём же собственно состоит благословение работы, спрошу я?

а) Работа даёт питание человеку. Бог так устроил жизнь нашу, что мы только прилежным трудом можем приобретать хлеб и достигать благосостояния, ибо опыт свидетельствует, что только те имеют некоторое благосостояние, кто усердно и честно работает, и что состоятельные скоро разорятся, если они ленятся и не имеют усердия к труду. Вот почему ещё в Ветхом Завете было сказано: *«Не отвращайся от трудной работы и от земледелия, которое учреждено от Вышнего»* (Сир.7:15). И апостол пишет: *«если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»* (2Фес.3:10). Но кто, прежде всего, может рассчитывать на благословение и благополучие, так это честный христианский работник, ибо в Писании сказано: *«благотворительная душа будет насыщена»* (Притч.11:25), то есть он будет иметь успех и будет насыщаться. И ещё Господь призывает праведного и благословляет труд его.

Пётр. Где нет никакой веры, там нет и благословения. Большая часть наших рабочих подобны тем апостолам, которые целую ночь без Господа трудились и ничего не поймали. Чем

больше они зарабатывают, тем больше испытывают нужду и недостатки – видно, что нет благословения на их трудах.

Священник. Труд, который совершается надлежащим образом, приносит и другую ещё пользу, именно:

б) он удерживает и предохраняет от многого дурного. Тогда как праздность есть мать всех пороков, о труде говорят, что он отвлекает от многих дурных и вредных занятий и служит предохранительным средством от грехов и пороков. Это убеждение имел и святой апостол Павел, который говорит: *«Во всем показал я вам, что, так трудясь (путём собственного труда и работы), надобно поддерживать слабых»* (Деян.20:35). Этим, конечно, он отнюдь не хочет сказать, что во время работы совсем уже нельзя согрешить.

Фома. Стоит только вспомнить о тех безобразных и безнравственных разговорах, которые ведут мои сотоварищи во время работы на фабрике, и мы увидим здесь достаточное доказательство того, что работа не всегда служит предохранительным средством против греха.

Священник. Это, правда, но всё же нельзя отвергать, что напряжённая сосредоточенная работа отвлекает от многих грехов. «Когда Адам, – говорит Златоуст – оставался без труда, был изгнан из Рая; а когда апостол Павел, напротив, проводил такую трудовую жизнь, что мог сказать о себе: “день и ночь я у вас в трудах и заботе” (2Кор.6:5), тогда он восхищен был до третьего неба». Этими словами он высказывает мысль, что сосредоточенный, совершаемый с напряжённым вниманием труд отвлекает от дурных помыслов, и что враг нашего спасения дьявол гораздо меньше может осаждать нас искушениями, если мы серьёзно заняты делом.

в) Труд помогает приносить нам покаяние. Грех навлекает на нас гнев Божий и наказание. Когда первый Адам согрешил в Раю, тотчас же подвергся наказанию, ибо Бог сказал ему: *«за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевой травой; в поте лица твоего*

будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят» (Быт.3:17–19). Суровая трудная работа возложена, таким образом, на человека в смысле епитимии и притом до самой смерти. И так будет продолжаться до тех пор, пока существует мир. Здесь ничего уже не помогут никакие соображения и ухищрения человеческие. Человек неизбежно должен суровым, тяжёлым трудом доставать себе пропитание и через это каяться в грехах своих. Такова воля и таково решение Бога, против которого люди ничего не могут поделать.

Фома. Но разве тот план социал-демократии, что настанет такое время, когда будут работать только несколько часов в сутки, и то для удовольствия, неосуществим?

Священник. На такое время так же мало можно рассчитывать, как и на то, чтобы снова отверзлись для человека врата Рая; ибо приговор Бога неизменен, и по Его воле земля тогда только должна кормить нас, когда мы прилежно работаем. *«Ты будешь есть от трудов рук твоих»*, – говорит Псалмопевец (Пс.127:2).

г) Труд делает человека довольным, человек создан для труда, как птица для летания. Как птица тогда только хорошо чувствует себя, когда она свободно может летать, так и человек тогда только находит для себя внутреннее удовлетворение, когда он в своей стихии, то есть, когда он трудится сообразно своему званию и положению. Праздношатающийся человек испытывает скуку и входит в разлад с самим собой – трудолюбивый же доволен и собой, и своим положением и постоянно весел. Не каждый, впрочем, труд делает человека довольным, как это видим мы на приговоре несчастных рабочих, которые, несмотря на свой труд, постоянно ропщут и в высшей степени недовольны.

Фома. Когда я представляю себе те проклятия и ругательства, которые слышатся из уст моих соработников против богатых капиталистов, то это более чем достаточно убеждает меня в том, что не каждая работа воспитывает чувство довольства.

Священник. Только такая работа обеспечивает это довольство, которую мы исполняем ради Бога. Вот почему

только христиански настроенный работник бывает доволен, тогда как безбожный невер никогда не знает мира. *«Кто восставал против Него, – говорится в слове Божиим, – и оставался в покое?»* (Иов.9:4). Каким образом работник, который ничего не хочет знать о Боге, может быть доволен и покоен?

д) Работа утешает. Это можно сказать только о христианской работе, ибо христианский работник имеет перед глазами высокий пример Своего Спасителя и Господа, Который Сам ходил по земле как бедный работник. Мысль о том, что Иисус до тридцатилетнего возраста исполнял трудную работу плотника, естественно должна очень ободрять и утешать христианского работника. По крайней мере, такой работник всегда может сказать себе: «Если так возлюбил труд и работу мой Господь и Божественный Учитель, то и я буду любить и безропотно исполнять её; если Он, будучи бесконечно богатым, в поте лица Своего ел хлеб Свой, то смею ли я, Его ничтожное, грешное создание, роптать на своё положение и требовать лучшего в этой земной жизни?»

Пётр. Я уже часто на опыте испытывал то чувство утешения, которое доставляет мне моя суровая, трудная работа. Хотя иногда и приходилось чувствовать себя нехорошо – и кто может избежать этого в настоящее время, когда приходится работать вместе с чужими людьми – но я утешал себя только примером Иисуса, Который так терпеливо и безропотно работал со Своим отцом-воспитателем Иосифом; взгляд на образ Святого Семейства, который висит в моей комнате, прогонял и рассеивал всякую печаль и хандру, как солнце разгоняет туман.

Священник. Да, если бы только все рабочие имели всегда перед глазами образ Святого Семейства, то и работа доставляла им больше утешения, но, к сожалению, в настоящее время этого у них нет. Но труд имеет ещё большее значение и приносит человеку ещё большую пользу.

Труд делает богатыми в Боге или пред Богом, ибо христианская работа доставляет нам очень много случаев к совершению добродетелей и к умножению заслуг. Кто усердно

исполняет обязанности своего звания, упражняется в послушанию Богу и человеку, тот упражняется в терпении и самоотвержении, упражняется в ежедневной любви к ближним и христианской благотворительности. Работа, если она не греховна сама по себе, по её целям, может иметь значение нравственной заслуги. Некоторые из людей такого мнения, что время, труд и прилежание, если люди употребляют их на свои житейские занятия, для Бога и души совершенно потеряны – но это неправда. Если это делается с добрым намерением, в надлежащем настроении души и во исполнение служебного долга, то это есть не только служение Богу, но и заслуга для Неба; это та работа, которая угодна Небесному Царю, Богу и даёт нам в вечер нашей жизни небесную награду. Как, следовательно, богат, может быть пред Богом христианский труженик, если он совершает свой труд надлежащим образом, не забывая и о душе своей.

Пётр. Христианский работник имеет заботу о теле и душе: он отдаёт телу, что нужно для тела, но он отдаёт и душе, что нужно для души.

Фома. Я почерпаю отсюда новую силу для своего намерения жить и действовать для Бога и спасения моей души. Поэтому буду молиться и трудиться.

Двадцать четвёртый вечер. Имеет ли какое-нибудь значение и семейство?

Пётр. Молись и трудись! Вот правило для жизни всех людей. Я до сих пор старался жить с моей семьёй по этому правилу – и должен сказать недурно себя чувствовал. И часто приходила мне мысль, каким это образом многие из людей ничего не хотят знать об этом столь благодетельном правиле жизни.

Священник. Они выросли в таких семействах, в которых не знают этого золотого правила, в которых хотя много трудятся и работают, но не могут уже молиться. Многие не думают о том, какое громадное влияние в добром и худом направлении может производить семейство на отдельного человека. Семья производит святых, но она же может воспитать сатану в образе человека.

Фома. Семья в настоящее время не имеет уже никакой цены и никакого значения, теперь входит в моду такое правило, что супруги живут вместе до тех пор, пока это им самим нравится, пока имеют друг к другу влечение. Если же они начинают чувствовать друг к другу отвращение, то они считают себя вправе разойтись, обратить свою любовь на других и основать новую семью. Так учит социал-демократический вождь Бебель в своей книге «Женщина и социализм».

Священник. Если бы все стали следовать и поступать по этому учению, тогда о правильной семейной жизни не могло быть и речи, тогда семья сделалась бы похожей на голубятню, которая открыта для всех и в которую можно входить и снова по своему желанию удаляться. Весьма важно поэтому, чтобы христианская семья была охраняема и оставалась благоустроенной, так как она имеет величайшее значение и важность, как для отдельного человека, так и для всего человеческого общества. Так как в настоящее время часто не хотят эту основную истину иметь в виду, то очень уместно теперь разрешить вопрос: значит ли что-нибудь семья?

Фома. Я с жадностью буду слушать, какой ответ последует на этот вопрос.

Пётр. Если мы немного поразмыслим о борьбе, которую до последнего времени либерализм и масонство вели против Церкви, то необходимо сказать, что они здесь действуют через семью. Влияние семьи ослабляется безисповедной школой и даже совершенно парализуется гражданским браком.

Священник. Вы совершенно правы в этом случае. Враги Церкви хорошо знают, где им лучше всего установить рычаг, дабы они могли привести в исполнение своё губительное намерение устранить Бога и религию. Если разлагается или теряет, по крайней мере, свой христианский характер семья, то неверие торжествует. Что же такое семья? – спрошу я.

1) Она есть дело природы. Уже в самой природе вещей заключается то, чтобы люди составляли семью, чтобы они совместно жили и оставались в этом сожительстве, пока не разлучит их смерть. Сам Бог хотел, чтобы человеческий род размножался и продолжал своё существование до конца времён. Если иметь в виду детей, то семья, безусловно, необходима, ибо дети должны быть возвращаемы и воспитываемы не как юнцы животных, но они должны в духовном и телесном отношении настолько быть развитыми и образованными, чтобы потом самостоятельно могли разрешать свою жизненную задачу и достигнуть вечного назначения. Естественный порядок, следовательно, требует уже, чтобы дети оставались при своих родителях до тех пор, пока они не достигнут известной степени развития или зрелости. Если же дети должны жить и обитать со своими родителями, то необходимо должны жить вместе и их родители, отец и мать составляют одну семью. Семья есть, следовательно, самый естественный и самый необходимый союз, какой только может существовать. Но из этого отнюдь ещё не следует, чтобы каждый человек самой природой обязан был вступать в брак и жить семейно, ибо продолжение человеческого рода, конечно, не прекратится, если те или другие отдельные лица окажутся от семейной жизни и поставят себя такому служению, которое выше родительского. Отдельному лицу, следовательно,

предоставляется свободный выбор вступать в брак или не вступать. Но если не каждый имеет обязанность, то каждый имеет право обзаводиться семьёй. Конечно, это право тогда только должно быть использовано, когда человек достигнет узаконенного возраста и когда все прочие условия, без которых не может быть речи о счастливой семейной жизни, существуют налицо. Кто страдает тяжкой душевной или телесной болезнью, кто не может сам себя содержать, тот не должен полагать основание семье, ибо каким образом он может заботиться о других, когда не может приобрести самого необходимого для себя самого.

Пётр. Но об этом в настоящее время мало заботятся. Ныне женятся и выходят замуж, не рассуждая о том, есть ли всё необходимое для содержания семьи. Теперь вступают в брак такие люди, которые сегодня имеют заработок, а завтра, если они лишаются заработка или делаются неспособными к труду, становятся нищими.

Священник. Это, к сожалению, сущая правда. Девушка, которая только что окончила школу или фабричную работу, следовательно, совсем неопытная в домашнем хозяйстве, воображает себя способной быть хозяйкой дома. Молодые люди, которые часто не имеют ни одной добродетели, но опытно знакомы со всеми пороками, которые семью могут сделать только несчастной, теперь свободно вступают в брак. Когда дело идёт о том, чтобы избрать род службы или занятия, изучить какое-нибудь ремесло, то наперёд спрашивают обыкновенно, есть для этого необходимые способности и средства. Но при составлении семьи таких размышлений и соображений не бывает, так как дело делается быстро, по одному только легкомысленному решению: я вступаю в брак, и ни один человек не может мне препятствовать, – как будто дело идёт здесь о таком предмете, который не требует никаких соображений.

Фома. Я желал бы знать при этом, для чего нужны здесь какие-нибудь соображения и размышления. Ведь по морали социал-демократов родителям дозволяется снова бросать друг друга, коль скоро обнаруживается разладица, разочарование,

отвращение. Дети же, коль скоро они отнимутся от груди матери, должны быть отбираемы от матерей и передаваемы на воспитание в государственные воспитательные дома, ибо в социалистическом государстве будущего будут господствовать всеобщее и одинаковое воспитание за государственный счёт, образовательное даровое обучение во всех учебных заведениях.

Священник. Если бы эта уродливая идея была бы действительно осуществима, конечно, не было бы надобности ни в каком рассуждении: вступать в брак или нет. В таком случае семья совсем перестала бы существовать, ибо тогда жена стала бы чужой для мужа, дитя чужим для своих родителей. Отец, мать и дети, которые самой природой так тесно связаны между собой, как память, разум и воля в человеческой душе, отлучаются друг от друга. Как противоестественно отрывать дитя от материнских объятий и передавать государству! Мать и дитя так же неразрывно связаны между собой, как душа и тело. И когда один супруг умирает при жизни другого, то от последнего можно часто слышать такого рода вопль: мог ли я думать, что так тяжела и болезненна будет наша разлука? Ведь это всё равно, что отрубили бы у меня часть моего тела! Так тесна, так крепка, так натуральна та связь, которая соединяет супругов. А социал-демократия осмеливается восставать против закона природы и расторгать союз между отцом, матерью и детьми! То не может быть правильным и законным, что против законов природы. Вот почему социал-демократия произносит сама суд над собой, если она нападает и разрушает семью – это произведение природы.

Но и семья есть не только дело природы, но и 2) установление Бога. Всё, что составляет дело природы, есть в то же время и дело Бога. Он захотел всё это создать и привести в порядок, ибо Он Господь и Владыка природы. Воля Божия такова, чтобы муж и жена составляли семью и оставались в совместном сожитии до тех пор, пока не разлучит их смерть. В силу брака муж и жена должны быть связаны неразрывным сожительством. Божия воля была на установление брака. Его

же воля и в установлении семьи. Эта мысль о браке и семье выражена в словах Священного Писания: *«Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут... одна плоть»* (Быт.2:24). Здесь же имеем три части, которые составляют существо брака: любовь, единство и нерасторжимость. Но вследствие греха исчезла эта высокая идея о браке. Даже в иудействе брак был уже не то, что должен быть по воле Бога. Только Христос восстановил его первоначальное достоинство, разъяснив, что брачный союз должен быть заключён только между двумя лицами, то есть между одним только мужем и одной только женой, и что этот союз должен быть нерасторжим. Да, Он так высоко поднял достоинство брака, что он стал благодатным средством – Таинством Его Церкви. *«Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви»* (Еф.5:32). Это, так возвышенное Христом достоинство брака всегда оберегаемо и поддерживаемо было Церковью, которая всегда и всюду подчёркивает единство и нерасторжимость брака и сообщает брачующимся супругам необходимую благодатную помощь через совершение Таинства.

Пётр. Но как же объяснить упадок брака и расстройство супружеской жизни?

Священник. Всюду, где отделяются от истинной Церкви, замечается ослабление брачных уз и постепенное ослабление брака. Так как неверие пускает всё более и более глубокие корни и, вследствие этого, всё более и более исчезают любовь и верность супружеская, то поэтому так много в настоящее время мы видим испорченности в брачной и семейной жизни вообще. И эту порчу социал-демократия своим безбожным учением старается ещё более усилить и распространить, объявляя брак за личную сделку, в которую никто – ни церковнослужитель, ни гражданская власть – не должны вмешиваться. *«Этот союз брачный, – говорит социал-демократический вождь Бебель, – как в первобытное время должен быть частным, личным соглашением без всякого посредничества какого-нибудь функционера (сословного начальства)».* Социал-демократия, извращая и унижая таким

образом брак, нападает и на семью, это Божественное учреждение, и делает семейную жизнь невозможной. В какую бездну гибели стыда и позора погрузилось бы человечество, если бы было признано всеми это учение! От брака и семьи не осталось бы и следа, и весь мир сделался бы великим домом греха и порока.

Фома. Это и мне всегда очень не нравилось в социал-демократии; она проповедует такие учения, от которых, ведь право, волосы становятся дыбом, и которые в каждом богомыслящем человеке возбуждают чувство гадливости и отвращения.

Священник. Если бы социал-демократическое будущее государство не принесло бы нам никакого более изменения, кроме одного закона свободной любви, то и по этому одному основанию не было бы возможно его признание, и оно заслуживало бы самого энергичного отпора и противодействия. Социал-демократия есть величайший враг семьи, копающий могилу для семейной жизни.

Пётр. Поэтому каждый отец семейства должен крепко подумать, прежде чем открыть слух свой для соблазнительного голоса этих людей. Он должен подумать, что выйдет из семьи этого Божественного учреждения, если брак будет только личным контактом, который может быть разорван во всякое время, каждую минуту.

Священник. Ниспровержение семьи имели своей целью ещё ранее, чем сделалась известной социал-демократия, либерализм и масонство, когда они вводили гражданский брак как обязательный для всех, желающих вступить в брак. Через это до сих пор нерасторжимый союз семейный незаметно и мало-помалу стал ослабевать и всё чаще и чаще расторгаться. Таким образом, то, чего доселе старались достигать либерализм и масонство тайным путём, этого домогается социал-демократия открыто, не таясь, путём своих идей и учения, а потом, может быть, и путём насилия.

Пётр. Но до этого, будем надеяться, дело так скоро не дойдёт. Господь Бог не допустит, чтобы эти социал-демократические деревья доросли до неба. Ибо Он сказал:

«что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф.19:6). Это слово должно будет, уверен я, привести к отрезвлению.

Священник. И я со своей стороны твёрдо убеждён, что Бог не допустит, чтобы разрушен был тот строй и порядок семейной жизни, который Ему угодно было установить.

Но семья не только Его установление, но и 3) основание, фундамент общества. Всё человеческое общество основано на семье и в ней, как здание в фундаменте, приобретает свою прочность и устойчивость. Семья есть, так сказать, корень всех существующих в мире учреждений, ибо общество, государство и Церковь наделены семьёй – живут и питаются от неё; общество составляется из членов семьи, государство получает своих граждан от семьи, Церковь состоит из членов, которые произошли от семьи.

Через семью должно быть обновляемо и освящаемо всё человеческое общество. Она есть источник, раздающий жизнь и благословение для всего человечества. Поэтому она необходимо должна быть в связи с религией, ибо только через религию она в состоянии изливать жизнь и благословение на всё человечество. Семейный очаг и алтарь неразрывно связаны между собой, – обыкновенно говорили ещё древние римляне. Не гораздо ли более семья должна быть проникнута религиозным духом в христианстве? И вот здесь центр тяжести падает на мать. От неё в особенности зависит настроение семьи. Если она религиозная, христианская женщина, тогда будет изливаться и на всё общество.

Семьей люди должны быть так воспитаны, чтобы они служили обществу как полезные члены его и некогда сделались наследниками Неба. При выполнении этой важной задачи опять первое место занимает мать. Один из величайших педагогов говорит: «Каким человек воспитан в первые шесть лет, таким останется он в большинстве случаев на целую жизнь». Если это слово истинно – а опыт подтверждает его, то можете представить тогда, какое огромное влияние производит мать на своих детей! Ведь с детьми этого возраста почти исключительно имеет дело только мать, так как воспитательная деятельность отца начинается позже, впоследствии. Теперь, если Спаситель

наш некогда изрёк соблазнительям: «горе» (Мф.18:7), то это горе вдвойне, втройне, в десять раз более относится к матери, если она сама не по-христиански настроена, не по-христиански воспитывает своих малюток. Дурные, нехристианские матери суть растление мира. Если бы у нас были добрые матери, то наш современный мир не трепетал и не дрожал бы перед разрушительным социал-демократическим движением и перед злобствующей и озверелой толпой безбожных рабочих.

Пётр. И я так же думаю. Если бы матери тех несчастных, которые теперь потеряли всякую веру и нравственные устои, были поистине христианскими матерями, то они не зашли бы так далеко. И если те девушки, которые теперь работают на фабриках, впоследствии выйдут замуж, какое жалкое поколение будет нарождаться тогда от этих браков.

Фома. Женщина, не имеющая религии, гораздо хуже, чем неверующий мужчина. Это наблюдение я сделал в социал-демократических собраниях, в коих такие нерелигиозные женские персоны отважились выступать в качестве ораторов. Невольно мне приходилось говорить себе, что вышло бы из семейства, если бы им стали управлять матери такого пошиба?

Священник. Если так разрушительно и убийственно действует неверующая мать, то как благотворна и назидательна бывает воспитательная деятельность истинно благочестивой матери! Такая мать есть величайшее счастье и одно из величайших благодеяний, какое только может даровать Бог человеку в этой земной жизни. «Неизмеримо несчастно, – сказал один из учителей Церкви, – то дитя, которое имеет нехристианскую, неверующую и недобродетельную мать, хотя бы она одевалась в пурпурные и шёлковые одежды; и, наоборот, беспредельно счастливо то дитя, у которого поистине христианская мать, хотя бы она в тряпках и выросла, в тряпках и в могилу была засыпана».

Влияние доброй матери не угасает и с её смертью. Когда она давно уже лежит в гробу, а сын или дочь её на житейском море перебрасывается из стороны в сторону бурными волнами страстей и близки уже к тому, чтобы потерять веру и невинность, и тогда снова встаёт перед их глазами образ доброй матери и

производит на заблудившихся такую магическую силу, что они отрезвляются и решаются не причинять скорби своей в земле покоящейся матери. Кто вообще вырос в такой семье, где действует, как воспитательница, истинно христианская мать, кто в такой семье вкусил того мира, который Христос называет Своим миром, тот не может навсегда остаться в луже порока и неверия. Воспоминания о светлых счастливых днях своей юности, которые он провёл в родительском доме, с непреодолимой силой вырывают из тех уз и цепей, в которые заковал его греховный мир.

Но радостные и счастливые дни переживают в доме только тогда, когда и отец бывает истинно христианский муж. Отец не должен своим словом и примером разрушать того, что заботливо старается созидать мать. Оба должны идти рука об руку и быть согласны, и особенно в том, что всего важнее на земле, то есть в вере. В этом только случае семья есть надёжное и твёрдое основание общества, тогда государство и Церковь имеют в ней гарантию успешной своей деятельности, тогда не страшны никакие социалистические замыслы о переворотах и катастрофах. Если же либерализм и его естественное детище – социализм выступают против брака и вместе с тем и семьи, то они подрывают основу общества, ибо эта основа есть семья, она есть первый и самый важный столп, на который опирается всё общественное здание, все общественные союзы и организации.

Пётр. Это подкапывание и потрясение общественного порядка совершается и тем, что устраняет религию, что объявляют её частным делом.

Фома. Этот подрыв делают и тем, что женщину низводят снова в то положение, в каком она находилась в язычестве. Как тогда, так и теперь, посредством закона о свободной любви, она снова делается орудием самой грубой, чувственной страсти.

Священник. Но через это семье, этому основанию общества нанесён был бы смертельный удар, и наступило бы невыразимое бедствие.

Двадцать пятый вечер. Какие опасности грозят семье

Священник. Семья, о которой мы говорили вчерашний вечер, есть нечто столь важное и серьёзное, что мы сегодня ещё раз займёмся этим предметом. В конце вчерашней беседы уже было сказано, что семье у нас грозит большая опасность, так как её хотят лишить религиозного характера и церковного освящения и женщину сделать орудием плотской похоти. Но это не единственные опасности, которые в настоящее время угрожают семье.

Пётр. Семья страдает также и под влиянием духа времени, свойства которого всем известны. Губительные, развращающие основоположения и идеи и дурные привычки нашего времени проникают и в семью. Так как всё современное течение направлено теперь только на сей земной мир, то не следует удивляться, если этим духом заражается и семья.

Священник. Да, те опасности, которые угрожают семье – это материалистическое мировоззрение и современное направление – гораздо больше и серьёзнее, чем рассмотренное выше. Поэтому раскроем и ближе рассмотрим их.

Что это за опасности, которые угрожают в настоящее время семье? Это есть:

1) дух неверия и нечестия. Неверие теперь не есть уже дело отдельных лиц, но оно постепенно проникает в массы народа. Дурная пресса сильно заботится об этом, поставив своей задачей подстрекать и науськивать читающую публику на Церковь и её чад и последователей, чтобы развить в публике подозрение к последователям Церкви и подорвать доверие к ним. Мы встречаем теперь неверующих не среди только взрослых, но и среди наших юношей и детей. Из городов это неверие переходит и в сёла, так что теперь и в деревнях наших можно довольно наслушаться речей против веры. И как легко подрастающее поколение заражается и воспламеняется неверием, это доказывает взрыв одобрений и громких рукоплесканий зелёной молодёжи, если какой-нибудь враг

религии и безбожник публично выступает со своей речью среди народной толпы.

Естественное следствие неверия есть дух легкомыслия и нечестия, который состоит в том, что он не щадит ничего святого и Божественного, но всё мешает с грязью. Предметами острот и насмешек является у таких людей то Божественное Лицо Самого Иисуса Христа, то Святая Личность Божией Матери, то Церковь с её священниками, то святые Таинства и молитва. Всё это вышучивается и высмеивается, над всем этим всюду слышатся самые плоские остроты и грубые издевательства: и в частных домашних компаниях, и в общественных сборищах, в трактирах и пивных, на фабриках и в других учреждениях.

Фома. В последнее время я не раз слышал, что не только рабочие из мужчин, но и женщины фабричные о религии и Церкви, о священниках и Таинствах церковных, не исключая Исповеди и Святого Причастия, отзываются в таких выражениях, что просто волосы становятся дыбом.

Пётр. Это обстоятельство ясно доказывает, что дух неверия и нечестия проник уже и во многие семьи.

Священник. Но где нет веры, там не может быть уже и никакой нравственности. А потому дальнейшей опасностью для семьи является:

2) дух безнравственности. Где ничто Божественное не имеет уже никакого значения, там всё более и более выступает на первый план всё земное и чувственное. Кто не может служить Богу, тот служит страстям и похотям. Это доказывают преступления против нравственности. Пороки язычества вновь воскресают в наше время, когда так много занимаются внешним образованием и приличиями. Наиболее опасный дух есть именно дух безнравственности, ибо, когда проникает он в семью и вытесняет порядок и благочиние, там погибли мир и согласие, погибло счастье и благополучие.

Пётр. Что этот дух и у нас проник во многие семейства – это доказывают подозрительные сборища лиц обоего пола, безнравственные разговоры и песни, неприличные пляски и игры, которые позволяют себе во многих домах молодые люди.

Но самое худшее при этом то, что хозяева таких домов не находят ничего дурного и вредного в этих безнравственных компаниях, что они напротив ещё обижаются, когда начинаешь воздействовать в этом случае на их совесть.

Фома. В доказательство того, что во многих семействах этот дух сделался уже господствующим, я бы мог привести и ещё больше примеров. Но я ограничусь указанием на то, как бесстыдно и дерзко почти всюду ведут себя наши молодые люди и как грубо поступают с другими. Кто уже раз имел счастье, или лучше сказать – несчастье ехать с поездом рабочих, тот может ещё более пополнить и эту главу безнравственности, ибо то, что приходится здесь видеть и слышать, это не поддаётся описанию. Нельзя поверить даже, что живём мы в цивилизованной стране.

Священник. И я также слышал жалобы на это. Эти явления доказывают ещё более нам, что во многих семьях молодые люди потеряли всякое чувство стыда. Дальнейшая опасность:

3) это склонность к чувственным удовольствиям и наслаждениям. Когда человек потерял нравственную устойчивость, то он опускается всё ниже и ниже, пока не дойдёт до степени животного. Страсть к чувственным удовольствиям есть естественное следствие безнравственности. Есть и пить, плясать и играть – вот идеалы неверующего безнравственного человека. И как велика, как ужасно велика эта страсть в наше время! Только что вышедшие из школы юноши стремятся в пивные и питейные дома и трактиры, и наслаждаются там не несколько только послеобеденных часов, но и до глубокой ночи. Даже девицы не стыдятся в публичных местах есть, пить, хохотать, шуметь и бушевать. Недаром в церквях так часто мы слышим из уст проповедников жалобы на бесчинства и такие, например, выражения: «Место христианской семейной жизни заступает у нас весьма часто жизнь в публичных местах увеселений». Несомненно, что в семье нашего времени есть нечто гнилое, если родители могут допускать такие бесчинства своих подрастающих детей. Если бы семья была истинно христианским домом, то отдельные члены её не имели бы нужды искать себе такого сорта развлечений и удовольствий в

гостиницах и других компаниях, но находили бы дома и своё удовольствие, и свою радость. Но в том-то именно и беда наша, что современный человек большей частью не имеет уже никакого дома, то есть никакой семьи, которая бы собиралась бы около него и которую поистине любил бы и он. Родители теперь совсем не умеют уже делать родительский дом лучшим, наиболее приятным местом пребывания своих детей. Вот почему эти последние ищут себе удовольствий вне его и там легко потом развращаются, не имея за собой никакого надзора.

Пётр. Моя дочь не пойдёт в такое место, где дозволяются такие бесчинства. Она знает, что я ни в каком случае не потерпел бы такой вольности и распушенности.

Фома. Я знаю семейства, в которых в воскресные и праздничные дни все устремляются в гостиницу – муж, жена, сыновья, дочери. Если затем, с наступлением рабочего дня, чувствуют некоторую тягость, то вместо них идёт на работу кружка, то есть делают вычет из жалования. При этом не принимается уже в соображение, есть ли в этом действительная потребность и дозволяют ли это имущественные обстоятельства.

Священник. Следствием сего бывает:

4) быстро возрастающее обеднение. И в этом заключается дальнейшая и великая опасность для семьи. Обеднение имеет в себе всегда и нечто затруднительное и опасное для человека, почему ветхозаветный мудрец и молится: *«нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом»* (Притч.30:8). Сколько семейств лишают себя этого благополучия, о котором Святое Писание учит здесь нас молиться! Они всё дальше и дальше отходят от своего семейного благополучия, долги нарастают на долги, изо дня в день ведут они борьбу за существование, так что часто вечером не знают, откуда они в следующий день достанут самое необходимое для жизни. Здесь уместна та жалоба, которую в других случаях осуждал Господь, и которая гласит: *«что нам есть? или что пить? или во что одеться?»* (Мф.6:31). Опасно это обнищание особенно потому, что оно легко доводит до забвения Бога, так как оно нарушает мир и спокойствие.

Фома. Но это обнищание некоторые семейства погнало уже в объятия социал-демократии.

Пётр. Если такие семьи ничего уже более не ожидают и ничего уже не могут терять, то они часто ищут в своём ослеплении помощи у социал-демократов, которые обыкновенно слепо и коварно обещают золотые горы.

Священник. Дальнейшая опасность нашего семейства есть:

5) дух безначалия, непризнание авторитета. Богу угодно, чтобы в мире господствовала известная подчинённость, чтобы одни люди господствовали и управляли, а другие подчинялись. Другими словами, Господь установил авторитет. В семействе этот авторитет начинает развиваться и укрепляться, когда отец одарён от Бога особенной властью. Как важно и нужно, чтобы эта отцовская власть уважалась, этот авторитет оберегался и поддерживался! Ибо из семьи он должен переходить в общество, в государственную жизнь. Но со своей ложной любовью к своим детям, со своей ложно понимаемой гуманностью, многие отцы заходят так далеко, что они в своих семьях не имеют уже никакого значения, что их отеческая власть не имеет уже никакой силы. Дети, совершая проступки и кругом виновные, не обращают внимания на лицо и слова отца и делают, что им хочется. Слабый отец делается слугой и рабом своих собственных детей. Но это безначалие и отсутствие авторитета в семье есть великая опасность, как для отдельных членов семьи, так и для целого общества.

Пётр. Как много дурного было бы предотвращено, и в какой чистоте и неповреждённости оставалась бы семья, если бы отец был строгий и энергичный муж и умел бы придавать силу своему слову! У такого отца дети не стали бы дозволять себе того, что приносит вред и им самим, и подвергает в стыд и скорбь их родителей.

Фома. И будут ли те из членов семьи, которые не признают авторитетов и власти отца, признавать другие авторитеты и подчиняться гражданскому и духовному начальству?

Священник. Конечно, нет; для кого ничто не значит отцовский авторитет, для того не будет иметь значения и каждый

другой. Дальнейшая опасность, угрожающая ныне семье, есть, наконец:

б) склонность к притеснениям и выжиманию последних сил со стороны недобросовестных работодателей и безбожных людей. Материальной нуждой, недостатком в заработках работодатели пользуются для того, чтобы обогатить себя посредством рабочей силы бедняков – рабочих. Предлагают им работу за такую плату, которой часто едва достаёт на обеспечение одного только члена семьи. Если же рабочий начинает жаловаться на недостаточное вознаграждение за труд, то ему говорят: «У тебя есть жена и подрастающие дети – посылай и их на фабрику, тогда будешь получать больше жалованья». Таким образом, недобросовестная индустрия производит расстройство семьи, притягивая и мать, и детей к машине (в Германии в 1898 году на фабриках работало 288 553 девицы от 16 до 21 года и 475 995 выше этого возраста).

В то время как недобросовестные работодатели эксплуатируют семью для своего собственного обогащения, социал-демократы стараются эксплуатировать семью в духовно-нравственном отношении, ибо они, пользуясь бедностью и нуждой рабочих, возбуждают в них чувство недовольства и развивают равнодушие к вере, чтобы приобрести их для своих целей и намерений. «Идите за нами, – говорят они, – и держитесь за нас. Вы, при ваших иногда невыносимых трудах, ничего не имеете и сейчас, ни на что не можете рассчитывать при настоящих условиях и впредь. Мы хотим добиться всеобщего улучшения. Все должны, все имеют право на сытую, весёлую и довольную жизнь и могут на земле иметь небо. Вот то новое счастье, которое мы обещаем вам!»

Фома. Эти обещания звучат очень заманчиво и, как я уже ранее говорил, производят впечатления и имеют успех.

Пётр. Господствующая страсть к удовольствиям и недовольство своим скудным положением полагают путь социалистическим бредням и гонят бесчисленное множество рабочих в сети этих соблазнитель.

Священник. Велики, стало быть, те опасности, которые угрожают в настоящее время семье. Значительное количество

семей переживают уже эти опасности и находятся в ужасающем состоянии. Спрашивается теперь, что нужно делать для воспитания семьи? Семья есть первый и самый могущественный столб, на котором покоится человеческое общество. Если рухнет этот столб, тогда рухнет и всё здание социального строя. Тогда уже не помогут никакие внешние средства, никакое устройство, никакие государственные законы. Поэтому всё должно быть направлено к тому, чтобы спасти семью. И Церковь, и государство должны напрячь все силы и содействовать в этом отношении друг другу, потому что они вместе могут пострадать, если разрушена будет семья. Прежде всего, я ставлю вопрос:

1. Что должна делать для спасения семьи Церковь? – Она имеет великую задачу снова возвратить семью ко Христу, ибо Он есть учредитель и основатель семьи, потому что Он основатель брака, на который как на фундамент опирается семья. Как Бог Он установил брак в Раю и как Богочеловек впоследствии возвысил его до святого Таинства и сделал таким святым союзом, который есть образ, отображение союза Христа с Церковью.

Ко Христу необходимо должна она возвратить семью, ибо Он есть её Спаситель и Восстановитель. В таком тяжёлом положении находилась она, когда Он явился в мир, чтобы совершить великое дело искупления! О порядочной семейной жизни в язычестве не было уже и речи. Из того состояния позора и унижения, в каком она приведена была в иудействе, Христос снова вывел и освятил её. Он был Тем благодетелем, Который вырвал женщину из нравственного унижения язычества и возвёл к истинному человеческому достоинству. Это, прежде всего, сделал Он Своим учением о том, что и женщина также есть подобие Божие, и далее тем, что Он женскому полу придал ту духовную красоту, которой не знало язычество. Эта красота состоит не во внешнем лоске и мишуре, не в приятных манерах и приёмах обращения с другими, не в земном богатстве и телесных преимуществах, но в благочестии и нравственности, в богатстве добродетелей и красоте души. Как идеал христианской женщины Он представлял Свою Честнейшую и

Высокооблагодатствованную Матерь, о Которой слово Божие говорит: *«Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!»* (Песн.4:7). О как много наших женщин и девиц в течение веков взирали на Марию, это зеркало добродетели и по Её примеру устраивали жизнь свою, так что они на самом деле были то, что Христос хотел сделать из женского пола, именно – украшение дома и образец для всей семьи!

Ко Христу должна быть снова возвращена семья, ибо Он есть её лучший друг и величайший благодетель. По Своему святому человечеству Он Сам вышел из семьи и большую часть Своей земной жизни провёл в домашнем кругу в Назарете, следовательно, в семействе Он так любил семью, как никто другой. Он всё делал для блага и чести семьи, что только мог, и всюду, где только представлялся Ему случай. Когда в Кане Галилейской совершён был брак и полагалось основание для новой семьи, Он явился туда и по этому случаю сотворил первое чудо, претворяя воду в вино. Это, без сомнения, великая честь для семьи. А какое утешение и благословение получили от Него некоторые из семейств, когда Он исцелял их больных, воскрешал и возвращал жизнь их мёртвым!

Ко Христу нужно вернуть семью, ибо Он есть совершеннейший образец семьи. Те добродетели, которые свойственны семье, Он исполнял в совершенстве. Это послушание, труд и молитва. Писание говорит о Нём: *«и был в повиновении у них»* (Иосифа и Марии) (Лк.2:51). И долго ли находился Он в состоянии этого послушания? Ответ: дольше, чем сколько находятся в нём обыкновенные другие человеческие дети. – Потом это был Человек труда и притом не того излюбленного, приличествующего Его состоянию умственного труда, но и совершенно необычной для Него, грубой и тяжёлой ручной работы. И этот труд исполнял Он не для простого времяпрепровождения или развлечения, но ради насущного хлеба. Это был, наконец, великий любитель молитвы. Никто столько не молился, как Он. Бедная хижина назаретская, Иерусалимский храм, улицы и горы Святой Земли суть громкие свидетели этого. Молясь – вступил Он в мир на

общественную проповедь, молясь – проводил Он земную жизнь, молясь – вознёсся на Небо.

Ко Христу пусть возвращается семья, ибо Он есть тот *«камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утверждённый»* (Ис.28:16), на Котором всё, следовательно, и семья покоится и от Которого всё получает твёрдость и устойчивость. *«Никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос»* (1Кор.3:11). Христос недаром называется краеугольным испытанным камнем, Которого никто не может сдвинуть с места и устранить, как ненужный, и остаться безнаказанным. *«Тот, кто упадет на этот камень, – говорит слово Божие, – разобьется, а на кого он упадет, того раздавит»* (Мф.21:44). Скоро две тысячи лет, как заложен этот чудесный камень в основание Сиона; и всюду, где строят на этом основании, человечество хорошо чувствует себя. Всюду распространялась христианская жизнь и истинно просвещённые христианские нравы и истинная культура. А теперь вот хотят оставить этот путь и сделать человечество счастливым без Христа.

Но другого основания никто не может положить, другого пути к благу и спасению человечество никто не может отыскать. Необходимо поэтому возвратиться семье к тому краеугольному, крепко утверждённому камню, Который есть Иисус Христос. Во Христе и только в Нём одном помощь и спасение для семьи и всего общества.

Пётр. Какую вопиющую несправедливость и зло совершают либерализм и социализм, стараясь отделить семейство от Христа!

Фома. Но кто должен вернуть семью ко Христу и как это может быть достигнуто?

Священник. Эта задача падает на Церковь. Если Церковь имеет своим делом приводить к Богу каждого отдельного человека и руководить его в истинно христианской жизни, то она, естественно, должна иметь заботу и о семье, ибо если утрачена семья, то тщетна будет и работа Церкви. Вот почему Церковь изыскивает всё новые средства, чтобы оказывать на семью благотворное врачующееся влияние. Здесь, прежде

всего, следует назвать «Союз христианских матерей», который должен содействовать тому, чтобы матерей семейств приобретать для Христа и Его святого дела. Ибо если будет приобретена мать, то скоро будет приобретена и вся семья её. Дайте миру христианских благочестивых матерей, и тогда всё в мире пойдёт хорошо, по-христиански. Если в доме хорошо, чисто, всё в порядке, то это обыкновенно приписывают хозяйке, женщине; но и наоборот, женщине же равным образом приписывают и дурное состояние дома. Как много, следовательно, может зависеть от того, чтобы приобрести для Христа и воодушевить Его святой верой матерей семейств! И эту задачу поставила себе Католическая Церковь при учреждении «Союза христианских матерей». Какое прекрасное учреждение. Хорошо бы поучиться у неё и нам, православным.

Пётр. В этот союз должна вступать каждая женщина и никакой благоразумный муж в этом отношении, конечно, не будет ставить никаких преград и затруднений.

Священник. В последнее время основан в Католической Церкви папой Львом XIII кружок в честь Святого Семейства Назаретского с той целью, чтобы не только матерей, но и всех членов семейства поручать покровительству Святого Семейства. Этому Святому Семейству должны посвящать себя все католические семейства, ему должны принадлежать они, его высоким примером добродетели должны они назидаться и к истинно христианской жизни себя располагать. Есть ли что-нибудь более прекрасное и высокое, чем картина Святого Семейства в Назарете, которую представляет нам Отрок Иисус среди Своих трудящихся родителей? Где лучше исполнилось золотое правило жизни: трудись и молись, как именно здесь? Где в таком совершенстве исполнялись семейные добродетели: послушание, трудолюбие, молитва, довольство, терпение, умеренность и т.п., как именно в этой назаретской бедной хижине? Да, если бы все семьи имели всегда перед глазами этот высший пример добродетели и старались подражать ему, нам не пришлось бы тогда так много заботиться о семье нынешнего века.

Фома. Но если так, то почему не приложит наиболее заботы о семье наше государство? В других случаях оно старается всем управлять и издавать правила и законы. Оно обращает своё внимание на школу, монастыри и миссии. Почему же и не на семью? Семья не менее важна, чем школа – ибо, что может сделать школа, если испорчена семья?

Священник. К сожалению, это совершенно верно. Семья есть основа государства, а потому это последнее должно бы, по крайней мере, столь же заботиться и о семье, сколько о школе. Особенно это надлежит делать в наши злополучные дни, когда семье угрожают столь многие опасности и так много семейств уже переживают эти опасности. Теперь спрашивается:

2) Что должно делать для спасения семьи государство? – Оно должно обращать более строгое внимание на дурные дома в городах и деревнях. Те безнравственные сборища лиц обоего пола, о которых мы говорили выше, должны быть запрещены и подлежать наблюдению полиции. Один единственный дурной дом, в котором допускаются такие сборища, может принести неисчислимое зло и развращение. Если по теперешним законам подвергают наказанию за безнравственные речи и поступки, почему не сделать употребления из этого законного средства и в отношении тех частных домов, где происходят такие сборища.

Пётр. Для чего же существуют у нас законы?

Священник. Потом государство должно держать лучший порядок на многолюдных улицах и публичных местах. Ведь это скандал, как ведут себя в таких публичных местах молодые люди обоего пола. Можно подумать, что полиция бессильна против бесчинства. Но, однако ж, закон даёт ей право и налагает обязанность на проявление в таких случаях своей власти.

Пётр. Но полиция только в некоторых местах делает то, что обязана делать.

Священник. Государство затем должно строже контролировать посещение пивных, трактиров и гостиниц, ибо здесь скрывается корень бедствия и несчастий столь многих семейств наших. Если хозяин дома, глава семьи – усердный посетитель этих заведений, то семья его в хозяйственном и

часто в нравственном отношении гибнет, и воспитание детей идёт неправильно и сильно страдает. Почему бы такого, недобросовестного отца семейства, который насильно ведёт свою семью к гибели, не привлекать к ответственности? Почему бы и молодым людям, коль скоро они являются в гостиницу в подозрительной компании, совсем не запретить такие посещения?

Пётр. Это было бы спасительным средством для многих пьяниц и распущенной молодёжи. Благодаря этому и гостиница имела бы больше уважения и чести. Ибо порядочный человек туда почти совсем уже не заходит, потому что боится наткнуться там на неприятную сцену или даже потерпеть оскорбление. А с какой радостью приветствовала бы такой закон иная мать, которая часто не имеет в своих руках столько денег, чтобы купить чаю и сахару, потому что муж её все деньги пропивает в гостинице! Как благодарна была бы она начальству за то, если бы её муж, в силу закона, обязан был бы в урочный час оставлять гостиницу и возвращаться домой.

Фома. В последнее время очень много приходится читать о новых реформах и переменах в нашем законодательстве. Хочется верить, что в недалёком будущем со стороны правительства больше будет об этом заботы и против бесчинства молодёжи, разгула и пьянства будут выработаны более строгие правила.

Священник. Я припоминаю, в одной статье читал о том, что законодательство, вступившее в силу с 1 января 1900 года, заключает в себе постановление об опеке страдающего недугом пьянства, когда таковой вследствие пьянства или не может управлять своим хозяйством, или подвергает опасности нищеты семью свою, или же лишает безопасности других. Через эту опеку он лишается возможности проматывать своё имущество и делать новые долги. Равно теряет он, если он имеет детей, и отцовскую власть над ними, и сам отдаётся под опеку. Опеку даётся право и обязанность в особенных и нужных случаях, и против воли пьяницы, иметь заботу и о том, чтобы последнего помещать в лечебницу и крепко держать его там.

У меня есть ещё одно желание: правительство должно энергичнее настаивать на более строгом исполнении заповеди о почитании воскресного дня, ибо это имеет очень большое влияние на семью. Чем лучше члены семьи соблюдают святость воскресенья, тем выше стоит нравственная жизнь в таком семействе. Теперь, хотя и имеем мы закон, который предписывает более строго соблюдение воскресного покоя, но работа в воскресенье по обыкновению продолжается. Полевые работы в летнюю пору происходят теперь в воскресные и праздничные дни даже чаще, чем прежде, и нередко без всякой нужды. В этом случае закон должен бы действовать строже и не представлять это произволу каждого. К этой строгости соблюдения святости воскресных и праздничных дней я причисляю и закрытие трактиров до окончания богослужения. Если можно это в других местах, то почему же нельзя этого сделать и у нас? И если другие занятия в это время воспрещаются, то почему нельзя запретить открытие и этих лавочек алкоголя?

Фома. С этим я совершенно согласен. Кто в воскресные и праздничные дни не мог от 9 до 11 часов поучаствовать в богослужении, тот не должен по крайней мере находить приют и удовольствие и в гостинице.

Пётр. Когда стоят гостиницы открытыми не только по целым дням, но и до половины ночи, то это много способствует развитию пьянства.

Священник. После того как мы выяснили значение семьи и грозящие ей опасности, я не могу не указать ещё на то, что сами родители должны делать со своей стороны всё возможное для исправления и спасения своих семейств. Исправьтесь вы, родители, сами, тогда и ваши дети будут лучше. Сделайте ваш дом снова, как это было встарь, таким храмом Божиим, в котором возносится ежедневно молитва и славословие Богу, где господствует строгая дисциплина и порядок, где родители, и в особенности матери, подают всем добрый пример. Сделайте ваш дом таким привлекательным для ваших детей, чтобы они нигде лучше себя не чувствовали, кроме родительского дома. В наши злополучные дни родителям нужно иметь особенно зоркий

глаз и наблюдение за тем, где и как проводят время их подрастающие дети и какие они посещают общества и дома. Ибо что пользы от того, если отец и мать дома поддерживают порядок и дисциплину, тогда как вне дома дети их портятся и развращаются в дурном товариществе и безнравственных компаниях? Не одни только родители, но каждый на своём месте обязан содействовать спасению со всех сторон обуреваемой семьи. Церковь и правительство должны делать всё, что они могут, для того чтобы отвратить от семьи угрожающие опасности. Кто помогает спасению семьи, тот спасает общество.

Двадцать шестой вечер. Что такое воскресенье?

Священник. В наше последнее собеседование у нас, между прочим, речь была о том, что праздник воскресения имеет на семью большое влияние, и что поэтому правительство должно обращать на поддержание его больше внимания. Тем нужнее это в наше время, когда материалистическая волна всё более и более отбивает человека от Бога и вечности.

Пётр. В наших столичных и губернских городах праздник воскресения проводится, как известно, очень нехорошо. Причина этого заключается в том дурном примере, который подаётся народу сверху. Если большая часть тех, которые должны подавать добрый пример другим, почти по целым годам, за исключением известных патриотических праздников, не бывает на богослужении, то чего же ожидать от народа?

Фома. Эти образованные и знатные господа в этом отношении одинакового мнения с социал-демократами; по их мнению, этот воскресный день и другие праздники совсем не нужны и бесцельны. Воскресение для них, собственно, день отдыха и удовольствий, но ничуть не день Господень, как учит о сём христианство.

Священник. Такой дурной пример сверху – явление очень прискорбное, ибо благочестивое празднование воскресного дня имеет больше значения и смысла, чем об этом думают. Оно причисляется к тем важнейшим предметам, которые в настоящее время занимают лучшие умы, и имеет немалое значение при разрешении социального вопроса. Но насколько же именно велико и важно значение, которое в этом отношении имеет празднование воскресного и других праздничных дней?

1) Воскресение есть день для прославления Господа. Для почитания и прославления Бога всё сотворено, следовательно, и человек. Хотя люди должны славить Бога каждый день, но Богу угодно, чтобы один день недели был преимущественным и всеобщим днём славословия Бога. В один определённый день недели должно совершаться это всеобщее славословие, потому что человек по природе своей склонен к лени и равнодушию

и мог бы легко забыть эту обязанность. Этот день богочитания Бог Сам установил, когда Он на Синае, между прочим, заповедал: *«Помни день субботний, чтобы святить его»* (Исх.20:8). В Ветхом Завете эта заповедь повторяется очень часто: *«Субботы Мои соблюдайте»* (Лев.26:2). Именно в субботу, то есть седьмой день в Ветхом Завете положено почитать, потому что Творец в этот день почил от дел Своих, благословил и освятил его. Поэтому для израильтян субботний день был днём праздника, который напоминает о благодеяниях Бога. Апостолами впоследствии был установлен вместо субботного воскресный праздник, потому что в воскресенье Христос восстал из мёртвых и в этот же день послал Святого Духа. Воскресный день есть поистине приснопамятный день Всесвятой Троицы, ибо в первый день недели, следовательно, в воскресный день Бог Отец начал творение мира, Бог Сын совершил искупление, а Бог Дух Святый – освящение. Воскресный день есть потом торжество для Ангелов и человеков, если он празднуется надлежащим образом. Из медных уст колоколов раздаётся в этот день по всей земле призыв, чтобы все, кто имеет веру, собрались в храм Божий для хвалы и благодарения Тому, перед Которым все должны преклоняться. Когда затем все верующие собираются перед лицом Всевышнего, их многочисленные молитвенные голоса сливаются в один гармоничный стройный аккорд – какая слава для Всевышнего, какая радость и торжество для Ангелов и человеков! Не на самом ли деле это тот день, *«который сотворил Господь»*? Можно ли представить себе что-нибудь более прекрасное и возвышенное, как христианское празднование воскресного дня? День Господень есть тень того грядущего праздника, который наступит в вечном отечестве. *«Благодаря празднованию этого дня мы освежаем в себе памятование о том вечном радостном торжестве»* (святитель Григорий Богослов). Почти у всех народов, даже у язычников, находим мы один день в неделе, посвященный торжеству. И если языческие писатели приводят вообще так много жалоб на зло своего времени, то нигде не встречаем мы у них жалоб на то, чтобы приносили какой-нибудь вред дни, посвященные

богам. Такое неблагоговение и нечестие впервые видим мы, к сожалению, только у христиан, которые имеют лучшее понятие о Боге и обязаны Ему большей благодарностью, чем язычники. Но народ, называющий себя христианским и не свято проводящий воскресный день, даёт ясно понять, что он утратил веру в Триединого Бога и из мира сделал себе кумира, которому теперь и поклоняется. Какое заблуждение, какая скорбь, какое бедствие!

С почитанием воскресного и праздничных дней стоит или падает вера и религия вообще. Это очень хорошо знает масонство, а потому оно так и подымает все свои рычаги всюду – и в прессе, и в парламентах против соблюдения праздников. Опыт свидетельствует, что безбожники и мятежники делают себе самую богатую добычу там, где меньше всего почитаются воскресный и праздничные дни. Но совсем не то бывает там, где они соблюдаются настоящим образом, согласно христианскому учению. Там люди твёрдо стоят в своей вере и энергично дают отпор всякой попытке ослабить её. Да, всякая страна, в коей свято соблюдаются дни, посвященные Господу, принимает совершенно другой, более высокий характер, чем та, где этого не бывает.

Пётр. Из этого следует, что правительство, если оно хочет держать себя на высоте своего призвания в устройении общественного порядка, должно принимать более существенные и энергичные меры к тому, чтобы празднование воскресного дня не было нарушаемо.

Фома. Но теперь совсем не обращают внимания на то, как в известных кругах стараются народ отучать от исполнения четвёртой заповеди. Там недобросовестными хозяевами и работодателями назначаются для служащих, учеников и подмастерий всевозможные работы, дабы они не могли посещать богослужения.

Священник. Всё это, казалось бы, не должно быть после того, как мы имеем теперь более строгие законы о соблюдении праздничного покоя. При таких условиях воскресенье является уже не днём почитания Бога, а скорее днём жатвы сатаны. Но

воскресный день существует и для пользы человека. Что же такое он для человека? Он есть для него:

2) день отдыха. Воскресенье имеет своё основание в натуре человека, ибо после шестидневной работы человек нуждается в отдыхе. Как после дневной работы необходимо бывает ему шесть семь часов провести во сне, чтобы возместить затраченные силы, так и после шестидневного труда ему нужен более или менее продолжительный покой. Во дни французской революции воскресный день, как и ещё многое другое, был отменён, и вместо него как день отдыха введён десятый день недели. Но очень скоро вынуждены были возвратиться к прежнему порядку и снова сделать днём отдыха воскресный день. То, что установил Сам Бог, того не должен отменять человек. Он заповедал: *«шесть дней работай и делай... всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела»* (Исх.20:9–10).

Через эту заповедь Бог показал Себя величайшим благодетелем человечества, особенно же рабочего сословия, ибо всё имущество, весь капитал работника заключается в его рабочей силе. Если бы работник не имел ни одного дня покоя, который ему необходим для отдыха и собрания новых сил, то он преждевременно сделался бы неспособным к работе, а, следовательно, потерял бы свой капитал. Большинство врачей, верующих и неверующих, всегда поэтому высказывались и стояли за необходимость иметь один день в неделе для отдыха. Все они находят тем нужнее этот день для отдыха, чем однообразнее и напряженнее работа. Они единогласно отмечают преждевременную потерю способности к труду, склонность к пьянству и расстройство семейной жизни, как обычные последствия праздничной работы. Праздничный отдых, следовательно, есть благодетельнейшее установление, способствующее поддержанию здоровья, и вместе с тем ручательство за соблюдение на более продолжительное время работоспособности.

Пётр. Тем безответственнее те, кто не соблюдает праздничного покоя. Так, иной крестьянин или ремесленник никогда не бросают своей работы и, таким образом, крадут и тот

день, который принадлежит Богу, чтобы принести его (этот день) в жертву своей жадности и любостяжанию.

Фома. В самом деле, человек ведь не машина, которая может постоянно находиться в действии и не имеет нужды в отдыхе.

Священник. По крайней мере один день в неделе он вспоминает о своём высшем назначении и подскажет себе, что он существует не для этого только мира, но должен исполнять ещё более важную задачу. Но кто не проводит уже свято, похристиански праздничных дней, тот совершенно теряет эту задачу; он может, таким образом, озвереть и сделаться опасным для общества. Но воскресенье есть день не одного только покоя или отдыха, но он имеет ещё и другое значение. Что же это такое? Он есть:

3) день благословления работника. Человек, который честно и прилежно работает в будние дни, как это требует от него долг его знания, будет пожинать за это от Бога счастье и благословение, если он добросовестно проводит праздничный день. Воскресный день является для него днём благословения, так как за это Бог благословляет успехом его труды и весь дом его, ибо так говорит Господь Бог устами пророка: *«Я дал им также субботы Мои, чтобы они были знаменiem между Мною и ими»* (Иез.20:12). Субботы или воскресные дни должны быть, следовательно, «знаменiem», что Бог тех, которые свято и ненарушимо соблюдают их, будет награждать и благословлять. В Священном Писании об этом прямо и решительно говорится: *«благословил Бог седьмой день, и освятил его»* (Быт.2:3). Значит, Бог сделал седьмой день источником благословения для всех, кто добросовестно его соблюдает.

Но что нужно разуметь под добросовестным соблюдением его, об этом Церковь учит так: воскресный покой, по её учению, состоит не в удовольствиях и ленивой праздности. Ещё менее – в свободе от правил и порядка, он существует совсем не для того, как это иные желали бы, чтобы быть поводом к разгулу, забавам, бесчинству и распушенности. Напротив, он есть отдых от работы, освящённый верой. Верой освящённый отдых освобождает человека от житейских занятий и забот, чтобы долу

обращённый взор его он поднял горё, к Небу, к Богу. Церковь приглашает его почувствовать себя сыном Вышнего и в сознании своих высших обязанностей принять участие в богослужебных обрядах и Таинствах.

Пётр. Кто празднует воскресенье таким образом, тот всегда может надеяться на милость и благословение Божие.

Священник. Что воскресный день, таким образом проводимый, действительно есть день благословения работника, об этом свидетельствует опыт. Если мы окинем взором различные классы людей, то найдём, что счастье и благополучие на стороне тех, которые свято соблюдают воскресный день. Один друг посоветовал ремесленнику прекратить в воскресные и праздничные дни свою работу и обещал через полгода возвратиться и возместить ему тот убыток, который он понесёт от пропусков в работе названных дней. Когда истёк срок и друг возвратился, то узнал, что ремесленник с тех пор, как перестал работать по воскресным дням, заработал гораздо больше, чем прежде, так как он совсем не нуждался в обещанном ему вознаграждении. Можно указать и другой пример в доказательство того, что истинное христианское празднование воскресных дней приносит счастье и благополучие. Христофор Колумб во время путешествия в Америку (с целью открытия) во все воскресения останавливал среди моря свой корабль и праздновал со своими матросами эти дни как дни покоя. Бог благословил его за это тем, что помог ему достигнуть своей цели – открыть новую часть света.

Фома. Но всегда ли люди, свято исполняющие заповеди о воскресных днях, суть состоятельные люди?

Священник. Те люди, которые свято соблюдают праздники, совсем не нуждаются в том, чтобы быть состоятельными, богатыми, ибо совсем не для того они и живут на земле, чтобы собирать земные богатства. – Несчастье может постигать и тех, кто свято соблюдает день воскресенья. Разрушительные силы природы, например: град, мороз и т.п., касаются полей не одних только нарушителей субботы, но и тех, которые чтут воскресение. Такие несчастные случаи для грешников, суть наказание, а для праведников – испытания Божии, которые,

однако, служат ко благу и спасению их, если они переносят их с христианским терпением.

Фома. Говорят ещё и то, что фабриканты и предприниматели необходимо должны будут пострадать и понести убытки, если не будут работать по праздникам.

Священник. И в этом случае опыт говорит противное. Когда работник воспользуется воскресным днём как для отдыха, то с наступлением рабочего дня он будет работать с возобновлёнными силами, энергичнее, искуснее, так что работодатель от этого ни чего не потеряет. Убедительный пример этого представляет Англия. Нигде так строго не соблюдается воскресный день, как именно в этой стране. Но никто не захочет утверждать, что эта страна теряет что-нибудь от строгого соблюдения субботного покоя. Напротив, ни в одной стране нет такого благосостояния, как именно в Англии. Знаменитые английские врачи относят это хозяйственное преимущество в Англии на счёт именно строгого соблюдения закона о воскресном отдыхе.

Пётр. В наше материалистическое время не верят вообще в Бога и не ожидают от Него никакого благословения. А потому легкомысленно оставляют вне всякого внимания и значение воскресного дня.

Священник. Некогда некто сказал человекам: «будете, как боги» (Быт.3:5). А теперь он же говорит так: «Вы можете совсем обойтись без Бога». Тогда говорил: «будете, как Бог» – теперь же говорит: «все без Бога». Но люди слишком далеко зашли без Бога и без Его благословения – так далеко, что благословение всё более и более исчезает, а земные блага и богатства всё менее делаются собственностью каждого отдельного человека; и немалой причиной этого служит нарушение воскресного дня, ибо ещё в Ветхом Завете Бог высказывает такую угрозу: «если презрите Мои постановления (следовательно, и постановление о субботе) ...то и Я поступлю с вами так: пошлю на вас ужас, чахлость и горячку, от которых истомятся глаза и измучится душа, и будете сеять семена ваши напрасно, и враги ваши съедят их» (Лев.26:15–16). И в другом месте: «хлеб, подкрепляющий человека, истреблю у

вас; десять женщин будут печь хлеб ваш в одной печи и будут отдавать хлеб ваш весом... а выходит мало; и что принесете домой, то Я развею. – За что? говорит Господь Саваоф: за Мой дом, который в запустении, тогда как вы бежите, каждый к своему дому (Лев.26:26; Агг.1:9).

Что говорит здесь слово Божие, то снова подтверждает и опыт, ибо последний свидетельствует, что как отдельный человек, так целые страны беднеют, если они не чтут воскресного дня. Когда в 1885 году в Германском Рейхстаге делался доклад о воскресном отдыхе, то один выборный социал-демократ (сапожник) попросил слова и заявил: «Из собственного опыта знаю я, что те, которые работают в воскресные и праздничные дни, сделались беднейшими работниками, такими у которых не было приличной маломальски одежды, чтобы выйти на прогулку».

Как могут обеднеть целые страны, если у них нет никакого праздничного отдыха, показывают китайцы. У этого народа нет ни одного дня покоя, и в этом отношении они отнюдь не составляют какого-нибудь завидного исключения. Однако ж, и об этой стране нельзя сказать, что она пользуется Божиим благословением. Последняя война 1894–1895 годов показала, как бессильна эта страна, хотя и насчитывает четыреста миллионов жителей. Эти последние живут и в великой бедности и совершенно вырождаются как телесно, так и нравственно. Между ними очень часто свирепствуют поварьные болезни, и люди умирают массами.

Не без основания Бог к этой (четвёртой) заповеди присоединил слово: «*помни*». Этим словом Он хочет ещё глубже запечатлеть в душе нашей, чтобы мы не забывали освящать молитвой и служением Богу этот воскресный день как день Господень, как день отдыха человека и как день благословения работника.

Двадцать седьмой вечер. Теперешнее воспитание

Священник. Празднование воскресного дня, о коем мы в прошлый раз говорили, имеет своей целью воспитать нас для Неба. Но наше время есть время безначалия, время противления и непокорности. Не хотят подчиняться ни Богу, ни человеку, не хотят признавать никакой Богом установленной власти.

Пётр. Это всеобщая жалоба, что наша современная молодёжь не знает никакой добродетели, что она своей грубостью и распущенностью вызывает скорбь и озабоченность всех благомыслящих людей.

Фома. Если молодёжь заставляет своим поведением так много задумываться о ней, то это произошло не случайно. Либерализм и в этом отношении имеет все основания, ударив себя в грудь, сказать: это – моя вина. Никто так не радуется этому, как социал-демократия, ибо распущенная молодёжь для социал-демократических целей представляет самую благодатную почву.

Священник. Либерализм хочет именно воспитания без Бога и без религии. Отсюда требование, чтобы религия совсем изгоняема была из школы и чтобы наше юношество получило образование и воспитание по новым правилам мира. Этому стремлению, к несчастью, благоприятствует и то печальное обстоятельство, что дух мира господствует сейчас во многих семействах и делает невозможным домашнее благочестие. Раскрыть это модное воспитание с его заблуждением и вредными последствиями и потом противопоставить ему истинное христианское воспитание – вот предмет, на котором следует нам остановить своё внимание.

Пётр. Ведь немало есть людей, которые, имея детей, не знают и самых основных правил воспитания. Я недавно видел одного отца, который занимался своим делом, в то время как недалеко от него сидело трёхлетнее дитя, которое на глазах отца совершало нечто непохвальное. Отец два раза довольно громко крикнул: «Оставь, перестань!». Но дитя продолжало

свое дело, как будто совсем не замечая отца. И что же? После того как угрозы отца остались безуспешными, подбежал он к малютке, делая вид, что хочет наказать его за непослушание. Но он не наказал его, а поцеловал!

Священник. Это действительно модное нынешнее воспитание, которое не заслуживает, однако, имени воспитания. Ибо делать так, как сделал отец – значит не воспитывать, а портить детей.

Фома. В дополнение к рассказанному примеру я могу привести другой факт, которому я был очевидцем. Пошёл я на днях прогуляться и на пути повстречался с женой моего сотоварища по фабричной работе, у неё на руках был ребёнок двух с половиной лет. Заговорив со мной, она стала жаловаться на теперешние условия жизни фабричных, как-де трудно нынче жить рабочему, особенно если он содержит дома ещё жену и детей. Я стал утешать её, говоря, что она скоро будет иметь у себя помощь и поддержку, когда подрастёт тот малютка, которого она держала на своих руках. «Да, – сказала она, – это не только моя надежда, но и моя гордость. Вы только посмотрите, какой он у нас смыслёный, как он всё знает уже и понимает!» Я спросил: «Что же он, например, понимает?» Мать тотчас же сделала пробу смыслённости своего ребёнка. «Скажи мне, Ванечка, – сказала она, – кто твой отец?» – «Босой плут», – отвечал малютка. – «А кто твоя мать?» – «С...я», – слышалось из детских уст.

Я поспешил перекрестить эту пробу и сразу увидел, с какой матерью я имею дело. Когда я потом обратил её внимание на дурные последствия такого обращения с ребёнком, она обиделась и сказала: «Ах, дитя ведь ещё не знает, что говорит». Затем, чтобы показать, как её Ванечка резво может бегать, она поставила его на ноги. Но он не желал бежать, начал громко кричать и топтать ногами, что делал до тех пор, пока мать снова не взяла его на руки. Едва он занял своё первоначальное положение, как плюнул прямо в лицо своей матери. И последняя перенесла всё это с полным равнодушием, не подвергнув малютку ни малейшему наказанию. Не правда ли, что это воспитание, отвечающее духу нашего времени?

Священник. Да, такое воспитание не приведёт к добру, от него избави Бог! К сожалению, та мать, которая так портит своё дитя, не единственная мать – найдётся много и очень много других, которые в этом отношении не уступают ей, если только не превзойдут её.

Пётр. Мне припоминается сейчас и ещё нечто такое, что относится к нашему разговору. Один отец семейства рассказывал мне однажды, как его двухлетняя дочка не захотела оказать ему послушание, за что он пригрозил ей побоем. Но, сказал он, она оказалась не из робких; она не только не испугалась этой угрозы, но в ответ сказала: «Ну, подойди только – думаешь, что я боюсь тебя?» Этот рассказ отец закончил так: «Эта забавная выходка малютки так рассмешила меня, что я не мог подвергнуть её никакому наказанию».

Священник. Такие примеры, взятые прямо из жизни, лучше доказывают характер новейшего воспитания, чем целые трактаты. Я мог бы привести из моего опыта ещё множество подобных примеров, но это завело бы нас слишком далеко. Я брошу лучше общий взгляд на современное воспитание и очерчу его только в нескольких словах. Пока дитя ещё не поступило в школу, тогда говорят: «Ах, дитя ещё так мало, что теперь нельзя ещё отлучить его от дурных поступков». Если же затем, по поступлении в школу, оно начинает по временам подвергаться заслуженному наказанию, тогда со стороны родителей слышится такой ропотливый отголосок: «Наши дети воспитаны правильно и хорошо, они не требуют наказания!» Если же, наконец, дети вышли из школы и в них обнаруживаются дурные последствия ложного воспитания, так как они совсем не хотят подчиняться родителям, презирают духовное и светское начальство и ведут зазорную жизнь, тогда ослеплённые родители начинают стенать и вопить: «Ах, каких детей воспитали мы! Мы так заботились о них, так хорошо с ними обращались и желали им всего только лучшего. Чем заслужили мы, что они с нами так поступают?»

Фома. Совершенно верно, так это всегда и бывает. Таково и есть это модное воспитание, которое дают сейчас очень многие

родители своим детям, и притом не одни только бедные, но и богатые.

Пётр. Но ослеплённые родители уже в этом мире пожинают горькие плоды его. Они не только, хватаясь руками за голову, жалобно вопят, чем мы заслужили такое обращение с нами детей наших, но и получают от своих детей оплеухи, которые сами должны бы давать им при воспитании.

Священник. Дурное воспитание служит причиной величайшего несчастья и бедствия родителей и детей, и, казалось бы, что родители из несчастных примеров других должны бы извлекать урок для себя, как следует им вести воспитание и что делать и чего избегать при этом. Но, к сожалению, они ничего не хотят знать об этом и всё забывают, что влагает им в сердце и разум, и опыт, и наставления.

Раскрыв мысль о том, каким воспитание не должно быть, обратимся теперь к вопросу о том, каким же оно должно быть.

Фома. По мнению социал-демократии, воспитание есть не что другое, как ознакомление детей с тем только, что необходимо для земной здешней жизни – следовательно, оно имеет своей целью сделать их полезными членами человеческого общества.

Священник. Но истинное воспитание состоит не в этом только, так как человек имеет ещё высшую цель кроме той, чтобы сделать нечто годное для этого мира. И эта высшая цель есть Небо или вечное блаженство. К достижению этой цели человек с детства должен быть приготовлен и руководим. Вот почему один из великих мудрецов говорит: «Воспитывать человека – это значит так развивать и направлять его тело и душу, чтобы он мог достигнуть истинного, Богом определённого ему назначения».

Следовательно, истинное воспитание имеет в виду достижение не естественной только, но и сверхъестественной духовной жизни. Оно хочет воспитать и образовать человека не полезным только членом человеческого общества, но прежде всего, желало бы его сделать наследником Неба. Чтобы достигнуть этой цели, воспитание должно исходить из точного

знания человеческой природы и сообразно с сим установить свои правила и основоположения.

Фома. Что касается человеческой природы, то я уже слышал, что человек от природы существо доброе и потому при его воспитании ничего не нужно, как только продолжать возделывание готовой пригодной почвы, не употребляя при этом ни религии, ни её целительных средств.

Священник. Это так же верно, как если бы крестьянин сказал: поле от природы хорошо и плодоносно, для него ничего более не нужно, как только от времени до времени оказывать ему помощь посредством сохи и боронить, ибо оно носит в себе добрые семена и только ветер наносит на него некоторое терние.

Пётр. Опыт показывает, что на поле от природы произрастает сорная трава, терние, а не доброе семя, и что сор необходимо глушить и исторгать в течение всего года, если хотят, чтобы на поле выросло настоящее доброе семя.

Священник. Очень похожее с этим происходит также и с человеком. Он подобен полю, которое от природы испорчено и носит в себе терние дурных наклонностей и страстей. Чтобы из него вышел настоящий истинный человек, в воспитании необходимо обратить особое внимание на это его нравственное качество, то есть должно постоянно подавлять и удалять уже существующую сорную траву и в то же время сеять доброе семя святого учения. А чтобы с большим успехом истреблять сорную траву, для этого необходима неутомимая, настойчивая работа со стороны воспитателей, которая состоит в увещаниях и предостережениях, в правильном руководстве и наказании. Без известной строгости при воспитании немного или даже совсем ничего нельзя сделать. В особенности непоколебима должна быть власть отца, к которому дети должны иметь надлежащее уважение.

Пётр. Да, мать никогда не должна допускать напрасных угроз, когда она, например, шаловливому дитяти говорит: «Я скажу отцу». Такую угрозу непременно нужно привести в исполнение, и ни один серьёзный поступок не должен оставаться без серьёзного взыскания.

Священник. Опыт свидетельствует, что редко можно встретить дитя, которое жаловалось бы на то, что имело строгого отца, но что весьма много людей, которые в последующей жизни чувствуют себя несчастными и обездоленными, потому что слабый, безвольный отец испортил их. Как часто случалось уже, что преступники своему отцу или матери приписывали вину в том, что они по своей нравственной развращённости совершили такие преступления, которые привели их в тюрьму или на эшафот. Думаю, что вам приходилось слышать рассказ о том преступнике, который перед своей смертной казнью подзвал к себе мать свою, желая якобы проститься с ней – но когда она подошла к нему, он вместо поцелуя откусил ей нос, сказав при этом: «Ты, злодейка, причина моей казни».

Фома. Но я всегда думал, что сердцами нужно завладевать любовью, а потому, в деле воспитания, на первом плане должна быть любовь, если хотят, чтобы из него вышло нечто прочное и полезное.

Священник. Это совершенно верно – но любовь должна быть разумная, истинно человеческая, следовательно, не такая любовь, которую имеют и животные к своим юнцам, не чувственная и плотская любовь, но такая, какой требует дух христианства. Разумная любовь всегда соединяется с известной строгостью, как это явствует из многих мест Священного Писания. Так, например, в книге Сираха говорится: *«Лелей дитя, и оно устроит тебя; играй с ним, и оно опечалит тебя. Не смейся с ним, чтобы не горевать с ним и после не скрежетать зубами своими. Не давай ему воли в юности и не потворствуй неразумию его. Нагибай выю его в юности и сокрушай ребра его, доколе оно молодо, дабы, сделавшись упорным, оно не вышло из повиновения тебе. Учи сына твоего и трудись над ним, чтобы не иметь тебе огорчения от непристойных поступков его»* (Сир.30:9–13). А в книге Притчей читаем: *«Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его»* (Притч.13:25). *«Не оставляй юноши без наказания: если накажешь его*

розгою, он не умрет; ты накажешь его розгою и спасешь душу его от преисподней» (Притч.23:13–14).

Пётр. Вот это – чудные слова, которые Дух Святой влагает в сердце всех воспитателей. Но они, кажется, в настоящее время совершенно забыты, почему наша молодежь из-за модного воспитания выходит такой, что за неё и за будущее нельзя не страшиться.

Священник. Вот почему желательно, чтобы родители всегда помнили, как много зависит от истинного христианского воспитания и ближайшим образом – честь родителей, ибо благовоспитанные дети для родителей – величайшая честь и слава. Если отцу или матери можно с основанием сказать: «У тебя честные, благовоспитанные дети», – то в этом больше для них чести, чем если бы их похвалили за то, что они своим трудом и бережливостью нажили большое состояние. Такие родители имеют почёт и от самих детей своих, так как они всегда ведут себя так, что не забывают пятой заповеди Божией. Хорошо воспитанные дети боятся причинить своим родителям какую-нибудь скорбь и неприятность или даже позор и стыд. Они никогда не оставляют своих родителей без помощи, если наступают для них дни старости, бедности и лишений. Здесь уместно слово Священного Писания: *«Кто наставляет своего сына, тот будет иметь помощь от него и среди знакомых будет хвалиться им» (Сир.30:2).* Такой же смысл имеет и другое слово: «от чад своих познается человек», – то есть благовоспитанные дети суть лучшая рекомендация для родителей.

От доброго воспитания потом зависит счастье детей. Составит ли себе дитя счастье на земле и наследует ли оно честь в блаженстве небесном, это большей частью зависит от доброго воспитания. Оно есть тот духовный капитал, который дается человеку вместе с жизнью его и которым он может кормиться до самой смерти. Как часто можно слышать такие слова: «У меня были хорошие родители, которые с детства наставляли меня на всё доброе и предостерегали от всего дурного, им обязан я тем, что достиг своего положения и пользуюсь счастьем в жизни».

Фома. В то время как таким образом говорят о своих родителях благовоспитанные дети, от дурно воспитанных можно слышать как раз противное. Не один раз был я свидетелем, как несчастные и недовольные рабочие в чувстве ропота и негодования на судьбу говорили: «Мои родители виноваты в моём несчастном положении – если бы они меня лучше воспитали, я был бы лучшим человеком и жил бы счастливо».

Пётр. Эти несчастные имеют значительную долю правды, тем не менее, однако, каждый человек и сам виноват, если ему худо живётся.

Священник. От хорошего воспитания, наконец, зависит и благополучие общества, ибо человеческое общество составляется из отдельных членов. Как целое тело только тогда чувствует себя хорошо, когда бывают в порядке и здоровы отдельные члены, так и общество тогда только процветает и успешно развивается, когда отдельные члены его таковы, какими они и быть должны, когда они добрые христиане. Откуда же являются эти добрые христиане? Может быть, они прямо падают с неба? Доселе этого ещё не было. Добрыми христианами можно делаться только путём доброго воспитания, а потому мы вправе утверждать, что благо общества зависит от христианского воспитания. Святитель Иоанн Златоуст и другие отцы и учителя Церкви очень часто и много говорили о воспитании, потому что они хорошо знали, как много зависит от воспитания. «Вы отцы и матери, – говорит один из них, – не забывайте, что от вас, по преимуществу, зависит благословение и проклятие человеческого рода, ибо вам вверено воспитание человечества. Кто в настоящее время подвергает опасности благополучие общества? Не те ли, которые вышли дурно воспитанными из своих семейств, которые не имеют веры и ничего святого и священного, а потому лишены доброй совести». Один из этих жалких людей в официальном собрании товарищеском сделал многоговорящее признание, что ему трудно подняться из ничтожества при таких условиях, какие выпали на его долю, ибо родители его ничего не дали ему, кроме дурного воспитания!

Двадцать восьмой вечер. Небо

Священник. До сих пор мы обсуждали некоторые из тех вопросов, которые в настоящее время разрешаются часто в смысле и духе, противном и враждебным Церкви. Здесь всё зависит от того, как смотрят на жизнь человеческую, смотрят ли на неё очами веры или неверия. Наша вера учит нас, что вся наша жизнь и всё, что сделал для нас Бог, не имеет ни какой другой цели, как приготовить нас к вечной жизни. Вся наша жизнь не совершенна и имеет конец, а потому мы тяготеем к совершенству и бесконечному. Как дитя, которое вырвали из объятий матери, с страстным неудержимым желанием простирает к ней свои ручки, так и душа наша тоскует о Боге и желает соединиться с ним. Соединить нас своей благодатью с Богом здесь на земле и привести нас некогда к вечному наследию есть цель и намерение религии.

Фома. Как хорошо побеседовать нам нынешней вечер о Небе, как последней нашей цели и конце! Ибо кто не знает, что полагают в основу своих воззрений сбившиеся с истинного пути наши социал-демократы! Они говорят: «Нам не нужно Неба по ту сторону гроба – мы стараемся найти его здесь, на земле».

Пётр. Такая речь не только безбожна, но она свидетельствует и о малом соображении и уме, ибо земля есть и всегда останется юдолю слёз, и никогда не будет Небом или Раем. Здесь ничего не могут изменить наши модные благодетели народа, какие бы планы они не намечали в горячих головах своих.

Священник. Самое худшее у этих народников есть то, что они своими ложными, сумасбродными идеями не только не достигают этого сомнительного земного неба, но лишают людей и вечного Неба. Чтобы укрепиться нам в вере в истинное сверхземное Небо, я скажу: 1) есть вечное Небо и 2) это вечное Небо бесконечно дорого, почему 3) мы не должны от него отрекаться.

Итак:

1. Есть вечное Небо. В общем, истина эта не противна человеку и в иных случаях принимается им с удовольствием, так как она льстит ему. Но в наше время, когда стараются отвергнуть всё сверхъестественное, не хотят даже допустить и этой мысли. Почему же? Ответ: потому что жизнь ведут обыкновенно такую, что есть основания бояться загробной жизни на Небе, а потому и желают, чтобы там не было совсем никакого Неба. Вот главная и глубочайшая причина, почему отрицают Небо. – Но Небо существует, ибо:

а) это подтверждают соображения разума. Что говорит разум, это ведь признают и неверующие, но не во всех случаях, а только тогда, когда это им бывает на руку. Что же нам говорит разум относительно потустороннего, загробного Неба? Ответ: он с внутренней необходимостью требует признания той истины, что таковое должно быть. Мы видим порой большое неравенство, иногда резкую противоположность между людьми, ибо одни живут в роскоши и изобилии, а другие в бедности и нищете. И часто дурные люди благоденствуют, тогда как добрые нередко влачат жребий бедного Лазаря. Благочестивые и праведные в пренебрежении и презрении, а порочные и безбожники нередко пользуются почётом и употребляют свою силу и влияние на то, чтобы давить и преследовать первых. Разум наш рассуждает при этом таким образом: если есть Правосудный Бог, то Он должен позаботиться о том, чтобы и благочестивые, и праведные достигли своей части, чтобы и они удовлетворены были за свои страдания и лишения, чтобы они получили за свои добродетели и заслуги подобающую награду. Но так как этого равенства на земле нет, то Бог должен в загробной жизни приготовить им такое место, где каждый получает воздание соразмерно со своими заслугами. К этому заключению приходит наш разум, когда он думает о воплощении Сына Божия и об искуплении, когда он взвешивает задачу Церкви и цель, и конец человека. В этом случае он говорит: всё было бы бесцельно, если бы не было Неба. Но у Премудрого Бога нет и не может быть никаких бесцельных действий. Следовательно, Небо, без сомнения, существует.

б) Об этом свидетельствует вера всех народов. У различных народов мы находим частью тёмное, частью же ясно выраженное сознание и веру в продолжение жизни за гробом. Часто дикие народы, как например, живущие охотой, рыболовством и скотоводством, и те имеют слабое представление, неясное предчувствие мздовоздания в загробной жизни. Негры верят, что судьба добрых людей в загробной жизни не такова, как судьба злых. У культурных народов, то есть у таких народов, которые живут не для одной только минуты, каковы дикие народы, но испытующим взором заглядывают и в будущее и имеют свою историю (например, индийцы), мы находим ясно выраженное верование в блаженную жизнь за гробом. По их религии, мёртвые сжигаются и через огонь приходят в общение с богами, где они под покровительством Иама – потустороннего владыки ведут счастливую жизнь. Злые же, напротив, снисходят во тьму. Так учит буддизм. По религии персов, основателем которой был Зороастра, тотчас после смерти каждый подвергается суду: добрый, сопровождаемый своими добрыми делами, входит в Рай, а злой низвергается в ад. В последок дней наступает воскресение всех мёртвых и затем начинается вечное царство Благого Бога. По вере древних египтян суд над мёртвыми решает судьбу душ. Сердце умершего взвешивается на весах правды. Кто оказывается легковесным, идёт в адские муки, между тем как праведные достигают жилищ славы. И другие древние народы (например, германцы), будучи очень дикими народами, имели, однако ж, сознание о загробном месте воздания.

Фома. Эти примеры истории действительно очень интересны и поучительны.

Священник. Они достаточно удостоверяют нас в веровании народов относительно места блаженства в загробной жизни. Но во что веруют все народы, это не может быть обманом. А чего требует разум и подтверждает вера народов, это есть в то же время Богом открытая истина. Есть Небо, ибо:

с) об этом свидетельствует слово Божие. Тот, Кто сошёл с Неба, чтобы искупить нас и сделать счастливыми, должен

лучше всех знать, есть ли Небо и назначено ли это Небо и для нас. И что же говорит об этом Иисус? Он говорит: «*В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я*» (Ин.14:2–3). Как ясно и определённо говорит здесь Христос о загробном Небе, которое приготовлено для нас! Когда затем Он готов уже был идти за нас на смерть, то обратился к Небесному Отцу Своему с той достопримечательной первосвященнической молитвой, в которой Он, между прочим, молился так: «*Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне*» (Ин.17:24). Таким образом, все те, которые через веру и любовь соединены здесь с Ним и служат ему, должны некогда быть свидетелями и Его славы на Небе. В другой раз сказал Он Своим ученикам: «*Но вы пребыли со Мною в напастях Моих, и Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство, да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем, и сядете на престолах судить двенадцать колен Израилевых*» (Лк.22:28–30). Здесь снова говорит Иисус о Небе, о духовном наслаждении и о высокой чести, которая приготовлена всем, принадлежащим к числу избранных Его.

Фома. Но это Небо имеет какое-нибудь значение и цену для нас?

Священник. Без сомнения, это вечное Небо бесконечно дорого для нас, ибо:

а) на Небе мы имеем Бога – Высочайшее Благо. Мы будем видеть Его, как Он есть. Святитель Иоанн Златоуст так пишет об этом: «Созерцание (видение) Бога, следовательно, есть сущность и средоточный пункт нашего блаженства на Небе». Но это не есть пустое смотрение на Него, как на картинку – нет, мы будем созерцать Его в Нём и через Него, мы будем видеть Его и в то же время обладать, пользоваться Им. Почему один из богословов сказал: «Небесная награда состоит, по существу своему, в созерцании и обладании и наслаждении Высшим Благом, то есть Богом, Которого блаженные увидят лицом к

лицу». Что обещал Бог Аврааму, это обещал Он и нам. Ему Он дал великое обетование: *«Я твой щит, – сказал Он ему, – награда твоя (будет) весьма велика»* (Быт.15:1). Если кто достигнет этого блага, то чего тогда не будет доставать ему? Всё, чего он желает, им достигнуто, а то, чего он боится, будет удалено от него. Да, в Боге мы обладаем всем, чего мы желаем и о чём мы думаем. На Небе не может быть ни скуки, ни вечного однообразия, как говорят насмешники, ибо наследовавшим блаженство там предстоят всё новые и новые красоты, всё новые и новые наслаждения. Их ожидает там постоянный переход от одной радости к другой, от одного удовольствия к другому. *«Всегда, – говорит Иринея, – Господь назидает их, всегда они учатся, ибо Его богатства неисчислимы и Его мудрость безмерна. Это есть переход от вечности к вечности. Всё более и более желают они радости – всё более и более получают то, чего желают. Всё более и более жаждут они познания Бога – всё более и более получают это познание. Они всегда блаженны и делаются всё более и более блаженными»*.

Пётр. О, если бы и нам Господь судил достигнуть этого Неба!

Священник. Небо бесконечно дорого для нас, ибо:

в) на нём мы будем подобны Богу. *«Возлюбленные! мы теперь дети Божи; но еще не открылось, что́ будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему»* (1Ин.3:2). Бог Сам сообщает нам часть Своей Божественной сущности, дабы мы способны были лицезреть Его. Это тот чудесный свет, который просвещает нас и делает способными видеть Бога. *«Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа»* (2Кор.3:18). *«Во свете Твоем узрим свет»*, – говорится у святого Псалмопевца (Пс.35:10). *«Слава Божия осветила его (небесный град), и светильник его – Агнец»*, – говорит Иоанн (Откр.21:23). Как утренняя заря освещает тёмное облако, так что оно блистает и светит, как бы оно само производило этот блеск, как солнце делает блестящим алмазный камень и росу на траве, как бы оно само скрывалось в нём, так блестит и душа в свете Божества и сама становится

чудной и почти Божественной. Она воспринимает часть в жизни Иисуса Христа, а через Него и в жизни Отца Его. Она обладает полнотой жизни, подобно Тому, Который жизнь имеет в Самом Себе и Сам есть жизнь.

Пётр. В преображении Иисуса на Фаворе мы, следовательно, имеем образ нашего преобразования на Небе.

Священник. Небо бесконечно дорого, ибо:

с) оно есть бесконечное благо и достояние блаженных. *«Войди в радость господина твоего» (Мф.25:23). «И возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин.16:22).* Эти слова Божественного Спасителя уверяют нас, что небесная жизнь с её радостями и блаженством никогда не прекратится. Кто вошёл в радость Неба, тот не должен уже бояться, что он когда-нибудь его потеряет, ибо Небо есть, как пишет святой апостол Пётр, наследство нетленное, неувядаемое, хранящееся для нас в небесах (1Пет.1:4). Но и удовлетворить нашу жаждущую этого блага душу может только прочное, постоянное, бесконечное обладанием им.

Фома. Почему же наша жизнь на земле никогда не имеет истинного покоя?

Священник. Здесь на земле мы никогда не чувствуем себя совершенно удовлетворёнными, потому что ни наше обладание счастьем, ни само счастье не прочны, не постоянны, потому что за приобретением следует снова потеря, за радостью – снова страдание. Душа никогда не приходит в состояние покоя, она напрасно вздыхает о покое, который ожидает её только в селении праведных, где *«отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее (эта земная жизнь) прошло» (Откр.21:4).* Этот покой в Боге, который состоит в бесконечном, непрерывном созерцании Бога, в непрестающем блаженном состоянии души и есть то, что делает столь драгоценным, бесконечно драгоценным Небо.

Пётр. И такое Небо мы можем забывать или даже совсем пренебрегать им?

Священник. Я говорю:

3) от этого драгоценного Неба мы не можем отречься, ибо кто наперёд отрекается от Неба и совершенно ничего не хочет знать о нём, тот через это сам себя лишает всякой надежды, теряет всякую нравственную опору. От Неба мы не должны отречься:

а) потому что вера в Небо побуждает нас ко всему доброму. Когда Иисус рассказал притчу о работниках в винограднике, то сказал Он о домовладельце, что этот последний договорился с работниками платить им по динарию за день. Мысль об этом динарии побуждала их работать, невзирая на дневной зной. Этот динарий есть та небесная награда, которая заставляет нас совершать жизненный труд и земные дела, хотя никто за нами не наблюдает. Когда святых подвергали порицанию и наказаниям за их ревность о Боге и Небе, за их самоотвержение в служении своим ближним, за их строгость к самим себе, то они обыкновенно говорили: «Небо стоит всего этого, Небо стоит гораздо более». Эту мысль выражает уже языческий философ Платон, когда он пишет: «Посему ничего не следует жалеть и ни перед чем не останавливаться для того, чтобы сделаться участником добродетели – ибо высока цена её и велика надежда, то есть надежда на награду».

Фома. Да, это известное дело, отними у человека веру в Небо, и ты отнял у него всякое побуждение к добру. Он уподобляется тому работнику, который целый день стоит праздным, потому что никто не нанял его (Мф.20:3).

Священник. От Неба не должны мы отказываться:

в) потому что надежда на Небо поддерживает нас во всех обстоятельствах жизни. Иисус говорит о кресте, который мы должны ежедневно налагать на себя, если мы хотим некогда прийти к Нему на Небо. Этот крест, который назначен каждому человеку, приходит к нам различным образом и не соображается с тем, хотим ли мы принять его или нет. Он ложится на наши плечи, хотя бы мы этого и не хотели, он настигает нас часто вдруг, хотя бы мы ничего дурного и не ожидали. Бывают даже моменты, когда жизнь эта становится почти невыносимой, когда легко можно бы впасть в отчаяние, если бы не было веры в загробную жизнь. Если что может поддержать нас в таком

положении, так это надежда на Небо. Бедный и больной человек, невинно преследуемый и притесняемый людьми, утешает себя надеждой, что Бог вознаградит его за это на Небе. Отними у него эту надежду, и он неизбежно впадёт в отчаяние под невыносимыми роковыми ударами этой жизни. Кто считает те миллионы людей, которые спаслись от бездны отчаяния именно надеждой на Небо!

Пётр. Многие самоубийства происходят оттого, что люди под влиянием лжеучителей теряют веру и надежду на Небо.

Священник. От Неба не следует отказываться:

с) потому что награда на Небе во сто, в тысячу раз вознаграждает нас за все наши труды и страдания здесь, на земле. Те работники, которые работали не целый день, получили также по динарию, как и те, которые трудились целый день. Этот динарий, который представляет собой небесную награду, несравненно более содержит в себе, чем самая хорошая плата за целнодневную работу. Вознаграждение Неба не находится ни в каком отношении к работе, оно в тысячу раз превышает её по своей стоимости: *«не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»* (1Кор.2:9). И это вознаграждение даётся даже не за те работы, которые часто продолжаются очень короткое время. Припомните благоразумного разбойника на кресте. Как мало сделал он для Неба, и однако ему было сказано: *«ныне же будешь со Мною в Раю»* (Лк.23:43). Эта небесная награда даётся за такие вещи, которые в глазах мира не имеют никакой цены и достоинства. Даже стакан воды, который подан ради Христа жаждущему, не потеряет мзды своей (Мф.10:42). «Какое совершенно новое мировоззрение приносит с Неба это христианское учение о небесной награде людям, которые до сих пор имели обычай ценить достоинство человека только по великим, бросающимся в глаза делам, а бедность и нужду считали низким и постыдным! Как велико счастье христианина, – взывает святой Августин, – если бедность и скорбь его ценится на Небе!»

Пётр. Итак, вместо того чтобы жаловаться на страдания и тяжесть жизни, нам следовало бы скорее радоваться, когда

постигают нас разного рода скорби и ради Христа приходится испытывать тягость жизни. Но как далеко мы от этого!

Священник. Чем больше труд, тем больше и награда. И святой апостол Павел пишет: *«нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас»* (Рим.8:18).

Пётр. Как же глупы были бы мы, если бы отреклись от этого драгоценного Неба, которое сторицей вознаграждает нас за все труды и страдания, и перешли бы на сторону тех модных благодетелей народа, которые хотят устроить небо на этой земле. Ведь в этом случае мы и в этом мире ничего не имели бы, кроме трудов и страданий, да и в другом ещё больше мук и страданий должны были бы ожидать.

Священник. Вы совершенно правы, ибо кто ничего не хочет знать о Небе и загробной жизни, следовательно, наперёд от неё отказывается, тот будет жить по такому правилу: будем есть, пить и наслаждаться жизнью, ибо завтра умрём и тем всё кончится.

Да, только одна мысль о Небе делает выносимой и притягательной жизнь на земле. Поэтому не будем друзья забывать о Небе, если не хотим мы сделать себя и временно, и вечно несчастным. Будем беречь себя от того яда, коим отравляют души многих наши социал-демократы, говоря: «Небо мы предоставляем ангелочкам и воробьям».

Двадцать девятый вечер. Ад

Фома. Мы, батюшка, опять здесь, чтобы ещё послушать вас и получить исцеление и от последнего недуга, овладевшего мной.

Священник. Что это такое, Фома, вы имеете ещё на сердце?

Фома. Это учение об аде, которое мне не по нутру. Каким образом, Бог, Который есть беспредельно любящее и милосердное Существо, может заставлять человека вечно мучиться в аду? Этому я никак не могу поверить.

Пётр. Это совершенно понятно. Когда читают и с удовольствием слушают, как до сих пор поступал и ты, только то, что направлено против веры, то, конечно, не могут уберечь себя от сомнений. Наше время не только время неверия, но и время так называемого гуманизма, который столь многим кружит головы и сбивает с толку. Люди, отуманенные этим чадом, считают прямо невозможным, что Бог может подвергать вечному наказанию. Отрицанием ада они стараются успокоить и заглушить свою недобрую совесть.

Священник. Совершенно верно. Кто живёт честно и нравственно, никогда не усомнится в существовании ада. И только тот отрицает его, кто ведёт такую жизнь, которая необходимо приводит к аду, – такой человек иногда все силы употребляет на то, чтобы убедить себя и других, что никаких вечных мучений нет и быть не может, потому что Бог Милосерд. Но это мало, однако, принесёт вам пользы, потому что учение об аде так ясно и определёнno, что разве только безумный может сомневаться и отрицать его. Я говорю: 1) есть ад и 2) он необходимо должен быть.

1) Что ад существует, в этом убеждает нас, прежде всего, предание всех народов. Начиная от самых древних культурных народов – индийцев и египтян, и до самых диких племён Южного океана и внутренней Африки, все они, по свидетельству истории, веровали в существование вечных мучений. Но чему веруют все народы, это не может быть ложным. История свидетельствует далее, что величайшие умы древних эпох

признавали и говорили именно о вечности адских мук. Так, например, Платон говорит: «Мёртвые все представлены будут своими гениями-хранителями пред лице Вечного Судии, как те, которые шли путём добродетели, так и те, которые шли путём различных пороков. Тех, состояние которых вследствие великости их преступлений будет признано непоправимым, заслуженная ими судьба ввергает в тартар (ад), из коего они никогда уже не выйдут». Не правда ли, что этот языческий философ как будто хотел многим из христиан, нетвёрдым в своей вере, сделать наставление об этой основной истине нашей религии? Подобно и поэт Лукреций, который в других случаях отрицал обыкновенно и богов, и загробную жизнь, свидетельствует в своих стихах, что вера в вечность ада была присуща всем вообще языческим народам. Равным образом и поэт Вергилий в своей Энеиде изображает нам ад как место, где отверженные должны день и ночь вечно мучиться. То, что, таким образом, присуще сознанию всех народов и прямо засвидетельствовано великими умами, есть несомненное учение Священного Писания. О существовании ада и вечности мучений в нём свидетельствует как Ветхий, так и Новый Завет. Так, например, у пророка Исаии говорится, что при конце мира огонь разрушит все царства и грешники пойдут в огонь вечный. И далее вслед за этим мы читаем у него: *«не будет гаснуть (этот огонь) ни днем, ни ночью; вечно будет восходить дым его, земля будет от рода в род оставаться опустелою; во веки веков никто не пройдет по ней»* (Ис.34:10). Здесь, таким образом, ясно высказано, что ад есть, и что он есть неугасимый огонь, и что поэтому никто вовеки не в состоянии будет пройти. В другом месте того же пророка речь идёт о волшебствах и чародействах, и именно он так говорит о них: *«Вот они, как солома: огонь сожжет их, – не избавили души своей от пламени»* (Ис.47:14). Таким образом, волшебники и чародеи разделяют участь соломы, когда они попадают в огонь от силы пламени, которого не будет спасения. У пророка Даниила говорится: *«И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление»* (Дан.12:2).

Если уже Ветхий Завет так несомненно излагает это учение, то несравненно более ясное объяснение об этом предмете даёт нам Новый Завет. Не содержит ли этот Завет учение Того Божественного Посланника, Который для того и приходил с Неба, чтобы нам принести известие о загробном мире? И именно ад и его вечную продолжительность чаще всего и делал вочеловечившийся Сын Божий предметом Своей проповеди. Так, в Евангелии святого Марка три раза повторяет Он это учение, когда говорит так: *«лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геену, в огонь неугасимый»* (Мк.9:42–47). Иисус говорит здесь о соблазнах и хочет сказать, если у тебя есть нечто такое, что влечёт тебя ко греху, то ты должен подавить, искоренить эту страсть, хотя бы предмет её был так мил тебе, как твой глаз, или так необходим, как твоя рука или нога. Ты должен отказаться от этого, если ты хочешь войти в жизнь, то есть не хочешь вечной гибели. Так же определённо это учение об аде выражено в том приговоре, который Христос некогда произнесёт о грешниках при всеобщем Суде и который гласит так: *«идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его»* (Мф.25:41). И потом Иисус прибавляет ещё к этому: *«И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную»* (ст.46).

Как и Сам Божественный Учитель, так недвусмысленно излагают нам это учение и Его апостолы; так, святой апостол Павел пишет, что Бог пламенем огня наказывает тех, которые не знают Бога и не покоряются благовествованию Господа нашего Иисуса Христа, которые (за это) подвергают вечной гибели (2Фес.1:8–9). А святой Иоанн говорит об огненном и серном озере, где нечестивые *«будут мучиться день и ночь во веки веков»* (Откр.20:10). Этих изречений Священного Писания достаточно, чтобы убедить нас в той истине нашей веры, что ад есть и что он продолжается вечно. Этой истиной святые мученики так глубоко были проникнуты, что они предпочитали перенести лучше самые ужасные муки, чем подвергнуть себя опасности вечных мучений. Страх перед адскими муками преодолевал в них боязнь перед земными страданиями. —

Следовательно, ад есть, так как об этом свидетельствует история всех народов и изречения Священного Писания. Но:

2) он, этот ад, необходимо и должен быть. Это вытекает уже из высших начал нравственного порядка. Нравственный порядок мира основывается на разнице между добрым и злым. Как вечно отличается свет от мрака, истина ото лжи, так и доброе всегда отличается от злого. Чтобы человек имел побуждение делать добро, для этого ему нужно иметь впереди вечную награду – но и для того, чтобы удержать его от зла нужно вечное наказание. Если бы не было вечного наказания, но только временное, то он при своём легкомыслии и при столь многих опасностях и искушениях несравненно менее делал бы добро.

Если бы не было вечных мучений ада, тогда не было бы никакого различия между добрым и злым, между истиной и ложью. Ибо грешники и праведники были бы в одном положении и получали бы одну и ту же награду. Если бы не было ада, тогда мы должны были бы признать справедливым учение пантеизма, который не признаёт никакой разницы между добром и злом и потому ниспровергает весь нравственный порядок мира. Следовательно, ад должен быть и есть, потому что это следует уже из высших начал, глубоко запечатлённых в человеческом духе.

Что ад должен быть, это вытекает также и из фактов. Основная истина нашей веры есть вочеловечение Сына Божия, искупление нас Его страданиями и смертью. Но Христос не искупил нас от временных зол, от болезней, скорбей и мучений, от телесной смерти – эти вещи остаются с нами и при нас. Он искупил нас от греха и ада. Если бы ад продолжался не вечно, то совсем не было бы нужды в том, что сделано для этого искупления – тогда Сыну Божию не было бы надобности принимать на Себя плоть человеческую, тогда не было Ему надобности проходить столь тяжкий путь жизни, полный трудов и лишений, страданий и мук. Если же Вечный нисходит с Неба, страдает и умирает, то, стало быть, здесь дело идёт о таком предмете, который стоит в связи с бесконечной ценой Его страданий и смерти. И это есть вечное адское наказание.

Необходимо должен быть вечный ад – ибо этого требует и свойства Бога. Говорят немислимо, чтобы Милосердный Бог мог подвергать вечному наказанию. Но не следует забывать, что Тот, Который есть бесконечное милосердие, в то же время есть и бесконечная правда. В силу Своей справедливости, Он отдаёт каждому то, что он заслужил. За бесконечное оскорбление, которое заключается в тяжком грехе, должен Он воздать и бесконечным наказанием. Если грешник умирает в тяжком грехе, то есть в ненависти против своего Творца, то он остаётся в этой ненависти навеки, ибо *«если упадет дерево на юг или на север, то оно там и останется, куда упадет»* (Еккл.11:3). В каком, следовательно, состоянии человек умирает, в таком именно и останется он навеки; для него в загробном мире не может уже быть обращения к Богу, так как ему не достанет свободы и благодати. Если бы в загробной жизни возможно было обращение к Богу и исправление, то земная жизнь потеряла бы всякую цену и значение, ибо в том ведь и состоит важность и значение этой нашей жизни, что она даёт нам время и возможность спасти свою душу. В загробном же мире *«приходит ночь, когда никто не может делать»* (Ин.9:4).

Фома. Это значило бы требовать слишком многого.

Священник. «Так как зло продолжается вечно, – говорит святитель Григорий, – то и ад должен продолжаться вечно». Потом, грешнику теперь так легко стало достигать прощения грехов и, однако ж, он ничего не хочет знать об этом, но пренебрегает, отталкивает от себя любовь Бога и до конца остаётся в состоянии ненависти к Богу. Ужели же Бог за это должен ещё его наградить принятием его к Себе на Небо. Какой это было бы слабостью со стороны Бога! Какой несправедливостью!

Ещё более, наконец, вечность ада требуется Премудростью Божией. Как Существо бесконечно Премудрое, Бог в силу этого Своего свойства должен желать того, чтобы Его намерения достигали своей цели и Его планы приводились в исполнение. Но Он сотворил всё для Своей славы, человек добровольно должен всё направлять к славе и чести Бога, исполняя строго Божественный закон. Если же он противится Богу и прямо

объявляет Ему: «не хочу служить Тебе», – то ужели Бог должен оставаться перед ним бессильным и безвластным? Ужели Он должен тварь поставить на место Творца, а Сам отступить назад! Или, может быть, Он должен постоянно стучать в дверь сердца человека и напрасно в течение его жизни ждать ответа? А если Он должен ожидать, то и тварь ужели никогда не должна прийти к сознанию того, что один есть Бог и один Господь, Которому и она должна покоряться? И так как она добровольно не захотела покориться здесь, на земле, то должна сделать это там, за гробом, в вечности. Так как она отвергла, не захотела принять Его любви, то должна теперь явиться проповедницей Его правды и с чувством вечной скорби исповедать: *«Праведен еси, Господи, и прáви суди́ Твои»* (Пс.118:137). Таким образом, Премудрость Бога требует вечности ада.

Фома. Однако если Бог Всемогуц, то каким образом Он мог создать человека, о котором Он знал, что он не устоит в добре, отречётся от Него и потому будет только жертвой ада?

Священник. Бог совершенно свободен в Своей творческой деятельности, равно как и мы, люди, в своих поступках. Бог не принуждает нас оказывать честь Ему, прославлять Его, но предоставляет нам полную свободу. Если же мы сами становимся на сторону противников Бога и Его закона, то мы сами являемся виновниками своего несчастья, сами осуждаем себя нашим восстанием против Бога. И если Бог допускает это, то тем доказывает, что Он в высшей степени Мудрое Существо, ибо и осуждённый должен оказывать своего рода содействие тому, чтобы осуществлять намерение Бога. Пути Божии – не наши пути; Он попускает и то, что Ангелы согрешают и низвергаются в ад, что бессмертные души восстают против Него и идут в вечную погибель.

Фома. Но ад должен гореть и притом так, что огонь в нём никогда не будет угасать и в то же время никогда не сжигать несчастные жертвы. Возможно ли это?

Священник. Для Бога ничего нет невозможного. У Него *«не останется бессильным никакое слово»* (Лк.1:37). Не горит ли и внутри земли такой огонь, который не угасает? Не известно ли и людям искусство добывать такой огонь, в котором

подверженное ему тело горит, но не сгорает? Припомните уголь или платиновую проволоку в электрической лампе. А то, что возможно в известной степени людям, ужели не должно быть возможным Всемогущему?

Фома. Ад есть неугасимый огонь – и, однако ж, там царит мрак или, как в славянской Библии стоит, крошечная тьма (Мф.8:12; 22:13; 25:30)?

Священник. Совершенно верно – и в этом ничего нет непоследовательного, противоречивого, ибо и химическим путём производят иногда такое пламя, которое горит, не распространяя никакого света. Представьте же светильный газ, к которому, прежде чем он загорится, прибавляют достаточное количество кислорода. Зажжённый газ тотчас же перестанет издавать свет, и водород и углерод загораются необычайно быстро, так что несветящее пламя газа бывает гораздо сильнее, чем светящее.

Пётр. Мне однажды сказал один знакомый, что он не особенно боится, если попадёт в ад, так как он и там нашёл бы товарищей, которые могли бы облегчить его положение.

Священник. Против этого возражает святитель Иоанн Златоуст, когда говорит: «Прежде всего, ты будешь нести не одинаковое с другими наказание. Затем, в том, что и другие будут в таком же положении, как и ты, для тебя не будет никакого утешения, ибо иметь товарищей в страдании в том только случае было бы для тебя в известной степени утешительно, если бы эти страдания имели известный предел и границы, но коль скоро они превышают всякую меру и доводят до исступления и скрежета зубов, то они уже не доставят никакого утешения.

Тридцатый вечер. Отличительный признак истинного христианина

Священник. Нынешним вечером мы заканчиваем наши собеседования, и я пользуюсь случаем, чтобы укрепить вас обоих в ваших благих намерениях в будущем и воодушевить на добрые дела для истинной цели вашей жизни.

Небо и ад суть две цели, и к одной из этих двух целей придём некогда и мы. Но истинная, Богом определённая цель есть Небо, которое, однако ж, очень часто забывают и вследствие этого так мало для неё делают.

Фома. Да, часто живут теперь так легкомысленно, как будто здесь мы будем жить вечно, как будто нам до Неба и ада нет никакого дела.

Священник. Есть латинская поговорка, которая гласит: «То, что ты постоянно делаешь – делай благоразумно и помни конец свой». Язычники и люди мира сего в своей деятельности имеют в виду только интересы этой жизни и спрашивают поэтому о том, какая польза будет мне здесь в этом мире, от этой работы, от этого предприятия? Верующий же христианин идёт дальше и думает о последствиях своего труда для вечности. Он спрашивает себя: какая польза будет мне от моего труда в загробной, вечной жизни.

Пётр. Мы, люди – те же странники, не имеющие здесь пребывающего, постоянного города, но идущие всё далее вперёд, пока не достигнем цели, для которой назначены. Как мучительно для путника, если он имеет основание бояться, по настоящей ли он идёт дороге, не сбился ли он с пути! Не должны ли и мы всегда бояться, не сошли ли и мы с правого на ложный путь.

Священник. Совершенно верно, иначе святой апостол Павел не стал бы предостерегать нас: *«со страхом и трепетом совершайте свое спасение»* (Флп.2:12).

Фома. Но есть какие-нибудь признаки, по которым можно было бы узнать, на пути ли мы к Небу?

Священник. Конечно, есть такие признаки для истинного христианина; только нужно остерегаться, чтобы, довольствуясь одним каким-нибудь из них, не подумать, что теперь уже Небо, без сомнения, приобретено. Это было бы великим самообманом. Кто хочет быть в этом отношении до известной степени безопасным, тому необходимо позаботиться, чтобы совместить в себе все черты истинного христианина.

Существуют четыре признака истинного православного христианина. Первый из них – это живая вера. Кто хочет знать, на пути ли он к Небу, прежде всего, должен спросить себя: какова моя вера? Готов ли я считать за истину всё, что открыл Бог и чему заповедует верить Церковь? Кто не имеет этой готовности, к тому приложимы слова Господа: *«неверующий уже осужден»* (Ин.3:18), и в другом месте: *«кто не будет веровать, осужден будет»* (Мк.16:16).

Но, однако, готовностью веровать и одним только признанием за истину откровенного Слова дело не ограничивается, ибо Бог требует живой веры, которая проявляется в делах, как доказывают слова Христа: *«Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного»* (Мф.7:21). Но исполнять волю Небесного Отца значит не другое что, как жить по вере, значит избегать того, что запрещает вера и делать то, что она повелевает.

Следовательно, тот, кто не старается бежать от греха и легкомысленно продолжает жить в тяжких грехах, тот не имеет веры, ибо вера говорит ему, что тяжкий грех есть величайшее из несчастий, какое только может постигнуть человека в здешней жизни. Стало быть, кто имеет живую веру, тот боится этого несчастья, почему и избегает греха и вступает в борьбу с ним, если он свивает себе гнездо в душе, всячески старается, чтобы вырвать его оттуда. Кто имеет живую веру, тот должен делать, прежде всего, то доброе, которое предписано заповедью Божией и Церковью, он совершает ежедневную молитву, он свято исполняет заповедь о соблюдении воскресных и праздничных дней, он почитает родителей, учителей и

начальников, он подаёт милостыню, он соблюдает установленные Церковью посты и т.д.

Живая вера есть самый надёжный и верный признак – если недостаёт этого признака, то тогда нельзя рассчитывать и на другие признаки и качества, из коих второй составляет любовь к таинству Святого Причащения.

«Возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их» (Ин.13:1). Этими словами святой Иоанн изображает ту безграничную любовь, какую показал нам Христос, установив всесвятное Таинство Евхаристии, ибо через установление этого святейшего из всех Таинства стало для Него возможным действительно, существенно присутствовать между нами, обитать в нас. Здесь Он поистине является нашим Еммануилом, что значит: «с нами Бог», чтобы руководить нас во время нашего странствования к вечному Небу, поддерживать, укреплять и утешать нас словом, быть нашим Путеводителем и Помощником. Больше любви, больше заботливости, чем та, которую оказал нам Христос, мы не можем ни вообразить, ни тем более ожидать. А если Он оказал такую любовь нам, то не вправе ли Он ожидать такой же и от нас? Не вправе ли Он ожидать, чтобы мы с любовью искали и почитали Его здесь под сакраментальными образами, чтобы мы насколько возможно чаще и с надлежащим благоговением принимали Его в себя в Таинстве Святого Причастия? По этой любви к святому Таинству Евхаристии мы можем судить о том на пути ли мы к Небу, ибо все угодники Божии и истинные христиане во все времена отличались сердечной глубокой любовью к сему Таинству. А что делали они, тому должны подражать и мы, если мы хотим быть там, где они. Сверх того, эта любовь к Таинству Святого Причащения всегда имела и доселе имеет значение термометра нравственно-религиозной жизни, как отдельного члена Церкви, так и целого христианского общества. Чем больше эта любовь, тем выше стоит нравственно-религиозная жизнь его. А из этого следует, что эта любовь – есть верный показатель истинного сына Церкви.

Фома. Я могу только пожалеть, что я в последнее время, в этом отношении, как и во многих других, находился на ложном

пути и не был верен не только религии вообще, но и моему Спасителю в святейшем Таинстве. Теперь я вижу, как глубоко меня обманывали и как я обманывал сам себя.

Священник. «Приходит ночь, когда никто не может делать», – говорит Спаситель (Ин.9:4). Следовательно, пока идёт ещё день, пока мы живы, можно ещё *делать*, то есть возмещать пропущенное и вместо сделанного зла совершать доброе. Это относится к каждому человеку, который после многих погрешностей и заблуждений осознал свою неправоту и недостатки. Да послужит эта мысль утешением и для вас, Фома.

Я перехожу к третьему признаку доброго христианина, который (признак) называется – детское почитание Матери Божией. Как мать нельзя отделять от семьи (разумеется, семья порядочная), так нельзя отрывать Матерь Божию от христианской религии, ибо Она, как и Спаситель, теснейшим образом связана с христианством. Без Марии, Пресвятой Девы, мы не имели бы Спасителя, а потому не имели бы и христианства. Следовательно, если мы почитаем Иисуса, то не должны устранять при этом и Его Матерь, ибо Сын и Мать тесно связаны между Собой. Беспутным человеком, извергом называем мы того сына, который дозволяет себе не почитать мать свою. А тот Добрейший Сын, Которого когда-либо видела земля, может ли дозволить, чтобы не любили и не почитали Его Мать? Он Сам чтит Её так, как ни один сын не может почитать свою мать! И Он Сам назначил Её быть и нашей Матерью, когда, умирая на Кресте, сказал Иоанну: «се, *Матерь твоя!*» (Ин.19:27). Если же Она должна быть нашей духовной Матерью, то и мы должны быть Её детьми и оказывать Ей такую честь, какая соответствует Её материнскому достоинству. И это детское почитание и служит следующим признаком православного христианина, ибо везде и всюду истинные христиане любили и истинно почитали Деву Марию.

Теперь остаётся ещё назвать четвёртый признак, и это есть верность или доверие к Церкви. Что такое Церковь, которую Христос установил здесь, на земле? Она есть не что другое, как во времени продолжающий жить Христос. Что делал Христос во

время Своего земного пребывания, то должна продолжать Церковь. Как некогда Он преподавал нам Свою благодать и истину, так и Церковь некогда должна учить нас истине и сообщать дары Его благодати. Как Он руководил нас на пути спасения, так должна иметь это своей обязанностью и Церковь. Что такое Церковь? Она есть чистая, не имеющая ни одного пятна, ни одного порока невеста, которую Христос избрал Себе, чтобы войти в самую тесную, неразрывную связь с нею. И эту невесту Он любит так, как ни один жених не может любить свою невесту, ибо за неё Он пролил Кровь Свою. На всём обширном земном шаре нет ничего такого, что Христос любил бы более Своей Церкви. Может ли быть поэтому Он равнодушен, когда мы холодно относимся к Его Церкви? Не должен ли Он ожидать от нас, чтобы и мы любили её и были ей верны и преданы?

Везде и всюду лучшие христиане отличаются и большей преданностью и верностью Церкви.

При этом я припоминаю чудные и весьма поучительные в этом отношении примеры, которые представляет так называемая история западной борьбы за культуру. Ещё не так давно пришлось мне прочитать нечто из этой истории, именно нечто о том, каким блестящим образом некоторые из мирян и духовных доказали тогда свою верность Церкви, когда они готовы были лучше перенести и переносили все насмешки и издевательства, денежные штрафы и тюрьмы, чем изменить Церковь. Это была чудесная, величественная минута, когда, например в 1875 году один из выборных в Прусском Рейхстаге закончил свою речь, направленную против борцов за культуру, такими достопримечательными словами: «Вы, борцы за культуру, можете нас уничтожить, вы можете вырвать сердце из нашего тела. Но смею вас уверить, что вы никогда не вырвете у нас наших христианских сердец».

Фома. К таким людям можно питать только самое глубокое уважение, ибо ругать Церковь немного требуется мужества, но много нужно было мужества в данном случае, то есть, чтобы в таком знатном собрании, как Рейхстаг, с такой неустрашимостью выступить на защиту своих религиозных убеждений.

Священник. Здесь может найти себе место ещё другой пример верности и преданности Церкви. Это было 6 апреля 1875 года, когда депутат граф Прашма, на том же Прусском сейме, сказал такие чудные слова: «Мы, миряне, будем следовать светлому примеру наших духовных властей, когда дойдёт очередь и до нас; Вы (обращается к борцам за культуру) можете и нас так же лишить материальных выгод и имения, как неправильно лишили духовенство. Вы можете нас выгнать, заставить переселиться в другую страну. Как ни крепки узы, коими я привязан к своему отечеству, но я скорее повернусь спиной к своему земному отечеству, чем соглашусь потерять надежду на отечество небесное».

Фома. Когда представляешь себе такую вопиющую несправедливость этих культурных просветителей, то право удивляешься, каким образом те (обижаемые) люди могут ещё иметь любовь к своему земному отечеству.

Священник. Но знаете ли вы, что эти угнетаемые люди самые верные подданные и самая надёжная опора для царского престола?

Фома. Да, это сущая правда! Во времена борьбы за культуру это оправдывалось как нельзя более. Если бы такие несправедливости учинены были с теми, которые так часто говорят о любви к своему отечеству, то с уверенностью можно сказать, что от их патриотической любви и верности не осталось бы и следа.

Пётр. Кто не имеет любви и преданности к Богу и Его Святой Церкви, тот не может быть преданным царю и отечеству. Это – несомненная истина, которая так часто оправдывается и в спокойное время, но гораздо более в такие беспокойные времена, каково настоящее.

Священник. А потому мы хорошо сделаем, если никогда в своей жизни не будем забывать и упускать из вида главного дела – религии, в противном же случае и с нами может случиться то же, что с представителям новейшей науки, именно Александром Гумбольдтом. Он написал однажды своему другу: «Человеческая жизнь есть бессмыслица. Если бы мы только знали, для чего мы живём на свете!» Так может сказать только

тот, кто не имеет никакой веры, ибо каждое христианское дитя знает, для чего оно живёт на свете. Человеческая жизнь – бессмыслица только в глазах неверующего, почему только атеист, только совсем безбожный человек может настолько не дорожить жизнью, что выбрасывает её, как ореховую скорлупу или как вишнёвую косточку. Большая часть самоубийств и покушений на жизнь других совершается именно людьми неверия. Религиозный, проникнутый живой верой человек никогда не считает и не будет считать человеческую жизнь бессмыслицей, ещё менее может дойти до того, чтобы наложить свою руку на свою собственную жизнь или на жизнь своих собратий.

Пётр. «Не убий» (Исх.20:13). Этой заповеди Бога никогда не следует забывать, но всегда следует напоминать себе: «не убивай ни себя, ни других» – в противном случае из бездны временного бедствия ты вверг бы себя в ещё более глубокую пропасть вечных мук.

Фома. Отсюда следует то, что нам необходимо нужно мириться и терпеливо переносить жизнь со всеми её заботами и скорбями.

Священник. Но сюда относятся вера и благодать, ибо вера даёт нам объяснение истинного значения и смысла жизни, а благодать приходит на помощь к нашим слабым естественным силам. В этом отношении никто не вправе жаловаться на то, что он будто оставлен Богом, ибо Бог каждому из нас дал для веры силу, когда мы были крещены. Равным образом и Свою благодать Он предлагает всем без различия, так что мы имеем полную возможность достигать нашей вечной цели и конца, если мы серьёзно того желаем. Этим я заканчиваю свои уроки и наставления и от всей души желаю, чтобы Господь привёл нас с вами некогда увидеться и на Небе.

Доказательства бытия Божия

Господа! В настоящий раз я с особенным удовольствием приветствую вас. Мне всегда бывает приятно и отрадно при мысли, что в Москве есть тысячи людей, которые также охотно слушают речи о религиозных предметах, как и предметах социальных или политических. Ни для кого не тайна, что на нас, стоящих за Веру, Царя и Отечество, много возводится клеветы со стороны людей, не сочувствующих консервативным воззрениям. Но больше и чаще всего указывают на то, что в наших собраниях можно слышать только речи, восстанавливающие одну часть населения на другую и вообще возбуждающие ненависть и злобу к своим братьям. Если бы оказались сейчас здесь люди, говорящие таким образом, они увидели бы, что не для возбуждения страстей собираемся мы, а скорее для уяснения вопросов религиозной жизни. Мы собрались сейчас выслушать чтение на такую тему, мирнее которой нельзя и придумать, именно выслушать речь о доказательствах бытия Божия. Все вы знаете, что в настоящее время при усилившемся социал-демократическом движении возгорелась борьба не только против Церкви и против христианства, но и против Самого Бога.

Есть ли Живой Бог, или нет никакого Бога? – Вот вопрос, выдвигаемый на первый план современными учителями! И раньше были всегда противники христианского мировоззрения, но ещё в позапрошлом столетии, во время Просвещения, сомнение в истине бытия Бога не встречало одобрения. Самый глубокий и выдающийся, самый смелый вольнодумец этого времени был Вольтер. Но и он не дерзал подобно безумцам в Ветхом Завете, сказать, что нет Бога. Напротив, он думал, «что если бы и не было никакого Бога, то его следовало бы выдумать». В этих словах заключается нечто свидетельствующее о неизгладимости Божественной мысли в человеческом сердце. Ещё и сейчас есть много людей, которые думают, что такого атеиста, который в продолжение всей своей жизни до самой смерти оставался бы атеистом, совсем не

существует. Если люди и бывают, говорят они, атеистами в своей жизни, то не бывает их уже на смертном одре! И здесь заключается много правды, опыт свидетельствует, что некоторые в своей жизни мало думали о Боге, даже сомневались в бытии Его или отрицали Его, но в преддверии страшной вечности начинали тосковать и томиться о чём-то невидимом и неразрушимом. Если на поле битвы падшие солдаты наши лежали иногда с молитвенником в руках, то на что это указывает, как не на то, что в смертный час у честного человека неотразима мысль о Живом Боге? И между нами, наверное, есть такие христиане, которые с сердечной грустью выслушивали из уст своих друзей и родственников такие слова: «Счастливый ты человек, что ты можешь веровать. О, если бы и я имел эту веру!» А иной сомневающийся, может быть, открыто признавался: «Я не могу веровать в христианство, и в этом моё несчастье, гораздо счастливее те, которые имеют Отца на Небе, чем те, которые под колёсами беспощадного рока влачат свою здешнюю жизнь и не имеют никакого Бога, на Которого они могли бы положиться в будущем».

Не есть ли, однако, Бог только фантазия, зародившаяся в человеческом сердце из страха и надежды, но никакой действительности не отвечающая? Если бы Бог был только человеческой мыслью – о, тогда, увы, суетна была бы наша вера, напрасно утешение и надежда. Но не из собственного только убеждения, а из убеждения миллионов сердец, из коих многие перестали биться с этой надеждой, а многие ещё и сейчас живут и будут жить в этой вере, пока мир стоит, взываю я к настоящему многолюдному собранию: *"Есть Бог!"*

Избрав темой для настоящей речи доказательства бытия Бога, сосредоточим, други, наш ум на тех мыслях, которые ведут нас к убеждению в истинности существования Бога, Живого Бога!

Называют обыкновенно пять доказательств бытия Божия. Я не буду употреблять при этом учёных, научных слов и выражений – это было бы только бременем для нашей памяти. Я хочу быть наиболее простым и общедоступным и скажу так: первое доказательство почерпается из бытия мира, второе – из

целесообразности и порядка мира, третье – из совести человека, четвёртое – из нравственности порядка мира, и пятое – из заключения разума о том, что если есть Совершеннейшее Существо, то это Существо необходимо должно и существовать, ибо иначе Оно не было бы совершенным. Проследим шаг за шагом все эти пять доказательств.

Из существования мира для мыслящего разума должно быть выведено такое заключение: если существует мир, то должен существовать и Тот, от Которого произошёл этот мир, то есть Творец его. Человеческий ум имеет потребность в этой полноте и пестроте явлений мира, в этом разнообразии предметов, которые, как волны на море, поднимаются и опускаются, отыскивать средоточный пункт, из которого происходит и в котором сосредоточивается всё это богатство. Как кровь, переливающаяся по всем членам, течёт во всех жилах и, наконец, возвращается к сердцу, как все реки и ручьи на всём земном шаре впадают в одно море, как все миллионы лучей солнечных сосредоточиваются, в конце концов, в одном спектре – так и всё это множество земных явлений возвращается к своему первоисточнику. Нам скажут, что это не убедительное доказательство, что можно ведь предположить, что мир вечен, что никогда не было времени, когда не было мира. Но это очень рискованный скачок в неизвестность. Этим совершенно ничего не объясняется. Это сушая неправда. То, что живёт и происходит – так думает уже самый простой человеческий разум – это необходимо должно и возникать, начинаться. И о растениях и животных мы знаем, что они появились во времени. Рассматривая верхний слой нашей земли, мы находим многое такое, чего прежде не было. В верхних слоях земли мы часто находим такие творения, каких в более глубоких слоях нет. Человеческих костей в глубинах мы не находим совсем. Здесь мы имеем, однако ж, начало во времени; и понять, каким образом произошёл человек, так же трудно, как трудно понять, каким образом возник весь мир! Тем не менее, в природе нашего человеческого духа лежит потребность возвращаться к своему первоисточнику. Я согласен, что это доказательство не может иметь обязательной

силы, и я хочу, прежде всего, заметить, что вообще обязательных доказательств при этом и нет.

Установим сначала правильную точку зрения. Если бы истину бытия Бога можно было доказать письменно, как задачу или как математическое положение, тогда конечно, не было бы нужды ни в какой вере. Но есть ли необходимость доказывать это с очевидной явностью? Вера в Бога имеет прочные, достаточные, твёрдые основания и без таких усиленных доказательств. В математике есть доказательство (его и называют косвенным), которое состоит в том, что перебирают все возможности и доказывают их непригодность, несостоятельность, так что, наконец, остаётся только одна, последняя возможность – это и составляет истину. Точно так же, думаю я, и мы должны предварительно поступить с доказательствами бытия Бога. Взвесим, удовлетворяет ли нас какое-нибудь другое объяснение мира – если мы найдём, что никакое другое объяснение нас не удовлетворяет, тогда нам ничего не остаётся, как сказать: стало быть, необходимо должен быть Живой Бог, от Которого мир получил своё начало. И хотя эти, так называемые, доказательства бытия Бога не суть несомненные, общеобязательные доводы, однако от них остаётся очень многое, они суть залогов в человеческом духе, которые указывают на Вечного, Абсолютного Духа.

И вот, я возвращаюсь к первому доказательству. Я, не обинуясь, утверждаю: из одного бытия мира нельзя ещё с полной уверенностью вывести заключение о бытии Бога. Но если мы присоединим к этому второе доказательство, что мир сотворен разумно, стройно и целесообразно, то это укрепит наше убеждение.

Предпошлём два положения. Ничто так ярко и сильно не указывает нам на Разумного, Личного Духа, как наличность средств и целей. Здесь, прежде всего, видны средства, но в основании они, однако, служат цели, которая раньше была в уме. Теперь, если признаём, что вещи делаются для известной цели, которая хотя может быть и далеко лежит от них, но для которой, однако ж, они и существуют, тогда уже невозможно говорить о какой-нибудь слепой силе, действующей здесь, но

необходимо признать Личного Духа, Который с сознанием устроил эти вещи для известной цели. Для меня, хотя я в этом случае смотрю не с точки зрения веры, а скорее с точки мышления, разума – это доказательство бытия Божия на основании целесообразности и порядка мира всегда имело необычайный смысл и значение. Я думаю, что для здравомыслящего человека ничего не может быть сильнее этого доказательства. Ведь ничто целесообразное, предпринимаемое с известной целью, не происходит само собой, но и самая мельчайшая вещь необходимо должна подлежать обработке, побывать в руках мастера и быть приспособлена для своей цели. Можно ли думать, что вся эта полнота творения, которую мы видим на земле, что весь этот великий мир и небо, в его чудной гармонии, мог произойти из одного слепого случая! Это совершенно невозможно.

Посмотрите на различные сферы мировой жизни. Сперва на великие мировые тела. Миллионы и биллионы мировых тел, планет и огромные массы движутся во вселенной и, однако ж, не мешают друг другу, потому что им указаны свои пути, потому что одна поддерживает другую в равновесии. Так переходит мир из одного тысячелетия к другому. Однако ж, он существует не сам собой. Должен быть Кто-то, Который поставил эти тела в такое между собой соотношение, что они могут поддерживать и носить друг друга, что в них господствует порядок, который даёт нам возможность наперёд узнавать и высчитывать их пути и их течение.

Посмотрим на нашу планету, которую мы называем Землей, и обратим сперва наше внимание на одушевлённую материю. И здесь же получается нами впечатление личной творческой силы. Первое, о чём нельзя не упомянуть здесь, это то, что в свойстве воды, которую мы ежедневно видим перед своими глазами, заключается доказательство того, что мир сотворён Личным Духом. Все вы с детства, со школьной скамьи знаете, что тёплые тела расширяются, а холодные – сжимаются. Это положение, несомненно, верно. Но есть одно из него – и на это я прошу обратить особенное ваше внимание – одно исключение, и именно следующее: вода, если её теплота

понижается до четырёх градусов, не делается тяжелее, не сжимается более, но следующие градусы принимают свойство теплоты. Представьте себе, чем холоднее делалась бы вода, тем гуще. Когда наступает зима и вода замерзает, тогда, несомненно, холодная вода опустилась бы на дно, превратилась бы в лёд и замёрзли бы все озёра, ручьи и реки, так что никакое творение не могло бы жить в воде. Но так как вода, имеющая четыре градуса, есть самая тяжёлая, тяжелее, чем та, которая имеет три, два, один, нуль градусов, то вода от четырёх градусов опускается вниз, вследствие чего в реках и прудах всегда остаётся такая вода, в которой могут жить рыбы. Можно ли думать, что всё это делается само собой, что это произошло не от Творца, Который знал, что в воде должны жить творения и что это исключение из общего закона нужно для того, чтобы они могли жить.

Посмотрим на органический мир, ближайшим образом на мир растений. Возьмите большое зерно, например, боб. Если вы разрежете этот боб, то вы найдёте в нём зародыш, состоящий из двух листочков, этот зародыш обещает в будущем растение. Кто сотворил этот зародыш, Тот, конечно, знал и должен был знать, что зародыш делается растением, растение цветёт, приносит плод, носящий в себе такой же зародыш. И здесь также явный неопровержимый знак Личного Разума, Который стоит за зародышем. Я восхожу на ступень выше, к миру насекомых. Без сомнения, вы знаете, что каждое насекомое в различные периоды своей жизни ведёт жизнь сначала как ячейка, потом как личинка, потом как куколка и, наконец, как вполне сформировавшееся существо.

Не подлежит сомнению, что Тот, Кто дал животному эту жизненную форму, имел перед своими глазами всё его развитие и, Кто сотворил ячейку, наперёд знал уже все жизненные ступени, которые должно было пройти это животное. И здесь также виден Разум, так целесообразно устрояющий путём непостижимых изменений природу этого существа.

Перейдём к царству пернатых. Из всех вещей, которые стоят у нас перед глазами, едва ли есть что-нибудь более чудесное, как то, что из яйца, из яичного белка и желтка с

маленьким зародышем, выходит живое существо, если на таком яйце в течение нескольких недель сидела жизненная теплота. Каким образом из этого яйца является птица? Кто вложил в этот маленький зародыш эту силу жизни. Ведь за действующую силу, которая из невидимых зачатков создала такие дивные предметы, нельзя же признать слепую силу природы. Здесь снова видим мы, что Тот, Кто сотворил это яйцо, имел в виду птицу. Я думаю, что уже из таких примеров человек мог бы научиться смирению при своём мышлении, мог бы опытно убедиться, что ему никогда не постигнуть тайн земного мира. Даже и учёнейший из учёнейших, и тот никогда не может понять и основательно объяснить тайну жизни. Он видит происходящее явление, но тупо стоит перед ним в состоянии удивления и благоговения.

Я восхожу ещё на ступень выше и перехожу к царству четвероногих животных. Я обращаю ваше внимание на мудрое устройство кровообращения, на этот механизм, который сильным давлением гонит из сердца кровь во все жилы и, однако, потом снова возвращает в сердце, так что этим обращением крови, приливанием и отливанием её поддерживается жизнь человека. Я приглашаю вас рассмотреть один какой-нибудь из членов человеческого тела, например, глаз с его чудным, полным искусства устройством, которое люди должны были изучать в продолжение целых тысячелетий, прежде чем они постигли его. Здесь, если мы будем производить все отдельные творения из слепой силы природы, мы буквально стоим перед абсолютной загадкой. Если отрицатели бытия Бога говорят: мы не можем понять Евангелия Божия, то я должен возразить; если все эти столь целесообразно устроенные вещи хотят объяснить случайным действием какой-то слепой, лишённой разума силы, то этого я тоже совершенно не понимаю – я не могу этому ни поверить, ни постичь этого своим разумом.

Это доказательство из видимой природы, из творения. Обратимся теперь к нашему собственному сердцу и взвесим доказательства из нашей духовной жизни.

Крупный факт внутреннего человека есть его совесть. Если внутри нас есть голос, который говорит нам: «это справедливо, а это несправедливо», голос, который, если мы пытаемся его пересилить, делается воплем совести и напоминает нам о Вечном Судии Воздаятеле – этот факт есть действительное доказательство бытия Бога. Послушайте, каким процессом мышления доходим мы до сего. Совесть не есть только голос отдельного человека, он происходит не от него самого. Если бы человек-лжец был своим судьёй, то совесть сказала бы ему: «ложь есть добродетель». Если бы человек имел склонность к скупости и любостыжанию или к чувственным наслаждениям, то совесть его сказала бы ему: «скупость дело хорошее, удовольствия мира позволительны». Но этого не делает совесть – но к человеку, ведущему порочный образ жизни, она взывает как голос из другого мира: «ты не должен так действовать»; она нигде не оставляет его в покое, всюду мучает и бичует его. Откуда происходит этот голос? – Не от нас. Следовательно, должен быть Кто-то, Который вложил в нашу душу эту совесть. Бог дал нам её, это Его голос, поэтому она и имеет такую неотразимую силу! И иные думают, что её можно подавить, заглушить. Но нет. Можно заглушить её на некоторое только время, но потом она снова и всё с большей силой будет давать себя чувствовать. Во Франции был один слуга, который убил и ограбил своего господина, ушёл затем в Шотландию, сделался хозяином ювелирного магазина, богатым и знатным человеком, которого считали первым человеком в городе. Со времени совершения преступления прошло более тридцати лет. Но человек этот не имел внутреннего мира и спокойствия, он всегда, каждую минуту думал о совершённом им злодеянии и жестоко страдал и мучился. Однажды совесть так потрясла его, что он тотчас же явился в суд и заявил: «Я убийца, я не имею покоя в моих костях, возьмите меня и судите, чтобы мне снова возвратиться к миру и спокойствию». Другая история ещё замечательнее. В одном тесном месте убит был человек, никто из тех, которые тут были, не хотели выдать преступника; судья был в большом затруднении и не знал, что делать. Наконец он нашёл способ к обнаружению злодея. Он позвал всех

заподозренных в преступлении в свою камеру и начал прикладывать своё ухо к груди каждого из них. Сердце первого билось ровно и спокойно, сердце второго так же, а равно и сердце третьего. Наконец подходит он к четвёртому и слышит, что его сердце бьётся так сильно, как в лихорадке. «Ты убийца», – говорит судья; и тот, сознаваясь, говорит: «Да, я». Что это за сила, которая привела преступника к сознанию и не давала покоя его сердцу? Если бы его совесть была его собственным делом, он сказал бы: «Теперь нужно быть спокойным и сдерживать биение пульса». Но он не мог этого сделать, потому что им управляла высшая сила совести. Не следует ли в этом видеть доказательство того, что деятельность совести проистекает не из собственной жизни, но из вечного источника добра и правды, то есть от Бога?

Как в жизни отдельного человека, так и во всём человеческом мире существует такой нравственный строй и порядок, в котором доброе должно пересиливать дурное. Правда, в природе, когда наступает ненастье или бушует ураган, или выпадает град, нельзя бывает видеть правильности в её жизни; так бывают и в жизни народов и целых государств такие катастрофы, при которых мы едва ли что-нибудь можем заключить о святых целях Бога, по крайней мере, усмотреть одними нашими глазами. Но бывают моменты, когда десница Божия в истории человечества и народов так бывает заметна и очевидна, что её можно не только видеть глазами, но, так сказать, осязать своими руками. Вспомним неоднократные нашествия татар, Крымскую войну, войну с Наполеоном, да и сколько можно бы привести здесь случаев из жизни как нашего, так и других народов в подтверждение этой мысли. Но, за неимением времени, я не буду подробно говорить об этом, приведу только на память чудные слова одного, прежде неверующего, профессора Трейтчке, он говорит: «В ваших судьбах и судьбах моего дома и моего отечества, я научился преклонять свои колена пред величием и мудростью и благостью Живого Бога». Но этим он, как известно, не ограничился в своём обращении к Богу. Он пошёл далее. Тронутый внутренними судьбами своего народа, он открыто

перед противниками Христа исповедал Его Сыном Божиим. Да, есть, несомненно, нравственный порядок в мире. Нашим сердцам присуща мысль о том.

Но здесь нельзя, конечно, обойти молчанием двух вещей, которые, по-видимому, разрушают этот порядок. Это зло и страдание. И то и другое, кажется, нарушают гармонию Божественного порядка на земле. Но это только по-видимому. На самом же деле и то и другое только наклоняют к вере в Бога, приближают к Нему. Откуда происходят страдания? – Из источника зла. Не то хочу сказать я, что каждый отдельный человек столько же страдает, сколько сделал он зла. Эту мысль совершенно отверг Сам Христос. Когда привели к Нему слепого от рождения и ученики Его, имевшие ложный на это взгляд, спросили Его: *«Рави! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божию»* (Ин.9:2–3). Замечаете ли вы ту цель, которую имеет Бог, подвергая людей бедствиям и страданиям? Он хочет этим оказать имеющее характер наказания противодействие злу или греху. Бог управляет миром посредством законов. Он начертал в природе Свой естественный закон. Он начертал в совести и на страницах Библии Свой нравственный закон. Если бы нравственный закон всюду соблюдался на земле, то управление Бога было бы ненаруσιμο. Но Бог дал нам свободу, как (палладиум правосудия) охрану, защиту человеческого духа при сотворении духа. Он дал им право поступать против Бога, грешить и от всего отпадать. И вот теперь величие Его управления (власти и могущества) в том и состоят, что Он, несмотря на восстание людей, всё-таки управляет ими. Как же достигает Он цели Своего управления? – Он употребляет наказание и через это поддерживает и даёт силу своему закону. Хотя иные люди и неохотно слушают Его и веруют в Него, всё же несомненно то, что если бы не было в мире греха, то не было бы и страданий. Один великий философ нашего времени сказал: «Когда видишь страшную массу грехов на земле, то только тогда успокаиваешься в этом, если представляешь себе и страшную массу страданий; а когда посмотришь на эту массу

бедствий, то понимаешь это только тогда, когда представишь себе и страшную массу греха». Этот мыслитель был пессимист, представитель той философии, которая ведёт людей в бездну мрака, но она не может их спасти из этого мрака. Это может сделать только христианство. Страдания – так учит это последнее – есть суд над миром, но Отец Небесный, Который любит Своих детей, не оставляет нас без утешения. Ни одна книга мира не может так утешить и успокоить, как Священное Писание; с такой мыслью Бога твои страдания не суть дело слепого случая, они происходят от Отца Небесного, Который знает, для чего Он их посылает. Он Всемогуш и может помочь; когда наступит час, то помощь Его является вдруг и быстро полагает конец нашей печали. Он хочет путём этого испытания более укрепить и утвердить тебя. Он посылает Своего Единородного, Безгрешного Сына с Неба на землю, Который живёт и умирает для тебя, проходит перед тобой путь страданий, чтобы показать тебе пример. Любовь Бога николиже отпадает, она не прекращается и тогда, когда ты страдаешь, но проявляется при этом ещё с большей силой, от Его духа исходит Тот Дух Утешитель, Который вселяется в сердце наше и наполняет его радостью и миром. И если мы только мужественно ведём борьбу, то из страданий происходит такая радость, такое блаженство, которое продолжается вечно. Тогда каждая слеза отрётся, тогда не будет уже ни печали, ни болезни, ни смерти. Таковы утешения, которые преподаёт слово Божие страждущим.

Но почему многие из нечестивых, которые не думают ни о Боге, ни о добродетели, почему такие люди живут в счастье и довольстве, тогда как многие благочестивые, честные и добродетельные люди должны бывать иногда целую жизнь нести тяжёлый крест страданий? О, здешняя жизнь есть только начало вечной жизни. Тому, который здесь должен был вести борьбу и много страдать, будет воздано в вечности; равно и тот, который здесь жил безнравственно и беззаконно и, однако же, благоденствовал, получит воздаяние в загробной жизни.

Когда я вижу души неопикуемой доброты и, однако ж, страдающие и угнетённые судьбой, то думаю так: для Бога

человеческий мир есть как бы сад с разного рода цветами и ни один цветок так не радуется Богу, как человек, находящийся в бедствии, который, не теряя мужества, борется со своими несчастьями и преодолевает их при помощи Божией и достигает внутренней славы. Ничего не может быть выше и величественнее этого – это есть подражание Христу, Который страдал, был распят, умер, погребён, воскрес и вознёсся на Небо. А если же мы именно так понимаем связь между грехами и страданиями, что мы путём этой юдоли бед должны идти к своей славе – тогда исчезает недоумение, разъясняется эта загадка, тогда рассеивается туман, и солнце воли Божией освещает нас с небесных высот Своих. Промысел Божий и злом пользуется как средством для достижения Своих мудрых целей в управлении миром. И в этом сказывается особенное величие Бога, что Он и зло Своей мудрой рукой заставляет служить добру.

Все вы знаете историю Иосифа в Ветхом Завете. Что могло быть хуже этой зависти, этой братоубийственной мысли, из-за которой братья Иосифа продали его в плен, в неволю чужого народа? И что же делает Господь из этого злодеяния? Он настолько возвышает Иосифа, что этот делается канцлером в Египте. Он охраняет через Иосифа не только народ египетский, но и народ израильский, его собственный дом, семью, и поставляет, наконец, вероломных братьев лицом к лицу с братом, которого они продали; так что, когда он открылся им, сказав: «я – *Иосиф, брат ваш*» (Быт.45:4), у него и его братьев брызнули из глаз слёзы от радости и благодарности Богу, так чудесно устроившему судьбу их.

Так действовал Бог, так действует Он и сейчас ещё между всеми нами. Никто не может похвалиться своим совершенством, все мы грешники, говорит Священное Писание; но если мы чувствуем наше несовершенство, то это побуждает нас к улучшению себя, к раскаянию, к добрым намерениям исправления и приводит нас к стопам Того, Который оставляет нам наши прегрешения и приводит к истинному миру и спасению. Таким образом, и грех у нас также может послужить

добру, и это также есть акт великого, чудного могущества Живого Бога, доказательство нравственного порядка мира.

Остаётся у нас ещё одно доказательство, может быть, для многих самое непонятное; его можно выразить так: если Бог есть Существо Совершеннейшее, то Он necessarily должен и в действительности существовать – иначе Ему для совершенства не доставало бы бытия. Вы все хорошо понимаете, что эта мысль не имеет совершенно ничего общеобязательного, она вращается только в нашем собственном уме. Но в этом, однако ж, заключается доказательство того, что ум человеческий воодушевлён непреодолимым побуждением признавать бытие Личного, Живого Бога. Судя по этому, и это доказательство есть нить, которая от земли возводит к Небу.

Итак, после того как мы объяснили себе доказательства бытия Божия, их значение, их силу и их слабости, нам естественно спросить теперь, что же из всего этого следует. – Следует, по крайней мере, убеждение в том, что признание Бога лучше всего разрешает мировую загадку – конечно, только признание Живого, Личного Бога. Если Бог есть Творец, Вседержитель, Промыслитель, Издвоздатель, Искупитель, то Он, несомненно, должен быть Живым Богом. Он не может Свои творения (как например, и фабрикант свои продукты) рассеять по миру, не имея никакого попечения о дальнейшей судьбе их. Он должен, как Отец Своих детей, содержать их в Своей руке, в Своём сердце. Только такое понятие о Боге удовлетворяет нашему желанию. Представление о Живом Боге называют теизмом, в отличие от деизма – представления о Боге не Живом. Тому и другому противен очень распространённый в наше время пантеизм, такое направление, которое говорит: «Всё есть Бог, и Бог есть всё – Бог есть сила, которая проникает всё земное и которая в человеке даже приходит к сознанию себя самой». Этим воззрением многие увлекаются – несмотря на то, оно глубоко ложно. Двоякий вид имеет этот пантеизм. Или он предполагает бытие Бога в отдельных предметах, и каждый предмет делает Богом для себя: огонь, воду, море и все творения – или делает более ударение на действующую во всём силу и делает Богом эту жизненную силу. Но это – туман и

дым, при котором нельзя ничего видеть ясного и определённого. Напротив, представьте себе то, что говорит о бытии Бога откровение: «Бог есть дух», – говорит оно (Ин.4:24). Это первое определение. Вообразим наш собственный дух, и тогда для нас в этом глубоком изречении окажется нечто более светлое в сущности Бога. Как наш дух невидим и, однако ж, проникает всю жизнь человека, господствует над каждым чувством, над каждым движением, так и Бог – Он есть Личный Дух во вселенной. И как в нашем теле не может быть ни одного чувствования, которое являлось бы и исчезало бы помимо духа, так и во всём мире ничего не происходит, чего не было бы в центре Его, в Боге, в Духе Бога. В Боге ничего нет телесного, материального, хотя мы люди и можем представлять Его себе не иначе, как человекообразно, по-человечески, но мы никогда не забываем, что «Бог есть Дух», хотя и Личный, но Невидимый и Вездесущий.

Бог есть «жизнь» (Ин.14:6). Это второе изречение о Нём Священного Писания. Бог есть Источник жизни для Себя и для других. Он есть Вечный и Всемогущий, Который один только сообщает жизнь тварям.

«Бог есть свет», – говорит в-третьих Священное Писание (1Ин.1:5). Глубокомысленное слово! Свет есть нечто чистое, не имеющее никакого пятна, светлое и всеочищающее – так Свято и Существо Бога. Где проникает Он во тьму, Он освещает; Он Всеведущ, Он всё истребляет, что противно воле Божьей. Он Праведен и Справедлив.

Но любезнее всего звучит похвальная песнь Иоанна: «Бог есть любовь» (1Ин.4:8). Это определение веет теплом в душе и самых сомневающихся. Когда кто-нибудь из удалившихся от Живого Бога слышит это слово: «Бог есть любовь», то и он очаровывается Им, чувствует Его притягательную силу. Нет другого более обаятельного имени для Него, как это. Он Благо для всех творений, Милосерд для страждущих и Милостив для грешников. Он всем хочет спастись, то есть желает, чтобы все были счастливы и блаженны. Таким образом, мысль о Боге, которую мы прежде старались постичь нашим собственным умом, во свете откровения стоит перед нами как солнце,

которое светит нам в наших глазах и сердцах полным своим светом. И вот я ещё раз спрошу теперь вас, почему же не хотим мы принять эту столь утешающую, возвышающую и удовлетворяющую человеческое сердце мысль? Почему нравится нам лучше жить во времени без вечности? Мы – дети одного Отца, братья одной великой семьи; мы не то, что зубья в маховом колесе на фабрике, но существа с бессмертием и вечностью в груди – не во сто ли крат это лучше?

Но говорят – и это особенно часто приходится слышать сейчас в наш материалистический век – я не могу видеть Бога, если бы я мог Его увидеть, то я уверовал бы в Него. Так сказал некогда и один из известных астрономов: «Я много раз рассматривал (в телескоп) звёздный мир и никогда не находил там Бога». Выражение, хотя и претендующее на что-то, но ровно ничего не доказывающее. Бог по существу Своему невидим. Как нельзя видеть Его глазами, так нельзя рассматривать невидимую духовность Его Существа и при помощи телескопа. Подобное же возражение однажды сделано было и другим невером: «Я не вижу Бога, а потому не могу в Него и верить». Тогда ответил ему другой: «А имеете ли вы разум?» – «Да», – сказал он. «Но я не вижу вашего разума». Это в высшей степени хорошо и находчиво было сказано. Многие, что неопровержимо существует, мы, однако, не можем видеть: любовь, верность, дружба – и многое из самого великого в человеческом сердце и в человеческой жизни мы не можем видеть. Следовательно, это возражение сюда не относится. Таковы значение и важность Существа Бога, что Он царствует в невидимости; такова сила веры, что мы из этого грешного мира, из этой юдоли бед и скорбей, со всем их нравственным безобразием, через все туманные обманы земли поднимаемся в солнечный свет невидимости, что человек в тяжёлые минуты душевной тоски может взять крылья духа и взлететь в горний мир, где его вечная родина, где полный мир и безмятежье.

Почтительное собрание! Может быть, и между вами есть такие, из сердца которых наше беспокойное время, наш век материализма исторг веру в Живого Бога. Прошу вас всей силой пастырской любви к вам: не сомневайтесь, по крайней

мере, злонамеренно, не затворяйте дверей вашего сердца для действия истины, которая с такой силой стучится в них, идя к вам из сверхчувственного мира и откровения. Я уверен, что кто её честно ищет, тот и находит. Иисус Христос сказал: *«кто хочет творить волю Отца Моего Небесного, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю»* (Ин.7:17). Он думает, что Бога нельзя познать одним разумом. Он предмет не одного только мышления, но нашей жизнью и поведением, нашим внутренним человеком, нашими делами и страданиями должны мы стараться исполнять волю Бога, как она нам открыта, мы должны стремиться к совершенству. Если мы попробуем испытать это, то скоро узнаем, убедимся в том, что мы несовершенны и, однако, наша совесть побуждает нас к совершенству; мы несовершенны, но необходимо должно быть нечто более совершенное. Это должно указать нам путь, где выравниваются требования нашей совести и нашего несовершенства. Не в нас заключается это уравнение. Как бы мы ни старались, мы никогда не будем иметь ни совершенства, ни мира в себе. Этого мы можем достигать только путём веры, искупления и Божественного мира. Не через нас и не в нас совершенство и правда. Но оно есть в Том, Который, будучи богатым, обнищал ради нас, чтобы мы через Его бедность сделались богатыми, Который не имел где главу поклонить, между тем, как и *«лисицы имеют норы и птицы небесные – гнёзда»* (Мф.8:20; Лк.9:58), Который здесь, на земле, был только гостем и для нас умер, чтобы открыть нам путь в вечность.

Бог невидим, говорит иной, если бы я мог Его увидеть, я уверовал бы в Него. Бог есть любовь, – отвечаю я, – во Христе принял Он образ и лицо. *«Видевший Меня видел Отца»*, – говорит Христос (Ин.14:9). В общении со Спасителем делается ясной идея Бога. Это есть самое великое в жизни Иисуса Христа, что все люди, которые приходили в соприкосновение с Ним, научились непосредственно веровать в Бога, что грешники приходили и припадали к ногам Его, мытари и фарисеи приходили и были Им покоряемы, приходили больные и страждущие – и Он исцелял их. Или вы, быть может, не верите в

чудеса? Вспомните одно. Если Бог сошёл с Неба на землю, чтобы нам показать лицо Своё, то не было ли бы большим чудом, если бы Он не делал чуда? Почему же и нет? Бог дал законы природе, но когда она служит высшему миру, Он побеждает (как говорит церковная песнь) законы естества, то есть изменяет порядок природы и на место его ставит высший, небесный порядок благодати.

Пойдём же, друзья, к Тому, Который сказал: *«Я есмь путь и истина и жизнь»* (Ин.14:6). Путь ведёт нас к цели; истина, если мы её простодушно, не мудрствуя лукаво, исследуем, удовлетворяет нашему внутреннему человеку; жизнь Христа не для одного только дня и не для одного века – Сын Божий есть вечная жизнь и даёт её и нам. *«Я живу, – говорит Он, – и вы будете жить»* (Ин.14:19).

Наука и религия

«Наука и религия» – эта тема играет в наше время выдающуюся роль не только между самими представителями науки, но она сделалась всеобщим вопросом. Самый простой человек и обыкновенный христианин необходимо должен привести его в ясность и быть готовым к ответу всякому вопрошающему его об его уповании, то есть требующему у него основания для его веры и убеждений (1Пет.3:15).

Ибо наука в наше время имеет значение козыря против религии и многие пускают его в ход, не зная, что такое наука и религия. Вот почему мы хотим ближе рассмотреть этот вопрос.

I. Наука

Наука в обыкновенном смысле есть разъяснение того, что подлежит знанию. Наука имеет дело с исследованием земных предметов или с творениями мира. Эти предметы составляют материю или материал для науки, через систематическую форму она делается научным знанием, которое, будучи построено правильно, согласно законам логики, называется системой. Смотря по тому, что более принимается во внимание у науки – её основание или её применение, различают *чистую* и *прикладную* науку. В отношении своего материала, науки разделяются на эмпирические или рациональные, реальные или формальные, опытные или философские. Ни одна из них не выступает как чисто таковая, но они различным образом соприкасаются друг с другом, входят одна в другую.

Сколько существует творений и видов творений, столько и наук. Наука имеет дело не с самими только творениями, но и их отношениями друг к другу. Сколько таких отношений, столько существует и наук. Исследование числовых и пространственных отношений, например, называют математикой. Исследование природы и её предметов – естественной наукой или естествознанием, которая в свою очередь расчленяется на множество отраслей. Исследование обязанностей и прав человеческих называется правоведением или законоведением.

Наука исследует творения по их существу, по их происхождению, по условиям их бытия, по их отличительным признакам и явлениям, наконец, по их действиям, намерениям, целям, по их органической и систематической связи. Таким образом, науку можно определить так: *это исследование и систематическое изложение творений и их взаимных отношений по их сущности, их действиям, их целям и связи.*

Я нарочно употребляю выражение «творение». Для обозначения этого понятия у нас часто употребляют слово «натура». Это слово происходит от латинского *nasci*, что значит: родиться, возникнуть, произойти. Натура, следовательно, значит – рождённое, происшедшее и по своему смыслу совпадает со

словом «творение». Слово «творение» предполагает Творца, между тем как слово «натура» получило у нас совсем неправильное значение. Натура часто употребляется для обозначения творческой силы, даже Самого Творца. Сотворённое нельзя смешивать с Творцом. В обыденной жизни этого никогда не бывает. Стол, например, никогда не смешивают со столяром, сапоги никогда не смешивают с сапожником. Напротив, кто словом природа обозначает творческую силу Божию или даже само Лице Творца, тот смешивает персону Виновника твари с тварью, или Творца с сотворённым. Эта такая неправильность, такое заблуждение, которое гораздо важнее, чем каким оно кажется на первый взгляд. Чтобы избежать этой ошибки, я употребляю слово не «природа», а «творение». Средство, которым располагает наука для исследования творений и их отношений, суть человеческие чувства и члены тела: глаза, уши, руки и проч. – наблюдающий разум, соображающий, размышляющий и делающий выводы и заключения ум. К этому присоединяются вспомогательные средства, которые придумал человеческий ум в дополнение к своим чувствам и членам тела. Это суть многие орудия и различные инструменты, как например: микроскоп, телескоп и т.п., которые оказывают неоценимую услугу при наблюдениях и исследованиях различных предметов. Вооружившись этими орудиями природы и искусства, человек предпринимает свои наблюдения, исследования и изыскания и делает свои опыты.

Насколько достаточно этих средств, настолько возможно для человека исследование сущности творений и их отношений. Точными науками называются те, которые стараются с математической точностью разрешить подлежащие им задачи, что возможно преимущественно в области такого знания, где объекты составляют отношения предмета с условиями – следовательно, кроме самой математики в физике, химии и механике. Выводы точных наук, если они действительно таковые, следует принимать без колебаний и сомнения. С утешением и благодарностью нужно принимать то, что эти науки в наше время сделали такой великий, видимый успех.

Доказательства и следствия этого успеха мы видим во всех областях общественной жизни.

Особенного значения в наше время достигла эмпирическая, опытная наука. Опыт, который должен иметь значение и цену для практической жизни или для науки, не есть только сумма ежедневных наблюдений, которые каждый может делать без труда – он состоит не в собственном наблюдении каких-нибудь необыкновенных, внутренних или внешних явлений, но он приобретает тогда, когда доходит до совершенного уразумения того, что изучают через выводы, из наблюдений и опытов, глубоко обдуманых, тщательно проверенных, сличённых и сопоставленных между собой. Причём одного собственного опыта бывает недостаточно для более основательного и глубокого, и прочного убеждения; необходимо к своему опыту присоединить опыты других, отчего много выигрывает собственный опыт и в объёме, и в глубине. Этот научный, такими методами приобретённый, опыт и представляет содержание эмпирических или опытных наук. Но путём этой науки, как это легко заметить, достигают только условного, релятивного познания, но отнюдь не математического точного опыта. При внутреннем наблюдении выступает ещё та особенная трудность, что наблюдающий субъект есть вместе и наблюдаемый объект. Вот почему существенная особенность этой науки та, что она не станет претендовать на безусловное общее доверие, так как она всем наблюдениям своим придаёт более или менее индивидуальный или субъективный характер.

Совершенно другого рода наука историческая, или наука событий, которая между другими науками нашего времени играет выдающуюся роль. История, как наука, есть не хронологический только перечень и изложение известных исторических лиц и событий, но её задачи состоят в том, чтобы путём исследования уразуметь состояние и развитие нравственного мира, смысл прошедшего, выяснить на основании того, что из него не исчезло ещё в настоящем. Прежде всего, её заботой должно быть твёрдое установление событий (фактов) прошедшего, то есть разработка исторического материала, который даёт нам возможность

уразуметь прошедшее. Этот материал состоит из развалин прошедших времён, из собственно исторических источников и из памятников. Задача критики – взвесить и проверить этот материал со стороны его подлинности и достоверности. При этой критике открывается всегда широкое поле для человеческой фантазии и индивидуального суждения, в особенности же для пропусков и прибавок для аналогичных и гипотетических пополнений. О несомненных выводах или даже только о достойных доверия возможностях при науке, работающей и созидающей без фундамента, не может быть и речи.

Рядом с известными, верными и математически точными предметами есть ещё великое множество вопросов о сущности и состоянии творений, которые от их происхождения до совершенствования не могут быть исследуемы посредством человеческих чувств и их вспомогательных орудий. Исследующий человек, хотя бы самый остроумный и искусный, за время их течения может наблюдать только некоторые из явлений и действий – источник же и устье отношений, причины и следствия вещей он не может познать, так как его чувства и вместе с вспомогательными орудиями и научными средствами и материалами так далеко простираться не могут. То чего, таким образом, не может сделать учёный собственными чувствами и вспомогательными средствами, это старается он восполнить своей фантазией, воображением, посредством аналогии (сравнения) и гипотезы (предположения) и привести в систематическую связь. Вместо не подлежащих сомнению и твёрдо установленных фактов или причин, учёный осуществляет догадки и предположения, которые самым им выдуманы, и вместо следствий и действий, вытекающих из очевидных явлений, делают им выводы и заключения, которые он опять только предполагает и воображает себе.

Для каждого ясно, что этот род науки никогда не может претендовать на то, чтобы быть действительной наукой, чистым и положительным знанием. Если бы были предположения верны и заключения логически правильны, то должны быть верны и утверждения. Если же предположения эти ложны, если даже в

цепи заключений одно только звено, одно только заключение неверно или ошибочно, то неверны и все утверждения. Эта возможность существует всегда там, где наблюдение выходит из пределов чувственного и видимого. Следовательно, слово «наука» следует употреблять с большой осторожностью, ибо и здесь приложима поговорка: «Не всё то золото, что блестит», – не всё то заслуживает названия истинной науки, что выдаётся под её флагом.

Честные представители науки между этими двумя родами истинной и воображаемой науки делают большое различие. Последний род, который имеет дело с гипотезами, догадками и воображением фантазии или разума, не признаётся ими за действительную науку, ещё менее удостаивают они утверждения почтенного именем выводов и следствий из них.

Но нечестные представители науки и их клеветы трактуют гипотезы и догадки как твёрдо установленные факты, свои заключения они называют доказательствами и требуют, чтобы их выводы и утверждения признавались за истину. Это гордость, которая с беззастенчивой дерзостью выступает сейчас, особенно в области исследования природы, истории и Библии; легкомысленные и недалёкие люди этим вводятся в заблуждение, а робкие – в скорбь и смущение. Но нужно смелее смотреть в глаза этому роду науки, раскрывать и обличать её заблуждения и признавать её за то, чем она является в действительности, то есть за бред воображения, болтовню и самообожание. Она даёт познать то, что и сколько угодно Богу, именно – начала, последние основания и цели всех вещей; но всё, что она знает, есть искусственно построенная система, которая падает вместе с тем, кто составил её. Дарвинизм, как и выродившийся из него монизм, основываются на недоказанных предположениях, и их заключения суть не что другое, как дерзкие утверждения. Вместе с этой системой распадается и всё учение материализма. Конечные основания и цели предметов, которых ещё ни один человек не исследовал человеческими средствами науки, необходимо должны заключаться в Творце всех вещей, в Самом Боге.

С именем Бога мы переходим ко второй части нашей темы, к религии. Здесь мы вступаем на Святую Землю, где прилично нам воскликнуть: *«сними обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая»* (Исх.3:5).

II. Религия

Слово «религия» по своему происхождению – латинское слово. Корень этого слова означает «зависеть». Религию иметь – значит зависеть от Бога или иметь связь с ним, иметь отношение к Нему. Кто имеет религию, тот имеет Бога.

Если наука, как мы видели, имеет дело с творениями, их сущностью и их отношениями, то религия имеет дело с Богом, Его сущностью и с Его отношением к человеку.

Всякое разумное рассмотрение или размышление о природе и мире приводило всегда к предположению, что Бог есть Невидимое Существо Бога, то есть Его вечная сила и Божество делается видимым в Его творениях, именно в сотворении мира (Рим.1:20). Самые великие и самые благородные естествоиспытатели всех времён были самыми смиренными исповедниками и почитателями Бога. Великий астроном Кеплер заканчивает своё великое произведение «Гармонику мира» следующей молитвой: «Теперь остаётся мне поднять, наконец, свои очи и руки к небу и с благоговением и смирением обратиться с молитвой к Отцу Светов: «О Ты, Который светом природы пробуждаешь нас пред светом Своея славы – благодарю Тебя, Господь и Творец мой, что Ты возвеселил меня через Твоё творение, когда я восхищён был делами рук Твоих. Вот, я окончил дело моего призвания той мерой ума, какую угодно Тебе было даровать мне – я открыл людям, которые будут читать эти доказательства, славу дел Твоих, открыл настолько, насколько мог мой ограниченный ум постичь нечто из Твоей бесконечности. Моё искреннее желание было говорить только истину. Если же мной, во грехах рождённым и во грехах возросшим червяком, совершено и что-нибудь такое, что недостойно Тебя, то научи меня исправить это. Если же чудная красота дел Твоих увлекла меня к чрезмерной смелости или я искал при составлении этого произведения своей собственной славы у людей – произведения, которое назначено для Твоей славы, то буди милостив ко мне и прости меня; наконец, даруй, Господи, чтобы

это дело послужило во славу Твою и ни для кого не оказалось вредным. Нет твари без Творца, нет природы без Виновника. Таково наше мнение, насколько можем мы познавать нашими чувствами и постигать своим умом. Только безумные говорят в своём сердце: *нет Бога, или: природа есть Бог*".

Но сущность и лице Бога в Его Божественной концентрации поскольку Он есть Начало и Обладатель всего сотворённого, следовательно, есть Личный, Живой и жизнь дающий Бог, лежит совершенно вне наших человеческих чувств и нашего человеческого ума. Все средства науки, при пособии которых может быть исследуемо творение, не достигают до Самого Творца, Бога. Между Ним и нами существует пропасть, которая для человека непроходима. Бог живёт во свете неприступном, и Его ни один человек не видел и видеть не может (1Тим.6:16). Человеческий ум всегда стремится к тому, чтобы самостоятельно, своими собственными средствами познать Бога, но всегда опытно убеждался, что *«душевный человек не принимает того, что от Духа Божия»* (1Кор.2:14), то есть натуральный, необлагодатствованный человек ничего не воспринимает о Духе Божиим, он не может познать Бога, потому что Бог отдалён от человека непроницаемым мраком, тьмой.

Отсюда многие выводят такое заключение, что или нет Бога, или для человека нет никакого пути к Богу. Первое заключение есть исповедание атеистов, а второе – исповедание пессимистов. Если нет Бога, или нет пути к Нему, то нет никакой религии или все религии – суть глупость и обман. И, однако, *это несомненный факт, что для человека невозможно освободиться от сознания своей ответственности пред Богом*. Есть такие грехи, которые грифелем Бога настолько глубоко врезаны в нашей совести и в нашей памяти, что их не может изгладить ни время, ни легкомыслие, никакая философия. Неожиданно и моментально, как по искре электрической, восстают они там, и самый дерзкий атеист содрогается перед невидимым Судьёй. Эти факты, а также наша человеческая слабость, бессилие и беспомощность в многочисленных случаях, и всего более в смертной опасности, снова обращали всегда человека к Богу и побуждали его искать

Его, служить Ему и чувствовать свою зависимость от Него. А этим доказывает человек, что религия для него есть неотразимая потребность. Даже сам Вольтер, этот насмешник и отрицатель религии и новейшего времени язычник – и тот в месте последнего своего жительства устроил римскую капеллу.

Христианская религия основывается не на общих психологических явлениях, как религии языческие. Она не есть какое-нибудь неопределённое чувство, как религии народов, которым Бог судил идти своим собственным путём. *Но она не есть и результат, вывод знания, науки. Христианская религия есть религия богооткровенная.* Так как человек своими собственными средствами Бога найти не может, то Бог вышел из Своей сокровенности и открыл Себя ему посредством Своего Сына Иисуса Христа. Христианская религия основывается на исторических фактах. Эти последние не могут быть наукой ни доказываемы, ни отвергаемы. Ни одной науке, и самой даже истории, не удалось доказать хотя бы какой-нибудь единственный факт в подтверждение того, что Божественного откровения не было. Наука может *утверждать*, что откровений Бога не было, что это выдумка, неправда или что они невозможны, но не может доказать этих утверждений.

Чтобы понять Божественные откровения, для этого кроме пяти чувств и кроме своего душевно человеческого ума, коим человек исследует творение, ему нужно шестое чувство, именно – *вера*. Вера есть соединение всех человеческих способностей и сил, проникнутое и освящённое благодатью Святого Духа Божия. Вера есть чудо, новое творение Божие. Верой человек тяготеет к Богу, как младенец к груди своей матери. В Священном Писании Бог предлагает нам, так сказать, Свою грудь. Оно (Священное Писание) есть откровение Бога. Самое первое, что делает человек, который припадает в своей вере к груди Бога – это не то, что он исследует, производит, но что он пьёт.

Питание грудью Бога – это и есть религия христианская, а питание из недр земли – это религия материализма. Через питание от Божественной груди человек делается причастным Божественной природе, подобно тому, как ребёнок всасывает в

себя вместе с молоком и природу матери. Бог приемлет его в Своё общение, так что он может служить и поклоняться Ему духом и истиной.

Священное Писание есть собрание Божественных откровений. Оно есть и источник христианской науки. Без него нет никакой христианской науки, религии. Та наука, которая отвергает Священное Писание, как откровение Самого Бога, и превращает его в простую историю культуры, разрушает христианскую религиозную науку. Ибо способ и метод этой науки совсем не таков, как у земных наук. Здесь нет никаких доказательств и открытий при помощи человеческих средств, орудий, препаратов, экспериментов и наблюдений. Все наблюдения или опыты христианина производятся Духом Святым в личном общении с Богом. Высший пункт христианского религиозного наблюдения изображается апостолом Павлом, когда он говорит: *«Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: «Авва Отче!» Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божи»* (Рим.8:15–16). Это – более чем математическая точность.

Что предлагает Священное Писание, всё это суть откровения, не нуждающиеся ни в каких доказательствах. Вера понимает их и живёт ими, неверие же критикует и ненавидит их, но пребывает в смерти. Там где неверие делает Священное Писание предметом исследования по примеру и методу человеческих наук, там оказывается жалкая обезьянническая мудрость, бред и обман. Ибо у неверия совсем нет того чувства и ума, которому доступно было бы откровение и которое могло бы постигать Божественное.

Христианская богооткровенная религия и человеческая наука поэтому ничего общего между собой не имеют, ибо наука занимается тварью, религия же занимается Творцом и его подобием – человеком.

Сущность отношения между Богом и человеком получила классическое выражение в слове Иисуса, которое звучит и во всём Ветхом Завете: *«возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим... и ...ближнего твоего, как самого себя; на сих*

двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф.22:37–40). Апостольская же проповедь сводится к словам апостола Иоанна: «В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши. Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас» (1Ин.4:10, 19).

Против этой религии любви к Богу и ближнему ни одна наука не может сделать какого-либо возражения. Никакая наука не может отрицать Бога, но каждая из них вопрос о бытии Бога должна, по крайней мере, оставить открытым и признать, что тот, кто верует в бытие Бога, поступает совершенно разумно, если от всего сердца любит Бога, Творца неба и земли, а ближнего, это подобие Бога, как самого себя. Последним завещанием Иисуса Христа ученикам было: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Ин.13:34). Можно ли на земле оставить лучшее и более разумное духовное завещание, как эта заповедь?

Кто носит в себе эту сущность христианства, тот и есть истинный христианин. Каждый истинный христианин является образом любви к Богу и ближнему и представляет вместе с тем в своей жизни характеристический знак христианской религии. «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин.13:35). Кто этой печати не имеет, тот не есть христианин и не имеет христианской веры.

Такова наука христианской религии.

III. Наука и религия

В каком отношении находятся между собой наука и религия (мы говорим только об откровенной религии Иисуса Христа)? Всеобщей или универсальной науки нет. Ибо где нашёлся бы такой человеческий мозг, который мог бы вместить в себя весь мир, самое малое и самое большое, отдельное, как и целые народы со всеми их названиями. Даже совокупность всех представителей науки не в состоянии создать такую науку или «пансофию». Знаменитый Амос Коменский всю жизнь носился с этой идеей и, однако ж, должен был сойти в могилу в глубокой старости, не осуществив её.

Несомненна и непреложна мысль апостола Павла, что мы познаём здесь только *«отчасти»* (1Кор.13:9–12). Наше знание есть частичное дело. Наглядные примеры истинности этого положения дают нам наши научные словари или лексиконы. Они предлагаются нам как общие источники науки. Но если хочешь основательно изучить на земле один только какой-нибудь предмет, то находишь себя вынужденным штудировать различные отделы и всё-таки, в конце концов, ничего не узнаешь о целом. Частичный характер учёных произведений доказывается и тем, что едва закончен бывает учёный труд, как уже является нужда в пополнении его и не только в дополнениях, но и в исправлениях.

Таким образом, никто не может говорить о науке как единственном систематическом и полном познании мира. А кто это делает, тот не знает её и совершает с ней такое же идолослужение, как ефесяне с Дианой (Артемидой). Так же мало оснований говорить о какой-нибудь отдельной науке, как о совершенно полной и законченной. Во всех отдельных науках, сколько бы в их области ни работали, есть нечто ещё несовершенное. Однако новое язычество идолопоклоннически говорит о таковой именно науке и, прославляя ее, дерзает провозглашать, что будто она всё узнала и Самого Бога сдвинула с Его Божественного пьедестала, лишив Его славы и величия. На место древних языческих идолов ставят теперь

науку как главную богиню, а отдельные отрасли как её спутников и телохранителей. Этому новому кумиру оказывают безусловное доверие, и иной из присягнувших науке едва ли в состоянии объяснить первые положения Коперниковской системы, а между тем беззастенчиво ругает Библию за то, что она заставляет солнце вращаться вокруг земли. Таким образом, в наше время снова исполняются слова Священного Писания: *«Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки»* (Рим.1:25), и *«как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце»* (Рим.1:21).

Ибо наука есть Бог, Он есть самая универсальная, всемирная наука; ибо Он Творец и интеллектуальный виновник всего творения, следовательно, Он необходимо должен быть содержанием всех наук. В Нём заключаются последние основания (конечные причины) всего сотворённого, и Его Божественная печать лежит на всём их существе, и Его закон управляет ими. Законы природы суть законы Бога, Творца её. Они суть не что другое, как *домостроительство Бога*. Как хозяин дома стоит выше домашнего порядка, так и Бог стоит выше законов природы. Законы, по которым Он управляет природой, стоят в аналогии с теми законами, по которым Он управляет духовно-нравственным миром. Основные законы и правила нравственного мира суть десять заповедей, Божественное удостоверение которых мы носим в своей совести. Поэтому между Богом и истинной наукой не может быть никакого противоречия. Точно так же нет никакого действительного противоречия и между богооткровенной религией и наукой. А где таковое существует, там или науки и их выводы неправильны, или неправильно суждение человека и его понимание откровения. Слово Божие ничего не заключает в себе неистинного.

Положительные (чистые) науки в своих объективных и неоспоримых выводах ещё никогда не стояли в противоречии с Библией. Науки же, которые основывают своё здание (систему) на недоказанных предположениях и покрывают их смелыми

утверждениями, не должны с такой надменностью утверждать, что они своими исследованиями и выводами якобы доказали неправоту Библии и совершенно опровергли её. Такова, например, система дарвинизма и монизма, бреднями которого мы теперь уже положительно отказываемся во всяком признании их как науки. Даже новейшая наука начинает пробуждаться от её дарвинического сна и стыдиться за него. Бог, Который есть содержание всех наук, никогда Своим словом не становился в противоречие ни с Самим Собой, ни со Своим творением. Ибо Он есть Существо Совершенное, Которое не может ни лгать, ни ошибаться подобно человеку.

По свидетельству слова Божия, в мире между творениями Бога теперь нет ничего совершенного. Этот мир со всеми его творениями вышел из Божественной колеи, а потому в нём так много неясных и неразрешимых загадок. Вышел из своей колеи и человеческий организм, как по своему телу, так и по душе, и по духу. Как грешник, он потерял органическую связь с Богом, а вместе и свой жизненный нерв. Вместе с тем он потерял и первоначальное своё отношение к твари. Ум его помрачился, и мировоззрение изменилось. Он перестал теперь быть свободным господином твари, который господствовал над ней абсолютным превосходством своего ума. Кого же может удивить то, что он в таком состоянии никогда не может близко подойти ни к непогрешимой универсальной науке, ни к полноте и совершенству какой-нибудь её отдельной отрасли. Его знание в этом всегда остаётся несовершенным, частичным знанием. Каждый честный представитель науки сознаёт это и ясно убеждается, что змий, обольстивший прародителей, и теперь продолжает своё дело, когда говорит: «Вы будете, как Боги, и всё будете знать, что знает Бог».

То, что человек узнаёт теперь из науки, он необходимо должен большей частью подслушивать на окольных дорогах и достигать путём произведения многих опытов над тварями, иногда же это бывает и чисто случайно. Когда делается какое-нибудь новое открытие в природе, то испытывают почти такое чувство, что будто при этом совершено хищение в природе. И, однако, человек по Божественному определению есть

естественный её господин. Если он путём исследований, наблюдений и открытий делает из неё полезное употребление, то он восстанавливает этим своё потерянное право. Что первоначально он мог делать непосредственно и без труда, это он должен добывать теперь окольными, так сказать, путями, с употреблением иногда немалого труда и усилий. Собственно говоря, право это чисто религиозное, ибо оно было определено и даровано ему от Бога, и дар познания и исследования есть Его дар. Истинная наука – в её связи с Богом и в подчинении Ему и Его откровению; удел религии – в связи с Богом, её труды и старания были бы богослужением, а богопознание и общение с Богом её целью и наградой.

Так понимали науку самые лучшие и самые известные представители её, которые покоились на груди Бога и воспринимали своим умом Его откровения. Они жаждали не исследования только тайн природы и творений, но как лань жаждет к потокам воды (Пс.41:2), так и их душа жаждала и томилась о Боге Творце своём. Их наука была для них преддверием во Святилище Божие, в коем они созерцали и воспевали славу Того Бога, Который в Священном Писании говорил им человеческим голосом.

В заключение я желал бы дать ответ на два практических вопроса сюда относящихся.

Первый – это о социал-демократическом боевом слове: «Религия есть частное дело». Я доказал, что религия в своём происхождении есть действительно интимнейшее дело, какое только может быть у человека. Религия имеет своим делом отношение человека к Богу – это есть чисто личное дело сердца, которому отвне ничего нельзя ни повелеть, ни запретить. Но отношение Бога к человеку подчиняет себе всю внутреннюю жизнь последнего. Поэтому это отношение не может быть скрыто внутри и не обнаруживается вовне. Религия обязывает и понуждает человека к известному образу действий, ибо религия Христа не есть бесплодная философия, но она есть высоко практического характера и находится в связи со всей социальной жизнью.

Христианин требует не одной только свободы мысли, но и свободы действий, как повелевает ему его совесть. Если бы когда-нибудь и как-нибудь осуществилось будущее социал-демократическое государство и захотело бы сделать своим государственным законом такое положение: «Религия есть частное дело, и потому строго воспрещается всякое проявление её вовне», – то оно вступило бы в борьбу на жизнь и смерть с религией, этой весь мир победившей силой, и тогда получилась бы такая же картина, как в первые века христианства, тогда снова подтвердилась бы та старая истина, что кровь мучеников есть семя Церкви. Эта борьба началась бы из следующих трёх точек отправления:

а) из законодательства вообще. Законы, которые идут против слова Божия и совести, встретили бы со стороны христиан резкий протест в защиту апостольского слова: *должно повиноваться больше Богу, нежели человекам*» (Деян.5:29). Христиане никогда не позволили бы, например, запрещать христианскую литературу, а также Библию и её распространение.

б) в принципе христианской религии лежит пропаганда, то есть обращение неверующих и нехристиан. Это есть не только прямая заповедь Спасителя ученикам Своим, но для самих учеников Иисуса это есть естественная необходимость, неугасимая потребность и невыразимое счастье везде и всюду, где только есть возможность делиться с другими тем сокровищем, коим они обладают благодаря христианской вере. *Внутренняя и внешняя миссия есть первая и самая святая обязанность и задача христианской Церкви*. Христиане в социал-демократическом государстве никогда не помирились бы с таким законом, который воспрещает исполнение этой задачи.

в) Дух Христов, который обитает во всех истинных христианах, есть общность творческого духа. *«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»*, – сказал Христос (Мф.18:20), то есть где два или три истинных ученика Иисуса собрались для молитвы, для богослужения, там уже составляется христианское общество (Церковь) во главе со Христом. Следовательно, христианская религия необходимо

должна в своих собственных интересах требовать от нового государства разрешения таких богослужебных собраний. Если же ей в этом было бы отказано, то это вынудило бы христиан к нарушению государственных законов.

Вот почему положение: «религия есть частное личное дело» – не может быть с достаточной последовательностью проведено в жизнь.

Социал-демократия выдаёт религию за частное дело, а между тем сама же требует всеобщего, принудительного воспитания детей. Этим она становится в резкую противоположность к первым основным принципам христианской религии, ибо эти последние решительно требуют свободного христианского воспитания детей. Конечно, нельзя от социал-демократического государства требовать, чтобы его школы были школами христианскими, но было бы с его стороны несправедливо принуждать христианских родителей воспитывать своих детей в безбожных государственных школах. Христианская религия потребует поэтому в противовес религиозному государственному насилию полной свободы для воспитания своих детей. Если бы социал-демократическое государство в отношении воспитания захотело пустить в ход свою принудительную силу, то ему пришлось бы повстречаться с крайне резким отпором и противодействием христианских родителей.

Второй вопрос, который подлежит нашему разрешению с точки зрения христианской религии таков: совместима ли христианская религия с социал-демократией? Или другими словами: может ли истинный христианин быть социал-демократом? – Высшее благо для христианина есть Бог. Высшая цель, центр тяжести его существования есть общение с Богом, первое условие его жизни есть мир его души в Боге и с Богом. Вот его духовные и вечные блага. Путь или, так сказать, маршрут его временного бытия есть слово его Учителя: *«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»* (Мф.6:33). Земная и временная жизнь его есть приготовление для жизни вечной. Самостоятельного значения всё временное для него не имеет, оно для него –

только билет, а вечное – ставка на выигрыш. С этой точки он обсуждает и оценивает интересы того и другого. Насколько вечность дольше и важнее, чем краткие годы земной жизни, настолько важнее и дороже интересы вечности. О временной жизни он заботится и работает настолько, насколько требует от него обязанности его звания, ибо он хочет быть верным и в самых маловажных своих обязанностях. Это направление христианина в наше время следует всячески поддерживать, так как интересы временной жизни приобретают такой перевес, как бы они имели вечное значение. Даже такой прогрессивный человек, как канцлер немецкого государства Гогенлое, и тот в последние дни своей жизни засвидетельствовал об этом, когда сказал: «Я состарился в вере в прогресс человечества, в возрастающий прогресс. Но теперь я вижу и сознаю, что моя вера в последние годы несколько поколебалась. Борьба за существование в последнее время приняла такое направление и такую форму, которая приближает нас к царству животных и даёт основание убеждаться в прогрессе по нисходящей линии».

По этой главной точке зрения определяется место и отношение христианина к социальным и политическим стремлениям, которые вечную жизнь или отвергают и, следовательно, совершенно не берут в расчёт, или, по крайней мере, земные интересы ставят так высоко, как бы они были вечными. Насколько известно о социал-демократии, как целой партии, она держится историко-атеистического материализма; она, как партия, отвергает личное продолжение жизни по смерти, её небесное царствие – есть земля, социалистическое государство. Эта точка зрения предполагает безусловное отрицание и уничтожение христианства. При таком положении дела для христианства невозможно принимать участие в политической жизни такой партии, для которой не существует вечной жизни, которая единственную цель и счастье человеческого бытия полагает в достижении земных интересов. Ибо *«если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков»* (1Кор.15:19). Соответственно этой точке зрения определяется вообще участие христианина в политической и партийной жизни. Он всегда как можно дальше

будет держать себя от тех политических стремлений, при которых смущается его совесть, возмущается мир его души и нарушается общение его с Богом. А это можно наблюдать везде, где возрастает увлечение скоропреходящими земными предметами и тускнеет взор на Бога и вечность. Он всю свою жизнь отдаёт в руки Бога. К Нему он, как дитя к своему Отцу, и обращается всегда во всех своих нуждах и заботах.

Итак, кто жаждет Бога и льнёт к Нему, как ребёнок к груди своей матери, тот пусть вознесёт со мной такую молитву: *«Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной, чтобы видеть силу Твою и славу Твою, как я видел Тебя во святилище: ибо милость Твоя лучше, нежели жизнь. Уста мои восхвалят Тебя. Так благословлю Тебя в жизни моей; во имя Твое вознесу руки мои. Как туком и елеем насыщается душа моя, и радостным гласом восхваляют Тебя уста мои, когда я вспоминаю о Тебе на постели моей, размышляю о Тебе в ночные стражи, ибо Ты помощь моя, и в тени крыл Твоих я возрадуюсь; к Тебе прилепилась душа моя; десница Твоя поддерживает меня. А те, которые ищут погибели душе моей, сойдут в преисподнюю земли»* (Пс.62:2–10).

О праве церковного отлучения, или анафематствования

Ни одно из действий церковной власти не порождало и не порождает в христианском обществе столько недоразумений, ропота и недовольства и не подвергалось и не подвергается таким нападкам со стороны свободно, но неправомыслящих людей, как наложение отлучения от Церкви, произнесение анафемы. Одни, не имея правильного понятия о значении, духе и характере церковного отлучения, смотрят на него как на действие, не соответствующее духу христианской любви, и возмущаются мнимой жестокостью, которую Церковь в данном случае доводит будто бы до крайности; а другие, хотя и отдают ему справедливость, как внешней дисциплинарной мере, но отрицают в нём то, что составляет существенную принадлежность его, отрицают внутреннюю силу и действительность отлучения; некоторые же до того простирают посягательство своё на церковное отлучение, что отвергая богооткровенное происхождение церковного отлучения, называют его изобретением средних веков, порождением варварского времени, самовольно захваченным духовенством в свои руки оружием, служащим опорой для иерархического деспотизма, который якобы не хочет признавать никаких прав за подчинёнными.

Но говорить так — значит допускать такую несправедливость, больше которой трудно себе что-нибудь представить. Ибо наказание церковного отлучения так же древне, как и сама Церковь. Существенные элементы его в нашей Восточной Православной Церкви были одни и те же во все времена, а если где и были изменения и добавления, то это не более как неизбежные результаты, с внутренней необходимостью вытекающие из первоначальных принципов и воззрений. Равным образом, при ближайшем исследовании дела не оказывается здесь ни малейшего следа жестокости, злобы и иерархического деспотизма, напротив, нигде не ограничивается так произвол и своеволие церковной власти, как

в том пункте законоположения, где идёт дело о применении отлучения – этого самого тяжкого из всех церковных наказаний, и ничто не совершается церковным начальством с такой скорбью, как отлучение.

В предлагаемом исследовании мы намерены раскрыть истинный смысл и значение отлучения и вопреки тем предупреждениям против церковной власти и кривотолков, которые так громко раздаются, особенно после послания Святейшего Синода о графе Льве Толстом, доказать Божественную инициативу этого наказания, его необходимость и целесообразность и показать, что оно проистекает не из чувства ненависти и злобы, а из христианской любви, сострадания и милосердия и в отношении гуманности стоит несравненно выше всех постановлений новейшего уголовного уложения.

Понятие о церковном отлучении

Всякое человеческое общество, установившееся с какой-либо внешней целью, имеет полное право исключать из среды своей тех из своих сочленов, которые не только не исполняют принятых на себя обязанностей, но и противодействуют стремлениям общества, задерживая, таким образом, достижение намеченных целей. Изъятие подобных членов из общества и лишение их тех выгод и преимуществ, какие доставляет оно своим соучастникам, отнюдь, конечно, не бесчестное дело. Оно не противно ни справедливости, ни правосудию и служит необходимым для общества средством к его благосостоянию и самосохранению. И нет мало-мальски благоустроенного общества, которое не пользовалось бы этим правом и при своём основании не уполномочивало бы своих представителей и руководителей делать из него в необходимых случаях надлежащее употребление. Им пользуются не только одни небольшие кружки, но и целые государства, когда настает нужда освободиться от вредных сочленов, посредством ссылки, заточения и, в крайних случаях, посредством даже смертной казни.

Если же, таким образом, право изъятия или отлучения есть естественное, в самой природе вещей лежащее право, если оно существует и у внешних союзных обществ, преследующих только внешние, материальные интересы и располагающих вдобавок другими действительными мерами к достижению их – то тем более уместно и необходимо право отлучения в религиозных обществах, которые зиждутся единственно на нравственных началах, имеют высшие нравственные задачи, для достижения которых употребляют только нравственные средства. Право исключать из среды своей тех из членов, которые своим неблагоповедением, несоблюдением общественных правил и законов являются соблазном для других и наносят вред религии, служит в таких обществах главным условием их благосостояния, единственным средством сохранить свою честь и достоинство, а изверженных привести к

раскаянию и исправлению. Поэтому если не во всех, то, по крайней мере, в очень многих из древних языческих религий существовали такие учреждения и обряды, которые тесно связаны с этим правом отлучения, как свидетельствует об этом история.

У египтян, например, не позволялось входить в храмы пастухам свиней. У персов маги не допускали к участию в жертвоприношениях людей, покрытых струпьями или имевших на лице сыпь или какие-нибудь болезненные проявления, равно как и тех, над которыми ещё при жизни их совершён был погребальный обряд. У скифов не принимались жертвоприношения от тех, которые не убили ни одного из своих неприятелей. У греков отлучение налагалось на важных преступников, с общего согласия народа, и совершаемо было жрецами самым торжественным образом, после чего имя отлучённого вырезалось на каменных столбах и таким образом передавалось потомству, как самое страшное и омерзительное. О галлах Юлий Цезарь замечает, что если кто не подчинялся у них распоряжениям и постановлениям их жрецов-друидов, того устранили они от участия в богослужениях, и это почиталось у них величайшим из всех наказаний. На такого человека смотрели как на отъявленного злодея и нечестивца. Его все избегали, никто не вступал с ним ни в какое общение, боясь подвергнуть себя через это какой-либо опасности. Ему отказывали в суде и не удостоивали никаких почестей. Особенно же так поступали с людьми упорными, не поддававшимися никаким мерам исправления. У древних германцев трусость на войне признавалась за великий позор и самое тяжкое преступление. Кто, оставляя меч на поле битвы и бросая оружие, обращался в бегство, на того смотрели как на самого бесчестного человека, его отлучали как преступника от всех богослужебных действий и жертвоприношений и не допускали ни к каким публичным собраниям. Он был предметом всеобщего презрения, и нередко такие люди, чтобы положить конец своему тяжёлому положению, решались на самоубийство.

Существовало подобного рода отлучение от религиозного и политического общения и в Римском государстве. Известно, что

отношения между патроном и клиентом у римлян почитались священными, тот и другой взаимно предохраняли себя во всех обстоятельствах жизни и оказывали друг другу взаимную помощь, никто из них не смел приносить на другого жалобу или давать на суде показания не в его пользу и вообще становиться на сторону его противника. А кто нарушал это право, того по закону признавали у них за изменника – его назначали в жертву подземным богам, исключали как беззаконника из общества, и каждый мог убить его безнаказанно. Если автор, сообщаящий это, вслед за сим присовокупляет, что посвящать тела безнаказанно убиваемых преступников в смысле жертвы подземным богам было обычаем римлян, то этот обычай мы находим вторично в позднейшей истории Рима. Divis devovere – посвящение фуриям было не что иное, как торжественное изъятие преступника из человеческого общества. Можно бы представить и ещё несколько исторических доказательств на это, но и приведённых достаточно, чтобы видеть, что отлучение от религиозного общения преступников и нарушителей Божественного закона уже и в языческих религиях почиталось естественным и необходимым правом. И если мы не хотим утверждать, что это учреждение имело одну только нравственную сторону без всякого политического характера и везде существовало в определённой и постоянной форме, то никто, равным образом, не будет отвергать в нём ближайшего сходства с церковным отлучением. Это отлучение ведёт своё начало от самых первых времён человеческого рода. Первообразом его является грозное осуждение с его роковыми последствиями, которые произнёс Сам Творец на наших прародителей по их грехопадению: *«И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни»* (Быт.3:23–24). Это изгнание из Рая есть первое отлучение человека от непосредственного общения с Богом, сопровождавшееся для человека тяжёлыми последствиями. Близкий доселе к Богу, он стал далёким от Него, чуждым Ему рабом Его. Он лишился прежних своих

преимуществ, и проклятие (что равносильно отлучению человека от Бога) отсекает тяготеет над всей землёй. Лишившись непосредственного руководства Божию, он чаще и чаще нарушал теперь волю Божию, глубже и глубже падал нравственно, а чем глубже были эти падения, тем грознее раздавался голос Владыки Бога, подвергавшего человека наказанию за всякое преступление против Его закона.

Ветхозаветная история немало даёт нам примеров таких наказаний или отлучений, совершаемых Самим Богом. Так, после проклятия, бывшего ещё в Раю, в наказание за первое грехопадение прародителей (Быт.3:14–24), Он изрекает проклятие на первого сына прародителей, на братоубийцу Каина: *«и ныне, – говорит Он ему, – проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей... ты будешь изгнанником и скитальцем на земле»* (Быт.4:11–12). А затем во Всемирном потопе истреблено было, как недостойное милости Божией, всё развращенное человечество, за исключением Ноя с семейством. После потопа, когда вновь размножившееся человечество не оказалось лучше, мы снова видим целый ряд отлучений, исходивших от Самого Бога, а позже произносимых от Его имени верными рабами Его в лице первосвященников, пророков и благочестивых царей. Эти отлучения были или общие, каково, например, проклятие, произнесённое Моисеем на преступников закона: *«Проклят [всякий человек], кто не исполняет [всех] слов закона сего и не будет поступать по ним!»* (Втор.27:26, ср. Втор.28:15–68), а также Иисусом Навином на Иерихон (Нав.6:16), или частные – в отношении к определённому лицу, каковы, например, отлучение и казнь Корея Дафана и Авирона (Числ.16:1–40), отвержение Саула (1Цар.15:10–33) и др. Эти-то и другие, подобные им, непререкаемые в своём Божественном характере и действенном значении примеры отдельных и как бы случайных отлучений и положены были в основу того обряда отлучения от религиозного общения, какой существовал у иудеев после пленного периода.

Уже Ездра ясно упоминает об этом учреждении как о действительно существующем (2Езд.9:9), а позднейшие

раввины во многих местах Талмуда сообщают о нём подробные и обстоятельные сведения. Иудейское отлучение, по свидетельству Талмуда, имело три степени. Самая низшая из них называлась «нидуи» (nidui от nidoa – отделять, исключать, выгонять, по-гречески «афоризин», см. Лк.6:22) и состояла в том, что подвергшийся этому наказанию отлучался на тринадцать дней от сообщения с другими и никто, кроме жены и детей, не смел подходить к нему ближе, чем на четыре фута. Ему не позволяли ни стричься, ни бриться, ни мыться и вместе с тем обязывали носить траурную одежду. Кто умирал в отлучении, на гроб того суд повелевал бросать тяжёлые камни в знак того, что он достоин побиения камнями. Никто не смел ни сопровождать праха его на могилу, ни оплакивать его смерти. Посещение храма отлучённым этой степени хотя и дозволялось, но существовали особенные ворота, через которые они должны были входить в храм и выходить из него. Принимать и оказывать услуги, давать наставления и выслушивать ответы отлученному, хотя не воспрещалось, но с непременным соблюдением узаконенного правила, то есть на расстоянии четырёх локтей. Раввины насчитывают 24 греха, за которые подвергали малому отлучению, например: сопротивление мирскому или духовному начальству, богохульство, клятвопреступление, свидетельство против единоверцев перед языческими судьями, продажа язычникам недвижимого имущества и т.д. Каждое частное лицо имело право подвергнуть этому наказанию другое, только при этом оно обязано было представить достаточно уважительную причину. Если же оно не было в состоянии сделать этого, то само подвергаемо было подобному наказанию. Если это отлучение налагало не частное лицо, а суд, то при этом делались всегда предостережение и особый вызов в суд. Отлучённый освобождается от наказания только тогда, когда обнаруживал искреннее раскаяние и решительное обещание исправиться. Если же он не делал этого в продолжение 30 дней, то срок отлучения увеличивали иногда на 60, а иногда на 90 дней, а если и после этого он продолжал упорствовать, то его подвергали великому отлучению, которое называлось «херем»

(cherem от charam – выбрасывать, извергать, по-гречески «экв́алин» см. Лк.6:22). На этой второй степени отлучение всегда соединяемо было со многими и ужасными проклятиями, причём всегда публично, обнародовался приговор с обозначением его оснований. Производил этот приговор суд, но когда какие-либо обстоятельства не позволяли суду довести дело до конца, то для продолжения его нужно было соединиться, по крайней мере, десяти членам общества. Действия черем состояли в совершенном исключении осуждённого из общества, в совершенном устранении от религиозного общения, в строжайшем запрете всякого сношения с ним, а иногда и в конфискации его имущества. Отлучённый не имел права ни учить, ни учиться, ни принимать услуг, ни оказывать их другим. Никто не смел подходить к нему за исключением тех только случаев, когда нужно было доставлять ему необходимые средства к жизни. Кто осмеливался вступить с отлучённым в общение, тот сам подвергался такому же наказанию. В случае исправления и чистосердечного раскаяния отлученного его разрешали от наказания, и это разрешение совершалось той же высшей властью или тем же самым лицом, которое и определяло наказание. Разрешительная формула очень краткая и простая: *absolution tibi est et remittitur*. Отлучение в этой последней степени имело такое значение, что отлучаемому во имя Божие воспрещалось возвращение в общество верующих навсегда, и он представлялся уже суду Божию. Действительно ли словом "*шаммата*" обозначается последняя и самая тяжкая ступень отлучения, или же это наказание тождественно с *нидуи* – вопрос этот, бывший долгое время предметом спора учёных, не приведён к окончательному решению, но для нашей цели это и не существенно важно. Нам довольно знать, что отлучение у иудеев существовало, и существовало в довольно определённой форме, и что это наказание вызывалось обстоятельствами и внутренней необходимостью, как неизбежное средство для поддержания общественной дисциплины и порядка.

Если, таким образом, все вообще внехристианские религии, не только языческие, а и богооткровенная иудейская

ветхозаветная, в интересах своей чести и достоинства, и в видах исправления порочных членов своих, находили нужным исторгать их из среды своей – отлучать, то точно так же и христианская Церковь, как общество верующих, должна пользоваться этим средством, и пользоваться тем в больших размерах, чем труднее исполнение её нравственных требований для естественного человека и чем менее присущи ей, как чисто духовной власти, внешние принудительные, насильственные меры. Уже в том обстоятельстве, что она посредством крещения свободно принимает в свои недра всякого, кто исповедует её учение и обещает исполнять её заповеди, заключается вместе и естественное для неё право, полномочие отторгать от недр своих тех из сочленов, которые ниспровергают её учение и вредят её дисциплине, так что если бы Божественный Основатель Церкви и не сделал в этом отношении никакого особого постановления, то обстоятельства религиозной жизни сами собой вынудили бы церковную власть сделать из этого естественного права практическое употребление, и это было бы вполне законно и справедливо.

Но как ясно вручил Господь апостолам и их преемникам право и власть крестить и, таким образом, вводить в Церковь достойных, так точно ясно же уполномочил Он их и отлучать от неё недостойных. Ясное указание на дарование Господом Церкви этого последнего полномочия находится в заповеди Его, записанной в Евангелии от Матфея: *«Если же согрешишь против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего»* (Мф.18:15). Таковы первые слова этой заповеди, они означают, что если ближний твой обидит тебя словом или делом, или причинит какой-нибудь вред, то не переноси этого дела в суд тотчас же, но стань прежде глаз на глаз с обидчиком, объясни ему его неправоту и постарайся сам лично склонить его к миру, раскаянию, исправлению. Если успеешь в этом, то ты спас его, произвёл в нём нравственный переворот и возвратил на путь добра, ибо, как говорит святой апостол Иаков: *«обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов»* (Иак.5:20); «если же не

послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово» (Мф.18:16), – продолжает Господь, то есть если первая попытка твоя к обращению грешника останется без последствий, то усугубь свои увещания, поставь дело гласно, сделай обидчику наставление при свидетелях, чтобы слова твои в их присутствии имели более силы и он, видя их единомыслие с тобой, тем скорее пришёл к сознанию своего греха и исправлению, ибо Спаситель – как говорит святитель Иоанн Златоуст – ищет пользы не оскорблённого только, но и оскорбившего. *«Если же не послушает их, скажи церкви»* (Мф.18:17), то есть если и перед лицом свидетелей останется он непреклонным, а твои убеждения к исправлению без успеха, в таком случае ты вправе заявить об этом обстоятельстве представителям Церкви, дабы эти последние, в присутствии общества, ещё публичнее и убедительнее сделали ему вразумление и ещё настойчивее потребовали от него исправления. *«Если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь»* (Мф.18:17), то есть если он настолько окажется закоснелым в своём порочном направлении, что пренебрежёт и священным авторитетом церковных представителей, окажет и им явное и упорное сопротивление, тогда уже представители Церкви вправе отлучить его, как упорного и неисправимого, от своего общества и низвести его на степень таких людей, которые совсем не принадлежат к Церкви.

Что в таком именно, а не в другом каком-нибудь смысле нужно понимать приведённые слова Христовы: «ἐσὶν οὖν οἱ ἄποστολοι καὶ οἱ ἐκκλησίαι» – *«будет он тебе как язычник и мытарь»* – это не подлежит сомнению. По связи речи, их нельзя понимать в том смысле, что если согрешивший брат не послушает и Церкви, то ты, обиженный, вправе смотреть на него как на бесчестного человека и, прервав с ним всякое общение, оставить его на его нечестивом пути, как это утверждают протестанты. Здесь Господь говорит о решении дела Церковью – следовательно, о деятельности пострадавшего истца тут не должно быть и речи. Представители Церкви, долгом служения своего призванные к обращению грешника на путь спасения,

делают ему наставления – напоминания об его обязанностях и предостережения от опасности, стараясь склонить его к раскаянию. Если же он на всё это отвечает упорством и сопротивлением, то они именно и имеют право в деле сопротивляющегося их власти и авторитету идти далее и произносить окончательный судебный над ним приговор: «ἔστο σὶ ὄσπερ οὐρανὸς ἐπὶ τῆς γῆς». Что в данном случае имеются в виду действительно представители Церкви, как действующие лица, это ясно вытекает и из непосредственно следующих за этим слов Спасителя (Мф.18:18), в которых Он, обращаясь к апостолам, говорит: *«Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе»*; слово «имίς», стоящее здесь параллельно предыдущему слову «ἐκκλησία» (Церковь), ясно указывает на одинаковую деятельность как для этой (Церкви), так и для тех (апостолов). Если при настоящем вязании действующими лицами и судьями, решающими дело и определяющими наказание, являются апостолы, то то же самое содержится и в более общем выражении «ἐκκλησία».

Что же касается до самого судебного решения или приговора, определяемого здесь церковной властью, то несомненно, что под ним разумеется отлучение от Церкви, анафема и слова: «ἔστο σὶ ὄσπερ οὐρανὸς ἐπὶ τῆς γῆς» суть не что иное, как прямая заповедь Спасителя об отлучении. В самом деле, если мы поближе рассмотрим политическое и религиозное отношение, в каком находились иудеи к язычникам и мытарям, то нас поразит здесь резкий рубеж разобщения и взаимного исключения. Иудеи в высшей степени ненавидели и презирали язычников, как не принадлежащих к избранному народу Божию, а язычники, в свою очередь, совершенно уклонялись от внешних сношений с иудеями, как с враждебным им племенем человеческого рода; и эта неприязнь их была так велика, что язычник в случаях даже самой крайней нужды не решался не только просить каких-нибудь услуг у своего соседа-иудея, но и принимать их, хотя бы они предлагаемы были ему без всяких с его стороны домогательств. Он готов был скорее в совершенной беспомощности предать себе воле судеб, чем нарушить заветный обычай своей нации. Точно так же и мытари

были предметом всеобщей ненависти и презрения (Мф.9:10, Лк.7:34), частью по причине тех несправедливостей и притеснений, какие делали они при взимании пошлин, частью же, а, пожалуй, и главным образом потому, что собранное они прямо передавали на сторону римского правительства и соблюдали только его интересы. Поэтому они, как нечестные люди и вымогатели, с одной стороны, и как изменники своего народа и религии, с другой стороны, настолько были ненавистны для всех, что считалось за грех иметь с ними какое-либо общение. Иногда их даже подвергали, как врагов своей религии и своего племени, формальному отлучению от религиозного общения в синагогах. Если же такие именно, а не другие, были во времена Христа отношения между иудеями и язычниками и мытарями, то что другое Спаситель мог выразить словами: «эсто сї óспер о эфникós кэ о тэлóнис», как не уполномочение представителей общества отлучить от Церкви отъявленных и закоснелых грешников, нарушителей её законов и ставить их в такое же отношение к верующим, в каком находились язычники и мытари к иудеям, так чтобы все избегали сближения с ними и смотрели на них уже не как на своих собратий по вере, а как на чужих.

Справедливость такого понимания приведённых слов Господа явствует и из того, что данное место Евангелия понимаемо было в смысле заповеди об отлучении (анафематствовании) всей Древней Церковью, но самым непререкаемым, даже для протестантствующих, свидетелем того, что Христос в этих словах действительно понимает отлучение от Церкви и преподаёт особенное на это право апостолам и их преемникам, конечно, должен быть назван святой апостол Павел. Строгой речью упрекает он коринфское общество и его представителей в своём послании к этой Церкви (1Кор.5:1–5) за то, что они так долго терпели в своей среде кровосмесника и не удаляли его от своего общества. Что же касается его самого, то он, хотя и заочно, но давно уже определил *«предать [преступника] сатане в измождение плоти»*. Если выражение: «эрин эк мэсу имóн» (изъять из среды) и однозначашее с ним «парадúнэ то сатанá» (предать

сатане) могут быть понимаемы не иначе, как в смысле отлучения церковного, и если апостол говорит выше, что он определяет это наказание во имя и силой Иисуса Христа (эн то онóмати, син ти дина́ми ту Киríу имóн Иисú Христу), то это, несомненно, указывает на его убеждение в том, что право отлучения от Церкви имеет своё основание в Божественном учреждении и даровано Христом Его апостолам. Эта же мысль руководит им и в действиях его относительно Именей и Александра, о которых он говорит: *«которых я предал сатане, чтобы они научились не богохульствовать»* (1Тим.1:20). Ибо здесь он, хотя прямо и не говорит, что он действует именем и силой Христа, но та уверенность, та смелая решительность, с какой он совершает это дело, совершенно ясно показывают, что он вполне убеждён был в своём Божественном полномочии на это дело и смотрел на своё определение наказания как на нечто понятное само собой и непререкаемое. На своё высокое полномочие отлучать от общения с Церковью, он довольно прозрачный намёк даёт ещё, когда обращается к коринфянам с властным словом: *«Чего вы хотите? с жезлом прийти к вам, или с любовью и духом кротости?»* (1Кор.4:21). Наконец, когда после самого строгого и настоятельного убеждения коринфян к покаянию и исправлению своей порочной жизни вообще и к воздержанию от нецеломудрия и разврата в частности, он высказывает им угрозу: *«Для того я и пишу сие в отсутствии, чтобы в присутствии не употребить строгости по власти, данной мне Господом к созиданию, а не к разорению»* (2Кор.13:10), – то в этом опять заключается ясное указание на дарованную Христом ему, а следовательно, и другим апостолам и их преемникам, власть отлучать упорных и неисправимых сынов Церкви от общения с ней.

Согласно этим изречениям Священного Писания, наша Православная Церковь с самого начала существования держалась и держится того убеждения, что отлучение есть Божественное учреждение и что епископы, определяя такое наказание, действуют во имя и по поручению Бога. Священномученик Киприан не раз высказывался, что епископы имеют право и обязаны отлучать от Церкви нарушителей

Божественного закона, еретиков и соблазнительей верных, именем Христа и по Его повелению, что они не должны обращать ни малейшего внимания ни на угрозы, ни на ненависть, ни на преследования со стороны отлучаемых и ни под каким предлогом не должны поступаться своими правами, так как они действуют в данном случае властью Христа. «Бог, – говорит он – посредниками и служителями Которого они при этом являются, сохранит их» (О единстве Церкви). Блаженный Августин епископу Авксинию, отлучившему от Церкви известного Федициссима со всем его семейством без достаточных оснований, пишет, что он должен отменить свой приговор, потому что отлучение его противно как правосудию и справедливости, так и христианскому смирению и кротости; ибо он невинных подверг такому наказанию, которое будучи Божественным установлением, влечёт за собой самые тяжкие последствия, касаясь не одного только тела, но и души, делая для последней сомнительную возможность спасения. Блаженный Иероним, с употреблением буквального выражения апостола Павла, говорит: «Мне не подобает сидеть прежде пресвитера, ибо он может предать меня сатане в измождение плоти, чтобы дух спасти». Как в Ветхом Завете не повиновавшийся левитам изгонялся из стана и побиваем был камнями, так и теперь подобного рода противник усекается мечом духовным, то есть извергаемый из недр церковных предаётся во власть и на истязание злого духа. Это место даёт ясный намёк на учреждённое Самим Богом наказание смертью (Втор.17:12). Блаженный Иероним ставит это наказание по его происхождению и цели на одну степень с новозаветным отлучением, и это последнее понимает, следовательно, как Божественное учреждение. Прекрасно и недвусмысленно выражает эту мысль и святитель Иоанн Златоуст, когда, рисуя тяжёлые последствия отлучения, говорит: «Пусть никто не презирает узы Церкви, ибо вяжущий здесь – не человек, но Христос, даровавший нам эту власть, и Господь, сподобивший людей такой великой чести».

Так как Церковь право отлучения всегда понимала, как право дарованное ей Самим Христом, то она, следуя примеру

апостолов, с самого основания своего делала из этого права практическое употребление. Папа Виктор отлучил еретика Феодота – священника; Монтан и его приверженцы были подвергнуты запрещению малоазиатскими соборами; а Маркион, сын понтийского епископа, за тяжкий грех нецеломудрия отлучён был от церковного общения отцом своим. Все эти факты относятся ко II веку, и едва ли нужно замечать, что впоследствии, когда всё более и более росло число верующих членов, всё более и более ослабевала ревность по вере и упала первоначальная нравственная чистота в их жизни, употребление этого наказания становилось всё чаще и чаще.

Хотя невольное, но несомненное доказательство того, что церковное отлучение есть Божественное учреждение, даёт, наконец, и протестантская церковь. Исходя из того положения, что в учении и практике церковной можно принимать и оправдывать только то, что основано на Священном Писании, она употребляет отлучение как живую часть церковной дисциплины, как средство к сохранению последней. Как сам Лютер, так и Кальвин, на основании приведённых ими мест Священного Писания, также признавали Божественную инициативу отлучения, как и наша Православная, а затем и католическая Церковь. Согласно с последними и они приписывали ему те же самые действия, свойства и силу.

Символические книги протестантской церкви также высказываются за соблюдение отлучения, а в церковных постановлениях различных стран встречаются нередко предписания даже и о том, как, каким способом и порядком оно должно совершаться и какими словами должен произноситься приговор о нём.

Если всё сказанное нами доселе приводит нас к заключению, что отлучение состоит в совершённом устранении от Церкви, что оно основывается не на естественном только праве, но учреждено Самим Христом, то этим далеко ещё не исчерпывается понятие и содержание этого наказания. Оно состоит не в одном внешнем только изъятии или отделении от общества верующих, но сопровождается несравненно более

важными последствиями и действиями – последствиями духовно-нравственного свойства. Установив отлучение словами: *«если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь»* (Мф.18:17), Господь наш Иисус Христос присоединяет к этому такие замечательные слова: *«Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе»* (Мф.18:18). Таким образом, здесь идёт дело о таком приговоре церковного суда, о таком наказании, действие и границы которого шире, чем судебные решения мирских властей – о наказании, переходящем за пределы земного бытия, наказании, касающемся души, которое, будучи произнесено на земле, имеет подтвердиться, остаться в своей силе и на Небе. Внутренняя действенность отлучения не такова, конечно, чтобы оно само по себе, независимо от нравственного состояния отлучаемого, отделяло от Бога и лишало Божественной благодати. Если бы оно хотя бы и совершенно правильным узаконенным образом произнесено было над невинным человеком, то это нисколько не изменило бы его отношений к Богу, не отдалило бы его от Бога – только грехи могут удалять его от Бога и лишать Его благодати. Грех и произведенное им разобщение с Богом есть необходимое предположение действительного отлучения. Внутренняя сущность последнего состоит в том, что оно подвергает грешника, и без того разобщённого с Богом, ещё большей опасности и к одному его несчастью прилагает новое несчастье. Ибо оно лишает человека той помощи и благодати, которые Церковь предлагает всем своим собратям. Оно отнимает у него те блага и преимущества, которые приобретены им в Таинстве святого Крещения. Оно совсем отсекает его от церковного организма. Для отлучённого чужды и недействительны уже заслуги и ходатайства святых, молитвы и добрые дела верующих. Ему недоступно принятие Святых Таин, он лишён и тех благ, которые отсюда изливаются на верующих чад Церкви. Он оторван от Христа и Его живого Тела, от Его искупительных заслуг и тех благодатных средств, какие доставляют они человеку. Грешник и безбожный нечестивец, пока его не коснулось ещё отлучение, всё ещё член Церкви; и хотя он сам по себе уже не участвует в

её благодати, но молитвы, нравственные заслуги и добродетели его собратий могут исходатайствовать ему снова Божию милость и благоволение; отлучённому же недоступна и эта косвенная помощь, он исключительно предоставлен самому себе и, лишённый благодатных средств, всегда присущих Церкви, без опоры и помощи, без защиты и обороны, предан во власть лукавого. Таково по своему свойству наказание отлучения – наказание, поистине тяжёлое и страшное. Будучи наложено на земле, оно не слагается и на Небе, начавшись во времени, оно продолжается вечно.

С такой, а не другой точки зрения рассматривала Церковь всегда сущность отлучения, такие, а не иные она всегда признавала за ним действия и характеристические свойства. Уже апостол Павел прекрасно выражает это как передачу, вручение сатане – ибо как внутри Церкви господствует Христос и верующие члены её находятся под Его покровительством, так и вне её – царство лукавого, где господствует сатана. Изверженный из Церкви подпадает его жестокому господству без высшей помощи и защиты, как некогда дохристианское человечество, испытывает его козни и искушения и всё более и более опутывается узами греха. Не менее удачно и метко сравнивают святые отцы (например, блаженные Августин и Иероним) наказание церковного отлучения с изгнанием Адама и Евы из Рая. Как прародители наши, преступлением заповеди навлекшие на себя гнев Божий, изгнаны были из того места, где доселе беседовал с ними Бог, и, лишённые Божественной благодати, предоставлены были во всех жизненных приключениях и вражеских искушениях исключительно своим собственным силам, так и изверженный из Церкви, где он находился в живом общении с Богом, беспомощный, безоружный, предаётся во власть тёмных, враждебных сил дьявола.

Далее наказание отлучения у святых отцов Церкви нередко называется духовной смертью, по сравнению его со смертью телесной. Когда так называют они отлучение, то в основании этого выражения лежит то представление, что душа, лишённая церковной благодати, высшей помощи и Божественной защиты,

постепенно изнемогает в борьбе со злом и в случае закоснения в состоянии греха и нераскаянности лишается возможности исправиться или – что то же – нравственно умирает, что как меч полагает конец телесной жизни, так и исторжение из Церкви, в последней инстанции, влечёт за собой смерть духовную. Ту же самую мысль хотят, наконец, выразить отцы Церкви, когда представляют отлучение от Церкви как первообраз, как начало будущего Страшного Суда Божия. Ибо когда отлучённый коснеет в своей нераскаянности и без помощи благодати всё дальше и дальше удаляется от Бога, всё глубже и глубже погружается в бездну греха, то это может кончиться только совершенной и вечной гибелью, и наказание отлучения действительно является здесь началом и, так сказать, приступом Божественного Суда.

Кто в состоянии понять, что значит быть членом Церкви, находиться в живой, органической связи с телом Христа и участвовать через это во всех благодатных дарах и благах Его искупления, тому само собой будет понятно, почему отлучение от этого спасительного общения Церковь во все времена понимала как самое большое и самое тяжкое наказание. Святой Иоанн Златоуст кратко обозначает его как «тиморія пасон тиморион халепотера», а Августин называет его таким наказанием церковным, более которого не может быть.

Сообразно такому воззрению на сущность и значение отлучения, Церковь, прибегая к этому тягчайшему из всех наказаний, только в самой крайней нужде, когда не виделось уже никакого другого исхода, всегда действовала по слову святого апостола: с великой скорбью, с тугою сердца и многими слезами (2Кор.2:4). Как некогда оглашенного, по принятии им святого Крещения – этого величайшего из всех благ Церкви – братия встречала с радостью и ликованием, и благожелательно приветствовала как нового друга и сотоварища, так, напротив, отлучение от Церкви, лишаящее права на общение с отлучаемым, совершалось всегда с глубокой скорбью и слезами. Из многих фактов, служащих подтверждением этой мысли, мы приведём здесь следующие два. Собор Ефесский в приговоре своём против Нестория говорит: «Вынужденные

правилами и посланием святого отца нашего и сослужителя Келестина, епископа Римской Церкви, с великими слезами приступаем к этому печальному против него решению. Поносимый Несторием Господь Иисус Христос в лице настоящего Собора определяет, чтобы он (Несторий) лишён был епископского сана и всякого священнического сообщества». Таков же по внутреннему своему содержанию и характеру и приговор Константинопольского собора, произнесённый над Евтихием. Он гласит: «Того ради, скорбя и оплакивая его полное заблуждение и непокорность, мы во имя Господа нашего Иисуса Христа, Которого хулит он (Евтихий), определили отрешить его от всех священнических прав и обязанностей, отлучить от нашего общества и лишить должности монастырского настоятеля. Всякий, кто будет иметь с ним сношение, пусть знает, что и он подвергнется такому же отлучению».

Но хотя отлучение, как видно из сказанного, есть самое большое и самое тяжкое из всех церковных наказаний, хотя оно отнимает у отлучённого закоснелого грешника все духовные блага, приобретённые им через святое Крещение, однако Церковь, подвергая его этому наказанию, отнюдь не имеет целью отрезать ему, так сказать, путь к спасению и причинить вечную гибель, но, наоборот, хочет привести его к этому спасению, возвратить на истинный путь. Церковь, скажем словами апостола, получила право отлучения для назидания, а не для разорения (2Кор.13:10). В этом случае она действует как наместница Того, Который приходил не погубить души человеческие, но спасти их. Что Церковь при отлучении имеет своей целью прежде всего исправление и спасение отлучаемого, это не раз и весьма ясно засвидетельствовано в Священном Писании. Так, апостол Павел предал коринфского кровосмесника сатане в измождение плоти, чтобы спасти дух его.

Каким же образом может совершиться это спасительное действие отлучения? Каким образом измождением плоти можно спасти душу? В ответ на этот неизбежный и насущный вопрос нужно помнить, что грешник, отлучённый от Церкви, вообразив

всю великость наказания и несчастья, постигшего его, представив себе ту страшную бездну, в которую низринут он, те опасности, которыми угрожает ему отторжение от недр Церкви и Тела Христова, не может не отрезвиться и не прийти к сознанию своего печального положения и не восчувствовать глубокой скорби. А эта скорбь, это сознание, естественно, должны подавить в нём те страсти и порочные чувственные наклонности (измождение плоти), коими он навлёк на себя это наказание, должны переломить его упорство и сопротивление, которыми он отвечал на все требования Церкви. В этом случае он, так сказать, вынужден бывает переменить превратный образ своей жизни и мыслей и в чувствах раскаяния возвратиться в недра Церкви, чтобы испросить прощения, сделаться снова участником благодати и, таким образом, спасти свою душу, как это действительно и было с коринфским кровосмесителем, который, принеся чистосердечное раскаяние, снова был принят в общение с Церковью.

В таком же точно смысле говорит апостол и об Именее и Александре, что он их *«предал сатане, чтобы они научились не богохульствовать»* (1Тим.1:20), то есть, он при отлучении их имел в виду привести их к сознанию своей вины и заставить изменить свой преступный образ мыслей, выражавшийся преимущественно в хуле на Христа и христианскую веру, – словом отлучить их с тем, чтобы подобно коринфянину, спасти их души. Наконец, когда апостол Павел пишет солунянам: *«Если же кто не слушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не общайтесь с ним, чтобы устыдить его»* (2Фес.3:14), то этим хочет сказать, что противящихся его постановлениям должно отлучать от Церкви и прерывать с ними всякое общение, дабы они пришли к сознанию своего беззакония и подчинились его требованиям.

Так как в Священном Писании отлучение везде представляется как средство исключительно исправительное, то и Церковь во все времена признавала за ним то же самое значение и применяла его к делу с той же самой целью. Рассуждая о цели отлучения, Иоанн Златоуст, между прочим, замечает, что апостол Павел не всецело отдал кровосмесника

во власть сатаны (последнего он употребил как орудие для достижения своей цели – исправления грешника), то есть, чтобы отлучённый под властью врага человеческого рода очнулся, пришёл в себя и, по принесении покаяния, снова был принят в Церковь как живой член её. Велико наказание отлучения, но ещё больше его польза; то – только временное и мимолётное, а это – простирается в вечность. Равно и блаженный Августин не раз и самым явственным образом отмечает исправление виновного как самую главную цель отлучения. Оно есть самое тяжёлое наказание, какое только может касаться христиан, однако ж, употребляя его, Церковь действует отнюдь не по страсти гнева и мести, но проникаясь той любовью и жалостью, какая присуща бывает сердцу пастыря при похищении из его стада овцы. Её деятельность в этом случае, как справедливо замечает блаженный Августин, есть *misericors severitas* (милосердие строгости).

Впрочем, при определении наказания отлучения внимание церковной власти обращается не на одно только лицо отлучаемого, но также и на честь Церкви и благо её членов. Так как честь и достоинство Церкви पहले всего состоит в том, чтобы её члены с чистотой своих нравов, высоконравственным, безупречным образом жизни доказывали истинность своей религии и Божественность её происхождения, то по мере развития между ними беззаконий и порока она теряла бы свой авторитет и уважение и тем более унизила бы своё достоинство, если бы стала держать в своих недрах или, по крайней мере, оставлять безнаказанными отъявленных и грубых грешников. Вот почему, не желая ронять своего достоинства и давать лишнее против себя оружие в руки врагам своим, Церковь всегда считала и считает своим долгом упорных и неисправимых грешников подвергать формальному отлучению. Этот мотив для определения отлучения весьма естественен и понятен для каждого. Хотя он и не в такой мере, как другие, обеспечивается и подтверждается историческими данными, однако ж, не может подлежать никакому сомнению то, что он во многих случаях был главным и решительным основанием при определении этого наказания, ибо кому не известно, с какой

неослабной заботливостью Церковь, вопреки язычникам, старалась сохранить доброе о себе мнение и как высоко она держала знамя своей чести во всех отношениях. В подтверждение этой мысли можно указать на один исторический факт. Когда епископ Евкратий обратился к священномученику Киприану с вопросом, должно ли некоего лицедея, учившего своему искусству детей, терпеть в обществе и иметь с ним сношение; то последний отвечал, что это несогласно ни с величием Божиим, ни с требованием Евангелия, так как через такое сношение страдает честь Церкви. Епископ должен всячески убеждать его оставить такое занятие. Если же он, прекратив это занятие, впадёт в бедность, то христианское общество доставит ему необходимые средства к жизни. Буде же для него это невозможно, то пусть идёт он в Карфаген для пропитания, дабы вместо того, чтобы учить других греховному делу, он сам научился здесь тому, что служит к его спасению.

Третья цель, преследуемая Церковью при отлучении от общения с собой публичных грешников, есть благополучие и предохранение от опасности заразить остальных членов её. Как в каждом обществе пороки и преступления одного, при их безнаказанности, легко делаются предметом соблазна и подражания и для других и, распространяясь более и более, наносят существенный вред целому, так и в Церкви дурной пример одного может заражать и распространяться и на других. Общественный порядок и дисциплина легко могли бы поколебаться, и нравственно-религиозная жизнь более слабых её чад могла бы подвергнуться большей опасности, если бы она не стала отсекал вредных и заражённых нравственной болезнью членов своих и не предохраняла от неё здоровых. Эту мысль выразил ещё апостол, когда он коринфскому обществу и его представителям, которых побуждал он к отлучению кровосмесника, поставил такой вопрос: *«Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто?»* (1Кор.5:6), – то есть, «я настаиваю, – как бы так говорит он, – отделить преступника от вашей среды, потому что грех одного, как свидетельствует опыт, легко переходит к другому; он как язва заражает и других, когда не бывает удаляем от соприкосновения с ними». Эту мысль

повторяют затем и отцы Церкви. Святитель Иоанн Златоуст, объясняя настоящее место Послания к Коринфянам, замечает, что при отлучении имеется в виду не одна только личность отлучаемого, но и вся Церковь, ибо только таким образом можно предотвратить от неё опасность заразы, так как преступление одного в случае безнаказанности тотчас же передаётся и всей Церкви и подвергает её разрушению. Священномученик Киприан пишет епископу Помпонию, чтобы он отлучил от Церкви девиц, нарушивших обет целомудрия, равно как и их соблазнительей, и никогда не принимал бы их обратно, если они не исправятся: «*Ne exemplum, – продолжает он, – exeteris ad ruinam delictis suis facere incipient*», – то есть, чтобы они дурным своим примером не вовлекли в подобное преступление и других. Блаженный Августин говорит также, что на пастырях Церкви лежит обязанность отделять больных овец от здоровых, чтобы яд заразы не перешёл и на здоровых. «Тот, – говорит он, – для Которого нет ничего невозможного, исцелил через это отделение и больных». Папа Иннокентий I, одоблив и подтвердив решение африканских епископов, которым отлучены были от церковного общения пелагиане, прибавляет: «Если бы они ещё надолго оставались в Церкви безнаказанными, то неизбежным следствием этого было бы то, что они вовлекали бы в своё заблуждение многих невинных и неосторожных членов её. Последние могли бы думать, что проповедуемое ими учение – православное, так как они были ещё членами Церкви. Потому-то больной член и отсекается от здорового тела, чтобы сохранить то, чего ещё не коснулась зараза». А в Постановлениях Апостольских (Кн. II, 7) говорится: «Овца шелудивая, если не отлучена от здоровых овец, передаёт болезнь свою другим; и человек, заражённый язвой, страшен для многих. Посему если и мы не отлучим беззаконного человека от Церкви Божией, то сделаем дом Господень вертепом разбойников». И церковное законодательство, таким образом, понимает отлучение как средство сохранить членов её, не повреждённых заразой, и путём страха, возбуждаемого в них тяжестью этого наказания, удерживать их от тех преступлений и пороков, которые

навлекают его. Эта точка зрения даёт себя здесь замечать самым ощутимым образом.

Все эти указанные мотивы и соображения, руководящие Церковью при определении наказания отлучения, в большинстве случаев соединяются между собой и все вместе действуют на волю отлучающего. Но обстоятельства иногда слагаются так, что одна цель берёт перевес над другой, причём эта последняя отступает на задний план, так что из двух или трёх целей достигается только одна.

В заключение всего сказанного нами сделаем общий вывод и дадим общее понятие о церковном отлучении. Соединив всё, что доселе сказали мы о сущности и значении отлучения, в одно общее представление, мы получим такое определение его: оно есть отторжение от внешнего и внутреннего общения с Церковью, основанное на естественном и Божественном праве, совершенное лишением всех средств ко спасению, приобретённых в святом Крещении, отсечение от живого Тела Иисуса Христа и низведение отлучённого в состояние неискупленного человека; оно есть самое тяжкое из всех церковных наказаний, употребляемое с целью исправить виновного, поддержать честь и достоинство церковного общества и предотвратить от прочих членов его опасность соблазна и заразы.

Римский амфитеатр и христианские мученики

Глава I. Колизей и его устройство

«Император, идущие на смерть приветствуют тебя!» (Caesar mori turite salutant!) – вот были последние слова, с которыми многие римляне шли на смерть. И из-за чего шли? Из-за своего отечества? Из-за свободы? – Нет. За своих родных и близких сердцу? – Нет. За веру, за Бога? – Нет. Они шли на смерть для того, чтобы приобрести благорасположение праздной толпы, удовлетворить зверской жажде буйного, развращённого, кровожадного народа. Хлеба и зрелищ! – вот чего жаждали эти выродки могущественнейшей в мире нации, воинственность которой стала превращаться в зверскую кровожадность, мужество – в жестокость и варварство.

Едва ли можно найти более верное зеркало, где бы так ясно отражался духовный облик древнего римлянина, потерявшего веру в древних богов и не признававшего, однако, Спасителя, чем этот вопль миллионов человеческих жертв среди римской пышности и роскоши, это море крови гладиаторов, пролитой среди художественной красоты, эти тысячи трупов среди шумных празднеств, это величайшее и громаднейшее из всех величественных зданий – *Колизей*, с его ареной, насквозь пропитанной кровью, эти ужасающие места шумного бесчеловечного веселья и невыразимо глубокого человеческого горя.

Существует и доселе это огромное, несколько веков назад воздвигнутое здание – существует как громкий обличитель грубого народа, который собирался сюда холодно и бесчувственно забавляться смертной борьбой тысячей своих собратьев. Не исчезли эти громадные и горделиво возвышающиеся галереи, в которых потрясающие стенания умиравших смешались с неистово злобным криком этих мучителей, и эти стены, обрызганные кровью столь многих замученных в них христиан. Замолкли раздирающие вопли миллионов язычников, которые разрываемы были в ужасной борьбе со зверями или убиваемы друг другом, затихли и гимны христиан, которые в зубах диких зверей с радостью испускали

здесь дух свой за веру и Бога – но камни Колизея ещё громко вопиют о кровожадности развращённых римлян, но кровь невинных христиан, напоивших почву этой арены, ещё громко взывает к Небу, к Богу.

Трудно встретить человека, который изучая эти достопримечательные лобные места с их исполинскими арками, эти величественные развалины древнеримской славы, не содрогнулся бы перед ними, как перед явственными следами Божественного приговора над Римом, и не оставил бы на них, как на глубоко назидательном предмете, своей угрюмо серьёзной мысли.

Римский Колизей находится между Эсквилинским холмом с древними банями Тита, Целием и Палатинским холмом с его достопримечательными развалинами императорских дворцов. К юго-востоку, в стороне от него, красуется триумфальная арка Константина, а недалеко отсюда, где тянется славная Аппиева дорога, по направлению к северо-востоку, – врата Тита. Отсюда знаменитая в древности священная дорога (*via sacra*) ведёт мимо прекрасной базилики Константина к древнему храму Пенатов (домашних богов), из развалин которого выстроена церковь святых Космы и Димиана. Здесь же находится и древний римский форум (площадь) с его изящными колоннами. При входе в форум есть прекрасная триумфальная арка Септимия Севера, недалеко от неё – остатки храмов Фортуны и Конкордии. Затем – сенаторские палаты и знаменитейший Капитолий, с высоты которого превосходно смотреть на форум. Теперь это место называется коровьим полем (*campo vaccino*), так как оно служит пастбищем для скота.

По внешности Флавиев амфитеатр, или Колизей, представляет собой громаднейший эллипс, вид громаднейшего яйца. Округлённые огромные каменные стены Колизея на половину высоты видны и доселе со всех сторон, а на северной стороне они, по словам очевидцев, сохранились невредимыми во всём своём объёме. Колизей теперь находится, как и все почти остатки зданий древнего Рима, как бы в глубоком рве, так как мусор, в продолжение целых столетий накопившийся здесь, так возвысил поверхность вечного города, что нижние этажи

древних построек и сооружений нельзя и видеть. Три огромных этажа с дорическими, ионийскими и коринфскими колоннами возвышаются здесь нагромождённые один на другой, а над ними возвышается четвёртый, ещё более высокий ярус, так что высота всего Колизея достигает до 26 сажен.

Внешняя окружность этого колоссального здания простирается до 273 сажен, длина её заключает в себе 97 сажен, а ширина 80 сажен. Толстые, на многовековую прочность рассчитанные стены и амфитеатрально расположенные (то есть постепенно возвышающиеся вокруг стен) ряды лож занимают столько места, что для самой арены, где происходила борьба, оставалось пространство только в 129 сажен в окружности, в 48 сажен длины и в 30 сажен ширины. Всё здание сложено из огромных каменных плит, а нижний этаж и следующие за ним два этажа имеют по 80 прекрасных ворот со сводами, в отверстиях которых стояли статуи, самый верхний этаж представляет стену, снабженную окнами и коринфскими пилястрами (колоннами). Вверху, к карнизному венцу прикреплены были бронзовые, вызолоченные мачты, покрытые чехлами, к мачтам пришиты были красными пурпуровыми бечёвками вышитые золотом ковры или другие ткани, так что весь амфитеатр, обтянутый этими коврами и тканями, достаточно защищён был от действия жгучего солнца Италии или дождя и ветра. Для большего удовольствия и ослабления жара, происходившего от значительного скопления народа, в амфитеатр проведены были кожаные трубы, посредством которых пропускались во внутренность его водяные, освежающие струи или же струи пахучего бальзама. Арена обита была досками. Под ней и с боков её устраивали клетки, в которые помещались дикие звери для травли. Кроме того, арена соединена была посредством канала с огромным водяным резервуаром, наполнявшимся из Клавдиева водопровода – резервуаром, на котором давались представления морских сражений. Так, по повелению Тита, там представлено было большое морское сражение афинян с сиракузцами. Нечто подобное было и при Домициане.

Из восьмидесяти ворот нижнего этажа амфитеатра, четверо ворот вели в арену, а прочие – к ложам. Первые ворота были довольно широкие и изящно украшенные. Передний главный вход, обращённый к форуму, назначен был для торжественного въезда императора и представителей Рима, а также для входа гладиаторов. Противоположный этому задний вход назначен был для ввоза машин, барок, лодок, кустарников, цветов и деревьев, которыми украшалась арена. Один из других двух входов, на противоположной стороне амфитеатра имел весьма печальное назначение – через него таскали трупы павших борцов и убитых зверей в так называемый сполиарий (камера для мёртвых), лежавший к востоку от Колизея. Оттого этот вход, или лучше выход, назывался погребальными воротами (*porta sandapilaria*). Против него находились ворота живых (*porta sanavivaria*), так как через них выпускали или совершенно сходивших с арены невредимыми, или оставлявших её только ранеными, пока на следующий праздник и им выпадал жребий быть вынесенными через ворота мёртвых и занять мрачный уголок в сполиарии.

Из остальных 76 входов Колизея стоит упомянуть особенно о двух назначенных для зрителей. Один из них был против Титова дворца и вёл в прекрасно отделанную залу, из которой император входил в свою ложу. На противоположной, южной стороне расположена была другая императорская ложа, из которой подземный ход вёл на Палатинский холм – в императорский дворец.

В нижнем этаже, в подиуме (*podium* – балкон, перила) находилось первое и самое почётное место, принадлежавшее только императору, консулам и вообще знати римской. Оно было устроено на восемь футов выше арены и огорожено железными решётками с острыми спицами. Дальнейшие ряды или классы, расположенные непосредственно один над другим, отделялись друг от друга красивыми балюстрадами (перилами). Места для сидения на первых трёх рядах были мраморные с мягкими подушками, а в четвёртом – деревянные и без подушек. В ложи вели широкие лестницы. Вверху, на четвёртом этаже, над ареной были портики (галереи, переходы), где

находились места для стоявших зрителей. На них удобно могли помещаться двадцать тысяч человек, мест для сидения было восемьдесят семь тысяч. Следовательно, во всём Колизее могло помещаться сто семь тысяч человек, за исключением борцов в арене и прислужников. Если к тому прибавить ещё, что такой громадности Колизея вполне соответствовало и внутреннее убранство его, состоявшее из мрамора, золота, мозаики, статуй, рельефов, бюстов, картин и пр., то можно хоть отчасти вообразить, какое сильное впечатление должен был производить этот амфитеатр на стотысячное его собрание.

И такое громадное, полное роскоши здание, выстроенное из самого твёрдого мрамора, воздвигнуто было только в продолжение 15 лет, хотя постройка его неоднократно была прерываема.

Нет сомнения, что только римские императоры при своей неустанной, хотя и совсем непрактичной энергии, могли в сравнительно короткое время соорудить такое здание – императоры, которые не щадили для этого ни сил, ни средств подвластного и неподвластного им человечества. Не ограничиваясь затратами на этот предмет драгоценнейших и полезнейших сокровищ собственного государства, они вывозили богатые добычи и много сокровищ из чужих стран. Кроме того, они привлекали к участию в постройке Колизея и многие тысячи пленных евреев. Здесь, как некогда и в Египте, поставлены были над ними начальники и надзиратели, надзиратель для сорока и обер-надзиратель для четырёхсот человек. Жестоко обращались эти последние с бедными тружениками, побуждая их к непосильной, большей частью, работе; они били их, как животных, плетью, ремнями с металлическими пряжками. Вследствие такого жестокого обращения, в непродолжительное время царствования Тита (79–81 гг.) умерло около двенадцати тысяч евреев.

Колизей обязан своим существованием императорам Веспасиану и Титу. Веспасиан, царствовавший в 69–79 годы по Рождестве Христовом, положил ему основание, соорудив только один нижний этаж. Впрочем, почин этого основания принадлежал, кажется, ещё Августу. По крайней мере, Светоний

говорит в биографии Веспасиана, что он соорудил некоторые новые здания и между ними амфитеатр среди города на месте, предназначенном ещё Августом. Тит хотел было закончить здание, но за смертью успел устроить только второй ярус. Вся постройка совершена была уже Домицианом (81–96 гг.).

Таким образом, Колизей построен был фамилией Флавия. Оттого он и назывался Флавиевым амфитеатром. Название же – Колизей, вошедшее в употребление с VIII века, дано ему по колоссальной (в 100 футов высоты) бронзовой статуе Нерона, поставленной перед амфитеатром по распоряжению Адриана. Имя этой, теперь уже не существующей, статуи перенесено на амфитеатр. Недалеко от этого места существовал когда-то и пруд Нерона, как говорит об этом римский поэт Марциал. Там, где величаво возвышается издали заметный исполин амфитеатра, находится пруд Нерона.

До VIII века прекрасные стены Колизея существовали совершенно в цельном виде и, может быть, таковы они были до 1084 года, в котором опустошена была большая часть Рима, между Капитолием и Целием. В XII–XIII веке при внутренних междоусобиях знатных родов Рима амфитеатр, обнесённый крепкими стенами, служил вместо крепости, причём здание, естественно, значительно пострадало. Во время папского изгнания в Авиньон дорогие каменные стены Колизея сделались предметом торга. В начале XV века из них жгли известь, а огромные плиты мрамора послужили материалом для постройки некоторых других громадных зданий.

Папа Пий VII первый взял на себя заботу о поддержке этих достопримечательных развалин. Он велел приделать к ним толстые, прочные подборы (контрфорсы). Вслед за ним заботились о поддержании их папы Лев XII и Пий IX.

Для чего же и из каких побуждений строили этот амфитеатр? Кровавые состязания гладиаторов, которые искони приходились древним римлянам более по сердцу, чем представления драматические, до времён императоров происходили в цирке, назначенном для больших конских ристалищ. Но слишком большое протяжение этого цирка было совершенно неудобно для зрителей. Не совсем удобным для

гладиаторских состязаний казался и форум – торговая площадь. Гораздо более, чем цирк и форум, найден был отвечающим данной цели амфитеатр с его продолговато-круглой ареной, окружённой со всех сторон, амфитеатрально расположенными рядами лож, что было впоследствии принято за образец и во многих других городах Италии, как то: Падуе, Лукке, Помпее и пр. В 53 году до Рождества Христова Гай Скрибоний Курион, по плану Плиния Старшего, по случаю похорон своего отца, устроил два подвижных театра, тесно соединённых между собой западными сторонами. Когда после двух спектаклей, данных в них утром этого дня, он приказал перевернуть их оба, то эти два овальные полукруга составили один полный эллипсис, внутренность которого образовала арену для состязания гладиаторов. После того в 44 году Цезарь велел строить амфитеатр точно такой же формы и с той же целью. Но этот амфитеатр был деревянный, каменный же в Риме впервые сооружён был в 29 году Статиллием Ставром. Этот первый каменный амфитеатр, истреблённый пожаром при Нероне, снова заменён был деревянным (на Марсовом поле), который и существовал до тех пор, пока не сооружён был огромный Флавиев Колизей.

Глава II. Гладиаторы

Постройка Колизея была вызвана решительной потребностью римского общества, развившего в себе до чудовищных размеров страсть к увеселениям и зрелищам. Долго забавлялось оно скачками и ристаниями лошадей и колесниц – и зрители, наполняя высоко нагромождённые один на другой ряды лож, подобны были, по словам христианского писателя Лактанция, волнуемому морю. С жадностью они следили за ходом скачек и ристаний, и затем приходили в неистовство, коль скоро предвиделся исход состязаний, неблагоприятный для той или другой колесницы. У одних заметны были боязнь, досада и негодование, у других – радость и ликование, у всех – бесчинство. То соскакивали зрители со своих мест, хлопали в ладоши что было силы и различным образом понукали лошадей и людей своей партии, то сыпали угрозы, насмешки, ругательства, проклятия, то расточали похвалы и рукоплескания.

Так жадные до зрелищ римляне по целым дням, с утра до вечера находились в цирке или амфитеатре, не чувствуя ни малейшего утомления. Но ещё более усиливалась в них эта жгучая страсть, если ристания недостаточно удовлетворяли её. Тогда извращённый римлянин как бы превращался в дикого зверя, жаждавшего крови. Он требовал тогда борьбы, ужасной, смертоносной борьбы, и хотел наслаждаться предсмертными агониями различных животных и людей.

И это наслаждение было тем действительнее, чем ужаснее были результаты борьбы, чем более падало злосчастных жертв. Таким образом, установлены были звериные травли и гладиаторские состязания, где целыми сотнями и тысячами гибли бедные жители пустыни, и целые полчища гладиаторов слагали свои кости на вечный могильный покой. И это больше всего доставляло удовольствия кровожадному римлянину, это больше всего давало пищу бурному разгару преступной его страсти! По крайней мере, Цицерон говорил, что никогда ни в одном собрании, ни при одном торжестве не скоплялось так

много народа, как при этих гладиаторских состязаниях, которые он называл любимой забавой великой толпы, так как ими забавлялись не одни только богатые или лица высшего класса, но люди всех сословий и состояний.

Как велика была у римлян страсть к гладиаторским играм, это видно из того величайшего сочувствия и уважения, каким пользовались у них гладиаторы; о них мечтали юноши, их действиями услаждались пожилые, на них любовались образованные, их воспевали поэты. Так, Марциал борьбу со зверями ставил выше подвигов Геркулеса, а Статий – женщин, сражающихся на арене, уподоблял амазонкам.

Во времена императоров виллы и дома римлян весьма часто украшались сценами из гладиаторских состязаний. Слишком привыкший к этим сценам взор богатого римлянина хотел созерцать, по крайней мере, образы их, и притом на полах и стенах своих покоев, коль скоро он не мог видеть их в действительности. Об этом свидетельствует уже в недавнее время найденный в римской вилле великолепный мозаичный пол с картинками из гладиаторских сражений. Подобные картины гладиаторских игр употреблялись для украшения стен и в публичных залах, присутственных местах, проходах, равно как на цветочных горшках, лампах, кольцах, перстнях и т.п.

В состав гладиаторов, специальным назначением которых было для увеселения и забавы народной массы убивать друг друга, – входили как осуждённые преступники, невольники, так и добровольно определявшие себя на этот ужасный пост. Последние, при своём вступлении в число гладиаторов, должны были клятвой подтвердить, что они дозволяют рубить себя мечом, жечь огнём и подвергать всякого рода истязаниям. Затем они входили в состав особенных, утверждённых правительством гладиаторских семейств и обучались своему искусству в школах, из коих некоторые находились близ Колизея. Домициан открыл четыре таких школы, а первая подобная императорская школа гладиаторов существовала, кажется, ещё при Калигуле. Замечательные из этих школ были гальская, дакская и школа для дрессировки зверей. Кроме одного управляющего ими прокуратора из военного сословия,

при них существовало немалое число и других служащих лиц, как то: учителей, фехтовальщиков, докторов, надзирателей и т.п. Вне Рима главные гладиаторские школы были в Капуе, Пренесте, Александрии, они устраивались также в Галлии, Испании, Германии, Британии и Фракии.

Главные корифеи (представители) гладиаторов разъезжали по всем этим школам и выбирали лучших бойцов для римской сцены. Богачи целыми массами иногда покупали таких гладиаторов, а потом снова продавали их или отдавали напрокат, если кто-нибудь хотел давать представление, и эта торговля гладиаторами была очень прибыльным занятием. Содержали и кормили гладиаторов очень хорошо, потому что специальным их назначением было быть сильными и победоносными в борьбе. Так как между гладиаторами нередко встречался всякий сброд, который прибегал к кровавому ремеслу или как к последнему якорю спасения, или по действительной, но грубой, необузданной склонности к борьбе, то естественно, при этом необходимо было соблюдение самой строгой дисциплины. Бойцов, заслуживающих наказания, секли плетями, жгли раскалённым железом, а упорных нередко подвергали строжайшему заточению. Печальные следы заточения открыты были в 1700 году, при откапывании засыпанной пеплом при извержении Везувия Помпеи, в одной из комнат тамошней гладиаторской школы найдено было несколько скелетов с железными цепями на ногах. Ясно, что при общем бегстве жителей эти несчастные были забыты, и таким образом место их заточения сделалось для них и могилой.

Гладиаторы имели право носить при себе оружие только в тех случаях, когда они отправлялись или на упражнения, маневры или на действительное сражение; в остальное же время, в предотвращении кровавых междоусобных столкновений и самоубийства, у них отбиралось оружие. Как необходимы были строгие меры по отношению к гладиаторам – людям, несколько не дорожившим жизнью, в этом опыт не раз заставлял римлян убеждаться. Так, в 73 году до Рождества Христова гладиаторы, соединившись под предводительством Спартака (невольника из гладиаторской капуанской школы) с

беглыми рабами и умножившись сначала до четырёх тысяч, а потом до двенадцати тысяч человек, перебили четыре римских войска и не оставляли своего буйства до тех пор, пока в 71 году не были перебиты Крассом на реке Силарии. В другой раз Рим подвергся опасности со стороны гладиаторов в 64 году до Рождества Христова, когда они, в числе восьмидесяти вырвавшись из Пренестской гладиаторской школы, ворвались в пределы Рима и буйством своим наводили ужас на весь город до тех пор, пока после отчаянной кровопролитной схватки не были перебиты. Таким образом, и гордому Риму приходилось иногда дрожать перед несчастными, отвагой и способностью к борьбе которых так много в других случаях дорожил он. Кроме того, и счастливый заговор Катилины показывает, какой опасностью грозили римлянам эти буйные оргии.

Хотя некоторые из гладиаторов входили в состав гладиаторской корпорации по действительной склонности к борьбе и рыцарству, но большая часть их была люди, лишённые всяких средств к жизни и всякого права и возможности занять какую-либо общественную должность. Такие люди, естественно, к гладиатуре прибегали как к последнему якорю спасения. Это кровавое ремесло доставляло иногда и средства к жизни и почести, так как гладиаторы, выходявшие из борьбы победителями, нередко щедро были награждаемы, а отважнейшие из них могли кроме того сами получать большие деньги, нанимаясь к тому или другому учредителю гладиаторских игр.

Так, Светоний, например, говорит о Тиберии, что он гладиаторам, принимавшим участие в его спектакле, за их труд и усердие заплатил сто тысяч сестерций. Кроме того, победоносных бойцов украшали пальмовыми венками, отличали почётными цепями, и имена их пользовались большой известностью. Многие из гладиаторов, благополучно прошедших свой ужасный пост, занимали потом почётные и высокие должности, и оттого-то римское общество и не находило в занятии гладиатурой ничего низкого и предосудительного, оттого-то оно и не отвращалось от него, как бы следовало ожидать. Оно видело среди себя немало высокопоставленных

лиц, которые были некогда гладиаторами. Например, император Маркин прежде был гладиатором, император Комод, будучи уже императором, публично принимал на себя роль гладиатора для забавы своих поданных; императоры Тит и Адриан, хоть и не являлись на публичной сцене в качестве гладиаторов, но гладиаторскими орудиями упражнялись в фехтовальном искусстве. Даже между женщинами встречались иногда такие, которые не только любили предаваться фехтовальным упражнениям, но и публично в роли гладиаторов сражались на сцене, как это было, например, при Нероне в 64 году, когда вместе с простыми женщинами сражались женщины даже высшего класса. И только в III веке последовал запрет являться женщинам на амфитеатральных сценах.

Кроме добровольно поступивших в гладиаторы, сюда часто завербовываемы были рабы или крепостные люди. Большинство богатых римлян содержали между массами рабов своих также и гладиаторов, которых они тщательно старались совершенствовать в гладиаторском искусстве, для чего некоторые имели даже свои собственные гладиаторские школы. Затем они заставляли таких рабов сражаться или на своих собственных спектаклях, или же получали за них большие деньги, если отдавали их для спектаклей другому. Это обладание гладиаторами, которые вместе с тем представляли телохранителей и свиту своих владельцев, до такой степени развилось между знатными римлянами, что многочисленные буйные оргии их не могли не возбуждать опасения за общественное благосостояние. Вот почему сенат в 65 году нашёл себя вынужденным, по словам Светония, ограничить число гладиаторов. В случае нужды в деньгах, а может быть, и из-за других каких-нибудь побуждений, римские владельцы нередко продавали своих рабов в фехтовальные школы или другим господам за чистые деньги. Так, Светоний передаёт, что Калигула однажды продал тринадцать гладиаторов за девять миллионов сестерций (что составляет 450 тысяч рублей). Но впоследствии, именно императорами Адрианом и Марком Аврелием, эта продажа рабов и гладиаторов была решительно воспрещена.

Главной составной частью гладиаторов с этого времени сделались преступники, приговорённые к арене самым страшным смертным приговором, хотя при этом оставалась ещё некоторая возможность позднейшего освобождения от смерти. Но и в это время преступники осуждались нередко более для спектакля, чем по важности их преступлений. По крайней мере, так говорят историки о Клавдии и Калигуле. Говорят, что Адриан триста, а Агриппа, иудейский царь по Флавию, тысячу четыреста осуждённых преступников заставили сражаться между собой.

Но самую большую и вместе самую жалкую составную часть гладиаторов составляли пленные, которые целыми массами лишались здесь жизни. Таковы были во времена республики пленные галлы, самниты, этруски, а в период императоров – свевы (с Рейна), жители Дакии, саксы, британцы и иудеи.

Число бойцов, выступавших на сцену при гладиаторских играх, росло очень быстро. В праздник погребения Эмилия Лепидия состязалось двадцать две пары, спустя шестнадцать лет после того, на другом похоронном празднике – двадцать пять, а при погребении Фламиния – семьсот четыре гладиатора продолжали бой в течение трёх суток. В 65 году до Рождества Христова выступало на сцену уже триста двадцать пар гладиаторов. Императоры Август и Тиберий ограничили число гладиаторов, хотя первый сам сознался, что в продолжение его правления выступило на сцену десять тысяч гладиаторов. Когда император Тит открывал Колизей, то дал представление, которое продолжалось сто двадцать дней, причём умерщвлено было десять тысяч гладиаторов. Громадно также было количество гладиаторов, сражавшихся на арене в 106 году по Рождестве Христовом, когда праздновали победу Траяна.

Один грубый языческий царь африканский выстроил себе дворец из черепов своих врагов, и, когда недоставало ему для завершения постройки ста тридцати черепов, он хладнокровно, без всяких околичностей, приказал для восполнения недостающих черепов убить сто тридцать своих верноподданных. Но что значит это в сравнении с жертвами

столь многих тысяч, принесёнными только для удовольствия грубого народа?

Как люди целыми тысячами лишались на арене своей жизни, так вместе с ними страдали и животные. Сципион Назика и Публий Лентулий выводили пред лицо зрителей шестьдесят барсов и сорок других зверей. Скавр – сто пятьдесят барсов. Сулла – сто, а Помпей – шестьсот львов, четыреста пантер и семнадцать слонов. В играх Цезаря, по словам историков, выступало на сцену сорок слонов и четыреста львов. При 120-дневном представлении, происходившем при открытии Колизея, во времена Тита, пять тысяч диких животных засечено было укротителями, а четыре тысячи пало в борьбе. Домициан приводил на эти игры тысячу страусов, тысячу оленей, тысячу кабанов и тысячу жирафов, а при играх Траяна в 106 году, в память его второй победы над даками, он выставял напоказ десять тысяч диких зверей. Вообще, звериная травля до такой степени развита была у древних римлян, что опасались за то, будут ли в состоянии степи и леса доставлять зверей в достаточном для их зрелищ количестве.

Если могущественный в мире Рим славился и гордился множеством самых редких животных, каковы например: жирафы, крокодилы, бегемоты, носороги, львы, леопарды и другие, и если эти звери доставляемы были в Рим из всех подвластных ему стран земного шара живыми, между тем как позже они ловились совершенно другим способом и только в некоторых европейских странах, то в этом обнаруживается вместе и энергия, и особенное умение римлян охотиться за ними. Древние римские императорские зверинцы по своему обилию редкими и прекрасными животными превосходили всё, что можно встретить в теперешних зоологических музеях. Император Август сам о себе говорил, что он не мог налюбоваться бесчисленным множеством знакомых и незнакомых ему пород животных, и государственные римские законы ничуть не шли в разлад с этим императорским удовольствием. Так, охота на слонов зависела от особенного разрешения императора, а львиная ловля и в позднейшее время была преимуществом императора.

Что касается добывания животных, то в этом отношении особенную помощь Риму оказывали правители римских провинций, как это видно из одного письма к Цицерону, как проконсулу Сицилии. Они группами рассылали в различные страны отважнейших охотников, которые во всю жизнь свою на том только и стояли, чтобы среди великих опасностей и приключений ловить живыми опасных степных животных, посредством силков, капканов, петель, сетей, подкопов. Для пойманных зверей делались большие деревянные или железные клетки, и в этих клетках они отправлялись в Рим или водой, или сухим путём – на волах, впряжённых в большие колымаги.

Животные выводились на сцену иногда для травли, а иногда напоказ зрителям. В последнем случае они выводились в очень изысканных и редких, окрашенных различными красками уборах, украшенные золотыми бляхами, увешанные лентами. Искусство укрощать зверей, умение дрессировать их в то время были изумительны. Так, император иногда ездил на колеснице, возимой львами (и отважного царя зверей умели, значит, приучить к послушанию!); барсы и олени закладывались под воловье ярмо, а дикие быки возили колесницы, стояли на задних ногах или позволяли на себе танцевать детям; львы ловили (вместо борзых собак) зайцев, а миролюбивые антилопы ожесточённо дрались между собой, медведи и волки считались за домашних животных. Особенно изумительные вещи совершались неуклюжими слонами. Были слоны, которые по воле императора сопровождали его во дворец, заменяя собой факельщиков, а иногда четыре слона носили пятого на носилках, некоторые из них ходили по канатам и танцевали, причём один из них играл на кимвале. Плиний говорит, что один непонятливый слон ночью упражнялся сам, чтобы усвоить себе то, что плохо понятно было им из преподанного днём.

Глава III. Зрелища в Колизее

Главный предмет, на котором останавливается сейчас мысль наша – это звериные травли и борьба гладиаторов между собой со зверями. Посмотрим же, как происходили эти бесчеловечные зрелища. Предварительно делались об них объявления, которые не печатались, а рисовались по распоряжению учредителей игры красками на стенах домов, дворцов и на надгробных памятниках. В Помпее несколько таких объявлений о театральных представлениях найдено было ещё ранее 1700 года. Одно из них гласит так: «В Помпее 31 мая будет сражаться гладиаторская фамилия Эдила Светтия Курия. Затем будет звериная травля, причём шатёр будет там распространён». В другом объявлении, чтобы завлечь большее количество публики, обещается кропление водой против духоты и пыли. В одном случае делается условие, если дозволит погода, а в другом – без всякой отмены и отлагательства.

Накануне борьбы совершался так называемый прощальный последний обед – самое богатое и роскошное пиршество, на котором народу позволялось созерцать несчастных, предназначенных к борьбе гладиаторов. Большинство их пировали здесь беззаботно, нисколько не думая о близкой смерти, а более серьёзные говорили последнее «прости» своим родственникам, поручали друзьям заботу о своих жёнах, рабам дарили свободу и т.п.

Само представление начиналось так. Под звуки торжественной музыки пышной процессией выступали на арену гладиаторы, предводительствуемые герольдом, а впереди их гордо шли охотники или поджигатели, побуждавшие к борьбе. Затем тянулся длинный ряд большей частью раздетых зверобойцев, одни из них были снабжены сетями, чтобы запутывать ими противников, другие – мечами и копьями, некоторые шли совсем безоружные. Обойдя кругом амфитеатр и показавшись таким образом жаждавшей их крови толпе, они подходили к ложе императора и как готовые к смерти приветствовали его словами: «Ave Caesar! Morituri te salutant!»

(«Здравствуй, Цезарь! Имеющие умереть приветствуют тебя!»). Эти необычайно грустные слова гладиаторов заглушаемы были ужасным, раздававшимся за ареной рёвом диких зверей, нетерпеливо ожидавших минуты своего освобождения. И вот эта минута, наконец, наступает. Поднимаются железные двери клеток, или же эти клетки, как бы действием магической силы, являются из глубины, и вырвавшиеся из них звери с пронзительным воем жадно бросаются на несчастных бойцов. Если эти бойцы, трепеща перед алчными пастями львов, барсов и медведей отскакивали назад, их гнали к ним плетьюми и угрожали смертной казнью; а зверей, если они не обнаруживали надлежащего рвения к состязанию, кололи пиками, подстрекали красными платками, раздражали головнями. Чем свирепее затем становились звери, тем больше радовалась толпа.

Но вот завязалась ужасная, отчаянная, кровавая борьба. Заправляющие ходом этой борьбы охотники напрягают своё внимание и зорко следят за борющимися. Копья, направленные ими на буйвола, пронзают нередко барса, так как буйволы искусным поворотом рогов своих умели ограждать себя от подобных ударов. И если при этом какой-нибудь боец за слабость и неловкость свою платился тем, что животное сажало его на рога свои и с размаху бросало на воздух, то восторгу и удовольствию грубой черни римской не было границ. Там видим мы, как исполински мощный гладиатор несколькими ударами своего богатырского кулака убивал медведя. Здесь отважный лев, который успел уже растравить себя кровью, приподняв одежду несчастного гладиатора на глаза его, на части разрывает своего противника. Там набрасывают петлю на шею животного, чтобы удавить его, но, повергшись на своих противников, оно хоронит их под грузом своего массивного тяжёлого тела. Здесь тигр терзает тело несчастной жертвы, а в другом месте органы гладиатора остаются в зубах льва. Здесь, на арене, в страшной кровавой луже лежит куча звериных трупов, а там груды мёртвых или ещё несколько трепещущих гладиаторов. Смрадные испарения этой горячей крови ещё более возвышают и без того удушливую, жаркую (от скопления девяноста или ста тысяч зрителей) температуру. Ужасно

пронзительно звучит последнее хрипение томящихся в предсмертных агониях несчастных гладиаторов и, сливаясь с фырканием и рёвом издыхающих зверей, несётся вверх к блистательно освещенным рядам лож. И хотя в этих ложах сидят люди с прирождённой им способностью сочувствовать и сострадать мукам ближнего, но они смотрят на эти ужасные сцены без малейшего содрогания и даже с наслаждением, они преспокойно и безучастно разговаривают о подробностях смертоносной борьбы, как будто у них идёт дело только о жестикуляции искусного актёра. Одни или жалеют о потере, или радуются за выигрыш премии, как это было при конских ристаниях, другие преспокойно совершают во время этого антракта свой роскошный ужин. Освежаясь водными струями, посредством труб пропускавшихся в амфитеатр, они легко преодолевают удушливый смрад испаряющейся человеческой и звериной крови.

Так проводится антракт сверху, в мраморных рядах лож. А что же внизу, на арене? Там идёт приготовление ко второму акту. Там расхаживали два мужа, из которых один одет наподобие Меркурия, а другой наподобие Плутона или Харона (адский перевозчик). Они пробуют раскалёнными докрасна железом лежащих здесь бойцов, чтобы увериться, совсем ли они умерли или нет, а затем являются сюда так называемые *confectores* (живодёры), распоряжающиеся трупами, они таскают с арены павших крючьями или баграми в споллиарий. Здесь и там мелькают бедные мужчины и женщины, которые проникли на арену с тем, чтобы захватить для своего стола кусок-другой употребляемых в пищу лесных животных, например: оленей, кабанов и т.п. Потом являются в нарядной одежде рабы. Они счищают кровавые лужи, уравнивают изрытый во время борьбы пол арены и посыпают его песком и опилками. А для потехи публики какой-нибудь шут на арене то отпускает свои шутки, то делает различные фокусы, забавляя ее таким образом до тех пор, пока не настанет второе действие.

Кровожадный римлянин не мог досыта насмотреться на эти сцены в продолжение одного действия, он ещё жаждал

подобных сцен, ещё хотел смотреть на страдания умирающих, ещё хотел слушать их стоны и хрипения.

Начинается второй акт. Снова торжественное шествие бойцов, различных родов гладиаторы совершают вход в свой амфитеатр на конях и пешком в нарядных костюмах, с волнующимися султанами на шляпах, со сверкающими щитами и разного рода орудиями. Снова обходят они арену, снова приветствуют императора при звуках военной музыки. Борьба начинается только кажущимся сражением, под такт музыки сражаются тупыми орудиями или палками, нанося удары по воздуху, или же выводят бойцов с завязанными глазами и заставляют их для потехи зрителей сражаться с невидимыми противниками. Но это продолжается недолго, римлянам хотелось крови человеческой. И вот выступают на сцену ретиарии, с сетями и щитами в руках. Они ловко запутывают сетью своих противников и волочат их по арене. Другие набрасывают петлю на шею противника, чтобы удавить его. Иные нападают с оружием в руках, а некоторые выступают совершенно закованные в железо и стараются ранить и умерщвлять друг друга через пазы доспехов. Словом, различным образом возбуждают интерес зрителей.

Если какой-нибудь ловкий и сильный гладиатор сразу поражал многих противников, то последние лишались права продолжать другую какую-либо борьбу, и против них поднималось тогда негодование и ропот. Если же кто наносил ловкий удар другому, то раздавались громкие рукоплескания.

Отважное презрение смерти всего более привлекало на свою сторону сочувствие зрителей – а потому гладиаторы безмолвно, без малейшего обнаружения страданий, переносили наносимые им раны.

Если кто из поражённых противником оставался ещё в живых, то он дожидался от учредителя игры или от публики разрешения на жизнь или смерть. Повергшись на колена и подняв кверху палец, он давал знать, что он ранен и жалобно умолял жестокосердную публику о пощаде. Если при этом махали платками или поднимали руки с согнутыми большими пальцами, то это было знаком помилования; если же руки

оставались опущенными или если большие пальцы их были обращены к груди – это было знаком смерти.

Лицами, решавшим приговор о помиловании, были большей частью весталки (жрицы богини Весты), сидевшие на весьма почётном месте в подиуме. Если они отказывали в этой милости, то несчастный проситель или сам вонзал конец своей шпаги в горло, или был умерщвляем своим победителем. Чем мужественнее и веселее умирал гладиатор, тем большим сочувствием дарила его публика. Вот почему иные совсем не домогались помилования, но, перенося ужасные предсмертные муки, с удивительной силой воли одного только желали и требовали – ожесточённого боя. До Августа так и бывало, что при таких зрелищах не допускалось никакого помилования, и один из двух бойцов должен был умереть неизбежно. Но Август отменил такой обычай и дал публике право оказывать подобным жалким просителям милость, хотя она очень редко пользовалась этим правом. Если гладиатор однажды одержал победу над своим противником, этим не заканчивалась борьба его, ему противопоставляли нового, нередко посредством жребия избранного бойца.

Таким образом, арена снова покрывалась трупами – и только немногие счастливые победители со славой оставляли место своего сражения при рукоплесканиях и шумных криках торжествующей толпы. А в это время, по словам Тертуллиана, многие, подверженные эпилепсии (падучей болезнью), припадали к трупам и жадно сосали тёплую кровь, струившуюся из ран убитых, в надежде получить через то исцеление от своей болезни.

Затем опять наступал антракт, во время которого то выводились напоказ какие-нибудь прекрасные животные, то делались различные, часто изумительные фокусы.

Игры не прекращались и по наступлении вечера. Амфитеатр освещался тогда тысячами смоляных факелов и канделябров. Так рассказывают, например, о Домициане, что он устраивал звериные травли и гладиаторские игры ночью, позволяя при этом состязаться на сцене не только мужчинам, но и женщинам.

Особенно печальную и трогательную сторону римских турниров представляли бесчеловечные казни людей, приговорённых к смерти. Эти несчастные, совершенно безоружные, приковывались здесь к столбу, и на глазах публики разрываемы были на куски напущенными на них дикими зверями. Если они иногда и допускались к борьбе, то для того только, чтобы таким образом продлить их мучения, так как они неизбежно должны были умереть. С открытыми ранами и растерзанными на куски членами, по целым дням, как говорит Флавий, умоляли иногда эти заброшенные судьбой страдальцы о своей пощаде, умоляли – но напрасно. Иногда приговорённых заставляли фигурировать в ролях из мифологических и исторических сцен. Так, по словам Тертуллиана, один умерщвляемый был здесь прикованный к вертящемуся колесу, как Иксион в аду; другой, одетый в пышную, но пропитанную серой одежду (одежду, посредством которой некогда Медея сожгла свою соперницу с её семейством), пожираем был мгновенно открывавшимся из этой одежды пламенем; третий представлял собой Геркулеса, когда тот, одетый в отравленную ядом одежду, в порыве отчаяния вскочил в костёр и сгорел в пылающем пламене. Один, подобно Орфею, поднявшись из преисподней, принуждаем был своей игрой привлекать к себе и деревья, и холмы, и птиц, и диких зверей, пока не пал жертвой медведя. Другой, подобный Муцию Сцеволе приговариваемый, обязан был держать и жечь свою руку на раскалённой жаровне, а если он отнимал её назад – его ожидали сверкающие мечи, и он выпускал, таким образом, дух свой в сугубом мучении. Иной представлял разбойника – Лавреола, который, висая на кресте, терзаем был дикими зверями, так что куски его тела падали на землю.

Говорят, едва ли возможно, чтобы образованный народ мог наслаждаться столь ужасными муками приговорённых к смерти. Но и Цицерон говорил, что некоторые из турниров были слишком жестоки и бесчеловечны и, следовательно, были именно таковы, как они сейчас нами представлены, и, однако же, одобрял те из гладиаторских игр, в которых умерщвлялись приговорённые к амфитеатру преступники. А Плиний восхвалял

подобные зрелища как доказательства пренебрежения смертью и мужественного перенесения страданий. Сенека, в одном своём сочинении, написанном им в средних летах, относит гладиаторские игры к числу непредосудительных развлечений, хотя в старости и не мог не признавать их бесчеловечными. Он говорил: «Утром люди бросаются львам и медведям, а в полдень – их собственным зрителям. Убийцы предаются убийцам, и победитель блюдётся для другого убийства. Смерть – исход всех сражающихся, мечом и огнём ведётся дело, и это происходит до тех пор, пока не опустеет арена». Он не одобряет, что преступников оставляли в борьбе совсем безоружными и беззащитными. «Так убивали, – говорит он, – людей во времена антрактов, чтобы не даром проходило время. Но если во всех вообще звериных травлях и гладиаторских играх народ находил для себя большое удовольствие, то тем более могла ему нравиться смерть преступников».

В более гуманной и образованной Греции звериные травли и гладиаторские игры не были так приняты, как в Риме. Только в одном Коринфе, и то во II веке, история впервые указывает нам на существование амфитеатра. Хотя эти грубые зрелища мало-помалу и проникали с течением времени в Грецию, но здесь ими услаждалась одна только чернь – образованные же не были привязаны к ним как римляне и даже гнушались ими.

Только христианство могло произвести и произвело здесь резкий нравственный переворот и совершенное изменение воззрений. Уже Константин Великий, этот первый между римскими императорами покровитель христианства, пошёл в этом отношении в совершенный разрез со своими предшественниками. 1 октября 326 года он издал эдикт, воспрещавший кровавые зрелища во время мира и определявший не приговаривать преступников к зрелищам, а ссылать в рудники. К сожалению, этот эдикт его оставался почти бесплодным, и дела шли прежним порядком, ибо через сорок лет после того император Валентиниан (364–375) был вынужден сделать распоряжение, чтобы по крайней мере христиан не губили в этих играх. Пруденций, живший позже Валентиниана, старался убедить императора Гонория († 423 г.),

чтобы он не делал смертные приговоры средством к увеселению народа – но все усилия его оставались тщетными до тех пор, пока в 404 году, по словам церковного историка Феодорита, тот же самый Гонорий не запретил все вообще гладиаторские игры.

На востоке они отменены гораздо раньше, и только звериные травли ещё продолжали там своё существование. Но около 469 года уже надлежащим образом сознана была безнравственность и жестокость всех подобных плачевных зрелищ, и императорский эдикт отменил их безвозвратно. Правда, император Юстиниан в 536 году, ради вступления своего в звание консула, назначил ещё звериные травли; но они были теперь уже далеко не так кровавы и жестоки – по крайней мере, люди, сражавшиеся в них, лучше защищались против свирепых своих противников, так что они постепенно, всё более и более становились похожими на испанские воловь травли и на наше новейшее искусство укрощения зверей.

Глава IV. Христианские мученики на арене амфитеатра

Прежде чем христианство успело оказать в области зрелищ своё нравственно-облагораживающее влияние, именно христианам приходилось испытывать на себе все ужасы звероборства и гладиаторских игр. Мы уже сказали, что римское правительство очень часто приговаривало к амфитеатру преступников, а на христиан оно смотрело не иначе как на преступников. Вот почему это столь хорошо знакомое нам восклицание: *ad bestias!* (к зверям!) – было одним из самых обыкновенных кличей, одним из самых обыкновенных приговоров, обращённых к христианам. И если подлежит сомнению то обстоятельство, что многие из обвиняемых приговаривались к арене безвинно или за самую незначительную вину, чтобы только увеличить число гладиаторов и звероборцев, то тем более несомненно, что такому приговору подлежали невинные христиане, не хотевшие отказаться от своего Господа Иисуса и принести жертву мнимым богам.

Таким образом, по справедливости можно сказать, что римский амфитеатр (как Колизей в Риме, так и многие другие амфитеатры Римской империи), будучи увеселительными местами для язычников, был в то же время местом страданий для христиан, и песчаная почва этого амфитеатра поистине напоена была кровью многих сотен и тысяч христиан и орошена слезами бесчисленного множества их во Христе собратий. И не для одной только борьбы со зверями и гладиаторами приводились христиане на арену, но и для освещения бойцов и зрителей в амфитеатре и других местах гнусных и безнравственных увеселений. Ещё Нерон велел обвить несколько живых христиан паклей, натереть воском, смолой, дёгтем и другими горючими веществами и в таком виде, вместо фонарей, расставить в его садах, где на этот раз дано было им конское ристание, в котором он сам выступал в качестве возничего. И христиане сгорели живые, вместо факелов. Таким

же точно образом поступали с христианами и в других случаях, и они гибли, иногда в громадном количестве. Примечательно, что такие люди, как Тацит, соглашались с приговором, произносимым над христианами их жесточайшими тиранами – мы разумеем здесь, главным образом, осуждение Нероном христиан за напрасно приписанную им вину в большом римском пожаре. Тацит говорит о христианах таким образом: «Они были осуждены не столько за поджог Рима, сколько потому что были врагами человеческого рода, почему и заслужили отменных наказаний». А христианскую веру он называет «одним из отвратительнейших суеверий, которое распространилось не только по всей Иудее – источнику зла, но и столичный город мира сделало притоном всего мерзкого, гнусного и зловредного».

При таком враждебном отношении к христианам римляне, конечно, не иначе могли смотреть на них, как на самую достойную добычу для своих зверей, как на более других подходящих соперников для своих гладиаторов, и как на желанный предмет для своих ужасных, на кровь и на смерть рассчитанных, театров. Вот почему между грубыми, суровыми, дышащими убийством гладиаторами, в рядах жалких пленников, насильно завербованных в эту буйную оргию, выделялись и скромные, благородные и трогательные лица многих христиан, за своего Спасителя выведенных на эту ужасную встречу мученической смерти. И тогда, как одни вели здесь грубые, нескромные разговоры, другие радовались наступавшей борьбе, а третьи безутешно оплакивали свою горькую судьбу, христиане в трогательных гимнах благоговейно воспевали славу своему Богу. Тогда как другие накануне смертоносного состязания, во время обычного, последнего обеда, беззаботно предавались роскошному пиршеству, христиане возносили горячие мольбы к своему Богу и в безмолвном благоговении совершали свою последнюю вечерю любви. Тогда как затем тот или другой, при воспоминании о далёкой родине, снедался глубокой скорбью, христиане изливали молитвы свои за близких сердцу. Тогда как бойцы вступали в амфитеатр в торжественной церемониальной процессии, при громе и раскатах военной

музыки, христиане входили со смиренным, но спокойным духом, с безмолвной преданностью Богу, со светлыми взорами, готовые с радостью умереть за своего Господа, Который некогда и Сам умер за них мученической смертью. Тогда как, наконец, другие при всех своих орудиях, при всей своей ловкости в борьбе скоро оказывались бессильными и умирали в зубах диких зверей, христиане, совсем безоружные, нередко долго оставались неприкосновенными – и только после неоднократного чудесного избавления от смерти, усекаемые мечом гладиаторов, с радостью и глубокой верой, предавали души свои Господу, вознося подобно Ему, тёплую молитву о прощении врагов своих.

Евсевий Памфил, в восьмой книге своей «Церковные истории» представляет нам прекрасные образцы подобных мучеников. Он говорит: «Видя их (христиан), кто не изумился бы при взгляде на неисчислимое множество бичей и на твёрдость дивных, поистине, поборников богопочитания. А вслед за бичеванием – при взгляде на их борьбу с кровожадными животными, на нападения пантер, разного рода медведей, диких кабанов, разъярённых огнём и железом быков и на дивную непоколебимость сих героев при встрече с каждым зверем! Мы сами были при этом и видели, как присутствовала в мучениках и живо открывала себя Божественная сила Спасителя нашего Иисуса Христа, о Котором они свидетельствовали. Пожиратели человеческой плоти долго не осмеливались не только касаться, даже приближаться к телам боголюбезных мучеников, но прямо неслись на других, которые раздражали их извне. Звери вовсе не трогали ни одного из этих священных борцов, хотя они стояли обнажёнными, махали руками и возбуждали их против себя (ибо им приказано было это делать); если же иногда и устремлялись на них, то, как бы удерживаемые некой Божественной силой, тотчас же возвращались назад. Это происходило довольно долго и служило немалым чудом для зрителей, тем более, что когда первый зверь ничего не делал, выпускали другого и третьего на одного и того же мученика. Надобно было удивляться неослабному мужеству святых и непоколебимой твёрдости,

оживлявшей юные тела их. Ты узрел бы, например, юношу, которому не было от роду ещё и двадцати лет, стоящего без оков и распростёршего крестообразно руки. Непокосимый и бесстрашный духом, он усердно молился Богу и нимало не двигался, не уклонялся в сторону от того места, где находился – между тем как медведи и пантеры, дыша яростью и смертью, почти касались его тела. И только Божественная и неизреченная сила – не знаю как, замыкала пасть их, и они тотчас же отскакивали назад. Таков был этот мученик. Узрел бы ты и других, ибо всех их было пять, выставленных на жертву разъярённому быку. Иных, подходивших извне, он взбрасывал рогами на воздух, топтал ногами и оставлял полумёртвыми, а к святым мученикам, устремляясь на них с яростью и грозой, не мог даже и приблизиться, он топал ногами, воротил туда и сюда рогами, раздражаемый раскалённым железом, дышал яростью и угрозой, но святым провидением увлечён был назад. Поскольку же этот зверь ничего не причинил мученикам, то на них выпущены были какие-то другие. Выдержав страшные и различные нападения, все они, наконец, усечены были мечом и вместо земли и гробов, преданы морским волнам».

Прекрасно выразил это торжество над смертью священномученик Игнатий Богоносец († 107), первый освятивший своей кровью римский амфитеатр, когда сказал: «Лестно оставлять мир, чтобы вознестись к Богу и найти Его». Ученик апостола Иоанна, он в 60-м году посвящен был в Антиохийского епископа. Когда явился в Антиохию император Траян, святой Игнатий вышел к нему навстречу в надежде помочь этим своей общине. Он объявил императору, как гласит предание, что напрасно упрекают его в забвении Бога, так как он носит в своём сердце Христа. На возражение Траяна, что и в сердцах язычников, конечно, живут боги, он отвечал, что Траян заблуждается: «Ибо, – говорил он, – существует один только Бог, сотворивший небо и землю, и всё, что только существует, и Христос, Которого Царство – моё наследие». – «Царство Того, – возразил Траян, – Который распят Пилатом?» Игнатий подтвердил и уверил, что он носит Христа в своём сердце. После этого Траян произнёс приговор: «Так как Игнатий

признаёт, что в нём живёт Распятый, то повелеваем связать его и представить в Рим на съедение зверям и для увеселения народа». Таким образом, связанный, он приведён был грубыми воинами в Селевкию, а потом в Смирну. Об этом путешествии он так пишет римлянам: «От Сирии до Рима сражаюсь я с дикими зверями, на воде и на суше, днём и ночью я стою лицом к лицу с леопардами, которые, несмотря на мои благодеяния, становятся всё более и более свирепыми». Здесь он понимает свою стражу. В Смирне святой Игнатий познакомился с епископом Поликарпом, проповедовал и написал четыре послания, так что его продолжительное путешествие в Рим принесло богатый плод. В послании к римской общине говорится: «Пусть распинают и жгут меня, пусть сокрушают мои кости и раздробляют всё моё тело, пусть дикие звери терзают мои члены, пусть раздражается надо мной всякая злоба дьявола – но, во всяком случае, Христос – одно моё наследие и утешение. Для меня умереть за Иисуса Христа лучше, чем господствовать над пределами мира. Я распял в себе мирские склонности, во мне горит теперь огонь Божественной любви – и не угасить его никому, он живёт, он говорит, он вопиет идти к Отцу».

Из Смирны святого Игнатия привели в Троаду, где он написал ещё два послания и письмо к Поликарпу, а затем поспешил в Рим, так как немного уже оставалось времени до наступления зрелищ. Переданный префекту, святой Игнатий, спустя немного, в сопровождении многих братьев-христиан, отведён был на смерть. При этом ему дозволено было в последний раз помолиться со своими братьями, и он молился преимущественно о том, чтобы Бог не замедлил принять его к себе. В амфитеатре, брошенный к зверям, святой Игнатий воскликнул: «Я – пшеница Божия, пусть измельят меня зубы диких зверей, чтобы стать мне чистым хлебом». Благочестивые антиохийские христиане, сопровождавшие его, собрали потом кровь его в сосуд и, с опасностью для жизни, взяли с собой уцелевшие от зверей его священные останки.

Из мучеников, пострадавших в римских амфитеатрах во времена Максимиана, известен Панкратий, пятнадцатилетний

римский юноша, который на пути к арене получил благословение своей матери, завещавшей ему показать себя верным и твёрдым в любви к Спасителю. Когда потом он явился на сцену, то звери (медведи, леопарды и дикие разъярённые быки), отгоняемые невидимой силой, отскакивали от него; он долго и усердно молил Спасителя о венце мученичества, пока, наконец, не устремился на него свирепый барс и мгновенно умертвил его. Вот ещё два-три примера страданий христиан на языческих зрелищах.

В Лионе и Виенне жестоко преследовали христиан во времена Марка Аврелия. Многие из них сделали тогда жертвой зверей после мученической кончины Лионского епископа Пофия. Среди этих мучеников особенно выделяется лионская бедная служанка Бландина. Тогда как, по словам Евсевия, все боялись за неё, что она по своей телесной немощи не найдёт в себе довольно смелости произнести исповедание веры, она исполнилась такой силы, что сами мучители её сменялись один другим, утомились, изнемогли и признали себя побеждёнными, потому что не знали уже, что больше делать с нею. Они дивились, каким образом в ней оставалось ещё дыхание, тогда как всё тело её было истерзано. После разных пыток и мучений, она на время была заключена в темницу и затем повешена на дереве и отдана на съедение зверям. Но так как ни один зверь не смел прикоснуться, то она снова была брошена в темницу. И потом приведена была на арену вместе с братом своим Понтиком, мальчиком лет пятнадцати. Здесь Понтик за твёрдое исповедание веры перенёс много мучений и отдал душу свою Богу, а Бландину опутали сетью и бросили дикому быку. Разъярённое животное долго бросало её вверх, но святая мученица, занятая надеждой и предощущением обетованных благ небесных и беседой с Христом, уже не чувствовала того, что с ней происходило, и тихо скончалась.

Из мучеников, окончивших жизнь свою в Карфагенском (в северной Африке) амфитеатре, особенно примечательны святые Перпетуя и Фелицитата. Перпетуя была дочь язычника из знатной фамилии. Эта молодая женщина, имевшая грудное дитя, заключена была вместе с Фелицитатой в темницу.

Напрасно отец старался уговорить её отречься от Христа, ни просьбы, ни слёзы, ни проклятия – ничего ему не помогало. Она приговорена была на съедение зверям. Накануне дня казни по обыкновению приготовлен был для неё последний обед. На другой день Перпетуя и Фелицитата, сперва опутанные только сетью, а потом одетые в длинные одежды, выведены были против дикого, разъярённого быка. Он взбросил вверх сначала Перпетую, а потом её подругу, но после этого сильного удара о землю, обе они поднялись на ноги. Народ обнаружил сострадание, и они выведены были из амфитеатра в porta sanavivaria (ворота, которыми выводились выходившие из борьбы живыми). Вскоре затем Перпетуя ещё раз была выведена пред лицо кровожадной толпы и, получив смертельный удар гладиатора, безмолвно испустила свой последний вздох, вслед за ней умерла и Фелицитата.

Нет нужды много говорить о том, как ненавистны были для христиан амфитеатры, доставлявшие так много удовольствия язычникам. Святитель Иоанн Златоуст, этот знаменитый проповедник Восточной Церкви, горячо вооружался всегда против звероборства, через которое, говорил он, «можно научиться только бесчувственности и жестокости». Так как он совершенно не упоминает при этом о гладиаторских играх, то отсюда заключают, что они в его время, то есть в конце IV века, уже не были употребительны на Востоке. На Западе против них возвышали свой голос Тертуллиан, святые Киприан, Августин и другие.

Августин рассказывает одну историю о своём друге Алипии, историю, которая ясно показывает, как эти кровавые зрелища могли иногда овладевать душой зрителя. Когда, в бытность Алипия в Риме, товарищи стали уговаривать его идти в амфитеатр, он, как твёрдый христианин, долго отказывался от их приглашения. И, наконец, после неотступной просьбы их, сказал им, что они могут привлечь туда только одно его тело, а не душу, что он будет сидеть там с закрытыми глазами и, таким образом, присутствуя, будет отсутствовать. Но когда при начале борьбы он услышал пронзительный крик, то с необычайным любопытством открыл глаза свои; и после того, говорит

Августин, душе его нанесена была тяжёлая рана, как и телу того, на которого он так жадно устремлял свои взоры. Лишь только он взглянул на лужу крови, как тотчас же почувствовал в себе страстное наслаждение и не мог уже оторвать своего взора от этого кровавого зрелища, но всё с большим и большим напряжением сосредоточивал его на сцене. Он смотрел, кричал, пылал гневом, впадал в исступление и помешательство, что грозило большей опасностью его нравственности, чем какой подвержены были его товарищи, но Господь спас его.

Впоследствии зрелища в амфитеатре получили менее жестокий характер. Но зато, к сожалению, они были посещаемы даже духовными лицами, как это видно из письма императора Юстиниана, написанного им в 30-х годах VI столетия к Константинопольскому Патриарху. Из этого письма видно и то, как сильно укоренилась страсть к отвратительнейшим зрелищам даже в душах образованных людей. Ничего поэтому нет удивительного в том, что отмена этих зрелищ была делом далеко не лёгким. По словам церковного историка Феодорита, один азиатский монах по имени Телемах бросился однажды в среду бившихся на амфитеатральной арене гладиаторов, чтобы положить этим преграду для их смертельной борьбы. Ярость народа за нарушение его удовольствия была так велика, что отважный монах был растерзан ими на части – но вслед за этим последовало от императора Гонория запрещение гладиаторских игр. Впрочем, не вдруг приведено было в исполнение это императорское запрещение, а постепенно. По крайней мере, в тех или других размерах, запрещённые зрелища происходили до VII века, и только к этому времени совершенно выведены были из употребления и гладиаторские игры, и звероборства, так что совершенно опустевшие пространства Колизея не могли уже находить для себя прежнего применения. Только однажды, именно 3 сентября 1332 года, амфитеатр напомнил несколько о прежнем своём назначении, когда Сенат Римский дозволил произвести здесь большую воловью травлю, в которой умерщвлено было восемнадцать человек и одиннадцать быков, после чего для павших в этой борьбе рыцарей устроены были блистательные похороны. После того как амфитеатры потеряли

свое первоначальное назначение, они сделались в глазах народа местами ужасных привидений и волшебства, притоном для разбойнических оргий, убежищем для преследуемых и сборищем людей, занимавшихся такими делами, которые необходимо заставляли их бояться дневного света и человеческих глаз. Оттого входы в амфитеатры нередко запираемы были полицией.

Но с этими местами, насквозь пропитанными невинной кровью, связывался ещё другой, более благородный, возвышенный интерес, именно – интерес христианского благочестия; оно жаждало побывать, посмотреть, преклониться перед этими местами мужественных исповедников христианской веры. Это побудило устроить в Колизее капеллу (часовню) с жилищем для благочестивых отшельников. Над капеллой потом была устроена сцена, на которой в позднейшие времена до XV–XVI века, совершаемы были в Великий Пяток представления о страданиях Христа, во имя Которого, во времена гонений на христиан, на этом самом месте, пролито было столько христианской крови.

В 1581 году братство капеллы Sancta Sanctorum получило от Римского Сената и народа в подарок третью часть Колизея и устроило в верхнем этаже его госпиталь. Таким образом, место кровавой ненависти к христианам сделалось местом христианской любви и заботливости. Наконец, папа Венедикт XIV, занявший в 1740 году папский престол, вполне дал Колизею, как древнейшему месту мученичества, церковное назначение. Среди упоённой кровью арены поставлен был высокий крест, который постоянно лобзали уста благочестивых христиан. В четырнадцати небольших капеллах изображены были по частям страдания Христа.

В 1874 году крест и капеллы были удалены из Колизея. Но итальянское правительство заботится о дальнейшем сохранении этого величественного памятника, с которым связано столько драгоценных священных воспоминаний и который доселе привлекает к себе многочисленных христианских паломников.

Таким образом, Галилеянин, с Которым так ожесточённо боролся некогда вероломный император Юлиан, побеждает и здесь, как и всюду, – и христиане благоговейно наполняют теперь те места, где враги Христа проливали некогда так много христианской крови.

О воскресении тел

Мертвый, поднявшись, сел и стал говорить; и отдал его Иисус матери его

Лк.7:15

Рассказанное в нынешнем Евангелии чудо воскресения сына Наинской вдовы есть прообраз того великого чуда, которое имеет сотворить Иисус при конце мира. Как этого юношу Господь возродил к жизни Своим всемогущим словом, так и в тот последний день все люди, которые когда-либо жили на земле, будут воскрешены, одни – для вечной жизни, а другие – для вечных мук, смотря по тому, какую они вели жизнь на земле, благочестивую или нечестивую. Ни одна из истин нашего православного христианского вероучения не подвергалась и не подвергается так часто сомнениям и отрицанию, как эта истина о воскресении наших тел. Ещё недавно пришлось мне беседовать об этом предмете с одним из образованных членов нашей Церкви, который, признаваясь в таком сомнении, просил меня объяснить это с церковной кафедры, что я сейчас и исполняю.

Сомневаться в будущем воскресении мы тогда имели бы право, если бы могли доказать, что Бог не в силах или не хочет совершить этого чуда. Но ни того, ни другого доказать никто не может.

Конечно, после смерти с телом нашим произойдёт великая перемена. Оно превратится в персть, и в конце концов от него больше ничего не останется, как один прах, который смешается с землёй. Но отсюда отнюдь не следует, что Бог Всемогущий не может этот прах снова собрать и оживить. Если Он из ничего мог вызвать к бытию целый мир, а с ним и человеческое тело, то почему Он не может рассеянный прах нашего тела снова собрать и облечь в форму человеческого организма и снова вдохнуть в него жизнь? Ужели может неоставать такой силы у Того, Который, по свидетельству истории, так часто совершал это, Который действительно многих воскресил из мёртвых? Не Он ли пробудил от вечного сна, по молитве своего слуги Илии,

сына вдовы Сарептской? Не Он ли возвратил к жизни того мертвеца, который брошен был в гроб пророка Елисея и ожил, как только коснулся костей этого пророка? Не Он ли душу дочери Иаира воззвал из загробной жизни и снова соединил её с умершим было телом? Не Он ли обрадовал вдову Наинскую, о коей повествует нынешнее Евангелие, воскрешением её сына и сестёр Лазаря воскрешением последнего в то время, когда он уже начал разлагаться? Не Им ли воскрешены Евтихий, юноша (Деян.20:9–12), Тавифа (Деян.9:40) и другие? Не творил ли Он подобных чудес ежедневно в царстве природы? Взгляните на деревья, растения и плоды. Как всем нам известно, они произрастают из одного семенного зерна. Но как произрастают? Сначала это зерно сеется в землю и там разлагается, умирает; и из этого умершего зерна развивается затем новое растение, новый плод. Если же Бог имеет силу производить из разложившегося семени столь чудные, разнообразные растения и плоды, то почему не может Он и из нашего умершего тела произвести прекрасное и, как говорит апостол (1Кор.15:36–44), бессмертное, нетленное тело?

Следовательно, у Бога никто не может отрицать силу пробудить наши тела, таковое воскрешение вполне отвечает и Его мудрости, и справедливости. В самом деле, не служит ли тело, так сказать, орудием, посредством которого душа осуществляет свои дела и намерения? Что делает она на земле доброго, при чём тело не являлось бы её верным помощником и участником? Хочет ли она заняться рассмотрением сотворённого, чтобы через это зажечь в себе огонь любви и благодарности к Всемогущему и Всеблагому Творцу, то здесь орудием её бывают глаза, которыми она воспринимает впечатления от этих поучительных предметов. Хочет ли сделать шаг вперёд в учении о Божественном домостроительстве и усовершенствоваться в познании истин христианского вероучения и нравственности, то этого достигает она не иначе, как посредством ушей, которые служат орудием для восприятия этих уроков. Хочет ли защищать религию от нападающих на неё насмешников и клеветников, взять под своё покровительство задеваемую честь ближнего, вступить за угнетаемых со

стороны сильных, наставить несведущих или заблуждающихся, исправить порочных – то это она может сделать и делает не иначе, как при посредстве языка. Хочет ли подать милостыню бедняку, оказать помощь больному, исполнить долг своей службы, защитить отечество, то при этом ей необходимо бывают руки, которыми она оказывает человечеству эту полезную услугу.

С другой стороны – что делает здесь душа дурного, при чём тело не являлось бы её деятельным помощником и сотрудником? Если воображение полно бывает нечистых, вредных мыслей и представлений, порождающих дурные, греховные пожелания, то всё это не что другое, как впечатления от тех предметов, которые она прежде или видела своими глазами, или слышала своими ушами. Если она обнаруживает вражду против Бога и Его Церкви или из зависти и ненависти клеветает на ближнего, то не пользуется ли для этого главным образом языком? Если желает причинить убыток имуществу ближнего путём воровства, похищения или хочет отнять у ближнего самое дорогое его земное благо – жизнь его, то не употребляет ли для осуществления такого беззакония руки?

Можно ли после этого говорить о какой-нибудь несправедливости в том, что и тело наше, которое здесь на земле было постоянным соучастником души, которое помогало ей во всех добрых и дурных поступках, будет некогда воскрешено и примет свою часть в награде или наказании?

Сказанное до сих пор слово должно убедить нас, что Бог силён снова воскресить наши тела и что это воскрешение вполне отвечает Его мудрости и правосудию. Уже из этого мы вправе заключить, что Он действительно и воскресит нас. Но этому заключению находим мы подтверждения и во многих недвусмысленных изречениях Священного Писания. Не даёт ли нам Бог уже в Ветхом Завете несомненное удостоверение будущего воскресения? Не уверяет ли Он нас через пророка Исаию, что мёртвые снова оживут ([Ис.26:19](#))? Не показывает ли Он пророку Иезекиилю в видении, как кости всех умерших из его народа собраны были вместе в свои тела и снова оживлены ([Иез.37:1–14](#))? Не говорит ли через пророка Даниила: «многие

из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Дан.12:2)?

Ещё более определённое уверение в нашем будущем воскресении находим мы в Новом Завете. Что говорит об этом прежде всего Спаситель, Который убедил нас в этом как через Свои бесчисленные чудеса, воскрешения мёртвых, один из примеров которого мы видим в нынешнем Евангелии, так и через Своё собственное воскрешение? *«Наступает время, – говорит Он, – в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения» (Ин.5:28–29).* Далее, *«Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день» (Ин.6:39).* *«Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Ин.11:25).*

Так учит Иисус, и Его учение часто повторяется Его учениками. Так, например, святой апостол Павел в Первом Послании к Коринфянам подробно излагает следующие мысли: *«В Евангелии, которое благовествовал вам, которое вы и приняли, я показал вам, что Христос воскрес из мертвых, и что мы тоже воскреснем. Но есть некоторые из вас, которые отвергают будущее воскресение. Таковым я говорю, что если мы не воскреснем, если нет воскресения мёртвых, то и Христос не воскрес и, следовательно, фальшива наша проповедь и суетна наша вера. Но Христос, несомненно, воскрес из мёртвых, а потому и мы воскреснем. Он именно воскрес как первенец всех умерших, как первообраз нашего воскресения и как неопровержимое доказательство, что и мы воскреснем для бессмертной жизни. Но скажет кто-нибудь, как же воскреснут мёртвые, в каком теле они придут, возможно ли, чтобы наши тела, превратившиеся в прах, снова ожили. Такому я отвечаю: «Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет». Так и с нашим воскресением: «сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное». И это произойдёт «вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и*

мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся» (сделаемся нетленными). «Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (1Кор.15:36, 42–44, 52, 54–55). А в Апокалипсисе пишет святой Иоанн: «увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом... и судимы были мертвые по написанному в книгах» (Откр.20:12).

Какая высокая и утешительная истина! Она убеждает, что наши тела некогда воскреснут, так как Всемогущий Бог силен воскресить их, и что это соответствует Его мудрости и правосудию, и что, наконец, Он решительно заверяет нас, что Он это сделает. Но не для всех это воскресение будет радостным и утешительным. По учению Господа, только праведные воскреснут для вечной жизни, а нечестивые – для строгого осуждения и вечного мучения. Как же мы должны пользоваться телом, чтобы оно воскресло для верной жизни? Для этого нет надобности мучить и безмерно изнурять наше тело, но мы не должны и изнеживать его и потворствовать ему удовлетворением всех его желаний, как это делают некоторые неразумные матери в отношении детей своих. Так, например, нашим глазам хочется иногда смотреть на тот предмет или читать такие книги, которые способны в наших сердцах порождать нечистые пожелания и склонять к таким действиям, через которые мы можем погрешить пред Богом и людьми. Нашим ушам хочется часто слушать такие речи, которыми оскорбляется святость и унижается достоинство религии, или оскверняется честь ближнего. Нашему языку хочется иногда изрыгать хулу на имя Божие, изрыгать неприличные и бранные слова и наветы, наполненные лжи и клеветы на ближних, и нередко случается, что такими речами подаётся повод и соблазн к греху. Даже очень нередко хочется употреблять язык собственно для того, чтобы склонить и уговорить другого к дурному поступку. Наша гортань способна бывает переступить меру в пище и питье и предаться сластолюбию, а наша рука к тому, чтобы захватить чужую собственность или нанести оскорбление своему собрату. При таких и подобных влечениях и

порывах уступчивость и потачка были бы совершенно греховны и пагубны. Такое потворство завело бы нас в бездну такой нравственной распущенности и таких беззаконий, которые лишили бы нашу душу и тело вечного блаженства.

Но мы не должны довольствоваться только тем, чтобы не употреблять наше тело для дурных поступков, но должны пользоваться им как орудием для совершения добрых дел, для чего оно и сотворено. Представьте себе, сколько добра мы можем сделать при посредстве его и его органов! Своими глазами можем созерцать красоты природы, как чудное произведение всемогущества и Премудрости Бога. Своими ушами можем слушать слово Божие и, таким образом, побуждать себя к верному исполнению своего долга. Своими устами мы можем славословить нашего Творца и Господа, способствовать защите и распространению святой веры, можем оказывать пользу нашим собратьям посредством наставлений, предостережений и увещаний в отношении спасения души, преподавать утешение страждущим и оказывать им великую услугу в бедствиях и превратности судьбы. Своими руками мы можем очень много делать во благо человеческого общества – подавать, например, милостыню бедным, утолять их голод и жажду, одевать их наготу, врачевать их недуги, вообще оказывать ближнему услуги своей любовью и благожелательством. При всём этом мы не должны, впрочем, забывать того, что всё это не есть дело нашего произволения, но наш непереносимый долг. По крайней мере, Спаситель, будущий Судия наш говорит: изыдут в воскресение живота не те, которые ничего не сделали дурного, но те, которые делали доброе (Ин.5:29).

Но здесь могут спросить меня, а что же будет с теми, у которых нет одного или нескольких органов, и которые, следовательно, не могут делать из них свободного употребления? Конечно, есть между нами немало глухих, слепых, немых или без других каких-нибудь органов, но и у этих, однако, есть средство и возможность собирать для себя сокровища для Неба и вечности путём покорного и беспорочного перенесения своего телесного бедствия. И им, как и другим

всем, не чужда надежда на будущее воскресение. Да, и они некогда восстанут из гробов, но не с тем уже изуродованным и искалеченным телом, в которое они, так сказать, заключены теперь. Их глаза, которые теперь не могут видеть дневного света, тогда откроются, и они увидят Царя славы во всём Его величии. Их уста, не восприимчивые теперь ни для какого звука, с восторгом воспоют тогда чудные хвалебные песни, коими ангельские хоры воспевают своего Господа и Бога. Их язык, который лишён теперь способности говорить, будет чувственно славословить виновника своего бытия; их телесные органы, которые теперь парализованы и повреждены, получают новую силу и красоту. Словом, всё их тело, по слову апостола, сделается не только бессмертным, но и совершенно свободным от всяких недостатков: *«сеется оно, – говорит он, – в немощи, а восстает в силе»* (1Кор.15:43).

Таким образом, нас всех ожидает будущее воскресение, и если мы умрём в вере и надежде – славное воскресение. Отсюда ясно, с каким чувством должны мы относиться к смерти. Представь себе, возлюбленный брат, что ты обладаешь очень ветхим, близким к разрушению домом, и вот твой искренний друг делает тебе предложение оставить эту развалину и перейти в новый, великолепный, очень красивый и прочный дом. Ужели ты отказался бы от такого предложения? Конечно, нет. Скорее принял бы его с радостью и восторгом. Не то же ли самое делает Бог с твоим телом, что делает тот же друг с твоим домом? Ведь и твоё тело, которое есть населяемый твоей душой дом, также очень непрочное. Вспомни только, сколько требуется забот и хлопот для того, чтобы хоть несколько лет просуществовала в нём душа твоя, как в своём жилище. То нужно насыщать его пищей, то уделять ему отдых и покой, чтобы накопить новых сил. Вспомни, далее, о различных болезнях и недугах, которые постигают то этот, то другой член, а то целое тело. И никогда не свободен этот дом от опасности разрушения, ни на один момент нельзя поручиться за то, не разрушит ли его какой-нибудь удар, например, молния, или другое какое-нибудь несчастье.

Но совсем не таков будет этот дом души твоей, когда ты снова получишь его в последний день из руки Сына Божия. Тогда твоё тело будет похоже на новый, великолепный, прочно устроенный дом, который никогда не будет подлежать ни разрушению, ни уничтожению. По учению апостола, *«сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе»* (1Кор.15:42–43). Умер поэтому, возлюбленный, твой страх, с которым ты встречаешь смертный час; не скорби при мысли, что этот, столь не прочный дом души твоей скоро разрушится – позаботься лучше о том, чтобы смерть застала тебя в брачной одежде спасающей благодати, и ты, несомненно, восстанешь из своей могилы во славе. Не скорби чрезмерно и о своих присных, сошедших в могилу. И для них, где бы и в каком бы виде ни находился прах их, наступит некогда воскресение.

Примечания

¹ - В книге имеются примечания, номера которых не удалось распознать ввиду недостаточного качества оригинала. Ознакомиться с примечаниями можно на стр. 493–507 приложенного файла книги. – Примечание электронной редакции